

ДОМОНГОЛ

Альманах древней культуры и искусства

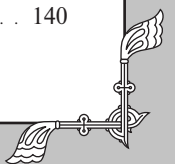

1 / 2010

Содержание

От редактора	4
МЕТАЛЛОПЛАСТИКА	
Средневековая русская металлопластика как предмет коллекционирования. Нательные кресты XI-XIII веков	6
<i>Кирилл Сергеев</i>	
Древнерусские нательные кресты с выемчатой эмалью	12
<i>Никита Букин</i>	
Булавки: хронология и типология	26
<i>Александр Гаврилов</i>	
Бляхи-застежки Среднего Поочья в I тыс. н. э.	31
<i>Адам Чайка</i>	
Некоторые сюжеты Скандинавской мифологии в металлопластике	37
<i>Василий Коршун</i>	
Семантика паутины в Сибирской пластике	39
<i>Сергей Ханов</i>	
Личины таежного края	40
<i>Михаил Макеев</i>	
Некоторые аспекты орнитоморфного образа в культовой металлопластике народов Сибири и Урала	45
<i>Михаил Макеев</i>	
Височные украшения славян. Хронология, типология, символика	54
<i>Василий Коршун</i>	
Привески 11–13 веков из коллекции сайта «Домонгол»	62
<i>Василий Коршун</i>	
О почитании книжном, книге рукописной и ее застежках	69
<i>Юрий Клименко</i>	
ВОИНСКАЯ КУЛЬТУРА	
Киммерийцы: легенда овееяная тайной	92
<i>Вячеслав Марков</i>	
Загадка знаков	102
<i>Антон Мартышко</i>	
Находка вооружения культуры Ноа на Украине	109
<i>Юрий Зеленин</i>	
Искусственные пропилены в бронзовых наконечниках скифского типа	112
<i>Антон Мартышко</i>	
Кистень с владельческим знаком	115
<i>Александр Гаврилов</i>	
Волкобой	118
<i>Василий Коршун</i>	
Чжурчжэньский клинок	119
<i>Юрий Корнеев</i>	
В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ	
Новый археологический комплекс в левобережье р. Прони	122
<i>Андрей Рязанцев</i>	
Три Окских клада III века, и их культурно-историческое значение	126
<i>Александр Гаврилов</i>	
Комплекс «вождя» 7-го века с территории среднего Поочья	133
<i>Александр Гаврилов</i>	
Клад (?) украшений раннесредневекового времени из Рыльского района Курской области	140
<i>Владимир Шапошник</i> <i>Алексей Трошин</i>	

Научно-популярный ежегодный альманах о древней культуре и искусстве.
Для широкого круга читателей.

Ответственный редактор *Трошин А. Н.*
Дизайн и макет *Трошин А. Н.*
Верстка *Еремин Д. Е.*

Фото на обложке: *Виртуальная реконструкция фибулы 3-4 вв.*

© Домонгол, 2010
© Авторы публикаций, 2010

Форум древней культуры и искусства «ДОМОНГОЛ»
domongol.getbb.ru
e-mail: *domongol@yandex.ru*

ISBN 978-5-903717-07-1

Издательство «Группа «ИскателИ»
Издатель *Дмитрий Нужненко*

Типография ООО «МЕДИА-ГРАНД»
Россия, г. Рыбинск, ул. Луговая, д. 7

Комплекс черняховской культуры из Харьковской области	147
<i>Владимир Шапошник</i>	
Севская лунница	149
<i>Алексей Трошин</i>	
Находка клада украшений Кошибеевского круга древностей, в западной части средней Оки	150
<i>Адам Чайка</i>	
Егорьевский клад финно-угорских и славянских древностей	155
<i>Егор Юрьев</i>	
Клад древнерусских украшений из Трубчевского района Брянской области	163
<i>Владимир Шапошник</i>	
Парные фибулы V века из Белгородской области	168
<i>Алексей Трошин</i>	

СФРАГИСТИКА

О находке новой печати архаической традиции на черниговщине. К вопросу атрибуции	170
<i>Андрей Власенко</i>	
Дрогичинские пломбы (размышления о назначении)	177
<i>Олег Юрковский</i>	

НУМИЗМАТИКА

Некоторые уточнения к каталогу Данненберга	184
<i>Антон Михельсон</i>	

РЕМЕСЛО

Находки новых литейных форм периода поздней бронзы на Украине	200
<i>Юрий Зеленин</i>	
Новые формы для отливки наконечников стрел скифского типа, найденные на территории Украины в 2009г.	207
<i>Юрий Зеленин</i>	
Влияние скандинавских традиций на ювелирное дело Древней Руси на примере привесок-амулетов	212
<i>Василий Коришун</i>	

РЕСТАВРАЦИЯ

Основы консервации и реставрации	218
<i>Михаил Сафронов</i>	
Промывка археологического железа	219
<i>Михаил Сафронов</i>	
Консервация серебра	224
<i>Михаил Сафронов</i>	
Виртуальная реконструкция артефактов в графическом редакторе Photoshop	234
<i>Алексей Трошин</i>	

ИСТОРИИ ВЕЩЕЙ

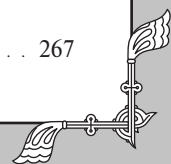
Псковский идол	244
<i>Юрий Корнеев</i>	
Дырявое копьё	246
<i>Юрий Корнеев</i>	
История одного меча	248
<i>Юрий Корнеев</i>	
Скиф на петухе	251
<i>Юрий Корнеев</i>	

ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Некоторые образцы древней пластики из частных собраний	254
---	-----

АКТУАЛЬНО

Юридические аспекты создания частных археологических коллекций	264
<i>Алексей Силиванов</i>	
Возможности и перспективы создания единого электронного каталога музейных фондов Российской Федерации	267
<i>Михаил Макеев</i>	

От редактора

Уважаемые друзья! Вы держите в руках первый выпуск альманаха древней культуры и искусства «ДОМОНГОЛ». Это плод труда коллектива авторов, которых объединяет любовь и уважение к нашей истории и культуре. Надо сказать, что под словом «нашей», я имею в виду культуру не ограниченную современными границами и национальными рамками, а все культурное наследие русскоязычного, постсоветского пространства домонгольского периода нашей совместной истории.

Импульсом для создания этого сборника послужил немалый объем ценной исторической и культурной информации, прошедшей за 2009 г. на сайте «ДОМОНГОЛ». Мы решили, что будет безответственно, если весь этот массив канет в пучине Интернета. Первоочередной задачей этого сборника является ввод в научный оборот некоторых новых памятников древней материальной культуры из частных коллекций и виртуальных собраний нашего сайта. Не менее важной составляющей издания, на мой взгляд, являются статьи-исследования наших авторов. Они посвящены различным аспектам материальной культуры, начиная от древней мелкой пластики и заканчивая воинской культурой, бытом и ремеслом наших предков. Несомненно, мы не забыли и о такой важной части, как реставрация и консервация артефактов, этому посвящен отдельный раздел альманаха. В части сборника под рубрикой «Актуально» наши авторы рассмотрели некоторые вопросы современного общества, волнующие, как и коллекционеров, так и любителей истории.

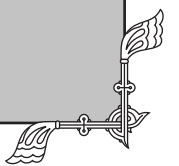
В заключение хочу выразить от себя лично и от коллектива авторов сердечную признательность людям, помогавшим в работе над книгой как материалом, информацией, так и просто поддержкой, что не маловажно в наше не простое время.

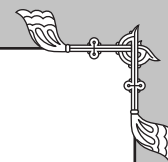
Спасибо Вам: *А. Архипенко, Владимир Акимов, Т. Гуцаленко, Дербилов Антон Анатольевич, Дмитрий Деревцов, Сергей Дьячков, Добровольский Игорь Владимирович, Владимир Духовнов, Андрей Евдокимов, Елена Заведеева, Евгений Захаркин, Зеленина Наталья Александровна, Сергей Иванович Игнатов, Казаков Роман Андреевич, Е. Киряков, Валентин Валентинович Кищенко, Юрий Климов, Анатолий Кочетков, Александр Кузнецов, Юрий Кузнецов, Сергеем Мозалев, Никитин Александр Васильевич, Александр Николаев, Дмитрий Нужненко, Николай Поляков, Кирилл Поляков, Потапов Евгений Александрович, Прошков Евгений, Сергей Радонежский, Редикульцев Александр Иванович, Солик Игорь Иванович, Ставнийчук Руслан Николаевич, Михаил Степахин, Сыпко Вячеслав Николаевич, Вячеслав Тимохин, В. Ткаченко, Сергей Николаевич Ткаченко, Тростьянский Олег Викторович, Трошин Иван Николаевич, Александр Фомин, Михаил Владимирович Фомин, Андрей Хромов, Руслан Цирульников, Вадим Чистоклетов, Шведов Дмитрий Евгеньевич.* Кроме того, хочу выразить огромную благодарность всем пользователям и гостям форума «ДОМОНГОЛ», вместе с вами мы делаем жизнь интересней!

Алексей Трошин
ответственный редактор
альманаха «ДОМОНГОЛ»

МЕТАЛЛОПЛАСТИКА

Средневековая русская металлопластика как предмет коллекционирования. Нательные кресты XI-XIII веков

Кирилл Сергеев
(Россия)

В последние два десятилетия на российском антикварном рынке наметилась печальная для собирателей, но вполне закономерная тенденция — вместе с мощным подъемом интереса к русскому антиквариату все больше и больше областей коллекционирования оказываются практически закрытыми для собирателей. Связано это не только и не столько со стремительным ростом цен на действительно интересные предметы, сколько, прежде всего, с исчезновением этих предметов с рынка. Сейчас едва ли может быть создана первоклассная коллекция икон XVI века, русской живописи XVIII века или же парадного оружия императорской эпохи. «Перераспределение» предметов коллекционирования «первого уровня», начавшееся в 90-е годы, ныне практически закончено, и можно ожидать появления этих предметов на антикварном рынке лишь через 20-30 лет.

Это, однако, не означает, что на смену классическим областям коллекционирования не придут новые, в пределах которых собирателей могут ждать удивительные открытия. Одним из замечательных примеров рождения новой области коллекционирования, по значимости сопоставимой с «открытием» русской иконы в начале XX века, является неожиданно возникший интерес к средневековой церковной металлопластике.

Каждый, кто хоть в малой степени интересуется историей русского искусства, знает, как мало художественных объектов домонгольского времени сохранилось до наших дней. Очень немногочисленные иконы этой эпохи уже давно нашли успокоение в крупнейших музейных собраниях. То же можно сказать и о несколько более многочисленной группе ювелирных изделий княжеских мастерских. Казалось бы, при уникальности художественных объектов этой эпохи собиратель оказывается лишенным возможности прикоснуться к ним...

Это было бы так, если бы не существовало обширной группы предметов, обладающих очевидной эстетической ценностью, и одновременно достаточно массовых. Я говорю о предметах личного благочестия — нательных крестах и иконках.

Многочисленность предметов личного благочестия очевидна — каждый христианин носил тельный крест. Но при этой многочисленности не может не вызывать удивление величайшее разнообразие форм и высокий художественный уровень исполнения тельных крестов.

Многие из них — и в первую очередь крупные кресты-мошевики — являются замечательными образцами древнерусской мелкой пластики.

Конечно же, эти предметы не могут не привлечь внимание коллекционеров. Массовость в сочетании с художественной ценностью — явление очень редкое: с одной стороны оно позволяет собирателю чувствовать себя обладателем достойного эстетического объекта, с другой же стороны цена этого объекта оказывается не очень высока, и, что самое существенное, эти объекты присутствуют на антикварном рынке в достаточном количестве. Сам собой возникает вопрос — а почему, собственно, эта «идеальная» сфера коллекционирования открылась только сейчас?

Строго говоря, интерес к средневековой металлопластике возник еще в XIX веке, вместе с рождением российской археологии. Но вплоть до середины 90-х годов XX века на антикварном рынке эти предметы были малочисленны. Ситуация резко изменилась с массовым появлением в России металлодетекторов: на рынок хлынуло огромное количество материала, извлеченного из земли, и среди него значительную долю составляли предметы личного благочестия. Потребовалось более 10 лет, чтобы из этого потока предметов выстроился рынок, возникли крупные коллекции, появился относительно массовый интерес к материалу. И все же на данный момент окончательное формирование этой области коллекционирования еще не завершено, что дает возможность вдумчивому собирателю составить коллекцию, уникальную по полноте и интересу.

В этом кратком очерке невозможно охватить все разнообразие предметов личного благочестия, поэтому я остановлюсь лишь на одной группе предметов, а именно на тельных крестах XI-XIII веков.

Несмотря на обилие материала, находящегося как в руках археологов, так и в частных коллекциях, тема эта практически не изучена. Не существует сколько-нибудь полного свода типов домонгольских тельных крестов. Более того, не выработаны даже принципы классификации материала. Между тем существует множество публикаций, посвященных этой теме. Условно их можно разделить на две группы: издания коллекций и статьи, посвященные археологическим находкам. Образцом дореволюционной публикации тельных крестов, включающей в себя и предметы домонгольского времени,

может служить знаменитое двухтомное издание коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко, увидевшее свет в Киеве. Ныне, после почти столетнего перерыва, вышел целый ряд каталогов частных коллекций с разделами, посвященными крестам XI-XIII века: можно упомянуть «Тысячелетие креста» А. К. Станюковича, «Каталог средневековой мелкой пластики» А. А. Чудновца, публикацию коллекции вологодского собирателя Сурова, описание образцов домонгольской металлопластики одесского музея нумизматики. При всем различии научного качества описания, эти издания объединяет одно — случайность подбора описываемого материала и отсутствие классификационного принципа. Если второе связано с научной неразработанностью темы, то первое свидетельствует лишь об отсутствии серьезных, репрезентативных собраний, которые могут быть предоставлены их владельцем для публикации. Стоит упомянуть также и работу Нечитайло «Каталог древнерусских нательных крестов X-XIII вв.», в которой автор пытается, хотя и не вполне удачно, систематизировать все известные ему типы домонгольских нательных крестов и крестовидных привесков. Работа эта страдает очевидной неполнотой и крайней субъективностью автора, относящего почему-то к тельным крестам крестовидные накладки и даже пуговицы, и включившего в свой каталог некоторое количество подделок. Можно надеется, что приятным исключением станет подготавливаемый ныне к печати каталог собрания тельных крестов XI-XIII вв. С. Н. Кутасова — обширность собрания предоставляет авторам широкие возможности для построения типологии домонгольских нательных крестов.

Статьи, посвященные археологическим находкам, и в то же время не являющимися сводами таких находок, по своей природе не могут сколько-нибудь полно представить о типах крестов. В то же время именно они создают почву для правильной датировки предметов и помогают избежать курьезных ситуаций, когда предметы XV века, а иногда и XVII-XVIII веков, не всегда даже являющиеся тельными крестами, описываются в каталогах частных коллекций как домонгольские кресты (пример тому — известное вологодское издание).

И, тем не менее, несмотря на имеющиеся проблемы, мы можем хотя бы в общих чертах охарактеризовать все обилие известных на данный момент домонгольских крестов, выделив несколько больших групп предметов.

К самой малочисленной группе относятся тельные кресты с изображениями. Если на энколпионах и тельных иконках XI-XIII веков репертуар изображений достаточно обширен — мы находим изображения Иисуса, Богоматери, архангелов, святых, встречаются иногда многофигурные сцены — то на тельниках мы видим лишь изображение Распятия,

Рис. 1. Кресты с изображением Распятия

иногда, с предстоящими. Пожалуй, единственным исключением является группа двусторонних крестов с изображением святых в медальонах. Существует также небольшая группа крестов — переливок с энколпионов. На данный момент опубликовано не более двух десятков различных типов домонгольских крестов с изображением распятия (рис. 1). За исключением нескольких основных, эти типы представлены достаточно малым количеством известных экземпляров. Редкость «сюжетных» тельных крестов на Руси в домонгольское время является вопросом, требующим разъяснения. На территории Византии, от Причерноморья до Ближнего

Востока, кресты с изображениями — чаще всего Распятия или Богоматери Оранты — встречаются не реже, чем кресты орнаментальные, на Руси же в этот период мы видим совершенно иное соотношение встречаемости. Тельные кресты с изображением Богоматери, насколько нам известно, на Руси встречаются достаточно редко (рис. 2). При этом нужно учитывать популярность тельных иконок и энколпионов с изображением Богоматери и святых, а так же тот факт, что среди типов крестов конца XIV в. — начала XVII в. преобладают кресты с фигурными изображениями.

Большинство домонгольских тельных крестов укра-

Рис. 2. Крест с изображением Распятия и Богоматери

Рис. 3. Крест скандинавского типа

шено орнаментами. К числу не орнаментальных, простейших с технической и художественной точки зрения могут быть отнесены лишь небольшие свинцовые кресты, датируемые началом XI века. Классификация орнаментальных крестов — задача непростая. Естественнее всего из основной массы выделяются типы со «скандинавским» и «византийским» орнаментом. На основе сличения с северным материалом можно выделить не более нескольких десятков «скандинавских типов», которые, однако, были достаточно широко распространены. (рис. 3). Ситуация с «византийским» орнаментом более сложная. На многих крестах, происходящих с византийской территории, можно видеть орнамент, состоящий из вдавленных в поверхность окружностей (рис. 4). Существуют различные объяснения этого узора, наиболее известные из которых сводятся к тому, что перед нами либо схематичное изображение пяти ран Христовых, которое затем превратилось в элемент декора, либо это обережная символика, защищающая своего носителя от «злого глаза». На русских крестах, за исключением, одной, но достаточно многочисленной группы, такой орнамент встречается редко, но в то же время, он почти всегда украшает поверхность очень популярных славянских амулетов, изображающих «рысь», а так же амулетов-топориков, и встречается на щитках большой группы колец, влияние на тип которых со стороны византийских предметов личного благочестия представляется весьма сомнительным. Так что «византийским» этот орнамент может именоваться весьма условно, хотя с формальной стороны параллели между группой древнерусских и византийских крестов кажутся очевидными.

Основная же масса орнаментальных украшений, едва ли не более 90 процентов, имеет исконно русское происхождение. Но прежде чем охарактеризовать их, необходимо обратить свой взгляд к самой форме крестов. Морфология древнерусских тельных крестов поражает своим разнообразием. Такой пестроты форм не знала Византия, не знала ее, насколько мы можем судить, и средневековая Европа. Феномен этого многообразия требует исторического объяснения. Но прежде чем говорить об этом, необходимо хотя бы кратко описать наиболее характерные формы «ветвей» домонгольских тельных крестов. Естественнее всего было бы ожидать доминирование прямоконечной формы «ветвей», как это мы находим в Византии. Однако это не так — прямоконечная форма встречается относительно ред-

ко по сравнению с другими формами ветвей. Крестов «мальтийского типа», с «ветвями», расширяющимися к оконечности, которые были достаточно популярны в Византии, на Руси известно лишь несколько типов, и то достаточно редко встречаемых. Основную же массу составляют кресты, ветви которых завершаются «криновидным», то есть подобным цветку лилии окончанием. Было бы неверным утверждать, что такая форма «ветви» креста — чисто русская специфика. Эта форма встречается и в Византии, но в очень небольшом пропорциональном отношении к равноконечным крестам, и по преимуществу — на Балканах (рис. 5)

Строго говоря, нельзя утверждать, что «криновидный» тип «ветвей» доминирует на тельных крестах XI-XIII веков в своем чистом виде. «Идеальный» криновидный тип охватывает, быть может, не более четверти

Рис. 4. Византийские кресты с орнаментом

Рис. 5. Кресты с криновидным завершением ветвей

Рис. 6. Крестовидные привески

Рис. 7. Лунницы с крестами

от всех типов тельников этой эпохи. Однако принципиальное влияние «криновидной» формы на морфологию домонгольского креста-тельника мне представляется очевидным. Помимо «идеального» криновида мы находим следующие формы завершения «ветвей»: три точки, расположенные треугольником, треугольник, окружность с тремя точками с внешней стороны, бусина с тремя точками или одной, наконец, просто бусина или окружность. На первый взгляд округлое завершение «ветви» креста едва ли может быть сведено к криновидному, однако, если построить типологический ряд, с легкостью может быть видна морфологическая трансформация, превращающая криновид в окружение или в бусину.

Таким образом, выявляя доминирование криновидного типа «ветвей» креста, мы можем предположить, что и характер декора креста, который неотделим от его формы, будет определяться именно этой формой. Этим, по-видимому, и объясняется самобытность декора древнерусских тельных крестов.

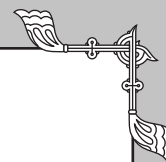
Особую, и весьма многочисленную группу, составляют так называемые крестовидные привески. Их семан-

тика до конца не ясна — в равной степени они содержат в своей форме элементы, как христианского креста, так и языческого амулета. Сложность в их отнесении к христианским предметам заключается еще и в том, что мотив креста не чужд и язычеству. Когда мы видим переплетенные крестовидным образом овалы, четыре круга, соединенные крестовидным образом, ромб с шариками на конце или криновидную привеску, напоминающую формой крест, мы не можем с уверенностью утверждать, отразилось ли в такой композиции христианское влияние, или же это чисто языческая символика. На основании археологических находок можно лишь утверждать, что эти предметы бытовали в той же среде, что и кресты-тельники, что и дает некоторые основания для рассмотрения их в контексте предметов личного благочестия, пусть и с некоторыми оговорками (рис. 6).

Основным аргументом для разделения крестовидных привесок на «христианскую» и «языческую» группу (и то и другое обозначение условно) может служить наличие или же отсутствие многочисленных аналогичных предметов, происходящих с византийской территории. В случае с «крестовключенными» привесками мы должны признать их в большей степени предметами христианской культуры, чем языческой, так как существуют многочисленные аналоги, происходящие со всей византийской территории, а в Херсоне этот тип, насколько можно судить, был одним из самых распространенных типов крестов-тельников. В то же время нельзя не заметить, что на подвесках этого типа практически все кресты, включенные в круг, имеют криновидные, или же близкие к криновидным завершения. Таким образом, даже в отношении этого типа, имеющего множество аналогий сред византийского материала, мы не можем говорить о полном заимствовании формы из Византии.

Интереснейшим примером языческо-христианского синтеза могут служить лунницы, включающие в себя крест. Зная множество дохристианских типов лунниц, можно без сомнения утверждать, что крест, возникший на некоторых типах лунниц (впрочем, достаточно редких) — элемент чисто христианский, и является следствием возникшего «двоеверия» — то есть органического соединения языческих и христианских представлений в рамках единой модели мира. Хорошо известно, что «двоеверие» на Руси в пределах народной культуры сохранялось до самого позднего времени, и существование лунниц с крестом, которые должны быть включены как в своды домонгольских тельных крестов, так и языческих амулетов — ярчайшее его проявление (рис. 7).

Параллельно очерченной мной семантической типологии крестов-тельников можно выделить и несколько типологических групп, основываясь на материале и технике изготовления крестов. У серьезного коллекционера, стремящегося к предметам «первого уровня», не может не возникнуть вопрос — а существуют ли золотые кресты-тельники? Предметы такие, конечно же, существовали, но, по-видимому, лишь в княжеском обиходе. Известны лишь единицы золотых крестов, происходящих с территории Руси. В то же время на территории Византии такие предметы не являются абсолютной редкостью. Тельные кресты из листового золота с полудрагоценными камнями встречаются как на западном антикварном рынке, так и в археологических

отчетах, однако же полновесные золотые кресты кресты достаточно редки, и на Западе, так же как и в России, их практически невозможно встретить на антикварном рынке.

Серебряные тельные кресты XI–XIII веков представляют собой достаточно немногочисленную группу предметов. Основную их массу составляют небольшие кресты простых форм, с «ветвями», оканчивающимися бусинами, и достаточно крупные кресты со «скандинавским» орнаментом. Серебряные кресты необычных форм единичны. В археологических публикациях фигурируют погребальные кресты из листового серебра, но на практике они встречаются крайне редко.

Отдельную группу составляют каменные тельные кресты. Их отличает простота формы, отсутствие резьбы. Лишь в некоторых случаях они обрамлены в серебряную оправу. В основном они сделаны из шифера, реже — из мрамора. Кресты из мрамора имеют византийское происхождение. Несмотря на то, что объективной редкостью они не являются — их часто находят во время раскопок на византийской территории — реально их не так много, что объясняется просто: они не могут быть найдены металлодетектором, и являются лишь случайной находкой.

Очень многочисленна группа эмалевых крестов. Стандартный «киевский» тип эмалевого креста относится к наиболее встречаемым типам домонгольских крестов. Разнообразие подтипов внутри общего типа простейшего эмалевого креста достаточно велико. Помимо самого базового разделения на два подтипа по количеству шариков, которыми заканчивается «ветвь», они различаются цветами эмали, а также декором оборотной стороны: если в большинстве своем эти кресты двухсторонние, то к более редкому типу могут быть отнесены односторонние кресты с гладкой оборотной стороной, с гравированным крестом на оборотной стороне или же с надписью, чаще всего нечитаемой из-за качества отливки.

Помимо типа эмалевого креста с криновидными завершениями «ветвей», существует более редкий «прямоконечный» тип, и тип с закруглением на конце ветвей. К ним примыкает достаточно многочисленная группа крестов, или же крестовидных привесок очень необычных форм, не имеющей аналогов ни среди византийских, ни среди русских предметов. В качестве аналогии может быть приведен лишь крестовидный орнамент на достаточно многочисленной группе крупных домонгольских пуговиц, также украшенных эмалью (рис. 8).

Отдельную, достаточно немногочисленную группу составляют кресты, украшенные чернью. На данный момент нам известно не более десятка типов крестов с чернью, один из которых относительно распространен, остальные же — достаточно редки (рис. 9).

Переходя к «технической» стороне описания интересующего нас материала, нельзя обойти молчанием два вопроса, волнующие любого коллекционера, а именно: степень редкости предметов, к которым он обращает свой взгляд, и проблема подлинности этих предметов. Часто при общении с коллекционерами и дилерами приходится слышать утверждение о том, что тот или иной домонгольский крест «уникален». Между тем опытный коллекционер знает, что многочисленные кресты, помеченные в публикациях коллекций наи-

Рис. 8. Кресты с выемчатыми эмальями

Рис. 9. Кресты с чернью

высшим знаком редкости, встречаются на антикварном рынке в десятках экземпляров. Дело здесь, конечно же, не в некомпетентности составителей подобных таблиц редкости, а в самой природе рассматриваемого нами изделия. За редким исключением, все тельные кресты изготавливались литьевым методом, что подразумевает наличие многих десятков, а иногда и сотен совершенно идентичных предметов. Мы знаем множество случаев повторной отливки, при которой качество изделия, конечно, может несколько ухудшиться, но сам тип, и даже его мелкие детали сохраняется. Насколько можно судить, кресты, по крайней мере, в домонгольское время, не переплавлялись, так что все экземпляры, попавшие в землю, ждут своего часа находки. Иными словами, действительно уникальный литой крест — явление

Рис. 10. Современные болгарские подделки «под Византию».

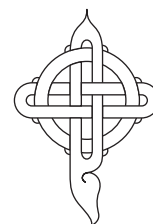
почти невероятное. Практическая же редкость может объясняться просто: в отличие от Византии, где существовали большие центры массового литья, из которых кресты распространялись по всей территории империи, на Руси литые мастерские были рассредоточены по всей территории государства. Произведения этих локальных мастерских в большинстве своем не уходили за пределы своего изначально небольшого региона бытования, и в том случае, если место производства какого-либо необычного типа крестов еще не найдено, он может рассматриваться как очень редкий, но едва лишь будет обнаружен центр производства, и пойдут десятки одинаковых или схожих предметов. Иными словами, редкость медных крестов-тельников всегда относительно. Серебряные кресты объективно достаточно редки, но часто ввиду своей внешней неэффективности, малого размера и отсутствия интересного декора они не привлекают серьезного внимания коллекционеров. К сказанному можно добавить лишь, что наибольшую, хотя опять-таки относительную редкость могут представлять кресты необычной формы, так как ввиду неразвитости этого рынка и отсутствия серьезных каталогов коллекционеры в основном собирают домонгольские кресты исходя из самой формы креста, и игнорируют орнаментальное оформление, и тем более — мелкие разновидности.

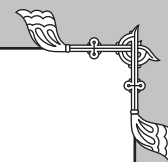
Вопрос подлинности, столь актуальный при собирании энколпионов и змеевиков, практически не затрагивает сферу крестов-тельников. Относительно низкая стоимость предметов, их массовость и отсутствие плотной сети покупателей практически избавляют собирателя от риска столкнуться с подделкой. Это не касается немногочисленных «византийских крестов», попадающих на наш рынок из Болгарии, являющийся ныне едва ли не мировым центром изготовления фальшивых «антиков» (рис. 10). В то же время с Северного Кавказа и Причерноморья идет поток бесспорно подлинных вещей, что создает двойственную ситуацию в отношении всех необычных, то есть «нехарактерных» крестов домонгольского типа.

Сколь бы кратким не был этот набросок типологического описания крестов тельников домонгольской эпохи, он ставит перед вдумчивым собирателем це-

лый ряд вопросов, принципиальных для понимания не только данной узкой темы, но и истории христианизации Руси в целом. Не может не поражать факт иконографической и типологической обособленности древнерусских крестов-тельников от византийских образцов. Византийская традиция, сформировав русский тип креста-энколпиона, фактически не затронула формирование типов крестов-тельников. Ранее, когда единственным источником обретения предметов металлопластики являлись археологические раскопки, было широко распространено мнение, что энколпионы носились лишь представителями элиты. Сейчас, благодаря массовым находкам энколпионов на селищах, стала ясна неправомочность этого утверждения. Речь идет не о разделении типов крестов — тельников и энколпионов — по «сословному принципу», но лишь о выделении двух принципиально различных типов носимых крестов: один тип полностью ориентирован на византийские образцы, на привозные экземпляры из «культурной метрополии» (это кресты-энколпионы), другой же тип — то есть небольшие кресты-тельники — практически полностью ориентирован на местную, славянскую культуру. Славянская культурная ориентация — это, прежде всего ориентация на язычество. Однако это ни в какой степени не означает протivoстояния язычества и христианства, скорее наоборот: крест как символ принадлежности к христианской общине, как предмет личного благочестия оказался наделенным народным сознанием амулетной семантикой. Крест-тельник получил совершенно иной смысл, чем тот, каким он обладал в Византии — наряду со славянскими лунницами, коньковыми привесками, амулетами-ложками, ключиками, топориками, он превратился в инструмент взаимодействия человека — своего хозяина — с силами внешнего мира. По-видимому, тельный крест имел охранительные функции — не случайно орнаментальное оформление домонгольских крестов, не имеющее соответствий среди византийского материала, находит множество параллелей в оформлении щитков перстней, имевших, бесспорно, охранительный смысл.

«Двоеверие» как один из основополагающих фактов русской культуры изучено еще недостаточно хорошо, ввиду скудности источников, и здесь древнерусская металлопластика может являться одним из интереснейших и богатейших источников нового знания. Коллекционер, обративший на нее свой взгляд, соприкасается с самой историей в ее еще нетронутом, еще непознанном облике, перед ним — предмет исследования, богатый и интересный, а что как не стремление к непознанному является той силой, что движет сердце и будит страсть истинного коллекционера?!

Древнерусские нательные кресты с выемчатой эмалью

Никита Букин
(Россия)

В последние годы, в связи с развитием любительского металлопоиска, и как следствие — большим притоком нового материала, активизировался интерес к древнерусской христианской металлопластике. И это неудивительно, ведь кресты и иконки того времени очень разнообразны. Сейчас уже можно говорить о тысячах разных типов крестов и иконок, и с каждым годом число их растет. К сожалению, предметов «музейного уровня», которые могут быть причислены к шедеврам древнерусской пластики, встречается крайне мало, но зато существует величайшее множество изделий металлопластики, принадлежащих к числу изделий массового производства. И среди подобных «массовых» предметов личного благочестия особое место занимают нательные кресты с выемчатой эмалью.

Сам факт появления массового производства в технике выемчатой эмали на территории Древней Руси крайне любопытен. Считается, что на появление эмалевого производства на Руси оказала влияние Византия (1). И действительно, именно там, в VI веке появляются перегородчатые эмали. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, каким образом появилась техника перегородчатой эмали в Византии. Большинство исследователей считают, что она пришла с Востока (2). По-видимому, именно византийская школа оказала принципиальное влияние на формирование эмалевого производства в Европе и Грузии, а также в Древней Руси. Но все вышесказанное касается именно перегородчатых эмалей, вопрос же об истоках технологии выемчатой эмали на территории Киевской Руси остается открытым. Существует мнение, что появление выемчатых эмалей на Руси связано с эмальями позднеимского времени, получившими название «варварские». Они были широко распространены на территории Галлии, Германии, в Восточной Европе и на Северном Кавказе, а также на территории Древней Руси — в Среднем Поднепровье и на современной территории Брянской и Белгородской области России. Нам такая гипотеза кажется маловероятной, так как, по археологическим данным, производство «варварских эмалей» исчезает к VIII веку, и технология выемчатой эмали возрождается на этой территории лишь в XI веке. Разрыв традиции длиной в три столетия не может не породить вопросов о наличии реальной преемственности эмалевого

производства. К тому же, сравнивая цветовую гамму «варварских» эмалей с выемчатыми эмальями XI века, нетрудно заметить, что для первых очень характерен красный цвет эмали, который крайне редко встречается на древнерусских изделиях, а некоторые цвета (такие как синий и насыщенный оранжевый) вообще не известны среди выемчатых эмалей XI-XIII веков.

По нашему мнению, истоки появления массового производства выемчатых эмалей на территории Древней Руси нужно искать в производстве дорогих перегородчатых эмалей, по аналогии с которым и возникло массовое производство выемчатых эмалей, более доступных и дешевых. После появления перегородчатых эмалей из Византии, в связи с необходимостью работы на «широкий рынок», русские мастера наладили производство более дешевых и простых в изготовлении изделий с выемчатой эмалью. В пользу этой версии свидетельствует тот факт, что сейчас нам известно два типа крестов с перегородчатыми эмальями, по образцу которых позднее появляются кресты с выемчатой эмалью (рис. 1).

Производство предметов с выемчатой эмалью возникло в Киеве уже во второй половине XI века (3). На основе раскопок в Киеве и в Княжьей Горе, можно утверждать, что производство выемчатой эмали было связано с производством высокохудожественных пред-

Рис. 1. Тельные кресты с перегородчатой эмалью

метов с перегородчатой эмалью, а также производством стеклянных изделий и мозаичной смальты. Некоторые исследователи считают, что киевские мастерские являлись фактически единственными производителями предметов с выемчатыми эмальями (4). Но сейчас с уверенностью можно сказать, что Киев был лишь первым центром данного производства. Уже в XII веке подобные мастерские возникли в Чернигове, Рязани, Владимире, Новгороде и других городах Древней Руси (5). Именно в это время наступил расцвет производства мелкой пластики с выемчатыми эмальями. Кресты с выемчатыми эмальями широко встречаются не только на территории Руси, но и в Поволжье, на землях Золотой Орды, на Северном Кавказе, в Прибалтике и в Приуралье. Стоит отметить, что в 1240 году, после разгрома Киева татаро-монголами, производство эмалей там полностью прекратилось. Но на северо-востоке Руси, изделия с выемчатыми эмальями производились вплоть до XV века. Так, несколько типов крестов, появившихся в XIII веке, были широко распространены и в XIV веке (типы крестов № 6, 22, 34–36). Наиболее широко технология выемчатой эмали применялась при изготовлении нательных крестов, перстней и пуговиц.

Если 40 лет назад, к моменту выхода работы В. А. Мальм, науке было известно только четыре типа крестов с эмалью (стоит отметить, что была известна лишь желтая выемчатая эмаль) (6), то на данный момент мы знаем уже около 40 типов крестов с разнообразной цветовой гаммой (с желтой, белой, зеленой, черной, сине-зеленой и красной эмалью). Подавляющее большинство крестов производились с желтой эмалью. С чем это связано, сейчас судить сложно. Можно предположить, что желтый цвет был наиболее популярным, так как он ассоциировался со светом солнца.

Зачастую, в эпоху Киевской Руси нательные кресты, в том числе и кресты с эмалью, воспринимались наши-

ми предками в рамках двоеверия, то есть не только как символ христианской религии, но и как обереги. Так, например, известна находка креста с выемчатой эмалью в составе подвески с языческими амулетами (ключом и гребешком) (7).

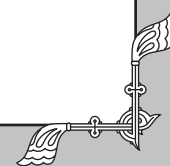
В этой короткой заметке невозможно не только осветить, но и даже поднять все вопросы, связанные с генезисом производства предметов (и в том числе — крестов) с выемчатой эмалью на территории Киевской Руси. Наша цель — лишь обратить внимание на эту интересную проблему, систематизировав доступный нам материал. Этой цели и служит приводимый ниже каталог известных нам типов древнерусских крестов с выемчатой эмалью.

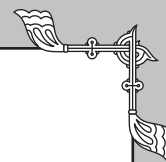
ЛИТЕРАТУРА:

1. *Рыбаков Б. А.* «Ремесло Древней Руси», Москва, 1948 г., стр. 396.
2. *Макарова Т. И.* «Перегородчатые эмали Древней Руси», Москва, 1975 г., стр. 5.
3. *Сагайдк М. А., Сергеева М. С., Михайлов П. С.* «Дослідження Київського Подолу. — Археологічні дослідження в Україні 1993 року», Київ, 1997 г., стр. 117–120.
4. *Мальм В. А.* «Кресты с эмалью. — Славяне и Русь», Москва, 1968 г., стр. 113.
5. *Рыбаков Б. А.* «Ремесло Древней Руси», Москва, 1948 г., стр. 397.
6. *Мальм В. А.* «Кресты с эмалью. — Славяне и Русь», Москва, 1968 г., стр. 113.
7. *Шмидт Е. А.* «Курганы XI–XIII вв. у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье. — Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2, 1957 г., стр. 276.

Далее, каталог нательных крестов с выемчатой эмалью

Каталог нательных крестов с выемчатой эмалью

Никита Букин
(Россия)

Тип 1

Подтип 1.1

Размер: 40x31 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 1.2

Размер: 50x36 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 1.3

Размер: 41x30 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей расположены окружности с точками в центре. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 1.4

Размер: 25x33 мм (обломан)

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие в виде прямоконечного креста, на завершениях ветвей расположены окружности с точками в центре. Все углубления заполнены светло-зеленой эмалью. Оглавие утрачено.

Подтип 1.5

Размер: 41x31 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне в среднокрестии изображен косой крест, на завершениях ветвей расположены окружности. Обратная сторона гладкая. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид округлой бусины.

Подтип 1.6

Размер: 41x32 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет уплощенной бусины и декорировано желтой эмалью.

Подтип 1.7

Размер: 41x38 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде квадрата, на оборотной стороне — в виде окружности, на завершениях ветвей с двух сторон расположены окружности. На оборотной стороне на ветвях креста расположены косые кресты. Все углубления заполнены желтой и черной эмалью. Оглавие имеет уплощенной бусины и декорировано желтой эмалью.

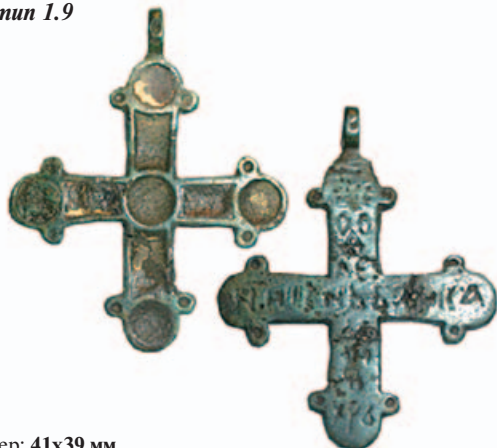
Подтип 1.8

Размер: 38x31 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Обратная сторона гладкая. Все углубления заполнены желтой и белой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 1.9

Размер: 41x39 мм

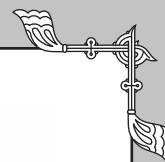
Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая, по центру на ней помещена горизонтальная надпись «СНЪ БОЖ», на боковых ветвях — «НИКА». На завершении верхней и нижней ветви креста помещена надпись «ИС ХСЪ». Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 1.10

Размер: 35x32 мм (обломан)

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая, на ней расположено углубленное изображение криновидного креста. Оглавие утрачено.

Подтип 1.11

Размер: 40x29 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая, по периметру креста проходит углубленная линия. В центре среднокрестия находится изображение креста с точками у завершения ветвей. На завершении ветвей помещена надпись «НИКА». Оглавие в виде плоского ушка.

Подтип 1.12

Размер: 32x24 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 1.13

Размер: 33x24 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая, в центре среднокрестия находится изображение креста с точками у завершения ветвей. На завершении ветвей помещена надпись «ИС ХС» и «НИКА». Оглавие в виде плоского ушка.

Подтип 1.14

Размер: 27x32 мм (обломан)

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая, в центре среднокрестия находится изображение голгофского креста. На завершении ветвей помещена надпись «НИКА» и «ИС (?) ХС». Оглавие утрачено.

Тип 2

Размер: 40x25 мм

Криновидный крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершении верхней ветви также расположена окружность. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 3

Подтип 3.1

Размер: 40x32 мм

Остроконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 3.2

Размер: 33x27 мм

Остроконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 4

Размер: 37x32 мм

Крест с криновидным завершением ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Между среднокрестием и завершениями ветвей расположены полумесяцы. Окружности заполнены сине-зеленой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие выполнено в виде граненой бусины и декорировано эмалью.

Тип 5

Размер: 42x29 мм

Круглоконечный (криновидный) крест с парными выступами на завершении ветвей. В среднокрестии изображен голгофский крест, на завершениях ветвей помещена надпись «IC XC». Все углубления заполнены эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие имеет вид граненой бусины.

Тип 6

Размер: 29x18 мм

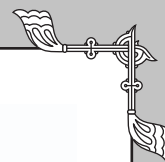
Крест с крестообразным (криновидным) завершением ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде бусины.

Тип 7

Размер: 37x27 мм

Крест криновидный с ветвями в виде пальметообразных медальонов. В среднокрестии помещено изображение креста в виде точек, на завершениях ветвей находится криновидный орнамент. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 8

Размер: 34x28 мм

Крест с ветвями в виде пальметообразных медальонов. Среднокрестие выполнено в виде окружности с точкой в центре. Между медальонами на ветвях креста помещены овалы, образующие крест. На завершении ветвей находится криволинейный орнамент. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 9

Размер: 24x29 мм

Крест с ветвями в виде пальметообразных медальонов. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде объемного кривого креста. Между медальонами на ветвях креста помещены окружности. Все углубления заполнены зеленой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде цилиндрического ушка.

Тип 10

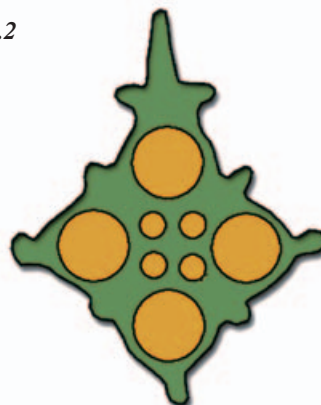
Подтип 10.1

Размер: 32x24 мм

Крест с круглыми завершениями ветвей в виде медальонов с выступами. В центре медальонов расположены рельефные точки. Среднокрестие выполнено в виде объемного кривого креста. Все углубления заполнены зеленой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Подтип 10.2

Размер: 35x28 мм

Крест с круглыми завершениями ветвей в виде медальонов с выступами. В центре медальонов расположены рельефные точки. Среднокрестие выполнено в виде четырех вдавленных точек. Все углубления заполнены зеленой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 11

Размер: 36x29 мм

Крест с овальным завершением ветвей с выступами, среднокрестие выполнено в виде окружности. Между ветвями креста помещены сквозные окружности. На завершении ветвей орнамент в виде стилизованных крин. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 12

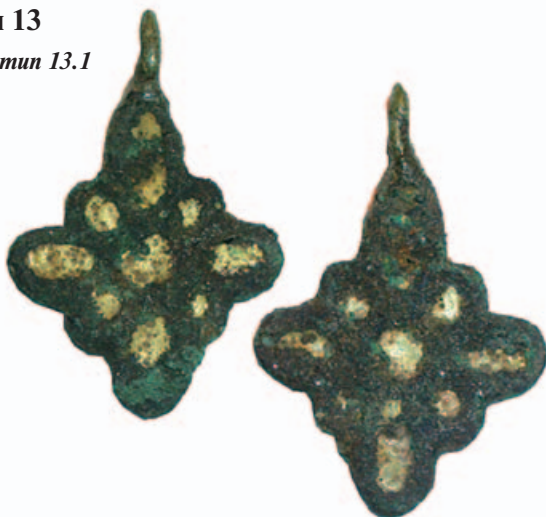
Размер: 38x28 мм

Крест с овальным завершением ветвей с выступами. В среднокрестии помещено изображение креста в виде точек, на завершении ветвей находится криволинейный орнамент. Фрагменты желтой эмали в углублениях. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 13

Подтип 13.1

Размер: 25x17 мм

Крест с овальным (криновидным) завершением ветвей. Среднокрестие выполнено в виде окружности, между медальонами помещены овалы, образующие крест. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 13.2

Размер: 26x17 мм

Крест с овальным (криновидным) завершением ветвей. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, между медальонами на ветвях креста помещены овалы, образующие крест. Все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 14

Размер: 26x19 мм

Крест круглоконечный, среднокрестие выполнено в виде квадрата. Все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 15

Размер: 22x23 мм (обломан)

Крест круглоконечный, среднокрестие выполнено в виде объемного крест. В среднокрестии и на ветвях орнамент в виде точек. Все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие утрачено.

Тип 16

Размер: 39x29 мм

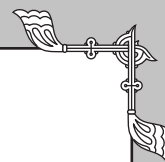
Крест круглоконечный, среднокрестие и ветви креста выполнено в виде окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 17

Размер: 27x19 мм

Круглоконечный крест, на лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 18

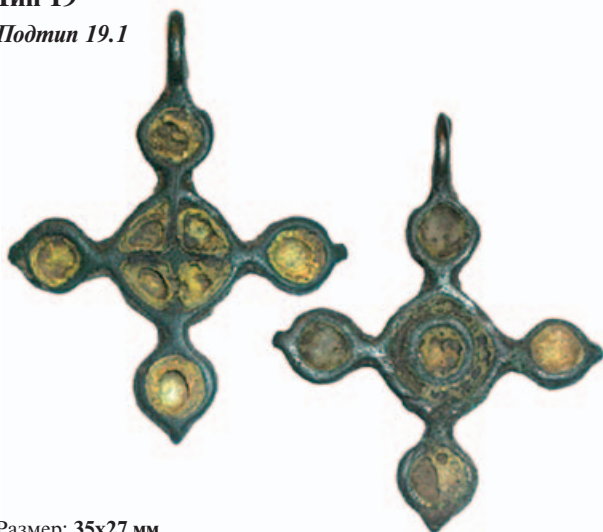

Размер: 40x30 мм

Крест с овальным завершением ветвей, среднокрестие выполнено в виде окружности. В центре среднокрестия помещено изображение восьмилучевой розетки с точкой в центре. На ветвях креста находится орнамент в виде крин. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 19

Подтип 19.1

Размер: 35x27 мм

Крест с круглым завершением ветвей с выступами, среднокрестие выполнено в виде окружности. На лицевой стороне в центре среднокрестия находится окружность, на оборотной стороне — изображение четырехконечного креста. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Подтип 19.2

Размер: 30x24 мм

Крест с круглым завершением ветвей с выступами, среднокрестие выполнено в виде окружности. На лицевой стороне в центре среднокрестия находится окружность, на оборотной стороне — изображение четырехконечного креста. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 20

Размер: 31x25 мм

Крест с округлым завершением ветвей, с выступами, среднокрестие выполнено в виде окружности. В центре среднокрестия и на завершении ветвей изображены рельефные точки. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 21

Подтип 21.1

Размер: 29x22 мм

Крест с овальным завершением ветвей с выступами, среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Подтип 21.2

Размер: 27x22 мм

Крест с овальным завершением ветвей с выступами, на лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. В углублениях фрагменты желтой эмали. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 22

Подтип 22.1

Размер: 20x14 мм

Крест с остроконечным (кринovidным) завершением ветвей. На лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде граненой бусины.

Подтип 22.2

Размер: 21x13 мм

Крест с остроконечным (кринovidным) завершением ветвей. На лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены сине-зеленой эмалью (крайне редкий вариант, большинство крестов данного типа заполнены желтой или белой эмалью). Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 23

Размер: 32x21 мм

Крест с двумя перекрестиями, с овальным завершением ветвей. Все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая, на нижней перекладине помещена надпись «ИС ХСЪ». Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 24

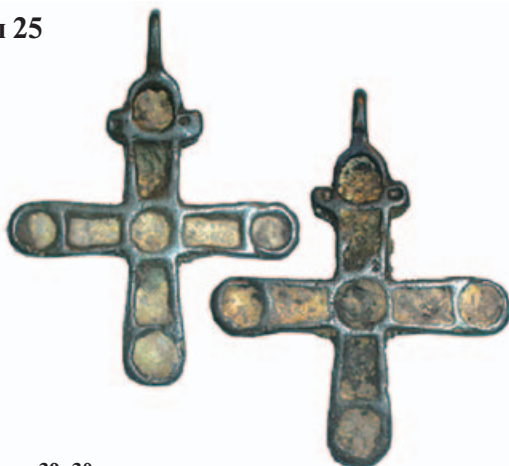

Размер: 30x19 мм

Крест с овальным завершением ветвей, на лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности. Все углубления заполнены белой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 25

Размер: 39х30 мм

Круглоконечный крест (интересен отсутствием парных выступов на завершениях ветвей), среднокрестие выполнено в виде окружности, на завершениях ветвей также расположены окружности. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 26

Размер: 30х20 мм

Крест с расширяющимися лопастями, на лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру, углубления заполнены желтой эмалью. Среднокрестие выполнено в виде окружности, заполненной зеленой выемчатой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие имеет вид широкого ушка.

Тип 27

Размер: 37х20 мм

Крест прямоконечный, на лицевой и оборотной стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены желтой эмалью. Среднокрестие выполнено в виде окружности, заполненного выемчатой эмалью желтого цвета. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 28

Подтип 28.1

Размер: 33х21 мм

Крест прямоконечный, на лицевой и оборотной стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены желтой эмалью. Среднокрестие выполнено в виде квадрата, заполненного выемчатой эмалью желтого цвета. Оглавие имеет вид плоского ушка.

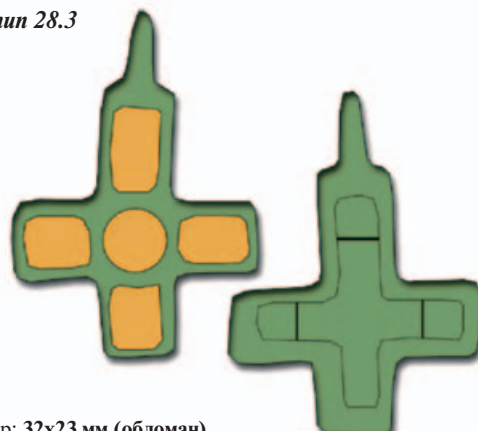
Подтип 28.2

Размер: 34х22 мм

Крест прямоконечный, на двух сторонах креста выполнена рельефная рамка по периметру, углубления заполнены желтой эмалью. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, на оборотной стороне — в виде квадрата, углубления заполнены выемчатой эмалью желтого цвета. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 28.3

Размер: 32х23 мм (обломан)

Крест прямоконечный, на лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру, углубления заполнены светло-зеленой эмалью. Среднокрестие выполнено в виде окружности, заполненной выемчатой эмалью. Обратная сторона гладкая, на ней находится углубленное изображение прямоконечного креста.

Тип 29

Подтип 29.1

Размер: 29x16 мм

Крест прямоконечный, на двух сторонах креста выполнена рельефная рамка по периметру, углубления заполнены темной желтой эмалью. На оборотной стороне среднокрестие выполнено в виде косоугольного креста. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Подтип 29.2

Размер: 29x 18 мм

Крест прямоконечный, на двух сторонах креста выполнена рельефная рамка по периметру, углубления заполнены желтой и зеленой эмалью. На лицевой стороне среднокрестие выполнено в виде окружности, заполненной желтой эмалью, на оборотной стороне — в виде косоугольного креста. Оглавие имеет вид плоского ушка.

Тип 30

Размер: 23x14 мм

Крест прямоконечный, на лицевой и оборотной стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены темной желтой эмалью. Среднокрестие выполнено в виде квадрата, заполненного выемчатой эмалью темного желтого цвета. Оглавие имеет вид уплощенной бусины.

Тип 31

Размер: 37x22 мм

Крест прямоконечный с вдавленным изображением креста на лицевой и оборотной стороне, по периметру креста выполнена рельефная рамка. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 32

Размер: 35x23 мм

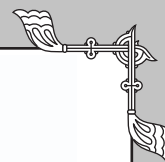
Крест прямоконечный, на лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде цилиндрического ушка.

Тип 33

Размер: 18x13 мм

Крест прямоконечный, на лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены белой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде граненой бусины.

Тип 34

Размер: 30x19 мм.

Крест прямоконечный с квадратным среднокрестием. На лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, по углам среднокрестия расположены четыре углубленные окружности, все углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде граненой бусины.

Тип 35

Размер: 22x15 мм

Крест прямоконечный с квадратным среднокрестием, на лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде цилиндрического ушка.

Тип 36

Размер: 19x11 мм

Крест прямоконечный с квадратным среднокрестием, на лицевой стороне выполнена рельефная рамка по периметру креста, углубления заполнены желтой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 37

Подтип 37.1

Размер: 25x17 мм

Крест прямоконечный с квадратным среднокрестием, на лицевой и оборотной стороне выполнено углубленное изображение прямого креста, в центре среднокрестия выполнено углубленное изображение косоугольного креста. Все углубления заполнены светло-зеленой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Подтип 37.2

Размер: 24x15 мм

Крест прямоконечный с квадратным среднокрестием, на лицевой стороне выполнено углубленное изображение прямого креста, в центре среднокрестия выполнено углубленное изображение косоугольного креста. Все углубления заполнены белой эмалью. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде плоского ушка.

Тип 38

Размер: 47x21 мм

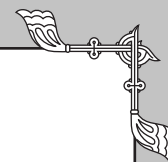
Крест прямоконечный с квадратным среднокрестием, на лицевой и оборотной стороне выполнено углубленное изображение кривовидного креста, в центре среднокрестия выполнено углубленное изображение косога креста. Все углубления заполнены желтой эмалью. Оглавие в виде плоского ушка.

Автор выражает благодарность Кутасову С. Н. и Сергееву К. В., предоставивших кресты для публикации в каталоге.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кайль В. А., Нечитайло В. В. «Каталог древнерусские нательные кресты X-XIII веков», Луганск, 2006 г.
2. Корзухина Г. Ф. «Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье», САИ, Ленинград, 1978 г.
3. Кутасов С. Н., Селезнев А. Б. «Кресты, крестовключенные и крестовидные подвески», Москва, 2010 г.
4. Макарова Т. И. «Перегородчатые эмали Древней Руси», Москва, 1975 г.
5. Мальм В. А. «Крестики с эмалью — Славяне и Русь», Москва, 1968 г.
6. Мусин А. Е. «Христианизация Новгородской земли в IX-XIV веках», Санкт-Петербург, 2002 г.
7. Рыбаков Б. А. «Ремесло Древней Руси», Москва, 1948 г.
8. Седова М. В. «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.)», Москва, 1981 г.
9. Хускивадзе Л. З. «Грузинские эмали», Тбилисси, 1981 г.
10. Шмидт Е. А. «Курганы XI-XIII вв. у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье. — Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2, 1957 г.
11. Сагайдк М. А., Сергеева М. С., Михайлов П. С. «Дослідження Київського Подолу. — Археологічні дослідження в Україні 1993 року», Київ, 1997 г.

Булавки: хронология и типология

Александр Гаврилов

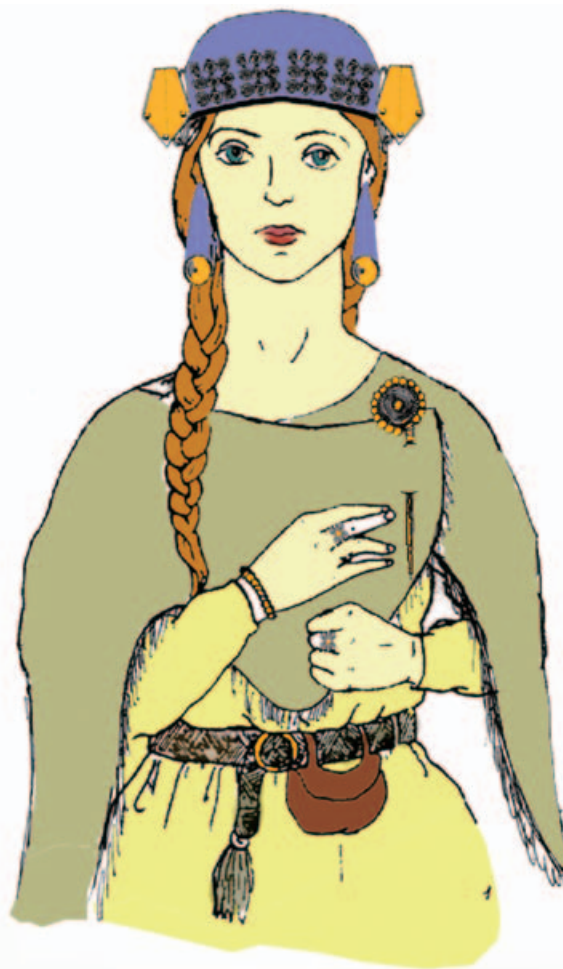
(Россия)

Булавка одно из древнейших изобретений человека. Понятное и легко интерпретируемое функционально. Технологически булавка, как правило, состоит из стержня с острием на конце и навершием с другой стороны. Роль навершия также функциональна, его задача препятствовать сквозному проникновению булавки в одежду или прическу. Одновременно навершие давало большой простор творчеству древних мастеров, в результате чего в них нашли отражение сакральные воззрения тех или иных веков, наделив булавку типологической аутентичностью.

Условно их можно разделить на булавки для закалывания волос (заколки) и булавки для застегивания одежды. Среди последних, весьма показательны экземпляры снабженными одной или несколькими петлями, или выступами для крепления к одежде или крепления веревочки, ремешка, цепи и т. д.

Эволюционно, большинство из рассматриваемых в статье булавок, происходят от прототипов бронзового века. Важным периодом их развития стал период конца первой половины первого тысячелетия до н. э. Когда в степной и лесостепной полосе появляется новый технологический прием изготовления биметаллических булавок с железным стержнем и бронзовым навершием. Любопытно, что подавляющие их большинство изготовлено в технологии выплавки по восковой модели. Вероятно, восковая модель лепилась непосредственно на железный стержень булавки и впоследствии, когда в глиняную форму заливалась расплавленная бронза, стержень заливался металлом. Об этом свидетельствует высокая плотность прилегания стержня к втулке, а также следы недолива на стержне в местах примыкания.

При описании булавок мы выделили четыре основных группы, основываясь на хронологическом и типологическом принципах. В первую группу будут включены булавки эпохи бронзы, так как находки этого времени еще недостаточно широко представлены на сайте «Домонгол», материал которого используется в этой статье. Ко второй группе будут отнесены грибовидные булавки и их производные, к третьей спиралевидные и их производные к четвертой, листовидные и их производные. Отметим, что подавляющие большинство из представленных булавок и их наверший происходят из случайных находок, не связанных с археологическими памятниками. Поэтому, вопрос об их окончательной культурной принадлежности мы оставляем открытым. Единственным указанием на взаимосвязь с той или иной культурой может служить приблизительный регион их находки и ранее опубликован-

ные аналогии. Основной задачей этой работы является приблизительная датировка булавок и их наверший.

К первой группе булавок мы отнесем булавки рубежа второго и первого тыс. до н. э., конца эпохи бронзы-начала РЖВ. Из-за немногочисленности булавок этого периода мы не проводим типологическое разграничение в этой группе. Ограничиваясь лишь описанием и датировкой на основании известных аналогий.

Бронзовая булавка с треугольным, лопатообразным навершием (рис. 1.1). Имеет множественные аналогии в материалах кобанской культуры (1), по аналогии с находкой на памятниках верховья р. Хулхулау. Подобную булавку можно датировать первой половиной первого тысячелетия н. э. (2). Однако, опираясь на работы В. И. Марковина, можно сузить ее датировку до 7-6 в. до н. э., основываясь на аналогиях из центрально-кобанских погребальных комплексов (3).

Булавки, у которой головка представляет собой односторонний завиток из расплющенной пластины, ино-

гда называемое в литературе «навершие в виде трубочки» (рис. 1.2-3). Этот тип возник в Средней Европе и Приднестровье в конце эпохи бронзы и просуществовал до конца скифской эпохи (4). При этом булавка с витым стержнем (рис 1.2), находит аналоги в материалах культуры, где датируется рубежом второго и первого тыс. до н. э. (5)

Булавки с биконической головкой и отверстием для крепления. Подобные булавки, но без отверстия получают широкое распространение на поздних памятниках луженицкой культуры, где существуют вплоть до раннего латенского времени (6).

Булавка с гвоздевидным навершием, (рис. 1.5). Данный тип булавок был широко распространен по всей территории южной и центральной Европы в конце эпохи бронзы-начале РЖВ (7).

Данный тип обладает характерными рельефными поясками в верхней трети стержня булавки, подобные украшения известны по находкам в скифских курганах Приднестровья 5 в. до н. э. (8).

Однако, рассматриваемая нами булавка, обладает меньшей по размерам головкой, чем приднестровские варианты, что делает ее сопоставимой с более ранними находками Центрального Кавказа 14-12 вв. до н. э. (9).

Булавки в виде конического стержня с серебряной инкрустацией. Относиться по предварительной атрибуции к Кобанской культуре и датируется периодом 6-4 вв. до н. э.

Которой группе, рассматриваемых вещей, относятся булавки с грибовидным навершием и их производные.

Булавка переходной формы от гвоздевидного навершия к грибовидному (рис. 2.1), ее точные аналоги широко известны по всей лесостепной зоне восточной Европы и датируется 6 веком до н. э. (10).

Грибовидные булавки (рис. 2.2-2.3), характеризуются устойчивым признаком наличия грибовидных расширений в верхней трети — середины стержня. Подобные расширения, функционально служили не только ограничителем при вкалывании булавки, но и могли являться фиксатором для ее привязывания. Наиболее ранней из представленных булавок следует считать экземпляр, найденный на территории Украины (рис. 2.2). Вероятно, этот тип позаимствован из венгерского гальштата или культуры ноа, и может быть датирован в пределах 7-6 в. до н. э., (11). Автору известно о находке подобной булавки на Рязанщине, хранящейся ныне в коллекции РИАМЗ, происходящей с памятника тычковой керамики и датированному по находкам раннескифских предметов этим же временем.

Булавки (рис. 2.3-2.4), следует считать развитием этого типа в лесостепной зоне. Во-первых, у них появляется типичное для более поздних булавок биметаллическое деление на бронзовое навершие, одетое на железный стержень, при этом находка с Рязанщины (рис 2.4.), происходила с памятника 4-3 вв. до н. э., хорошо датированного по находкам ланцетовидных с полукруглым окончанием черешка, имеющих аналоги в находках ряда городищ и курганов. (12).

Типологически к ним близка булавка с булавовидным навершием (рис. 2.5). Автору известно о неопубликованной находке скифского комплекса с подобными парными булавками. Датированного также по сопутствующим материалам в пределах середины первого тыс. до н. э.

Рис. 1.

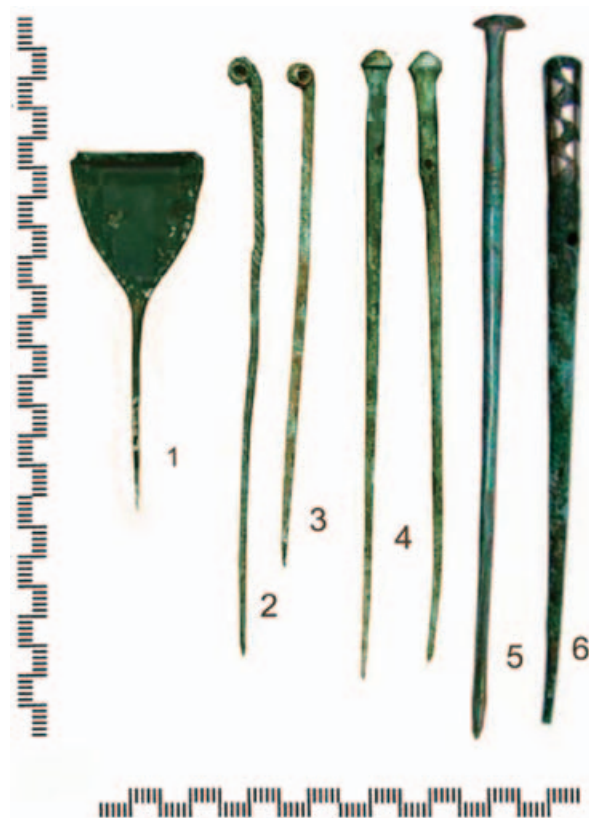

Рис. 2.

К третьей категории находок мы отнесем **спиралевидные (улитковидные) булавки и их производные**. В основном, они представлены находками с территории Рязанщины, что позволяет говорить о аутентичном развитии этого типа.

К наиболее ранним находкам следует отнести булавку со спиралевидным навершием (рис. 3.1), точный аналог ей мы видим в материалах Высоцкой культуры 8 в. до н. э. (13). Эта булавка, как бы открывает данный

Одиночные находки известны на городищах Торфель (21), Остуг и Ермолово (22), на Александровском городище Курской области (23).

Генезис происхождения этих булавок до конца неясен, возможно их прототипами являются булавки с плоским листовидным щитком с продолжением иглы в виде ребра по щитку Восточного Причерноморья 11-8 века до н. э. (24). Рядом авторов не раз отмечалось их развитие на территории Северного Кавказа в течение всей

Рис. 3.

Рис. 4.

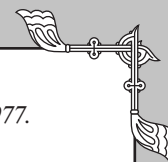
древностей до сих пор окончательно неопределенна. Таким образом, справедливо атрибутировать это навершие как, **навершие подгорицкого типа**.

На наш взгляд во второй половине первого тысячелетия до н. э. в силу каких-либо контактов балтского населения с более южными соседями и происходит сложение данных типов наверший.

Помимо этого, в галерее форума «Домонгол» представлено две булавки, не попадающих вышеозначенные группы. Первая, это булавка из Брянской области изготовленная в технике «листовидных» булавок, однако более простых форм. Автору известны находки подобных булавок периода 4-3 вв. до н. э. на территории Белоруссии. Вторая булавка состоит из бронзового стержня с навершием в виде двух спаренных S-видных валутов. По художественному оформлению, данная булавка близка предметам середины первого тысячелетия до н. э. эры лесостепной полосы.

Кроме утилитарного значения булавка выполняла и сакральные функции в costume человека. Основа этого лежит в прониальной сущности булавки, пронизывающей ткань. Прониальная магия это основа магии обережной, до сих пор по всей восточной Европе существует поверье, что булавка, воткнутая в одежду, защищает от сглаза и порчи, а многократное втыкание булавок или иглы в оттянутый воротничок, снимает порчу уже наведенную. По всей центральной России булавка, воткнутая над порогом дома, препятствует проникновению в жилище нечистой силы, а воткнутая с особым заговором в сучок забора, способна привязать к этому месту, проходящую мимо ведьму.

Вероятно, именно с прониальным значением булавок были связаны первые конические и грибовидные навершия, близкие по своей форме к античным фаллическим изображениям. Однако впоследствии грибовидная форма все дальше отходит от первообраза,

склоняясь к семантике мировой горы, с этим образом, вероятно, связаны и спиралевидные булавки, закрученные в коническую пирамидку. Не случайно и решение в виде спирали, так как очень близко с мифологемой горы в Европе идет мифологема змея, горы, или просто Горыныча. С другой стороны ярко выраженная грибовидная форма могла роднить булавку и с опосредствованным символом «грибом» в ряде культур существует практика использования шаманских грибов, как проводника между миром реальным и сверхъестественным.

Значительно более легко интерпретируются булавки с листовидным навершием. В них без труда узнается прообраз мирового древа также широко популярного в мифологии восточной Европы. Примечательно, что на пяти рассматриваемых экземплярах у данного дерева 9 ветвей. Причем в трех случаях четко просматривается трехъярусное деление булавки на нижний средний и верхний. Число 9 священно у многих народов, а деления мира на земной, небесный, и подземный, является основой мировосприятия в древности. Подтверждает нашу гипотезу наличие в «Киевской» разновидности этих булавок (рис. 4.13-15), наличие в верхнем ярусе украшения солярного символа креста, что подтверждает гипотезу о том, что в этой части располагается небесный мир.

Очень часто при нахождении булавок их принимают за гвозди, винты, или просто гнутую проволоку. Задача этой статьи сформировать среди поисковиков уважительное отношение к булавке, как к важному историческому артефакту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. МАК, т. 6, таб. 16,4.
2. Козенкова В. И. «О южной границе восточной группы кобанской культуры», АН СССР СА. № 3. 1978. С. 162.
3. Марковин В. И. «Материалы по археологии горной части Восточной Чечни», АЭС, 1, 1966, с. 125, рис. 3,6,7.
4. Граков. Б. Н. «Ранний железный век», Москва 1977. С. 88.
5. Козенкова В. И. «О южной границе восточной группы кобанской культуры», АН СССР СА. № 3. 1978. С. 160.
6. J. Filip «Luzicka kultura v Cechach a na Morave», Cast/1/Praha, 1939, Str. rys. 7, 10.
7. Мельниковская О. Н. «Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке», АН СССР, НАУКА МОСКВА 1967. С. 86-88.
8. Галанина Л. К. «Скифские древности Поднепровья», АРХЕОЛОГИЯ СССР САИ, Д1–33, С. 46-49, Т. 26.5.
9. Техов. Б. В. «Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железного века центрального Кавказа», СА, год и номер утерян, с. 21, рис 1.
10. Пузикова А. И. «ГОРОДИЩЕ МАПИЦА-ПАМЯТНИК ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОСЕЙМЬЕ», АН СССР СА № 3 1978, С. 193-194, Рис 6.5.
11. Граков. Б. Н. Ранний железный век. Москва 1977. С. 158.
12. Смирнов К. А. «Дьяковская культура». АН СССР НАУКА МОСКВА 1974. С 44.
13. Граков. Б. Н. «Ранний железный век», Москва 1977. Рис 109.7.
14. Смирнов Г. И. «ПОСЕЛЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛА ДОЛИНЯНЫ В ДНЕСТРОВСКОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ». ЭРМИТАЖ Арх. Сбор. 19. АВРОРА. Ленинград 1978. С. 33. Рис. 4.11.)
15. Смирнов К. А. «Дьяковская культура». АН СССР НАУКА МОСКВА 1974. С. 45.
16. Смирнов К. А. «Дьяковская культура». АН СССР НАУКА МОСКВА 1974. Таб. 4. 14.
17. Дубынин А. Ф., Розенфельдт И. Г. «РАСКОПКИ ЩЕРБИНСКОГО ГОРОДИЩА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1963 г.» АН СССР КСИА вып. 107 МОСКВА 1966 г. Рис. 40. 21.
18. Смирнов К. А. «Дьяковская культура». АН СССР НАУКА МОСКВА 1974. С 45.
19. Никольская Т. Н. «Городище у д. Свиногово» КСИИМК, вып. XLIX, МОСКВА 1953. стр. 91, рис, 24,1,2.
20. Никольская Т. Н. «КУЛЬТУРА ПЛЕМЕН БАССЕЙНА ВЕРХНЕЙ ОКИ В I ТЫСЯЧИЛЕТИИ Н. Э.» МОСКВА 1959. С. 30.
21. Горюнова. Е. И. «Городище Торфель». КСИИМК, вып. XXXI Москва 1950, С154, рис. 54.44.
22. М. Ю. Смишко. «Раннеславянская культура Поднепровья в свете новых археологических данных ЧСИИМК», вып. XLIV, Москва 1952, стр. 67-82.
23. Официальный сервер Администрации Курской области.
24. Новичихин А. М. «МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС, ДО Н, Э, ИЗ ДОЛИНЫ СУККО». Историко-археологический альманах № 1 АРМАВИР 1995. Стр. 66.
25. Там же стр. 66-67.
26. Мария Гимбутас, Интернет публ. «БАЛТЫ люди янтарного моря». bibliotekar.ru/Centr-Balty/8.files/image002.jpg.
27. Мельниковская О. Н. «Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке». Москва, 1967, С. 51-52. Рис. 18.

Бляхи-застежки Среднего Поочья в I тыс. н. э.

Адам Чайка
(Россия)

В первых веках нашей эры территорию среднего Поочья заселяют Городецкие и Дьяковские племена. Не ставя задачу проследить их генезис, а так же их взаимосвязь, тождественность и различия, оговоримся, что в общих чертах эти культуры весьма схожи. И те и другие использовали для застегивания одежды прямые булавки-иглы с фигурной головкой, простой «посоховидной» формы, или сложной, в виде бронзового навершия одетого на железную иглу. Последние обычно изготовлены в виде спиралей и дисков. Через территорию верхней Оки (из среды носителей Юхновской культуры) обычно в Дьяковскую среду проникали сходные конструктивно булавки с навершием в форме березового листа. На данной территории также известны находки провинциально римских, и северокавказских фибул.

Однако, во втором веке нашей эры, на территории среднего Поочья появился новый тип застежек, давший начало нескольким группам украшений, просуществовавших в ойкумене более полутора тысяч лет. Конструктивно этот тип относится к подковообразным (кольцевидным) фибулам, получившим у мордвы ауэнтичное название «сюльгама».

Их появление в этом регионе совпадает с появлением в среднем Поочье культуры получившей название Культуры Рязано-Окских могильников (далее КРОМ).

Определенные трудности мониторинга появления кольцевидных застежек в регионе создает продолжающаяся до сих пор полемика, относительно ранней стадии появления КРОМ, в частности ее локального варианта (или хронологической стадии) кошибеевской культуры (древностей кошибеевского типа) (1).

Наличие ранних кольцевидных застежек в Дьяковской среде в регионах, тяготеющих к верхней Оке и имеющих с верхней Окой длительные и устойчивые связи, наводит на мысль, что прототипом сюльгам могут являться кольцевидные фибулы готского круга древностей, встречающиеся на Мощинских памятниках 2-3 вв. н. э.

Это во многом согласуется с недавно высказанной теорией И. Р. Ахмедова о том, что одно из крайних крыльев готской экспансии могло докатиться до среднего Поочья и непосредственно принять участие в сложении КРОМ (2). Об этом же свидетельствует стилистическая схожесть ранних ажурных застежек среднего Поочья и «готских» круглых фибул. С другой стороны нельзя отрицать и вероятность Пьяноборского влияния при формировании застежек, типа сюльгам средней Оки (3).

Таким образом, тем или иным путем, со 2-3 веков нашей эры в среднем Поочье появились кольцевидные

застежки. Минувя «пьяноборскую» стадию своего развития, когда застегивающая игла крепилась к основной раме украшения посредством отдельной петли, кольцевидные застежки в своей эволюции разделились на три основных типа.

Базовой формой Поокских блях являются простые однорамчатые застежки типа сюльгам (здесь и далее). Изготовленные из круглого, прямоугольного или ромбического в сечении, дрота и характеризующиеся чисто функциональным назначением всех своих элементов.

Не исключено их происхождение от круглорамчатых сарматских, бесщитковых пряжек Предкавказья 1-2 века нашей эры (4). Проникших на Рязанщину посредством влияния древностей круга Андреевского кургана на рубеже 2 и 3 вв. (5). Их эволюция, это тема отдельного исследования, и здесь мы говорим о них, лишь как о базе сложения более сложных форм украшений.

К первому типу кольцевидных застежек относятся литые ажурные украшения, (ажурные, застежки, ажурные бляхи) динамично обособляющиеся в отдельную группу. С двумя подгруппами («а» — без привесок и «б» — с привесками). В литературе, как правило, именуемые «ажурные бляхи», (рис. 1).

Ряд исследователей склонны считать зоной возникновения этих застежек бассейны Москвы и Клязьмы, на основании находок сделанных на Щербинском и Троицком городищах (6). Однако, справедливо заметить, что поздняя Дьяковская культура находилась в непосредственной зоне влияния КРОМ (7), и потому появление там, этих украшений могло сложиться непосредственно под влиянием КРОМ. Одним из доказательств тому служат находки простых форм ажурных застежек на памятниках КРОМ, (рис. 8-9).

Наиболее ранней из рассматриваемых застежек, и художественным прототипом можно считать литые бляхи имеющие аналоги в материалах кошибеевского могильника. И включающие в себя две орнитоморфные фигуры, (рис. 1.1). На всех последующих застежках прослеживается парная композиция в виде столбиков, повторяющая эту композицию, (рис. 1.2,6).

Правда к концу четвертого века, рамка застежек «срастается», (рис. 1.3,4,5,7, 10), но все равно сохраняется раздвоенное навершие, исчезнувшее лишь в 7 веке, (рис. 1.11). Правда, за пределами ойкумены оно продолжает фигурировать на бляхах, вплоть до 10-го века, (рис. 1.12).

Технологически, все эти украшения, выполнены в технологии литья по восковой модели, иногда отличные в несколько приемов (подгруппа «б» с привесками).

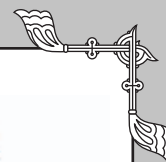

Рис. 1.

Изготовлены, как правило, из бронзы или сплава с небольшим содержанием серебра. В декоре преобладают псевдокосички, из двойного и более скрученного жгута, и полусферические «жемчужины». Рамка, как правило, состоит из имитации спиральной обмотки. Для ранних экземпляров характерно наличие в декоре гладких элементов, псевдозерни, и композиций образующие треугольники. Ажурные застежки, вероятно, относились к предметам престижного костюма, однако не являют-

ся большой редкостью, особенно в погребениях конца 4-начала 5 века.

Вторым типом являются пластинчатые кольцевидные украшения (бляхи, нагрудные бляхи). Эволюционировавшие из простых по форме сюльгам, они явно претерпевают изменения под воздействием престижной античной моды на ношение нагрудных брошей, эволюционируя в обособленную группу украшений, со временем, начисто утратившим свое функци-

ональное назначение, (рис. 2). Их эволюция шла путем появления у обычной сьюльгамы трапециевидных отростков, отходящих от кольцевидного основания, увеличения их количества и размера, (рис 2. 1,2), и сращивания, (рис. 2.3).

На последней стадии сложения данного типа происходит редуцирование застегивающего элемента иглы в крышечку. Которая эволюционирует в 5 веке, приобретая устойчивую ромбическую форму, (рис. 2. 6,7, 10), а в 6-7 веках — форму шестиугольника, (рис. 2.11), в более поздние эпохи в материалах мордовских могильников крышечка обычно круглая. Хотя круглые крышечки эпизодично имели место на всем периоде бытования этого украшения, в начале пятого века, (рис. 2.8), что возможно связано с локальной культурной особенностью. Одновременно со сложением ромбическо-шестиугольной крышечки бляхи, устойчивым становится количество треугольных прорезей, их становится шесть. Это, несомненно, связано с устоявшейся сакральностью данного украшения, на период 5-7 веков.

Технологически данные украшения изготовлены посредством литья с последующей проковкой. При изготовлении применялись, чеканка, клеп, просечение и гравировка. Делали их из бронзы, меди и низкопробного серебра. Известны находки и биметаллических блях, когда на бронзовое украшение наклепывали и напаивали серебряные элементы декора.

Орнаментально в данном типе украшений, превалируют треугольные просеченные прорезы, выпуклые жемчужины, нескольких размеров.

Аутентичным является орнаментальный пояс идущий по краям блях,

Для форм 4-начала 5 века, он весьма разнообразен, и может быть в виде одного, или двух поясков выпуклых жемчужин, как правило, достаточно крупных. Однако с 5 века и вплоть до века 7-го этот орнамент становится очень стереотипным, в виде трех рядов ровно расположенных друг, против друга маленьких жемчужин. Технологически, они вероятно наносились, на свинцовой или медной подушке, о чем свидетельствуют ровные очерченные их края, что скажем не характерно, для блях даже начала 5-го века.

Третьим типом застежек являются круглые бляхи с радиальной прорезью и иглой. Они широко представлены в ранних погребениях кошибеевского могильника, (8). Их находки широко известны в бассейне реки Вятки 3-4 вв. н. э. (9), в Посурье и Примокшанье. Согласно последним исследованиям их прототипом

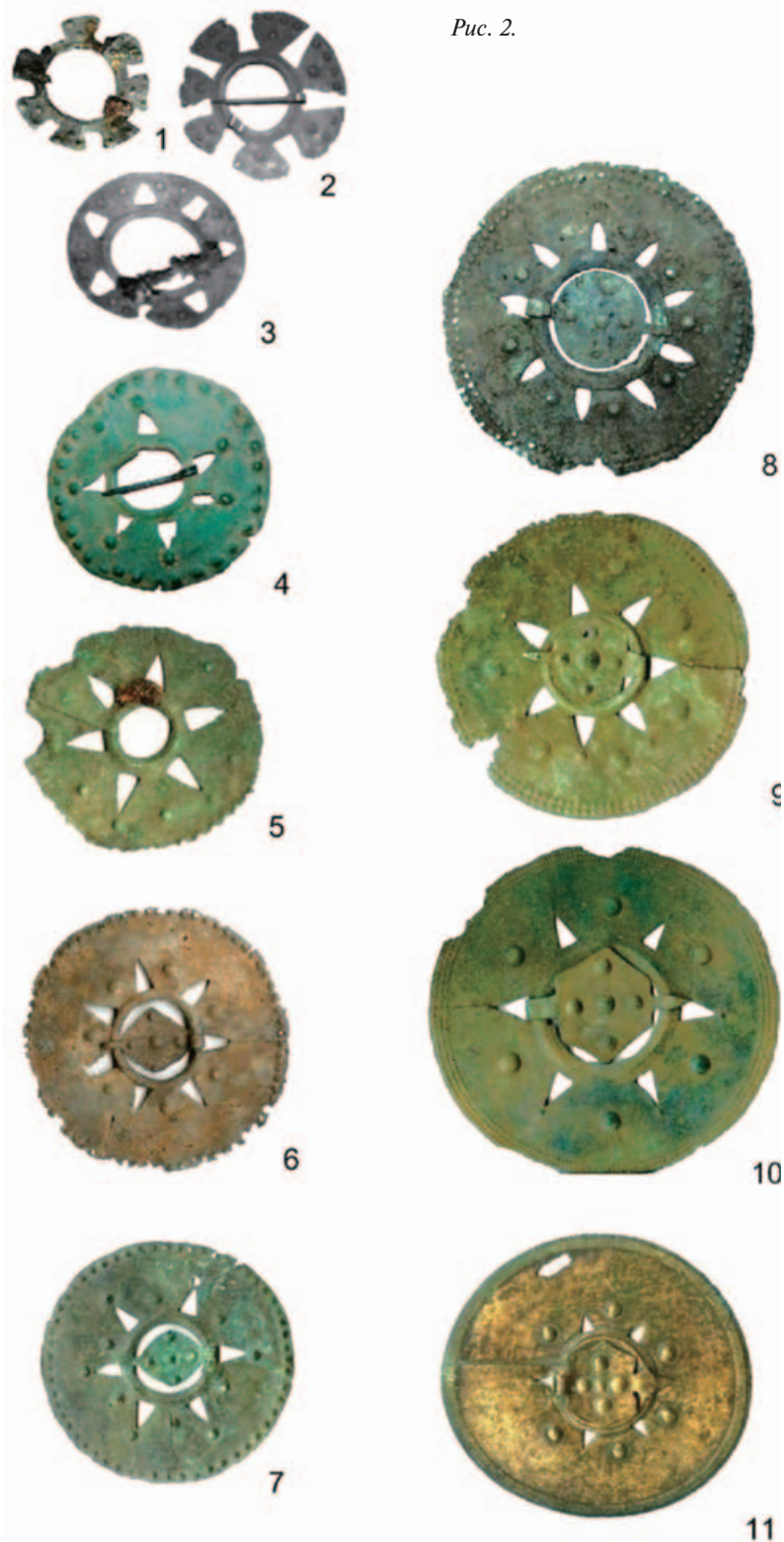
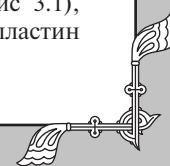

Рис. 2.

являются бляхи с ребром из Андреевского кургана и Писеральского могильника, (10).

В процессе эволюции они быстро утрачивают функции застежек, превращаясь в бляхи с накладными пластинами и концентрическими кругами, (рис 3.1), а затем в бляхи с перекрестием из накладных пластин с пуансонным орнаментом.

Так называемые «бляхи с перекрестием», (рис. 3; 2-4).

На нанесение радиального орнамента на эту разновидность блях, несомненно, оказали влияние позднее сарматские зеркала, с радиальным орнаментом. Бляхи выполнены в основном в техники литья иковки, клепа, чеканки и гравировки. В единичных случаях применялось просечение. Большинство экземпляров бронзовые. При орнаментации используются все те же выпуклые жемчужны, при этом основные тенденции их эволюции аналогичны эволюции жемчужин в бляхах второго типа.

Отметим, что развитие всех этих типов украшений шло параллельно, что поражаило некие переходные формы, которые впрочем, не дали дальнейшего развития.

Любопытна общая тенденция развития трех основных типов застежек, которая шла по эволюционному пути развития от простого к сложному. Одновременно, в процессе эволюции снижалась функциональная роль застежек, с превращением их в нашивные или подвязные бляхи. Особенно четко это выразилось в типе 2 пластинчатых украшений и типе 1, в котором также с 7 века в ряде случаев, основной элемент застежки — игла, отсутствует. И лишь в периферийной ойкумене сферы культурного влияния КРОМ, в среде носителей Мещеры и Муромы данный тип сохраняет иглу.

Третий тип только на ранней стадии, до 4 века, имеет иглу, впоследствии эти бляхи имеют петлю с обратной стороны, а с 5-го века она заменяется двумя отверстиями для крепления.

Место в costume

За исключением обычных застежек сюльгам, которые в силу своей функциональности, могли застегивать различные элементы костюма и занимать в нем произвольное положение, все кольцевидные застежки и их производные лаконично занимают три основных позиции в costume: на груди, на темени, на затылке.

При этом на груди носились все типы застежек, на темени — застежки 3 типа, а на затылке — исключительно застежки типа 1б. Справедливо заметить, что до 7-го века ношение застежек типа 1б было исключи-

Рис. 3.

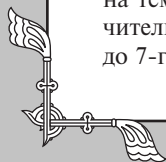
тельно на затылке в составе головного убора, и лишь впоследствии у муромы и мещеры украшения подобного типа стали носить на груди.

Ношение застежек типа 2 характерно только для груди, изначально они застегивали некую верхнюю одежду. Однако уже с конца пятого века они превращаются в элемент нагрудника, полностью теряя функциональное значение.

Любопытно развитие застежки типа 3, изначально нагрудное украшение, утратив функциональное назначение на короткий период конца 3-4 вв. н. э., оно прочно перемещается в виде блях с накладными пластинами и гравированными концентрическими кругами в состав головного убора, на темень. Однако с момента выработки устойчивого типа бляхи с перекрестием вновь возвращается в 5 веке на грудь, (11).

В некоторых погребениях зафиксировано ношение однотипных блях с перекрестием парой, когда крупная носилась на груди, а более мелкая на темени. Как правило, эти погребения относятся к концу 4- началу 5 вв., после чего в 6 веке теменная бляха исчезает вовсе, и в составе головного убора остаются лишь бляхи типа 1б.

В развитии типов поокских блях четко пролеживается столкновение двух художественно стилистических импульсов, а также направление их проникновения. С одной стороны, это пьяноборский элемент пластин-

3-4вв.

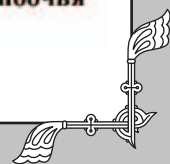
5в.

6-7вв.

8в.

Таблица хронологии блях Среднего поочья в I тыс.н.э.

чатых украшений, с минимумом ажурных элементов. Они распространяются на Рязанщину с юга через Цну и Мокшу в среде стадии кошибеевских древностей. С другой стороны это балтское или же готское влияние с запада через верховья Оки и Дьяковские памятники. Для этого направления распространения характерны напротив, ажурные и тонко-каркасные украшения.

Автор не утверждает, что распространение данных художественных тенденций сопровождалось проникновением носителей той или иной культуры. Скорее мы правомочны говорить о художественных тенденциях и некоем культурном влиянии.

Подводя итог, хочется сказать, что в своих развитых формах Среднеокские бляхи-застежки становятся аутентичным украшением, которое может служить надежным хронологическим и культурным маркером.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В.* «Хронология Кошибеевского могильника», Научное наследие, 1999 г.
2. *А. П. Смирнова* «Современные проблемы археологии Волго-Камья», М.
3. *Ахмедов А. Р. Казанский М. М.* «После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический аспект», КТВДР, 2004 г., С. 173.
4. *Генинг В. Ф.* «История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 1. Чсгандинская культура», ВАУ, Свердловск — Ижевск, 1970 г., Табл. XX; 15.
5. *Абрамов М. П.* «Центральный Кавказ в сарматскую эпоху. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время», Археология СССР, Москва, 1989, Таб. 111, 199.
6. *Степанов П. Д.* «Андреевский курган», Саранск, 1980, С. 39-40.
7. *Белоцерковская И. В.* «Инвентарь женских погребений», «Глава 3. Культура Рязано-окских могильников», РАН ИА, ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧИЛЕТИЯ Н. Э., МОСКВА, 2007, стр. 203.
8. *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* «Заклучение», РАН ИА, «ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧИЛЕТИЯ Н. Э.», МОСКВА, 2007 стр. 391.
9. *Шитов В. Н.* «Кошибеевский могильник. Вопросы этнической истории мордовского народа. в I — начале II тыс. н. э.», Труды МНИИЯЛИЭ, 1988 г., т. 5.
10. *Лещинская Н. А.* «Хронология и периодизация могильников бассейна реки Вятки. Типология и датировка археологических материалов восточной Европы.», Ижевск, 1995, рис. 6. 8-9.
11. *Халиков А. Х.* «Очерки населения Марийского края в эпоху железа.», Труды марийской археологической экспедиции, том II, Йошкар-Ола, 1962, таб. 23.
12. *Белоцерковская И. В.* «Инвентарь женских погребений. Глава 3. Культура Рязано-окских могильников», РАН ИА, ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧИЛЕТИЯ Н. Э., МОСКВА, 2007, стр. 206.

Некоторые сюжеты Скандинавской мифологии в металлопластике

Василий Коршун
(Россия)

Влияние скандинавов на Русь в 10-11 вв. — тема, привлекающая к себе внимание на протяжении достаточного длительного времени. Как известно, более всего в этом преуспели шведские викинги. Судя по найденным на острове Готланд кладам, широкая торговля велась как с Западом, так и с Востоком, что подтверждает наличие двух торговых путей: из варяг в греки и из варяг в персы. Правда от самого острова путь был один: по Балтийскому морю и далее по Неве до поселения близ Старой Ладого, отсюда по Волхову до Новгорода. Лишь после этого он разветвлялся на западный и восточный. Первый пролегал по реке Ловати, далее волоком до Западной Двины, затем опять же волоком до Днепра (в районе Гнездово) и по нему в Черное море. Второй шел до истоков Волги и по ней в Каспийское море. Безусловно, существовала и масса разновидностей и других, второстепенных маршрутов (1). Находки скандинавского импорта вдоль них — немые свидетели варяжского присутствия в этих местах.

Интересно, что на большинстве предметов металлопластики мы встречаем причудливые и непонятные на первый взгляд сюжеты. Большинство из них, так или иначе, связаны со скандинавской мифологией. Остановимся лишь на двух из них.

Первое, на чем бы хотелось сосредоточить внимание, это привеска с изображениями Одина и сидящих у него на плече воронов: Хугина и Мунина. Согласно легенде,

поутру он выпускал их лететь по белу свету, а к обеду они возвращались и сообщали хозяину все, что увидели и услышали. Изучению, в том числе этих привесок, посвящена работа Г. Ф. Корзухиной (2). В ней автор выделяет шесть известных на тот момент одинаковых по сюжету и датированных 10 веком привесок. Они происходят из: 1) курганный группы близ Седнева Черниговской губернии и уезда; 2) Гнездовского клада 1868 г.; 3) села Васильки Владимирской губернии (Рис. 1, 1); 4) города Бирки (Готланд, Швеция), погребение 762; 5) Сегисты,

Рис. 1.

Рис. 2.

приход Барва, Зедерманланд, Швеция, погребение; 6) город Пренцлау, Северная Германия. Каким-то образом в этот список не попала привеска (рис. 1, 2) из курганов у Николаевской Белогорской пустыни (ныне село Горнали) Суджанского района Курской области, найденная при раскопках Д. Я. Самоквасова еще в 1872 году (3). Тем значимее выглядит находка подобной привески в Витебской области (рис. 1, 3), сделанная в 2009 году. Следует отметить, что привеска выполнена из серебра и покрыта позолотой.

Хотелось бы так же упомянуть и еще об одном интересном наблюдении, сделанном В. Бирловым (4). В сюжете найденной им на реке Веле поясной накладки (рис. 2, 1), аналогии с рисунком на камне (рис. 3), в городе Бирке (Швеция). На камне, скорее всего, изображен путь война в Вальхаллу. Всадник изображен сидящим на коне с мечом в руке. Его сопровождают два волка: Гери и Фреки. Чуть выше расположен корабль Одина Скидбладнир, над которым видны еще два его спутника — вороны Хугин и Мунин. Все это венчает изображение Вальхаллы, которая изображена в виде шатра. Как видно, изображение Вальхаллы совпадает с рисунком на накладке. В приложении к данной работе мной была несколько расширена география подобных находок. Опросы на форумах «Домонгол» и «Раритет» выявили, что подобные накладки были найдены: на месте бывшего села Курова Московского уезда (рис. 2, 2), на месте летописного города Торческ, Ракитянский район Киевской области (рис. 2, 3), и еще две в Московской области (Можайский (рис. 2, 4), и Звенигородский (рис. 2, 5), районы). Накладка из Киевской области отличается от других рисунком и золочением (сохранилось фрагментарно). Звенигородская находка уже была опубликована (5) и датирована 11 веком. Датировка концом 10-11 веками представляется весьма вероятной и для подобных ременных накладок, так как скандинавское влияние в этот период, судя по археологическим находкам, наиболее ошутимо.

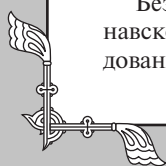
Безусловно, это лишь капля в море сюжетов скандинавской мифологии. Уверен, что последующие исследования приведут к массе новых интересных открытий.

Рис. 3. Камень из г. Бирка (Швеция)

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Джонс Г. «Викинги. Потомки Одина и Тора», М, 2007
2. Корзухина Г. Ф. «Об Одине и кресалах Прикамья», Средневековая Русь, М., 1976, стр. 135-139.
3. Щавелев С. Н. «Лунница и крест (начало христианизации Курского Посеймья по данным археологии», Деснинские древности, III.
4. В. Бирлов «Скандинавская поясная накладка», Родная Старина, № 2, 2009, стр. 6-9.
5. Станюкович А. К. «Отчет о работе Звенигородской археологической экспедиции в 1997 г.», Часть I. Результаты археологических раскопок поселения Саввинская Слобода 2 в окрестностях Звенигорода, рис. 11, 26.

Семантика паутины в Сибирской пластике

Сергей Ханов
(Россия)

Как то, в комплексе сопутствующих предметов металлопластики, характерной для кулайской культуры, довелось увидеть предмет, весьма напоминающий паутину, выполненную из бронзы техникой литья в одностороннюю форму. Да и на форуме тоже возник такой вопрос: а что же, собственно, это такое? Предполив, что предмет связан с системой верований, начал искать ответ на него в мифологии и сказаниях древних этносов самодийской и финно-угорской группы Уральской языковой семьи, предположительно являющимися носителями археологических культур, смежных с кулайской. В финноугорской не нашел соответствующей информации, зато этнографические исследования ненецкой орнаменталики, обладающей как и любая другая, огромной семантической нагрузкой, а так же ненецких сказаний, — позволили сделать удивительное «открытие». Оказывается для украшения женской игольницы-мешочка для хранения иголок и ниток из оленьих сухожилий, в свою очередь являющегося частью женской сумочки ТУЩАН или ТУТЧАН, использовался исключительно один орнамент. Назывался он НИМИ КАТА — «бабушка иголок» и являлся изображением паука или паутины!!! Сказания подтвердили, что ПАУК является Духом-охранителем женской сумочки и швейных принадлежностей. Поэтому у ненцев до сих пор существует поверье, что паука нельзя убивать и нельзя сознательно разорвать его паутину. Иначе пропадут швейные иглы или другие принадлежности. А ведь наличие самой сумочки со «швейкой» говорило о ее хозяйке очень многое. Девушку, не умеющую шить, и не имеющую швейной сумочки не брали замуж, и ее судьба была всю жизнь провести в родительском чуме!!! К слову, запрет убивать паука существует во многих этносах, практикующих в прошлом язычество или шаманизм.

На сегодня, у народов Севера для орнаментации сумочек используются различные способы, такие как вышивка бисером, тиснение, аппликация, рисунок на коже. Но характерны и желание украсить сумочку с принадлежностями или пояса медными пуговицами или бляшками, нашитыми на кожу. Так почему бы не предположить, что раньше для украшения сумочки тутчан использовали не только орнаментацию, например, рисунком органическими красками, но и металлопластику? Тем более, что известны и другие изображения низших духов в пластике из оловянистой бронзы. Таким на мой взгляд является изображение Духа-Шершня или Оводов, но это уже повод для другого этнографического исследования в рамках бытования народов Северного Урала.

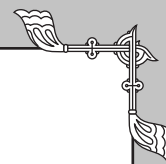

Кулайская бляшка
в виде паутины

Таким образом, на основании изучения этнографических материалов и мифологии народов самодийской группы, мною сделан вывод о том, что изображение паутины в металлопластике является символическим изображением сущности Духа-Охранителя женских швейных принадлежностей — Паука, или по ненецки НИМИ КАТА- бабушки иголок.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Интернет конференция «Сибирь в академических и музейных исследованиях», Сургутский краеведческий музей, http://skmuseum.ru/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1
2. В. Я. Петрухин «Мифы финно-угров», Москва, Астрель АСТ Транзиткнига.
3. «Мифологическое время. Альбом каталог Государственного музея Природы и Человека», Ханты-Мансийск, издательство Эпифания, Москва, 2003.
4. Головнев А. В. «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров.», Екатеринбург, УроРАН, 1995.
5. Турутина П. Г. «Лесные ненцы. Сказания земли Пуровской.», Издательство СО РАН, Новосибирск, 2004.
6. «Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока.», Составитель У. С. Новик, <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm>

Личины таежного края

Михаил Макеев

(Россия)

Западная Сибирь представляет собой густые, дремучие леса, бескрайние болота и быстротечные реки. Она захватывает сердца исследователей прямым воплощением древних сказок и множеством неразгаданных тайн. Одной продолжительной экспедиции в чащи полные жизни достаточно, что бы начать верить в существование мифических существ. В наше время, когда почти все мировое пространство изучено и пристально рассмотрено с космических спутников, когда, казалось бы, загадок не осталось, таежный край с хитрым прищуром взирает на попытки людей понять и покорить его.

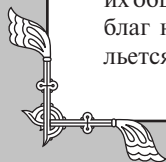
Крайняя скудность письменных источников об истории Сибири легко объяснима отсутствием, сухопутных транспортных путей и суровыми климатическими условиями. Основной дорогой здесь всегда являлись водные артерии. В центральной России и Европе не прекращалось постоянное взаимодействие и смешение культур, боевая конница являлась своеобразной «богиней войны» покрывала многие пространства за считанные дни. Тайга напротив представляла собой, народы, культура которых была крайне консервативна, и не подвергалась сильному внешнему влиянию на протяжении тысячелетий ввиду ограниченного доступа к своим владениям. У кавалерии не было шансов проявить свои боевые качества в коварных болотах и непроходимых лесах. На каждом удобном мысе и холме вдоль течения рек, пришельцев встречали хорошо укрепленные крепости и городки, а местные войны были непревзойденными мастерами по нападению и защите в условиях ограниченного пространства.

Изучение Сибири условно можно отсчитывать с XI века, начала торговых отношений между новгородскими купцами и приобскими народами, тогда же появляются первые письменные упоминания о данных контактах. Из-за сложной военно-политической ситуации данные связи время от времени пропадают, носят периодический характер. В XIII веке отмечаются проникновение в Западную Сибирь Золотой Орды и попытка привить ислам коренному населению. В XVI веке проводится завоевательная экспансия со стороны Руси с всеобщим внедрением христианства. С указанных периодов внешнее влияние бурным, сметающим все на своем пути потоком врывается в «закрытую» общность приобского этноса. Завоеватели разоряют древние святилища, искореняют шаманизм и мифологическое мировоззрение лесных народов, ломают устои их общества, насильно насаждают свою религию. Кроме благ научно-технического прогресса, горькой отравой является алкоголь, иммунитет от которого отсутствует

у коренного населения. В период активного покорения лесного края, многие путешественники и исследователи отмечают самобытность и уникальность приобской культуры, однако системного анализа и накопления знаний не происходит, все ограничивается краткими очерками и заметками.

Первые серьезные исследования по изучению особенностей местного этноса предпринимаются в конце XIX начале XX века. Проводится фиксирование этнографического материала, а если учесть, что письменность у коренного населения Приобья отсутствовала, то происходила практически запись многовековой, а, возможно, и тысячелетней истории, так как все древние предания передавались из поколения в поколения практически без изменений. Научное внимание также привлекла необычная, высокохудожественная металлопластика таежного края. Различные антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные изображения были удивительны и непонятны. В 1906 году, крупнейший российский археолог А.А. Спицин впервые публикует собрание сибирской бронзолитейной пластики, так называемые «Шаманские изображения». Благодаря находке клада в 1922 году на горе Кулайке в Чаинском районе Томской области, отдельно выделяется Кулайская культура, являвшаяся предшественницей более поздних культурных общностей Сибири. Самое любопытное, что для народов Западной Сибири не имевших собственной письменности и находившихся изолированными от мировых культурных центров, археологический материал послужил своеобразной летописью от раннего железного века до средневековья.

Ярчайшим и загадочнейшим элементом сибирской металлопластики являются — личины. Личины представляют собой стилизованное изображение человеческого лица, с различной детализацией его черт (глаза, нос, рот и т.д.). Каждая личина индивидуальна. Насколько известно автору, в археологии не встречалось идентичных ликов выполненных из одной формы, однако так называемая иконография данных изделий выполнена в строгом каноне характерном для времени своего изготовления. Именно по отличительным особенностям данных произведений художественного литья можно определить культуру и период бытования.

Одним из древнейших примеров указанной металлопластики на территории Западной Сибири являются образцы Кулайской культуры, существовавшей в период от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. Как правило, указанные личины находят в священных местах, зачастую не по одному экземпляру, а целыми комплексами от пяти до пятнадцати, причем помимо них в комплексе может присутствовать оружие, зеркала, посуда, украшения и прочее (ярким примером такого комплекса служит Холмогорский клад [3]). Размер ликов может варьироваться от двух сантиметров в высоту (рис. 1-4), до двенадцати (рис. 5), и более. Помимо размера могут отличаться их толщина, качество проработки черт лица и состав материала. Примечательно, что ко всему прочему личины носят и эмоциональный оттенок, они могут быть веселыми, грустными, грозными и т.д. Специфической чертой кулайской иконографии служит отображение глаз и рта в форме горизонтальных овалов (известны и иные формы), нос обычно представлен длинной вертикальной линией (хотя на некоторых его может не быть вовсе). Иногда встречаются «антропоморфные личины», где 90% изделия занимает непосредственно само лицо и символически обозначены руки и ноги (рис. 3). Нетипичным для кулайского стиля является отверстие для привешивания (рис. 4). В. А. Могильников, рассматривая комплекс аналогичных образцов, вообще ставит под сомнение отнесения их к кулайской культуре [4]. Представляется возможным, что множество характерных черт и отличий продиктованы разницей в периоде изготовления и бытования представленных ликов. Необходимо отметить, что кулайский археологический материал (за исключением поздних изделий этой культуры) имеет очень слабую степень сохранности, практически целиком состоя из окислов. Вызвано это тем, что при изготовлении художественного литья было использовано множество примесей и доля чистого металла мала. При этом предметы кулайского вооружения (наконечники стрел, кельты и т.д.) сохраняются великолепно, что, скорее всего, связано с различным подходом к технологии изготовления. Предположительно мелкое бронзовое литье могло изготавливаться многими членами рода самостоятельно (что косвенно подтверждается археологическими исследованиями и качеством образцов), тогда как более серьезные изделия амуниции и вооружения поступали из относительно крупных литейных центров.

Наследниками кулайской культуры выступают финно-угорские народы Западной Сибири. Археологические исследования показывают, что многие черты этих этносов схожи. Эта связь прослежива-

ется и в примерах художественной металлопластики. Средневековые сибирские личины характеризует ряд особенностей: детальная проработка (рис. 6-9), распространение антропоморфных изображений («идолов») (рис. 7-8), применение в качестве материала изготовления серебра (рис. 7), изображение на некоторых образцах различных линий (рис. 6). Многие исследователи предполагают, что последнее связано с практикой использования населением Приобья татуировок [5]. На всех без исключения средневековых личинах особо отмечено значение головного убора или диадемы. Диадемам в кулайской металлопластике отдельное внимание уделял Я. А. Яковлев [8]. Детально этот вопрос был исследован и А. И. Соловьевым [6]. В частности он выделил закономерность, что большинство средневековых изображений увенчаны шлемом либо шаманским головным убором и, следовательно, олицетворяли выдающихся дружинников «богатырей», князей и шаманов. Например, на рис. 9 изображен лик шамана, где помимо головного убора мы видим двух змей «ящеров», указывающих на то, что он пользовался услугами духов нижнего мира (был «черным шаманом»), а также маску — неотъемлемый атрибут шамана.

На символ маски, хотелось бы обратить особое внимание. Все мы можем наблюдать «ряженных» на Рождество — это нам знакомо, однако немногие задумывались, откуда берет корни этот обычай прятать свое лицо под чужой личиной. Вряд ли кто задавался вопросом, почему средневековые палачи при исполнении своих должностных обязанностей надевали маски? Дело в том, что маски представляют собой защиту для своих носителей от вредных потусторонних воздействий и используется во многих ритуалах и магических обрядах, являясь одновременно гранью и барьером между мирами. Их часто используют на празднествах посвященных духам, они представляют собой один из древнейших аксессуаров шаманских практик. В этой связи следует отметить, что одно из значений термина личина — это маска. Многие личины выполнены в стиле не точного отображения лица, а как бы маски на лицо. Известно не мало кулайских экземпляров, где рельеф носа отсутствует, имеются лишь продольные овалы «прорези» для глаз и рта. Некоторые специалисты трактуют непропорциональные формы «лица» ликов, их фантастичность — фактически образом маски.

Народы Западной Сибири (и не только они), металлам придавали особые защитные и магические свойства. Все знают древний обычай класть на глаза умершего монеты, однако эти монеты являются не только мифической платой «Харону», но и защитой для живых от мертвого, наложением своеобразной маски не дающей проникнуть неживому в мир живых. Поэтому маски изготавливались не только из бересты, бумаги, ткани и т. п., но и из металла или содержали металлические составляющие (накладки, заклепки и т.д.). Раскрывая аналогию и взаимосвязь личины и маски, мы постепенно подходим к ответу на вопрос для чего же собственно изготавливали древние лики.

Ученые царской России, рассматривая представленные образцы сибирской металлопластики и обладая низким уровнем информированности о таежном этносе, относили данные изделия исключительно к атрибутам шаманской обрядовой практики. В своих выводах

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 4.

Рис. 3.

Рис. 5.

Рис. 6.

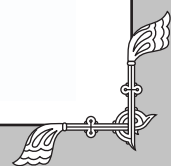
Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

они исходили из того, что основной формой религии у сибирских народов являлся шаманизм (являясь, между прочим, древнейшим проявлением религиозного мировоззрения человечества). В более позднее время было выдвинуто еще несколько версий предназначения данного культового предмета. Таким образом, в качестве семантики личин на данный момент рассматриваются следующие варианты:

Во-первых, как говорилось выше, личины представлялись как аксессуар шамана, олицетворявший собой вместилище для духов, которые при вызове входили в лики и оказывали помощь, а по завершению камлания покидали это временное пристанище и отправлялись в свои миры. Шаман ухаживал за такими временными «сосудами» для духов, поощрял «кормил» или наказывал их.

Во-вторых, личины использовались как «дух-хозяева» определенных территорий, как покровители рода или отдельных семей. Их устанавливали в специальных местах, приносили различные дары, просили о различном содействии. Вплоть до настоящего времени в глубокой тайге можно встретить величественные деревья с вырезанными на них ликами.

В-третьих, личина предназначалась для временного размещения души умершего предка. У манси такое изображение именовалось «итэрма/итырма», у хантов «иттарма», у ненцев «нытарма». У разных этносов обрядность и ритуальная составляющая обращения с ними могли быть различными, но суть была одна. Изготавливалась символическая деревянная, тряпичная или иная кукла, которую венчал лик (в современном мире этот лик заменяется фотографией). К данному изделию было отношение как живому человеку или как к живой душе. Затем после какого то времени куклу хоронили или наоборот устанавливали в святом месте на деревянном вырезанном идоле (все зависело от определенной культуры, ее ритуалов и обычаев). Размер и иконография каждой конкретной личины, предположительно определялись статусом человека в обществе. Сторонники данной версии также нередко отмечают, что в пользу их доводов говорит отсутствие каких либо приспособлений для их ношения и индивидуальность каждой из них. Однако как мы можем видеть, встреча-

ются все же и экземпляры с отверстиями для крепления (рис. 4,7,9).

В-четвертых, лики могли изготавливаться для символического погребения членов рода, которых фактически не удалось захоронить ввиду различных причин, (сорочик остался на поле боя или ввиду иных обстоятельств его тело стало недоступно для погребения). В данном случае личина являла собой пристанище бессмертной души погибшего, так как сказать была своеобразным «домашним якорем» для потерявшегося духа предка. Считалось что без проведения указанного ритуала, дух предка останется неуспокоенным и может стать злым.

Как бы там ни было, данные образцы искусства таежного края таят в себе еще не одну загадку и вряд ли существует только один однозначный ответ на все те вопросы, которые они задают нам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балакин Ю. В. «Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале», Новосибирск, 1998.
2. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. «Легенды и были таежного края», Новосибирск, 1989.
3. Зыков А. П., Федорова Н. В. «Холмогорский клад», Екатеринбург, 2001.
4. Могильников В. А. «Предметы бронзового литья с городища Старый погост», Москва, Институт археологии РАН, (<http://www.ipdn.ru/tics/doc0/DC/1-mog.htm>).
5. Польшмак Н. В., Шумакова Е. В. «Очерки семантики кулайского искусства», Новосибирск, 1991.
6. Соловьев А. И. «Священные лики Большого Леса», Наука из первых рук, Март 2005, N 1 (4).
7. «Финно-угры и балты в эпоху средневековья», Серия: Археология СССР, Москва, 1987.
8. Яковлев Я. А. «Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место», Томск, 2001.
9. Каталог «Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала», Ханты-Мансийск, 2007.

Некоторые аспекты орнитоморфного образа в культовой металлопластике народов Сибири и Урала

Михаил Макеев
(Россия)

Символ птицы пронизывает весь период существования человеческой культуры. С самых первых ее проявлений, орнитоморфный образ выступал неотъемлемым компонентом воплощения мировоззрения людей в материальных объектах. Анализируя творческие образцы древних мастеров, мы можем судить, что использование данного элемента служило не столько фактом отображения повседневной реальности, сколько носило глубокий космологический, мифологический и культурный смысл. Исследуя мировую историю в симбиозе с фундаментальными институтами (культурой, искусством, религией) мы встречаем нашего крылатого спутника практически во всех источниках. В большинстве религиозных культов отмечена духовная сущность того или иного пернатого представителя, его связь с божественным. Иногда он сам выступает демиургом всего сущего и почти всегда представляется посредником между богами и людьми. Каждый из нас, хоть раз в жизни, смотря на небо, провожал взглядом плавный, независимый полет птицы и желал оказаться на ее месте. А сколько сказочных чувств испытываем мы, летая во сне! Взаимосвязь души человека и крылатых властителей воздушного пространства, нашла свое отражение не только в бесчисленном ряде мифических преданий, но и во многих примерах металлопластики. Особенно ярко это выражено в археологическом материале Урало-Сибирского региона. Настоящая статья не в силах охватить весь объем имеющейся и изученной информации о культовой металлопластике народов Сибири и Урала. В ней автор позволит себе остановиться лишь на некоторых аспектах использования орнитоморфного образа в указанном регионе на основе фондов, имеющих в виртуальных галереях электронного ресурса «Домонгол».

Использование орнитоморфного образа на заре человечества

Насколько известно ученым и историкам, самые ранние изображения орнитоморфного образа появляются в палеолите в росписи пещер, рисунках на скалах «писаницах», в виде мелкой пластики из камня, кости, бивня мамонта. Древнейшим примером костяной пластики с изображением птицы, является фигурка цапли, вырезанная из кости мамонта и найденная относительно недавно во время раскопок на Швабской Юре (территория современной Германии). Возраст найденного

артефакта определяется примерно в тридцать две тысячи лет (рис. 1). Не менее известен лебедь, вырезанный из бивня мамонта, обнаруженный при раскопках стоябища охотников у села Мальта близ Иркутска в Сибири и хранящийся в фондах Государственного Эрмитажа. Его примерный возраст составляет двадцать две тысячи лет (рис. 2). Особого внимания, безусловно, заслуживает фигурка птицы, со стоянки Мезино (близ Новгорода-Северского), также изготовленная из бивня мамонта и отнесенная к периоду позднего палеолита, вся поверхность которой покрыта орнаментом (рис. 3).

Пристальное внимание ученых по предмету исследования отображения орнитоморфного образа в древности было уделено неолитическому и энеолитическому периодам, как наиболее насыщенным представленным материалом. Изучалась скульптурная (изображения, изготавливаемые из кости, кремня, глины, янтаря, дерева) и графическая (изображения на керамике, скалах, гротах и т.д.) передача крылатого образа. Наиболее распространенной в указанные периоды являлась костяная пластика. В этой связи можно выделить работу Е. А. Кашиной и А. В. Емельянова посвященную костяным изображениям птиц финала каменного века [11]. Ими были рассмотрены и досконально обследованы более тридцати птицевидных фигурок неолитического периода. В результате был сделан вывод, что кроме пищи, посредством пернатых представителей люди получали: орудия труда — проколки, музыкальные ин-

струменты — костяные флейты, а также костяные привески (пробораз металлических привесок), которые играли культовую и магическую роль. Последнее косвенно подтверждается покрытием некоторых привесок красной охрой, важное значение которой в первобытном мышлении и ритуальной практике, ее связь с идеей жизни, неоднократно подчеркивал в своих работах А.Д. Столяр [17]. По мнению авторов, изготовление указанных выше костяных изображений могло быть приурочено к неким обрядам магического характера, направленным на приумножение птицы и /или обеспечение охотничьего успеха. Кроме того, символ птицы мог быть связан с обережной магией.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство известных в древности орнитоморфных изображений посвящено водоплавающему виду, значительная роль которого объясняется тем, что в древние времена он являлся важным пищевым ресурсом. Н.Н. Гурина связывала культ перелетных водоплавающих птиц у северного неолитического населения с огромным экономическим значением, которое имела охота на них весной [8]. Более того, насколько мы можем судить, с ними в древности были связаны определенные мировоззренческие идеи и мифы. М.Ф. Косарев на базе проработанных археологических и этнографических материалов по Уралу и Сибири сделал вывод, что культ перелетных водоплавающих был тесно связан с представлениями древних об умирании и оживании природы [13]. С.В. Большов и Н.А. Большова в своей совместной работе связывают весенний прилет пернатых в ассоциативном восприятии у древнего человека с пробуждением природы и возрождением жизни [3]. Вероятно, именно с птицей человек связывал частичку своей души, которая осенью перед наступлением холодов улетала куда-то на юг, где была неизвестная земля, а, вернувшись весной, вела охотника, к озерам богатым рыбой, где собирались на водопой лесные звери. Образ водоплавающей птицы — один из наиболее устойчивых образов в мировоззренческой модели древнего населения. С построением мифологической картины мира утке отводится роль его устроителя, создателя вселенной. С ее образом связывают переселение души умершего, а с появлением трихотомической модели мира (нижний, средний и верхний миры). Ей же отводится роль посредника между мирами. Птицы, путешествующие с севера на юг и обратно, соединяют два мира по горизонтали: мир мертвых (север) и мир живых (юг). Наблюдая за водоплавающей птицей в реальной жизни, человек видел, что птица соединяет миры и по вертикали: летает в небе (верхний мир), гнездится на земле (средний мир) и ныряет в воду (нижний мир).

М.Ф. Косарев также полагает, что крылатый образ в древнем обществе мог иметь отношение и к тотемистическим представлениям [13]. В качестве тотемов родов и отдельных родовых групп у разных народов Урала и Сибири почитались самые различные породы птиц: орел, ястреб, глухарь, журавль, ворон, лебедь, гоголь, филин, утка, дятел и т.д.

Одной из бесценных сокровищниц человечества сохранившей богатый археологический материал является территория Урала. Из его торфяников было поднято и изучено немало деревянных орнитоморфных изделий энеолитического периода. Многие горы, пещеры и гро-

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

ты до сих пор хранят на себе рисунки древних мастеров с изображением птиц. Урал послужил колыбелью для яркой и выдающейся Иткульской культуры, бронзовые орнитоморфные идолы которой являются ее своеобразной «визитной карточкой».

Орнитоморфный образ в Иткульской культуре

Орнитоморфная металлопластика (птицевидные идолы из меди и бронзы) получила широкое распространение в Урало-Западно-Сибирском регионе. Ее различают по иконографии и периоду бытования. Ранние образцы указанного художественного литья датируются началом железного века и связаны в первую очередь с Иткульской культурой Среднего Зауралья.

Иткульская культура относится к первой половине раннего железного века (VII-III века до н. э.), и располагалась в районах горно-лесного и лесостепного Зауралья. Она была выявлена К.В. Сальниковым при исследованиях городища на озере Иткуль, в честь которого получила свое название. В экономике иткульцев основным являлось производящее хозяйство — металлургия и металлообработка. Особенно были развиты цветная металлургия, бронзолитейное и кузнечное дела. Металлурги не испытывали дефицит сырья, так как основная часть поселений располагалась в полосе рудных месторождений. Ассортимент изделий цветной металлургии включал десятки категорий оружия (кинжалы, наконечники копий и стрел), орудий труда (кельты, ножи, иглы), посуды (котлы), украшений, предметов туалета (зеркала) и культа (антропоморфных «древовидных» и орнитоморфных идолов, иных изделий культа). Иткульская медь в виде слитков поступала к приуральским племенам, а в виде оружия к савромато-сарматским кочевникам южного Урала. Иткульский металл также проникал в районы Западной

Сибири и далеко на север. Основой для образования Иткульской культуры послужили культурные комплексы Березовского этапа Межовской культуры Зауралья, что указывает на ее угорскую принадлежность.

Официально известно более ста двадцати птицеидолов, принадлежащих Иткульской культуре. Наиболее полную их систематизацию попытался осуществить Ю. П. Чемякин, каталогизировав восемьдесят четыре изображения иткульских орнитоморфов [20]. Основываясь на трудах В. Д. Викторовой [5] и Ю. П. Чемякина можно судить, что крылатые идолы, как правило, входили в состав святилищных комплексов или кладов, либо представляли собой случайные,

единичные находки, которые были найдены на вершинах гор, у их подножья или в гротах. В значительных «жертвенных» комплексах могло находиться от трех до нескольких десятков отливок с одной формы, причем кроме непосредственно самих птицеидолов комплексы могли содержать зеркала, оружие, антропоморфных идолов или иные изделия. Большинство иткульских орнитоморфов несут в себе черты дневных хищных птиц, таких как орел, ястреб, коршун, сокол. Однако встречаются и такие, которых можно отнести к образу дятла, ворона или совы. Данные идолы отличаются не только воплощенными в металле образами птиц. Значительные отличия содержатся в иконографическом исполнении,

Рис. 4.

в размере, в манере передачи объема, в наличие креплений («петелек» для подвешивания), в степени обработки после отливки. Встречаются комплексы, в состав которых входят необработанные после отливки изделия, с невыраженной частью головы, остатками литника, не проливами и т. п. На ряду с указанными орнитоморфами в состав этого же комплекса, как правило, входят экземпляры большего размера, детально проработанным и полированным рельефом, с наличием петель для подвешивания. В чем же причина такой разницы? Отвечая на данный вопрос, мы вплотную подходим к самой сути крылатых идолов, к тому для чего же они были созданы.

Ученые конца XIX — начала XX века полагали, что данные артефакты являются предметами жертвоприношений либо посредниками «помощниками» в шаманских обрядах. В. Д. Викторова в своей работе делает иной вывод [5]. Она считает что, скорее всего, птицеидолы являются вместилищем душ умерших иткульцев — «иттармой», тем самым, давая ответ по вопросу неоднородности орнитоморфов. То есть разница (отличие форм и специфических особенностей) обусловлена различным социальным статусом членов иткульского общества, тотемной или клановой принадлежностью, определялась родом занятий. В подтверждение данного вывода стоит отметить, что отсутствие захоронений в земле, отличительная черта аборигенов горно-лесного Зауралья начиная с эпохи камня. Немногочисленные захоронения в гротах и возле входов в пещеры — особая честь, выпадавшая немногим отдельным личностям (вождям, героям, шаманам), в то время как основная часть общества хоронилась в текущей воде, отправляясь в Нижний мир.

Ю. П. Чемякин в своей работе отметил любопытный симбиоз орнитоморфного и антропоморфного «древовидного» образа в некоторых крылатых идолах [20]. Дело в том, что в хвостовой части отдельных птицеидолов расположены характерные валики «выпуклости», которые при развороте артефакта на 180 градусов образуют черты лица «глаза, рот» уже «древовидного» идола. На рис. 4 среди прочих Иткульских орнитоморфов VII-III в. до н. э., имеется один, представляющий синтез птицевидного и древовидного идолов расположенных в солярном круге. Солярный круг в среде иткульских металлургов ассоциировался с солнцем и огнем, жаром который был так важен при их производстве. Автору статьи доводилось встречать образец иткульского идола, туловище и каждое крыло которого изображало антропоморфа. Подобные воплощения различных образов в едином изделии бронзолитейного искусства, нуждаются в глубочайшем семантическом анализе. Иткульские птицеидолы таят в себе еще не одну загадку, которые можно попытаться разгадать посредством наиболее полной их систематизации и изучения.

Орнитоморфный образ в Кулайской культуре

Не менее примечательными и уникальными по своей иконографии являются образцы бронзовой художественной пластики Кулайской культуры.

Зеленая полоса на карте, что протянулась на восток от Уральских гор через всю Сибирь, почти до Тихого океана, являет на местности полный загадок и древ-

них тайн укромный таежный мир, ставший родиной Кулайской культуры. Она является одной из наиболее ярких культурно-исторических общностей существовавшей в период середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. Данная культура зародилась в Нарымском Приобье в центре Западно-Сибирской равнины и распространилась на значительной территории Западной Сибири. Отсутствие письменности, а также отдаленность территории формирования от мировых центров цивилизаций, сделали эту культуру абсолютно неизвестной до последнего времени. Свое название она получила по месту находки в 1922 г. клада, состоявшего из бронзового котла и мелких бронзовых и серебряных изделий на горе Кулайке в Чаинском районе Томской области. Этот комплекс явился первым официальным изученным комплексом Кулайской культуры. Он послужил базовым материалом для ее отдельного выделения.

Должное внимание ученых Кулайская культура получила только в середине XX века при обнаружении ее культовых комплексов, содержащих характерные образцы металлопластики. Одним из них является комплекс с Саровского культового места Колпашевского района Томской области, детально изученный Я. А. Яковлевым [22]. В своей работе по его системному анализу он отметил, что самым популярным образом художественного литья с исследованного им памятника является птица, изображения которой в процентном соотношении к остальным образам составляют около 40%. Приведенная статистика служит еще одним доводом того, что в Урало-Сибирском культовом, бронзолитейном искусстве раннего железного века и средневековья наиболее многочисленны изображения орнитоморфных персонажей и сцен с их участием. Примечательным образцом кулайской металлопластики из Саровского культового места служит изображение симметрично расположенных друг напротив друга птиц и дерева между ними. Мотив «мирового древа» является общим для традиционных культур. Таким образом, в указанной композиции была отображена тесная взаимосвязь образа птицы с основами мироздания.

При изучении кулайской бронзовой пластики Я. А. Яковлев также отмечает частое иконграфическое изображение орнитоморфных диадем на атропоморфных личинах [22]. Подтверждением такого наблюдения служат примеры из собрания Холмогорского комплекса. В Холмогорском кладе было выявлено три личины, которые венчали диадемы в образе совы или филина.

Исследованиям крылатого образа в Кулайской культуре должное внимание уделяет и А. И. Соловьев, основной темой исследований которого являлось сибирское вооружение и амуниция таежных воинов. В частности из работ А. И. Соловьева следует, что кулайцы носили птицевидные головные уборы, о чем свидетельствуют как рисунки на бронзовых зеркалах, так и плоские изображения личин [16]. Эти «шапки» выполнялись в виде цельных фигур птиц, как бы сидящих на темени. Можно предположить, что некоторые из них могли быть чучелами настоящих пернатых представителей, прикрепленные к металлическому обручу. Эти головные уборы имели несомненный сакральный смысл и использовались в культовых церемониях. А. И. Соловьев полагает, что богато украшенные орнитоморфными образами головные уборы в основном являлись привилегией ша-

Рис. 5. Орнитоморфный подвесной идол с личиной на груди и две орнитоморфных фигурки, первая половина I-го тысячелетия н.э.

манов, однако допускает, что их могли носить и вожди которые имели возможность единолично воплощать духовную и светскую власть [16].

Необходимо также отметить отличительные черты раннего кулайского стиля в металлопластике, специфику иконографических канонов отображения окружающего мира. Н. В. Полысьмак и Е. В. Шумакова в своей работе указывают, что Западно-Сибирскому бронзовому литью раннего железного века присущ так называемый скелетный стиль в передаче антропоморфных, зооморфных, орнитоморфных и иных образов [15]. Его характеризует реалистичная передача голов животных, отображение контуров их фигур с показом внутреннего строения: ребер и вертикальной линии, заканчивающейся овалом, что, возможно, предусматривает внутренние органы. Скелетный стиль известен в примерах многих Сибирских, Уральских и Скандинавских писаниц с изображением людей, птиц и животных. Реалистично выполнимые рисунки зачастую хронологически предшествуют изображениям с элементами внутреннего строения. Ученые отмечают, что такой стиль изображения не стоит воспринимать как деградацию изобразительного искусства, поскольку подобные изображения основаны на знании естества объекта. Закономерность перехода от скелетного стиля к реальному отображению прослеживается и в Западно-Сибирской металлопластике.

Примерами объемного высокохудожественного литья служат образцы кулайской бронзовой пластики из Холмогорского комплекса. Среди них отдельно можно выделить ряд трехглавых искусно выполненных птицевидных фигур. Все указанные изделия предположительно изготовлены в III-IV веке н. э., то есть фактически на закате Кулайской культуры. Их отличает высокая рельефность, качественная проработка деталей и богатая орнаментация.

Говоря о птицеидолах, необходимо обратить внимание на их образцы с личиной на груди. Находки подобных идолов известны в Томском Приобье и Тюменской области. По мнению ученых, данный стиль отображения является изобретением кулайского пластического искусства. Как отмечает А. И. Соловьев, образ птицы с личиной на груди это популярнейший сюжет, прошедший путь от схематичных плоскостных изображений Саровского этапа Кулайской культуры к полным рельефных деталей, тщательно проработанным фигурам эпохи средневековья, унаследованный населением Западно-Сибирской тайги [16]. Расшифровок этого символа предлагалось множество, один из вариантов это птица, уносящая душу богатыря. Пример такого образа можно видеть на рис. 5.

Орнитоморфный образ в средневековой культуре Финно-Угров

Финно-Угорская общность культур включает в себя более двадцати различных этносов, расположенных практически по всей территории России. Несмотря на общие корни, культура каждого из них, его мифы, иконография металлопластики и прочие фундаментальные этнические черты имеют характерные отличия. В рамках настоящей статьи автор позволит себе лишь осветить некоторые аспекты крылатого образа в металлопластике финно-угров Сибири и Урала, при этом, не выходя за рамки материала имеющегося в галереях электронного ресурса «Домонгол».

Одним из главных орнитоморфных образов в финно-угорской культуре является образ водоплавающей птицы. Конкретный вид этой птицы зависит от мифологии конкретного этноса. Это может быть утка, гагара, нырок и т. д. (рис. 6-8, орнитоморфные подвески XI-XIII в. н.э.).

Рис. 6.

Рис. 7, 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12. Орнитоморфная подвесная бляха XI-XII в.н.э.

Рис. 14. Орнитоморфная бляха X-XIII в.н.э.

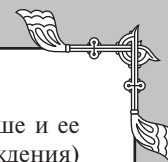

Рис. 13. Орнитоморфная пронизь IX-XI в.н.э.

Рис. 15.

Важность водоплавающей птицы обуславливается тем, что по мифическим преданиям она наравне с богами участвовала в сотворении мира. В этой связи необходимо пояснить космологическую картину в представлении финно-угров. В их понимании Космос включает в себя три сферы: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры. Верхний мир — сфера обитания демиурга (высших богов), средний мир — тот мир, где живут люди и нижний мир — обитель мертвых, злых духов. Именно при сотворении среднего мира (Земли) по воле божественных сил утка и приняла самое непосредственное участие. По одним мифам современная Земля является вторичной, по отношению к первичной водной стихии, простиравшейся во всех направлениях без конца и края. Зародыш земли, в виде частиц донного ила, достали божественные птицы, глубоко ныряя за ним в бездну. С этого маленького комочка и пошла земная твердь, ставшая впоследствии опорой для всего живого. С каждым днем она разрасталась все больше и больше, так, что проживающий на кочке старик, вынужден был посылать ворона для разведки и определения границ суши. Темпы прироста территории оказались настолько велики, что уже на третий день земля приобрела свои современные размеры. И.А. Иванов в своих исследованиях данного мифа отмечает, что с ним соотносятся данные палеогеографии [10]. Ученые подтверждают тот факт, что 25 миллионов лет назад Западносибирская равнина вышла из-под уровня моря. Она была сначала плоской и ровной, но постепенно стала расчленяться появившимися реками. По другим мифам водоплавающая птица снесла яйца на коленях богини Матери Вод, и из них возник мир. Существуют и другие вариации данного мифа.

По исследованиям А.В. Варенова в захоронениях финно-угорских народов, населявших русский Север и просторы Западной Сибири уже в эпоху неолита, археологи во множестве находят так называемые шумящие подвески изображающие водоплавающих представителей пернатого вида [4]. Первоначально данные подвески возникли как непременная деталь шаманского наряда — паркы, помогающая шаману в общении с духами. Позднее они получают более широкое распространение и становятся элементом одежды, главным образом женской. Шумящие подвески несли в себе некую сакральную, магически-обережную идею. Считалось что шум, издаваемый ими, являлся защитой от внешних вредоносных сил. Примеры шумящих орнитоморфных подвесок, наряду с иными зооморфными финно-угорскими украшениями, достаточно подробно описаны и систематизированы в работе Л.А. Голубевой [6]. Образцы таких подвесок XI-XII в. н. э. представлены на рис. 9-11.

Связь птиц с духовным миром буквально пронизывает мифологию финно-угров. Отождествление души с крылатым образом прослеживается практически у всех аборигенных этносов Сибири и Урала. Из трудов В.Н. Чернецова по исследованию представлений обских угров о душе следует, что ханты и манси предполагали наличие у живого человека пяти или четырех душ, при этом три души имели орнитоморфный облик [21]. Нарымские селькупы считали, что душ четыре, а главная (олицетворяющая жизненное начало) из них выглядит как птица с человеческим лицом. Я.А. Яковлев

в своих исследованиях отмечает, что идея о душе и ее реинкарнации (бесконечном круговороте возрождения) обусловила создание особого материального хранилища для нее и птица, которая, во-первых, одним своим видом была олицетворением души, а, во-вторых, в силу космической своей сути была способна преодолевать границы миров (верхнего, среднего и нижнего), подошла для этого лучшим образом [22].

По религиозно-мифологическим воззрениям финно-угров, божественные силы использовали орнитоморфный образ как один из вариантов своих физических воплощений в мире людей. Возможно, именно с этим связан тот факт, что у разных народов Урала и Сибири птицы нередко выступали в качестве тотемов «родоначальников и духовных покровителей» родов или отдельных родовых групп. В качестве тотемов почитались самые различные их виды: орел, коршун, ястреб, глухарь, журавль, лебедь, утка, ворон, филин.

Среди прочих использовавшихся в средневековой бронзоволитейной пластике финно-угров орнитоморфных изображений, отдельно хотелось бы выделить образ филина. Филин представляется неоднозначным персонажем в мифологии. С одной стороны — это ночной хищник и, следовательно, связан с духами нижнего (мертвого) мира, но с другой стороны он может выступать верным помощником и нередко является родовым тотемом. Некоторые исследователи связывают образ филина с шаманизмом таежных народов. Примечательна и его иконографическая специфика изображения в металлопластике, где он изображается либо целиком с расправленными крыльями, либо только его голова в анфас (рис. 12). Из всех птицевидных диадем, встречающихся на личинах или идолах, образ филина основной.

Рассматривая образцы художественных средневековых финно-угорских металлоизделий необходимо отметить, что крылатый образ встречается на самом широком круге изделий древних мастеров. Помимо приведенных примеров изображений в виде подвесок, блях и пронизи, он встречается также на кресалах (как правило, в виде расположенных друг напротив друга птиц, иногда со сценой терзания птицами жертвы), рукоятках ножей (в виде птицы клюющей змея), на бляшках поясного набора (голова филина в фас), на сложных зооморфных пряжках (в виде приемника язычка), в виде наручей и т. п.

Повествуя о птицевидном стиле, невозможно обойти стороной тему Урало-Сибирского шаманизма. Во всех мировых мифах о возникновении первого шамана при разнице в интерпретации и некоторых моментах, тем не менее, присутствуют два неотъемлемых символа Мировое древо и птица, причем последняя выступает в них в качестве его творца либо инициатора. Птицы с их космической сущностью и умением пересекать границы миров являются неотъемлемыми проводниками и помощниками шамана. Практически все культы используют в своей атрибутике и одежде орнитоморфные элементы. Нередко шаманы изготавливают свой головной убор в виде птицы либо ее головы, а изделия металлопластики служат в их культовой практике для вместилища духов-помощников. Можно с большой долей вероятности предположить, что на рис. 15 и 16 изображены именно шаманы.

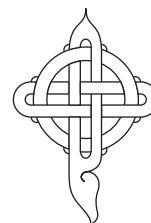

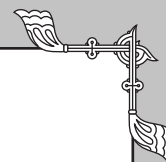
В заключении хотелось бы отметить, что в данной статье автор на примерах имеющегося в виртуальных галереях электронного ресурса «Домонгол» материала, хотел показать насколько значительна роль орнитоморфного образа в древней металлопластике, провести небольшую экскурсию для читателя от палеолитических костяных изображений до изображения птиц в металле в эпоху средневековья на территории Сибири и Урала. Не менее значительной целью статьи также, является опубликование ранее не вводившихся в научный оборот образцов металлопластики, которые могут быть полезны специалистам в исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бельтикова Г. В.* «Иткульские поселения», Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири, Свердловск, 1977;
2. *Бельтикова Г. В.* «Развитие иткульского очага металлургии», Вопросы археологии Урала, Екатеринбург, 1993, Вып. 21;
3. *Большов С. В. Большова Н. А.* «Полет птицы. Миф и символ в традиции культур Марийского Поволжья», <http://www.mith.fantasy-online.ru/articles-2.html>
4. *Варенов А. В.* «Утка, конь-олень — шелестящие обереги», Наука и жизнь, 1999;
5. *Викторова В. Д.* «Клады на вершинах гор. Культовые памятники горно-лесного Урала.», Екатеринбург, 2004;
6. *Голубева Л.* «Зооморфные украшения финно-угров», М., «Наука», 1979;
7. *Гурина Н. Н.* «Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера», МИА. 1951;
8. *Гурина Н. Н.* «Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен», КСИА 1972;
9. *Жеребина Т. В.* «Сибирский шаманизм», Санкт-Петербург, 2009;
10. *Иванов И. А.* «Югра», Лянтор, 1998;
11. *Кашина Е. А., Емельянов А. В.* «Костяные изображения птиц финала каменного века Мещерской низменности», Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна, Рязань, 2003;
12. *Корнеев А. В.* «Религии мира. Шаманизм», М, 2006;
13. *Косарев М. Ф.* «Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов», Некоторые проблемы сибирской археологии, М., 1988;
14. «Мифология Манси», Новосибирск, 2001;
15. *Польсмак Н. В., Шумакова Е. В.* «Очерки семантики кулайского искусства», Новосибирск, 1991;
16. *Соловьев А. И.* «Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья», Инфолио-Пресс, 2003;
17. *Столяр А. Д.* «Происхождение изобразительного искусства», М, 1985;
18. «Финно-угры и балты в эпоху средневековья», Серия: Археология СССР, Москва, 1987;

Рис. 16.

Височные украшения славян. Хронология, типология, символика

Василий Коршун
(Россия)

Существует много версий появления древних женских височных украшений. Наиболее вероятной мне видится следующая [1]. Самым древним женскими головными украшениями были цветы. Из них плели венки, вплетали в косы. Выйдя замуж, славянская женщина убирала волосы под головной убор. В качестве имитации цветов и появились носимые около уха украшения. По всей видимости, эти украшения имели древнее название «усерьзь» (от слова ухо), хотя наибольшую известность приобрели по кабинетному названию — «височные кольца».

По внешним и технологическим признакам височные кольца делятся на группы: проволочные, бусинные, в которой выделяется подгруппа ложнобусенные, щитковые, лучевые и лопастные [2].

Проволочные височные кольца

Величина и форма проволочных колец служат признаком для выделения в них отделов: перстнеобразных, браслетообразных, среднего размера колец и фигурных. Среди первых трех отделов существует деление на типы: замкнутые (со спаянными концами), завязанные (варианты: с одним концом и двумя концами), простые несомкнутые

Семилопастные височные кольца в ленточном уборе. По материалам подмосковных курганов. (Жилина Н.В. Русский ювелирный убор, Родина №11-12, М., 2001)

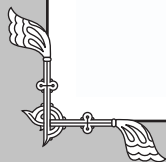
(рис. 1); с заходящими концами (варианты: крестообразные, в полтора-два оборота (рис. 2), с перегибом); загнутоконечные; S-конечные (рис. 3); плоскоушковые; крюкоконечные; петлеконечные; втульчатые.

Самые малые из проволочных перстнеобразные либо нашивали на головной убор, или вплетали в волосы. Они были широко распространены в X-XIII вв. по всему славянскому миру и не могут служить ни этническим,

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

ни хронологическим признаком. Однако, полуторооборотные замкнутые проволочные кольца свойственны для юго-западной группы славянских племен [8].

Бужане (волыняне), древляне, поляне, дреговичи

Для них характерны проволочные перстнеобразные височные кольца диаметром 1 до 4 см. Наиболее частыми являются кольца с несомкнутыми и заходящими друг на друга концами и, как разновидность последних, полуторооборотные кольца. Гораздо реже попадаются кольца загнутоконечные и S-конечные, а также полихромные, однобусенные и трехбусенные зерненные кольца.

Северяне

Этнографическим признаком северян являются проволочные фигурные спиральные кольца XI-XII вв., (рис. 4). Женщины носили их по два — четыре с каждой стороны [8].

Данный вид колец произошел от спиральных височных украшений, распространенных на левобережье Днепра в VI-VII вв., (рис. 5). К наследию более ранних культур можно отнести встречающиеся на памят-

Рис. 4.

Рис. 5.

никах северян лучевые ложнозерненные литые височные кольца VIII-XIII вв., (рис. 6) Они представляют собой поздние копии дорогих ювелирных украшений. Кольца XI-XIII вв. отличаются небрежностью изготовления [2].

Смоленско-полоцкие кривичи

У смоленско-полоцких кривичей были браслетообразные проволочные височные кольца. Они крепились кожаными ремешками к изготовленному из бересты или ткани головному убору типа кички от двух до шести у каждого виска [8]. В основном это были кольца с двумя завязанными концами (XI — начале XII в.) и од-

Рис. 6.

ним завязанным концом (XII-XIII вв.) [2]. В верховьях рек Истры и Клязьмы выявлен значительный процент встречаемости S-конечных колец (X-XII вв.), в то время как других регионах они встречаются достаточно редко (рис. 7).

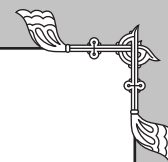
Рис. 7.

Псковские кривичи

На этой территории встречаются браслетообразные проволочные височные кольца с заходящими концами крестообразные и загнутоконечные. Иногда к кольцам подвешивались на цепочках бубенчики с крестообразной прорезью (X-XI вв.) или трапециевидные (иногда подтреугольные) привески с циркульным орнаментом, (рис. 8).

Для словен новгородских характерны щитковые височные кольца. Наиболее ранним типом является кольцо диаметром 9-11 см с четко вырезанными ромбическими щитками, внутри которых пунктиром был изображен крест в ромбе. Окончания креста оформлялись тремя кружками. Оба конца кольца завязывались или один из них заканчивался щитком. Такой тип называ-

ется классическим ромбо-щитковым [8]. Он бытовал в XI — первой половине XII вв. Для конца XI-XII вв. характерен рисунок креста в ромбе и четыремя кружками на поле. Со временем щитки становятся сглаженными, а затем и овальными. В орнаменте крест заменяют кружки или выпуклины. Уменьшается и размер колец. Характерными для конца XII-XIII вв. являются втульчатоконечные кольца, орнаментированные выпуклинами или продольным ребром [2]. Способ ношения этих колец аналогичен провололочным браслетообразным. В XIII-XV вв. у словен новгородских широкое распространение получают серьги в виде перевернутого знака вопроса [8, 9], (рис. 9). Анализируя символику этих типов височных колец Б.А. Рыбаков [7] пишет: «Круглая кольцевидная форма, позволяющая говорить о солярной символике, была у височных колец дреговичей, кривичей и словен новгородских. У словен большое провололочное кольцо расплющивалось в 3-4 ме-

Рис. 8.

Рис. 9.

стах в ромбические щитки, на которых гравировалась крестообразная фигура или квадратная „идеограммы нивы”. В этом случае солнечный символ — круг — сочетался с символом земного плодородия».

Вятичи и Радимичи

Лопастные и лучевые кольца

Самые ранние лучевые кольца, (рис. 10), относятся к Роменской и Боршевской культурам VIII-X вв. [8]. Образцы XI-XIII вв. отличаются грубой выделкой [2]. Бытование древнейшего типа семилопастных колец относится к XI в., (рис. 11). В своей работе Т.В. Равдина [4] отмечает, что «древнейшие семилопастные височные кольца размещены, за одним исключением, за пределами ареала классических семилопастных колец». В той же работе говорится

Рис. 10.

Рис. 11.

так же, что «постепенного хронологического и морфологического перехода от древнейших семилопастных XI в. к семилопастным московским XII-XIII вв. нет». Однако находки последних десятилетий показывают, что это не совсем так. Например, несколько древнейших семилопастных колец найдено в Звенигородском районе Московской области [10]. По имеющимся у меня достоверным данным, фрагменты этого типа колец часто встречаются наряду с фрагментами, как его называют археологи, первого типа простого семилопастного кольца, (рис. 12), на поле, близ бывшего (почти полностью уничтожено оползнями в реку) городища Дуна (Тульская обл., Суворовский р-н).

По данным археологов этот тип бытовал на рубеже XI-XII вв., а стало быть, несмотря на отсутствие переходной формы, мог быть следующей ступенью развития семилопастного кольца [6]. Для данного типа характерны малые размеры, каплевидные, скругленные лопасти и отсутствие боковых колечек. В первой половине XII в. на кольцах появляются боковые колечки, заштрихован-

Рис. 12.

Рис. 15.

Рис. 13.

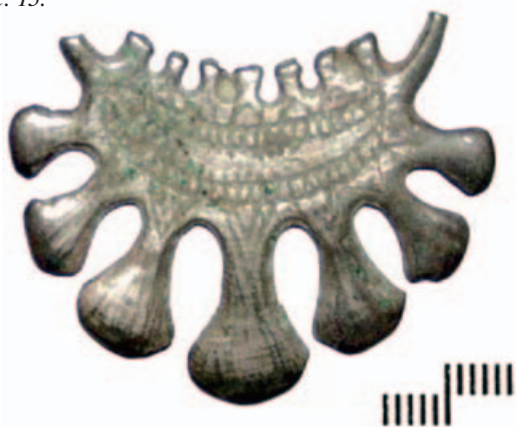

Рис. 16.

Рис. 14.

ный орнамент, заходящий на каждую лопасть острыми кончиками, секировидная форма лопасти, (рис. 13). В середине века существовало много переходных вариантов семилопастных колец. Например, бывают кольца: с боковыми колечками и каплевидными лопастями; с орнаментом и каплевидными лопастями; с секировидными лопастями, но с незаходящим на них орнаментом и т.д. Для поздних колец характерно наличие всех трех признаков, (рис. 14). Развитие семилопастного кольца во второй половине XII-XIII вв. идет по пути увеличения размеров, а так же усложнения узоров и орнаментов. Существует несколько типов сложных колец конца XII — начала XIII вв., но все они достаточно редки. Количество лопастей может быть также три или пять, (рис. 15), однако их количество не влияет ни на типологию, ни на хронологию. Нельзя не обойти вниманием одну неувязку, отмеченную Т.В. Равдиной [5]. Дело в том, что район, где выявлено наибольшее количество поздних семилопастных колец, а именно Подмосковье, согласно летописям вятическим не был. Напротив, летописные вятические верховья Оки характеризуются небольшим

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

Рис. 24.

Бусинные височные кольца в ленточном уборе.
(Жилина Н.В. Русский ювелирный убор,
Родина №11-12, М., 2001)

Звездчатые колты в уборе. (Жилина Н.В. Русский ювелирный убор, Родина №11-12, М., 2001)

Рис. 25.

Рис. 26.

Лунничные золотые колты в уборе. (Жилина Н.В. Русский ювелирный убор, Родина №11-12, М., 2001)

Рис. 27.

Рис. 28.

количеством находок этого типа колец. Отсюда встает законный вопрос: правомерно ли считать поздние семилопастные кольца атрибутом племени вятичей? Следует отметить, что древнейший тип семилопастных колец так же часто встречается на земле Радимичей и его определяют, как прототип семилучевых, (рис. 16), XI-XII вв. [4]. Подмечая этот факт, Б.А. Рыбаков [7] делает вывод, что данный «тип попал, очевидно, волгодонским путем в землю Вятичей и Радимичей, был хорошо воспринят местным населением и просуществовал, видоизменяясь, до XIII в., дав начало радимичским семилучевым височным кольцам X-XI вв. и вятическим семилопастным XII в., дожившим до татарского нашествия. В основе его кольцо, в нижней части которого торчат вовнутрь несколько зубчиков, а в овне — более длинные треугольные лучи, часто украшенные зернью. Связь с солнцем ощущается даже в научном наименовании их — «семилучевые». Впервые попавшие к восточным славянам кольца этого типа не были чьим-либо племенным признаком, но со временем закрепились в радимичско-вятических землях и стали в X-XI вв. таким признаком этих племен. Носили семилучевые кольца на вертикальной ленте, пришитой к головному убору». Подобные наборы украшений называются ленточными [1].

Городские украшения

К ленточным относятся и украшения с бусинными височными кольцами. От перемещений насаженные на кольцо бусины фиксировались обмоткой тонкой проволокой. Эта обмотка создавала также интервалы между кольцами. Бусинные височные кольца имеют разновидности [6]: гладкие, имеют варианты: кольца с бусинами одинакового размера, X — нач. XIII вв., (рис. 17), кольца с бусинами разного размера, XI-XIV вв.; ложчатые XI-XII вв.; гладкие со сканью, (рис. 18); мелкозерновые (рис. 19); крупнозерновые XII-XIII вв.; ажурно-филигранные, (рис. 20); зернено-филигранные XII в., (рис. 21); узелковые XI в., (рис. 22); комбинированные, (рис. 23); полихромные X-XI вв., с бусиной из пасты, стекла, янтара или камня.

Отдельно следует выделить височные кольца с бусинами сложной формы, украшенными сканью, (рис. 24). Данный тип, называемый Киевским был широко распространен в XII- первой половине XIII в. в княжествах, находившихся на территории современной Украины.

В сельской местности, кроме Суздальского ополья, бусинные кольца встречаются не часто, но они были широко распространены среди зажиточных горожанок. Ленты с набором трехбусинных колец обычно завершались связкой из двух-трех подобных колец или утяжеленной красивой привеской, (рис. 25).

С первой половины XII в. такой привеской стал звездчатый колт [5] с широкой дужкой и уплощенным верхним лучом, (рис. 26). Во второй половине столетия вместо верхнего луча появляется лунничная часть с узкой дужкой. Со временем размеры колтов уменьшаются. Сканно-зернистые лучевые колты являлись подлинными шедеврами древнерусского ювелирного искусства.

Украшением высшей знати были лунничные полые колты, выполненные из золота и украшенные с обеих сторон эмалевыми рисунками, (рис. 27, 28).

Рис. 29.

Рис. 30.

Рис. 31.

Рис. 32.

Рис. 33.

Рис. 34.

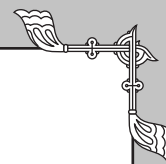

Существовали подобные колты и из серебра, (рис. 29). Они украшались чернью. Излюбленными мотивами были изображения русалок (сиринов) с одной стороны и турьих рогов со стилизованными семенами с другой. По мнению Б.А. Рыбакова подобные рисунки являли собой символы плодородья [7]. Лунничные колты обычно носились на цепочке, закрепленной к головному убору в районе виска. Во второй половине XII в. стали появляться полые эмалевые лунничные колты, выполненные из меди. Они украшались позолотой и эмалевыми рисунками. Сюжеты рисунков были схожи с теми, что были на их «знатных» аналогах. Медные колты, естественно, были значительно дешевле, нежели колты из драгоценных металлов, и получили более широкое распространение, (рис. 30-32). Еще более дешевыми были отлитые в жестких имитационных литейных формах колты из оловянисто-свинцовых сплавов, (рис. 33, 34), бытовавшие до XIV в. [9]. Так единичными поздними дешевыми переливками, напоминающими капли слез по утраченному древнему ювелирному искусству, закончилась эпоха височных украшений домонгольской Руси. Монголо-татарское нашествие нанесло непоправимый удар, как по бытовавшим техникам, так и традициям. Для того чтобы оправиться от него, понадобилось не одно десятилетие.

Автор выражает благодарность всем тем, кто предоставил материалы для статьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жилина Н. В. «Русский ювелирный убор», Родина № 11-12, М., 2001.
2. Левашева В. П. «Височные кольца, Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.», М., 1967.
3. Недошивина Н. Г. «К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец», Труды ГИМ. В. 51. М. 1980.
4. Равдина Т. В. «Древнейшие семилопастные височные кольца», 1975. СА. № 3.
5. Равдина Т. В. «Семилопастные височные кольца», Проблемы советской археологии. 1978, М.
6. Равдина Т. В. «Типология и хронология лопастных височных колец», Славяне и Русь, М., 1968.
7. Рыбаков Б. А. «Язычество древней Руси», М., 1988.
8. Седов В. В. «Восточные славяне в VI-XIII вв.», Археология СССР, М., 1982.
9. Седова М. В. «Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.)», М., 1981.
10. Станюкович А. К. и др., Работы Звенигородской экспедиции, АО 1999, М., 2001.
11. «Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла, Древняя Русь. Быт и культура», Археология СССР, М., 1997.
12. Коршун В. Е. «Родная старина. Обретая утраченное», М., 2008.

Привески 11–13 веков из коллекции сайта «Домонгол»

Василий Коршун
(Россия)

За прошедший год в виртуальной коллекции интернет-сайта «Домонгол» (www.domongol.getbb.ru) собралось немало интересных привесок, отражающих верования древних славян. Очередным подтверждением того, что обереги носились в связках, стала находка, сделанная в районе города Торжка Тверской области, (Таблица, № 1). На бронзовой проволоке были подвешены два звериных клыка и два бронзовых оберега: зооморфное существо (рысь?), тело которого украшено циркульным орнаментом, и ложка. С определенной долей уверенности можно утверждать, что данный набор оберегов принадлежал охотнику, так как три из них символизировали защиту от «лютого зверя», а ложка олицетворяла сытость, успех на охоте. Комплекс достаточно точно можно датировать второй половиной 11 — первой половиной 12 в. Защитой от лютого зверя были и бронзовые клыки, так называемые «челюсти хищника», (№ 2). Они были найдены близ бывшего городища Дуна под городом Чекалиным Тульской области. Время бытования такого оберега 10–12 вв.

Оберег, означающий солнце, чистоту и гигиену, — медный гребешок, украшенный двумя конскими головками, смотрящими в разные стороны, был найден на берегу реки Десны, в 25 км севернее города Новгорода-Северского, (№ 3). Место находки второго гребешка, выполненного из бронзы, не установлено, (№ 4). Они характерны для 11 — первой половины 12 в.

Сохранность и неприкосновенность домашнего имущества — задача оберегов-ключей 11–12 вв., (№ 5, 6). О сакральном смысле ложки, (№ 7), уже упоминалось. Все эти предметы были найдены в Суворовском районе Тульской области.

Одним из самых распространенных оберегов 11–12 вв. являлось такое универсальное орудие, как топор. С одной стороны, топор был оружием Перуна, и украшающий обереги циркульный орнамент подтверждает их принадлежность небесному громовержцу. С другой стороны, топор был неотъемлемой частью походного вооружения. Здесь опять-таки можно проследить роль Перуна, как покровителя воинов. Топор также напрямую связан с бытовавшим в ту пору подсечным земледелием и, стало быть, с аграрной магией. Широко распространены были топоры, воспроизводящие форму реальных топоров с оттянутым лезвием. Такие обереги были найдены в Велижском районе Смоленской области, (№ 8), на Западной Украине, (№ 9, 10), и в Брянской области, (№ 11). Реже встречаются секировидные топоры-обереги. Подобный был найден в Ровенской области на Украине (64). Особенно

интересным представляется найденный в Винницкой области оберег, имитирующий боевой топор-чекан, аналогов которому в печатных публикациях не было найдено, (№ 65).

Также не имеют аналогов обереги из скифских наколочников стрел, втульчатая часть которых перехвачена серебряной обоймицей со сканью и петлей для подвешивания. Они были найдены в Украине, (№ 66–68). Подобные обереги служили для защиты от темных сил и от врага в бою и были распространены, скорее всего, в 10–12 вв.

Примерно ту же семантику имеет найденный в Тверской области оберег, название которого еще не устоялось. Его называют коготь, клык и даже ритон, (№ 69). Ориентировочная датировка — 11–12 вв.

К боевым, по всей видимости, можно отнести и найденный в Дорогобужском районе Смоленской области оберег-ножны, (№ 70).

Широко распространены литые привески, представляющие собой два круга с равноконечным крестом под ними. Разнообразие их очень велико. Привеска с одинаковыми лицевой и оборотной сторонами была найдена в Ковровском районе Владимирской области, (№ 12), со спиралевидными кругами и гладкой оборотной стороной — в Ярославской области, (№ 13), с кругами в виде завитков и гладкой оборотной стороной — в Рязанской области, (№ 15), со спиральным S-образным спиральным орнаментом — в Озерецком районе Московской области, (№ 71). В найденной в Курской области привеске, выполненной из витой серебряной проволоки, (№ 16), чувствуется влияние северян. Если рассматривать семантику таких привесок с позиций академика Б.А. Рыбакова, в них можно увидеть землю (крест) между двух положений солнца — на востоке и на западе (круги). В этой серии резко выделяется привеска, у ко-

Таблица 1, масштаб различный.

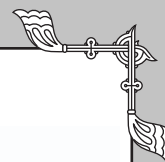

Таблица 1 (продолжение), масштаб различный.

торой языческие элементы замещены христианскими, (№ 14). На лицевой стороне внутри креста и в круге находится углубленное изображение равноконечного креста, верхняя оконечность которого завершается двумя волютовидными завитками. На оборотной стороне внутри креста и в круге — углубленные изображения равноконечных крестов с расширяющимися лопастями. Место находки — Рязанская область.

Пять наиболее значимых в историческом плане находок — трапециевидные привески 10-11 вв. со знаками Рюриковичей, обнаруженные под Смоленском, (№ 17), под Минском, (№ 18), в бассейне реки Волхов Новгородской области, (№ 72), в Усвятском райо-

не Псковской области, (№ 73), и Волынской области Украины, (№ 74) — не уступают своим музейным «собратьям», (№ 19). Более поздние стилизации рюриковических символов видятся в двух идентичных монетовидных привесках, найденных в Брянской области, (№ 20, 21).

Обращаясь к теме Рюриковичей, нельзя не отметить влияние, которое скандинавы оказывали в тот период на Русь. Свидетельством этому, в частности, служит ряд привесок из коллекции «Домонгола». Наиболее яркой является найденная в Черниговской области серебряная с позолотой монетовидная привеска, (№ 22). Поле привески заполняют четыре ложнозерновых волютовидных

Таблица 1 (продолжение), масштаб различный.

Таблица 1 (окончание), масштаб различный.

завитка, край — три ложнозерненных круга. В центре и по кругу находятся пять полусфер. Композицию дополняет человеческая личина. К сожалению, верхнее крепление было утрачено еще в древности и более позднее самодельное ушко сильно испортило впечатление от композиции. Подобная привеска может быть датирована 10-11 вв. целый ряд монетовидных привесок стилей Борре и Йеллинг предположительно скандинавского происхождения были найдены под Владимиром, (№ 23), Киевом, (№ 24), Ржевом, (№ 25), Курском, (№ 75), Витебском, (№ 76), Москвой, (№ 77) и еще две под Смоленском, (№ 78, 79).

Из славянских наиболее простыми по декору являются не орнаментированные круглые подвески. Подобные привески появились в конце XI в. и получили широкое распространение в XII-XIII вв. Одна из таких привесок была найдена в Каширском районе Московской области, (№ 80).

Солярные привески XI — середины XII в. очень многообразны по своему орнаменту. Одной из наиболее распространенных является композиция из волютовидных завитков. Привески с узором из восьми волютов во внешнем круге и трех волютов во внутреннем были найдены в Новгородской, (№ 26), Брянской, (№ 27), и Киевской, (№ 28), областях. Причем, если две первые выполнены из медных сплавов, то последняя отлита из серебра и под оглавием у нее размещается композиция из точек. Подобная привеска из оловянисто-свинцового сплава была найдена в Гочево, Курской области, (№ 31). Тем же периодом датируется монетовидная привеска с узором из крупной ложной зерны по периметру и «Перуновой» розетки в центре, (№ 29).

В XII-XIII вв. орнаментация привесок претерпела значительные изменения. В этот период вошло в моду изображение четырехчастной композиции или, проще говоря, креста в различных вариантах. Наиболее широкое распространение получают геометрические четырехчастные композиции из соприкасающихся, вписанных один в другой треугольников с точкой посередине, (№ 81), и четырехчастные композиции, заканчивающиеся завитком, (№ 82). Символ христианства — крест в это время начинает доминировать в декоре привесок, (№ 83).

Достаточно интересной является выполненная из медного сплава монетовидная привеска, (№ 30), с изображением проросшего зерна в центре, пятилепесткового цветка и пяти опыленных пестиков (по Б. А. Рыбакову). Несмотря на отсутствие прямых аналогий, ее можно датировать второй половиной 12 — первой половиной 13 в.

К особому типу привесок относятся лунницы. Наиболее ранней является найденная на Украине ширококорая лунница из медного сплава, (№ 84), бытовавшая с конца 10 до первой половины 12 в. Ширококорая лунница с углублением в виде месяца, (№ 33), но выполненная из биллона, найдена в Бориспольском районе Киевской области. Разновидностью ширококорых являются лунницы, украшенные по концам и в середине тремя выпуклыми точками, (№ 34). Они получили распространение в 10-11 вв.

К другому типу лунниц — узкогорлых или круторогих — относится находка из Рязани. Отлитая из оловянистой бронзы лунница украшена трехчастным геометрическим узором в центре и двумя выпуклыми точками на лопастях, (№ 35). Датируется она 12-13 вв. К тому же периоду относится медная лунница из Бориспольского района Киевской области. Поле ее украшено двумя треугольниками по краям и тремя циркульными элементами по центру, (№ 36). Судя по работам Б. А. Рыбакова, декор этих лунниц носит аграрный характер.

Отдельно стоит не имеющая аналогий бронзовая резная трехрогая лунница из Ростовской области, орнаментированная ложной зернью, (№ 37). Ее предположительная дата — 12-13 вв.

Подмосковная находка — отлитая из оловянистой бронзы замкнутая лунница с орнаментом в виде округлых углублений (семи в верхней части и одного в нижней) — датируется 13 в., (№ 38). Возможно, орнамент символизирует семь положений светила днем (по числу дней недели) и одно — ночью. Но настоящим шедевром является ее серебряная с позолотой ровесница с Украины! Нижние ветви ее украшены изображением турьих рогов, а центр заполнен растительным орнаментом, что не дает усомниться в аграрной семантике памятника, (№ 39).

Безусловный интерес представляют лунницы с четырехчастной композицией, которые были распространены в 12-13 вв. Одной из разновидностей их является брянская находка. Имеющая форму круга бронзовая лунница украшена трехчастным орнаментом, ободком из ложной зерни и равносторонним крестом с ромбовидным средокрестием и концами в виде четырехчастной композиции из ложной зерни, (№ 40).

Особо следует выделить круглую прорезную привеску 12-13 вв. из медного сплава, найденную в Серпуховском районе Московской области. В центре помещены изображение лунницы и четырехчастная композиция из пяти ромбов, (№ 41). Вероятно, подобные привески олицетворяют собой комплексное солярно-лунарное воздействие на Землю. Ту же смысловую нагрузку, но в более упрощенном композиционном варианте несет медная привеска с Украины, (№ 42).

Говоря о верованиях славян 11-13 вв., нельзя обойти вниманием привески с изображением птиц, животных, зооморфных существ. Во многих из них прослеживается связь со смежными культурами.

Не имеющая прямых аналогий монетовидная привеска из медного сплава с изображением зооморфного существа найдена на Украине, (№ 43). Сюжет другой привески (две птицы) имеет аналогии только на колтах, (№ 44). Ориентировочно их можно датировать 12-13 вв.

Зато сюжет бронзовой привески, найденной под Брянском, хорошо известен. Б. А. Рыбаков считает, что на ней изображен обряд «туриц». Центр привески занимает рельефное изображение головы быка с четко профилированными рогами, ушами и большими круглыми глазами. На лбу — треугольный знак, опускающийся углом книзу. Голова быка помещена в ободок из ложной зерни, (№ 45). Вокруг головы схематично изображено семь женских фигурок. Данная привеска, по-видимому, связана с жертвоприношением быка Перуну и характерна для земель радимичей в 11-13 вв. Однако расселение северных радимичей в конце 11 в. на восток донесло их амулеты вплоть до Нерли, поэтому аналогичную находку из Ивановской области, (№ 46), логичнее было отнести к 12 в.

Возможно, радимичами же был занесен заимствованный от балтов культ змеи. Ее образу издревле придавалось магическое значение. Две найденные во Владимирской области бронзовые привески, вероятно, изображают змей, (№ 47, 48). Уникальной является композиция из двух змей, найденная в Ярославской области, (№ 49).

Нельзя еще раз не вспомнить о привеске, получившей в среде поисковиков название «рыська», хотя археологи называют ее «коньком». Найденный в Среднем Поочье такой бронзовый зверек, очевидно, сравнительно поздний и может быть датирован 12-13 вв., так как на нем отсутствует циркулярный орнамент и отливка плохого качества, (№ 50). Труднее датировать найденную в том же регионе плоскую прорезную привеску, изображающую не очень понятное существо, возможно, птицу, (№ 51). По времени бытования подобных изделий ее можно датировать второй половиной 10 — началом 12 в.

Следует обратить особое внимание на большую роль курицы или петуха в магических обрядах славян, с чем связано большое количество привесок 12 — первой

половины 13 в. в виде этих птиц. Умиляет найденная рядом пара этих птиц: плоский одноглавый прорезной медный петушок, (№ 52), с узором из ложной скань, петлей на спинке и четырьмя петлями для привески и такая же, только без гребешка, курочка, (№ 53). Интересно, что снизу к курочкам и петушкам зачастую подвешивались на звеньях утиные лапки, в чем явно прослеживается влияние финно-угорской традиции. Оконтуренный ложной сканью плоский двуглавый прорезной петушок из оловянистой бронзы с растительным узором на тулове и пятью петлями для привески имеет утраты — не сохранились вторая голова и петля на спинке, (№ 54). Несмотря на отсутствие аналогий в печатных изданиях, подобные привески можно разыскать в Интернете. Место находки — Клинский район Московской области. Почти нет опубликованных аналогий и у двух реалистично выполненных бронзовых плоскорельефных петушков с ушком для подвешивания. Один из них найден в Ивановской области, (№ 55), другой — в северо-западных районах России, (№ 56).

Наряду с плоскими встречаются и полые привески «семейства куриных». Все они изготовлены в 11-13 вв., но, несмотря на общую схожесть, практически каждый экземпляр индивидуален. Интересен бронзовый полый петушок с туловом, орнаментированным округлыми вмятинами и валиком по нижнему краю, украшенной гребешком головкой и двумя петлями вдоль тулова, (№ 57). Гораздо проще выглядят найденные в Рязанской, (№ 58), и Вологодской, (№ 59), областях полые петушки с гладким туловом, головкой с гребнем и двумя петлями вдоль тулова.

В этот период бытуют и заимствованные у финно-угров утки. В Переславль-Залесском районе Ярославской области была найдена полая бронзовая уточка с орнаментированным зигзагообразной линией туловом, украшенной двойными колечками головкой, двумя петлями вдоль тулова и лапчатыми привесками на восьмеркообразных звеньях, (№ 85). Была так же найдена полая бронзовая уточка с длинной шеей, украшенной двойными поперечными колечками головкой, орнаментированным S-образными спиралью туловом и двумя петлями вдоль тулова для привесок, (№ 86).

К вышеуказанному временному отрезку относятся и плоские прорезные уточки. Одна, с утраченным хвостом, была найдена в Калужской области, (№ 87), другая, с маленькой головкой и двумя лапками — в Архангельской, (№ 88).

Прорезная зооморфная привеска, которую некоторые исследователи относят к уткам, с роговыми выступами на голове и двумя пластинчатыми лапами — находка из-под Бежецка Тверской области, (№ 89). Подобное чудо изготовлялось в основном в 12 веке.

Уже в 8-10 веках у финно-угров существовали прекрасные привески в виде наборных или отлитых по восковому моделям коньков. К красивейшим экспонатам виртуальной коллекции относятся:

Двухголовый конек с туловом и трех косоплеток с двумя гладкими проволоками между ними. На головах ушки из гладкой проволоки. Изображение ртов передается при помощи S-образных валют. На спине три круглых диска, от которых к шеи идут тяжки из косоплеток и гладкой проволоки. К шеям припаяны по одной,

а под туловом — девять петель с лапчатыми привесками, (№ 90).

Конек с туловом из двух косоплеток, соединенных десятью парами шариков зерни. Шея короткая, морда сужена. Ушки выполнены в виде треугольных пластинок, глаза — в виде полушаров. На спине три круглых диска; на верхнем — с трех сторон по три шарика зерни, на нижних — лишь с одной стороны. От дисков к шеи идут тяжки из гладкой проволоки. Под головой и на хвосте по одной петле, а в районе ног по две пары петель для подвешивания привесок, которые утрачены, (№ 91).

Оба конька не имеют прямых аналогий, но по внешнему виду могут быть отнесены к «владимирскому», или, как его еще называют, «мерянскому» типу. находка последнего на территории Воронежской области явно указывает на импорт, что говорит о популярности привесок не только у финно-угров.

Именно при ассимиляции финно-угорских племен славяне заимствовали культ коня. Найденный в Архангельской области стоящий на змее конь с приподнятой головой, торчащими ушками и петлей для подвешивания посередине спины является поздним вариантом финно-угорской привески и датируется 11-12 веками, (№ 92).

Тем же периодом датируется литой с прорезной основой конек, (№ 93).

Другой литой четырехногий конек с прорезной основой и закрытой пастью более поздний — 12-начало 13 века. Он был найден под Ленинградом.

Две уникальные находки были сделаны в Тульской области на берегах рек Ока, (№ 95), и Осетр, (№ 96). Это пластинчатые прорезные четырехногие коньки с петлей для подвешивания, закрепленной между шеей и хвостом. Ориентировочная датировка — 12-13 века.

С 12 до конца 14 века бытуют полые зооморфные привески, в облике которых видны черты коня, чей культ был распространен и у славян. Они крайне разнообразны.

Очень симпатичны два (один из Ярославской, (№ 60), другой — из Владимирской, (№ 61), областей) полых конька, одноглавых, с уплощенной по вертикали клювовидной мордочкой и ушками в виде двух колечек, расположенных вдоль оси тулова. Нижняя часть тулова украшена зигзагообразной линией, заключенной между двух ободков. Хвост в виде двух колечек. По обеим сторонам тулова имеется по паре колечек для крепления привесок.

Две находки из Новгородской области отличаются друг от друга. Первая, полый двухголовый конек, имеет широкую цилиндрическую мордочку, (№ 62). Грива передана плоской полоской. Нижняя часть тулова украшена зигзагообразной линией между двух ободков, внизу имеются колечки (по три по обеим сторонам тулова) для крепления привесок. Вторая — двухголовый конек, (№ 63), с уплощенной по вертикали мордочкой и ушками в виде двух колечек поперек оси тулова. Нижняя часть тулова украшена зигзагообразной линией. По обеим сторонам тулова по три колечка, и еще одно под хвостом для крепления привесок.

Из Тульской области — полый одноглавый конек с широкой цилиндрической, схваченной ободком на конце мордочкой. Грива передана продольной сканью. Нижняя часть тулова украшена зигзаго-

образной линией между двух ободков. Хвост в виде спиралевидного завитка и петля под ним утрачены. По три по обеим сторонам тулова по три петли для крепления через восьмерковидные звенья бубенчатых привесок, четыре из которых утрачены, (№ 97).

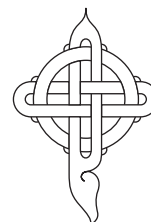
Явным импортом является Полый двухголовый конек с уплощенной по вертикали мордочкой и ушками в виде двух колечек поперек оси тулова из Киевской области. Нижняя часть тулова его украшена зигзагообразной линией. По обеим сторонам тулова по три колечка, к которым через восьмеркообразные звенья прикреплены бутылкообразные привески.

Чем-то напоминает лебедя полый одноглавый конек с гривой, переданной продольной сканью, найденный в Тверской области. Нижняя часть тулова украшена зигзагообразной линией между двух ободков. Хвост в виде спиралевидного завитка. Петли для шумящих привесок утрачены.

Таким образом, за сравнительно короткий срок в виртуальной коллекции интернет-сайта «Домонгол» собралось немало памятников космогонических и магических представлений древних славян, причем некоторые из них уникальны. Надеюсь, что знакомство с материалами сайта вызовет интерес не только у поисковиков, археологов, краеведов и историков, но и у всех, кому интересны и дороги быт, культура и верования наших предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Л. А. «Амулеты. — Древняя Русь. Быт и культура», Археология СССР. М., 1997.
2. Голубева Л. А. «Зооморфные украшения финно-угров», САИ, Вып. Е1—59. М., 1979.
3. Голубева Л. А. «Финно-угры и балты в эпоху средневековья», Археология СССР, М., 1987.
4. Коршун В. Е. «Родная старина. Обретая утраченное», М., 2008.
5. Рыбаков Б. А. «Язычество древней Руси», М., 1988.
6. Рябинин Е. А. «Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв.», САИ, Вып. Е1—60. М., 1981.
7. Седов В. В. «Восточные славяне в VI-XIII вв.», Археология СССР, М., 1982.
8. Седова М. В. «Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.)», М., 1981.
9. «Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла. Древняя Русь. Быт и культура», Археология СССР. М., 1997.
10. Успенская А. В. «Нагрудные и поясные привески», Очерки по истории русской деревни X-XIII вв., Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967.

О почитании книжном, книге рукописной и ее застежках

Юрий Клименко
(Украина)

*«...Да имущие разумъ больше насъ, те исправятъ
неисправленная и наполнятъ недостаточная...»*

Митрополитъ Иосафъ

Киевская Русь — период расцвета первого могущественного славянского государства. Переход от родового строя к феодальному, возникновение государственной системы, принятие новой системы мировоззрения, создание своей письменности, регулярные культурные и политические контакты с Западом. Все это характеризует социально-политическую и культурно-идеологическую ситуацию того времени. [1]

Принятие христианства на Руси в X веке было вполне естественным и закономерным явлением. В процессе становления феодальных отношений и более или менее регулярных контактов с Византией общественное сознание восточных славян достаточно быстро прогрессировало в направлении осознания христианского учения. В понимании того, что первобытный культ многих богов, является менее совершенной формой религии.

Христианизация Руси не была единовременным актом [2], и автор «Повести временных лет», называя 988 год годом крещения Руси, показывает, что христианство начало проникать на Русь значительно раньше. Уже к 945 г. он отмечает как вполне естественное явление, что у киевского князя Игоря в дружине и среди народа было немало христиан, имевших даже свою церковь. Заключая договор с византийцами о мире, сам Игорь и языческая часть населения присягала Перуну, а «хрестяную русь водиша роте (к присяге) в церкви святаго Ильи», там же присягали и варяги, служившие Игорю, так как среди них тоже было много христиан. [3 ПЛДР 1, 68] Жена Игоря княгиня Ольга приняла крещение в Царьграде в 958 г., а византийский патриарх Фотий еще в 866 г. писал, что русские «сами переменяли нечестивое языческое суевение на чистую и непорочную христианскую веру». Так что ко времени массового крещения Руси князем Владимиром в 988 г. и в последующие годы христианство не было чем-то совершенно новым и неожиданным для русского народа, уже на протяжении столетия знакомившегося с ним.

Христианство было воспринято на Руси после кровавых языческих жертвоприношений как «истинный свет» знания, как «свет разума», как путь к спасению и к жизни вечной. Читаем мы уже в первом дошедшем до нас произведении русской письменности знаменитом «Слове о законе и благодати» Иллариона, написанном между 1037 и 1050 гг. Восхваляя Владимира за крещение Руси, Илларион оценивает это событие как

«велика и дивна». Так же понимал его и мудрый летописец Нестор. Называя Владимира «новым Константином великого Рима», он писал: «Дивно же есть се, колико добра створил Русьстей земли, крестив ю.».

В свете нового миропонимания иными предста- ли перед славянином и мир природы, и сам человек, и их взаимоотношения, не говоря уже о духовном абсо- луте. Давно вроде бы знакомые вещи и явления освети- лись новым светом. Раздвинулись традиционные узкие горизонты — географический и исторический, соци- альный и духовный. Человек Киевской Руси с детской непосредственностью оглянулся по сторонам. Он всма- тривается в только что открывшийся для него мир — в общество, в самого человека и творение рук его, в при- роду, в историю. Все это древний русич переживает эмоционально эстетически — он радуется, изумляется, удивляется, скорбит, страшится, восхищается.

Человек осознает себя целью и вершиной творения, образом самого Творца. Радостным мироощущением наполнены вся его жизнь и творчество. [4] Он обра- щает свои взгляды в сторону мест, которые стали ассо- циироваться в его понимании с духовным обновлением и высочайшим взлетом души, открытой молитвой. Высочайшая духовность подвижников, поэзия бытия, удивительные рукотворные сооружения, все это при- влекает обывателя, заставляет его задуматься. Все эти эмоции и реакции на мир фиксируют древние книжни- ки. Все это является важным стимулом быстрого взлета культуры в Киевской Руси.

К духовному сердцу «Второго Иерусалима», «матери городов русских» — Киеву, стало стекаться все самое

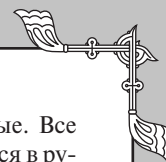

Рис. 1. Преподобный Антоний Печерский. Фрагмент иконы Свенской Божией Матери, 1288 г.

духовное, самое чистое и прекрасное, что рождалось на просторах Киевской Руси, просветленной крещением. Здесь, на Киевских горах, стали образовываться новые монастыри и храмы. Здесь отец украинского и всего восточнославянского монашества святой Антоний основал на Киевских горах монастырь «подобный небу».

Особое наслаждение доставляли людям Древней Руси беседы с подвижниками, посвятившими всю свою жизнь духовному служению. Десятки паломников и крестных жителей постоянно стекались к «пещерам» и кельям прославленных «пустынников», чтобы послушать их или спросить о чем-то, получить благословение. Нестор в «Житии Феодосия печерского» неоднократно указывает, что и князья, и простые люди часто приходили к Феодосию насладиться «медоточивыми речами», исходившими из уст его. [3. ПДЛР — 1, 322, 340, 380]. Русичи шли к подвижникам не с утилитарными целями, а прежде всего, именно насладиться их речами и мудростью. Формально они, как правило, приходили к мудрым старцам за советом по какой-либо житейской проблеме или вопросам веры, но фактически мало кто из них использовал эти советы в реальной жизни. Главная цель посещения монастырей, скитов и пустыней состояла в желании увидеть и услышать живого носителя святости, насладиться общением с человеком, уже в этой жизни стоящим над ней, знающим некие сокровенные тайны, не выразимые человеческим языком. Именно ради этих сокровенных знаний и тянулся древний русич к подвижнику. И уходили они от подвижника не только с запасом житейских советов, но и просветленным духом, легким сердцем и очищен-

ной и ликующей душой — духовно обогащенные. Все письменное, книжное — «писание», находившееся в руках и кельях у подвижника, воспринималось с особым чувством уважения, благоговения и безграничного доверия. Практически до середины XVI в. почти все написанное считалось истинным уже потому, что это было написано. Мудрость, открывшаяся первым русским читателям в написанных словах, так поразила их воображение, что «книжное слово» обрело в их сознании почти сакральное значение и превратилось в священный символ. «Книжник» было почетным званием на Руси, часто тождественным с «философом» и мудрецом. Столь высокая значимость книги на Руси объясняется тем, что первые книги были духовного содержания, то есть несли информацию о высоких духовных ценностях, о божественном. Они почитались священными, и эта святость с древности была перенесена практически на любое «книжное слово», авторитет которого был непререкаем не только для основной массы русского населения, но даже для многих образованных людей того времени.

Спринятием христианства происходит активное проникновение книжной культуры на Русь. Единственным путем распространения книжной мудрости в начальный период продвижения христианизации государства, возможностью передачи обязательного комплекта богослужебных книг, необходимых для проведения церковной службы, в новые монастыри и храмы в соседние города и поселения, становится ручная перепись текста книги — источника, на чистые страницы новой книги. Это была вынужденная необходимость для продвижения христианского учения на обширных просторах славянского государства. Именно поэтому первыми книжниками становятся монахи и священнослужители нашей молодой церкви. В уединенной тишине монастырских келий, часто в глуши лесов, изучались и списывались славянские переводы отцов церкви.

Различные обители появляются на Руси сразу после принятия христианства как официальной религии. Первые сведения о существовании монастырей относятся к Киеву — первопрестольному городу, где уже в первой половине XI в., в период княжения Ярослава Владимировича «чернорисца почя множитися и монастыре почаху бити» [14]. Несколько известий о наличии монастырей в Киеве содержится в Житии Феодосия и в Повести «Чего ради прозванася Печерский монастырь», входящей в состав Киево-Печерского патерика. Летопись рассказывает, что возвращаясь из Афона, Антоний, будущий преподобный, долго скитался и искал в Киеве «где жити, и исходи по монастырем, и не возлюби, Богу не хотящу...» [15]. Что заставило подвижника, не оставшись ни в одном из существующих монастырей, поселиться в пещере под Берестовом, оставленной ранее пресвитером Илларионом при его возведении на святительский стол? Подобные скитания и поиски позже повторяет и Феодосий. В его Житии рассказывается, как он, попав в Киев, «обходи вся монастыря», однако не был принят ни в одном из них, а причиной этого была его бедность [16]. Что представляли собой обители, где на одну из добродетелей монашества (нестяжание) смотрели с презрением? Уже дальше сам летописец дает нам ответ. Под 1037 г. в Повести временных лет есть сведение об основании двух обителей кня-

зем Ярославом Владимировичем («... святого Георгия монастырь и святые Орины») [17]. Непосредственного упоминания о времени закладки двух монастырей нет, но это свидетельство заслуживает внимания. Дело в том, что в святом крещении князь Ярослав получил имя Георгий, а его супруга Ингигерда — Ирины. Вероятно, следуя традициям византийских императоров, киевский князь соорудил монастыри в честь своего святого и святой покровительницы княгини. Таким образом, эти обители формировали культ святых великокняжеских покровителей. Так начиналось строительство монастырей на Руси князьями. Характерным для них было то, что они представляли собой достаточно замкнутые организации, предназначенные для служения княжеским семьям. Вероятно, поэтому о них почти нет сведений в источниках. Эти монастыри находились непосредственно под влиянием князей, полностью ими обеспечивались, т. е. являлись ктиторскими.

На протяжении долгих лет они были связаны с определенными княжескими фамилиями, поэтому, будучи в полной зависимости от них, не нуждались в иноках, не только не имеющих средств для существования, но и с неизвестным происхождением. Источники не сообщают о том, какова была численность и социальный состав монастырской братии в этот период, но можно предположить, что в эти обители уходили от мира богатые, состоятельные киевляне. На этом этапе не было необходимости в строительстве больших монастырей.

В дальнейшем потомки Ярослава Владимировича, его сыновья, внуки и правнуки продолжили традицию основания своих, княжеских монастырей [18]. В Киеве и его окрестностях княжеские династии имели свои обители, которые передавались от поколения к поколению.

Иначе формируется Киево-Печерский монастырь. Первое его упоминание относится к 1051 г. [19]. Обитель возникает не на средства богатых вкладчиков, как другие в этот период, а постепенно приобретает значимость благодаря подвигам своих первых подвижников. Эта обитель основана трудом отшельника Антония, пришедшего в Киев с Афона, о чем уже было упомянуто раньше. В дальнейшем монастырь создавался трудом монахов и подавляющими верующих [20]. Постепенно увеличивалось число братии, возникла необходимость постройки келий, церкви для совершения богослужений. Иноки выходят из пещер. Необходимо отметить, что преподобный Антоний определил рамки взаимоотношения монастыря с княжеской властью еще в их начальной фазе. Антоний получил официальное разрешение на владение землей и горой, где строится будущая обитель, от самого киевского князя Изяслава Ярославича [21]. Таким образом, иноки не попали в зависимость от княжеской власти, получили возможность самостоятельно строить монастырскую жизнь, что имело положительное значение для дальнейшего развития монастыря. В период с середины XI до середины XIV в. в Киеве было создано, по последним данным, около 22 монастырей, преимущественно княжеских, среди которых 4 женских [22].

С распространением христианства вглубь и вширь возникают монастыри и в остальных регионах Древнерусского государства. Этот процесс прослеживается с начала XII в. Особо выделяется Новгород, о ко-

Рис. 2. Церковь Святой Троицы над Брамой. Киево-Печерский монастырь. Церковь создавалась в 1106-1108 г. греческими зодчими и иконописцами.

тором сохранились более полные сведения. Первые обители здесь появляются в начале XII в. И здесь существовала традиция создания монастырей на средства князей, но в меньшей степени.

Первый монастырь возник около 1119 г. По сообщению Новгородской первой летописи, «заложи Кюрьяк игумен и князь Всеволод церковь камену монастырь святого Георгия Новегороде» [23]. В Новгороде практически не было своей княжеской династии — поэтому и монастыри, которые создавались на средства управляющих князей, не имели первенствующего положения в городе. Их было всего три: Юрьев (1119 г.), Пантелеймонов (1134 г.) и Спасо-Преображенский (1198 г.). Время их учреждения — преимущественно XII в. После этого, в связи с княжескими усобицами, когда падает авторитет княжеской власти, обители на средства князей не создаются. Уже с конца XII в. и Юрьев, и Пантелеймонов монастыри оказались включенными в сферу боярской деятельности (в стенах этих обителей стали хоронить представителей боярской знати).

Таким образом, намечается новое явление, нигде до этого не встречаемое на Руси — в Новгороде создаются монастыри на средства боярства. В Новгороде монастыри строят и местные владыки. В период XI — середины XIV в. в Новгороде известно 27 обителей, среди них 10 женских.

Другая картина наблюдается в Северо-Восточной Руси. В XII - начале XIII в. великое княжение из Киева было перенесено сначала в Суздаль, а затем во Владимир.

Все устоявшиеся традиции княжеских семей переносятся в новый центр политической жизни. Так же как и в Киеве, князья строят церкви и монастыри. Первые известия об этом относятся к середине XII в. (Суздаль и Владимир — начало правления Юрия Долгорукого) и к XIII в. (Ростов, Ярославль, Нижний Новгород). После того, как Юрий Долгорукий занял княжеский стол, он продолжал строительство храмов в Северо-Восточной Руси. Как и в Новгороде, на Северо-Востоке Руси монастыри основывались и местными иерархами. Так, было основано два монастыря в Суздале и один в Ярославле. Они служили местом, откуда поставлялись епископы на Ростовскую кафедру и куда владыки удалялись, оставляя престол, принимая схиму.

В Северо-Восточной Руси известно около 26 монастырей, 4 из них женские [24]. Эти монастыри преимущественно княжеские (ктиторские).

Сведения о монастырях Юго-Западной Руси появляются только с XIII в. Это, вероятно, связано с тем, что во время правления Романа Мстиславича (1199–1205), создается сильное Галицко-Волыньское княжество, занявшее одно из ведущих мест в политической жизни Древней Руси. Сведений о существовании обитателей в этом княжестве немного, но нет оснований сомневаться в их существовании. В середине XIII в. происходит расцвет Юго-Западной Руси. Здесь существовала сильная княжеская власть. Князья участвовали во всех сферах общественной жизни, активно вмешивались в церковные дела. Существовала тесная связь между монастырями и князьями. Согласно сведениям летописца, имелось более десяти монастырей, непосредственно связанных с княжескими семьями. Они создавались на их средства, т. е. были ктиторским.

Какие типы монастырей были известны на Руси в период зарождения монашества? Что они представляли из себя. Ответив на эти вопросы, мы сможем полнее представить себе картину о количестве иноков в первые века становления христианского учения на Руси. Мы сможем представить то количество необходимых богослужебных книг, которое понадобилось в это время. На Востоке, где появилось впервые монашество, известны два основных типа монастырей — отшельнические (пустыни, кельи) и общежительные (киновии) [25]. Какими же были первые, возникшие еще в середине XI в., монастыри в Древней Руси? На этот вопрос трудно ответить, так как отсутствуют непосредственные указания источников. Едва ли существовавшие в самый ранний период монастыри были крупными, с хорошо отлаженной внутренней жизнью. Вероятно, они были отшельническими с небольшим числом монашествующих. Митрополит Макарий (Булгаков) называет эти первые монастыри пустынями [26]. Таким образом, уже в середине XI в. на Руси было известно отшельничество как тип подвижничества. Первые монахи жили в окрестностях Киева, выкапывая себе в горах пещеры. Сам Киево-Печерский монастырь первоначально состоял из множества пещер и пещерной церкви до тех пор, пока число иноков выросло настолько, что в пещерах они уже не могли разместиться. Тогда с благословения Антония монахи построили монастырь на той земле, которую они получили во владение от князя Изяслава [27]. Сам же Антоний снова удаляется в горы, где вы-

капывает себе новую пещеру для дальнейшего подвига [28].

Таким образом, с принятием христианства, вместе с новыми порядками из Византии приходит тот тип монастыря, который имел там распространение. Первоначально, как и на Востоке, на Руси появляются отдельные отшельнические кельи (пещеры), а уже с середины XI в. возникают собственно обители.

Для самого раннего периода истории монашества на Руси характерно почти полное отсутствие данных о количестве иноков и их социальном составе. Вновь исключение составляет Киево-Печерский патерик. На его страницах можно найти указание, что во времена Антония братия состояла из четырех человек [29]. Среди них был и сам Феодосий, принявший у Антония постриг после долгих безуспешных скитаний по киевским монастырям. Когда Феодосий стал игуменом, в монастыре было уже 20 монахов, за короткое время их число выросло до 100 человек. Именно тогда преп. Феодосий принялся разыскивать устав для упорядочения внутренней жизни разросшейся обители [30].

Социальный состав братии был разнообразен — в монастырь принимаются как выходцы из простого народа (сам преп. Феодосий), так и представители купцов (Исаакий пещерник), боярства (Варлаам, сын боярина Иоанна, при князе Изяславе поставлен игуменом Дмитровского монастыря), а также князей (черниговский князь Святоша — 1106 г.). Среди монахов упоминаются половцы, угры, варяги, греки, был врач армянин и врач сириец по имени Петр и т. д. [31]. Следовательно, в Печерском монастыре принимали постриг люди разных национальностей. Положение Киево-Печерского монастыря в обществе привлекало огромное число паломников и желающих остаться навечно в его стенах.

Немаловажна такая функция древнерусских обителей, как подготовка будущих церковных иерархов, епископов и архиепископов. Обычно до выдвижения на владычный стол будущие иерархи проходили в стенах монастырей солидную подготовку. Монах обязан был не только исполнять послушания, но постоянно заниматься своим самосовершенствованием, творить молитвы, размышлять о божестве и совершать церковные обряды. Так, Феодосий имел обычай проверять, чем монахи заняты ночью: «И егда бо слышаше кого молитвы творяща, и ставь прославляше о нем Бога» [32]. Если иноки были заняты ненужным делом, т. е. пустыми разговорами, преподобный позже порицал или наказывал их [33]. Монах был обязан соблюдать благочиние, смирение, что позволяло ему по истечении времени двигаться по иерархической лестнице должностей, существовавших в стенах монастыря. Наиболее благочинные из иноков выбирались настоятелями. Это, в основном, путь, который проходили в стенах монастырей будущие владыки. Так, митрополит Петр задолго до своего поставления митрополитом всей Руси был иноком. В 12 лет он ушел из дома в один из Волыньских монастырей, где «нес монастырские послушания, носил на поварню воду и дрова, мыл братии власяницы, и ни зимою, ни летом нисколько не оставлял своего правила» [34]. Через некоторое время «по воле настоятеля он был произведен во диаконы, а потом и в пресвитера» [35]. После длительного пребывания в стенах этой обители Петр получил благословение настоятеля и создал в пу-

Рис. 3. Трапезундское евангелие. Евангельские чтения. Х в. (середина). Константинополь (?). Фрагменты.

стынном месте на р. Рате свой собственный монастырь во имя Преображения св. Спаса. В нем до поставления на святительский стол Петр был игуменом [36]. Сам факт, что игумен монастыря, в котором подвизался Петр, позволяет ему уйти, говорит о том, что он был исключительно смирен и благочинен, а также подготовлен для обучения и наставления новых иноков уже в своем монастыре.

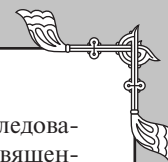
Монастыри являлись не только крупными феодальными собственниками, тесно связанными с политической жизнью города и государства, но были и центрами идеологической жизни. В стенах монастырей создавались и переписывались рукописи, а потом распространялись среди верующих. При монастырях существовали школы, в которых обучались грамоте и богословию.

Так, согласно сообщению В. Н. Татищева, дочь Всеволода Ярославича Янка основала при Андреевском монастыре в Киеве школу для богатых девушек: «Собравши же младых девиц неколико, обучала писанию, также ремеслам, пению и иным полезным знаниям...» [37]. Источник этой информации неизвестен, однако подобное упоминание позволяет утверждать, что монастырь был местом, откуда шло образование, навыки к труду, вера и нравственность. Упоминаний о существовании школ при монастырях в период до середины XIV в. нет.

Существуют отдельные известия, подтверждающие грамотность русских иноков. Так, в Печерском монастыре был монах Иларион «беяше бо книгам хитр писати, и съи по вся дъни и нощи писаше книги в кельи блаженнаго отца нашего Феодосия...» [38]. И это све-

дение относится ко второй половине XI в. Будучи инокиней, Евфросиния, уединившись в соборной церкви св. Софии в Полоцке, «нача подвижнический подвиг постнический восприимати, нача книги писати своима рукама, наемъ емлющи, требующим даяше» [39]. Это свидетельство показывает, что одно из занятий в стенах обителей — списывание книг. Необходимость диктовалась широким распространением христианства, связывающим все большие территории Древней Руси. При монастырях существовали скриптории, в которых создавались и переписывались церковные произведения, были и библиотеки, где эти книги сохранялись. До настоящего времени сохранилось небольшое число рукописей XII — середины XIV в., дающих нам основание по определенным критериям относить их к книжным мастерским монастырей уже существовавших [40]. Так, на примере новгородско-псковского материала Н. Н. Розов определил наличие книгописания в новгородском Хутынском монастыре. Имел свою библиотеку и Юрьев монастырь, однако сведения об этом очень скудны [41].

В Киеве, кроме Печерского монастыря, книжный центр существовал, вероятно, и в Зарубском монастыре. Летопись сообщает нам об одном из выходцев этого монастыря: «В то же лето постави Изяслав митрополитом Клима Смолятича вывед из Заруба, бе бо черноризчъ скимник и бысть книжник и философ, так якоже на Руской земли не бяшетъ...» [42]. Авраамий Смоленский, подвизавшийся в своем монастыре, был автором некоторых сочинений, таких как «Слово о небесных силах, чего ради создан бысть человек», а так-

же молитвы, изданной С. П. Розановым [43]. Туров — еще один центр просвещения в Западной Руси. Здесь выдающимся представителем просвещения и книжности являлся Кирилл, епископ Туровский. Он был автором поучений, торжественных слов и молитв, таких как «Притча о душе и теле», «Повесть о белоризце и мнишестве», «Сказание о черноризцем чине», 8 слов на церковные праздники, 30 молитв и 2 канона [44]. Творчество Кирилла Туровского явилось одним из наивысших достижений литературы XII в. Его сочинения имеют высокий художественный уровень, глубокую символику. В его произведениях четко прослеживается идея единства Руси, которая является одной из основных идей древнерусских летописей и агиографических произведений.

Судя по летописным свидетельствам, на Руси и до принятия христианства были люди, владеющие грамотой и заключавшие с Византией письменные договоры о мирном сосуществовании, но круг их был явно незначителен и интерес к книге еще не никак не дал о себе знать. С принятием же христианства Русь уже не могла обходиться без книг, в первую очередь необходимых для ведения богослужения. Возникшие потребности невозможно было удовлетворить только византийской книжностью, и на Руси уже с XI в. появляются русские писатели. Которые более полно понимают требования и чаяния своего народа, чем заезжие греки. Владимир организует первую школу для обучения детей из знатных семей книжной грамоте. Дело это казалось тогда таким новым и страшным, что матери, отдавая детей в обучение, «плакаху по них... акы по мертвеци плакахся» [45] А уже через столетие на Руси имелся большой фонд переводной литературы. Он удивительно быстро растет и пополняется. Появились новые памятники принадлежащие перу отечественных писателей. И как свидетельствует Кирилл Туровский, теперь властители мира сего и люди, погрязшие в житейных делах, «прилежно требуют книжного поучения» [46].

В русских городах активно распространяется грамотность, чтение входит в обиход даже простых горожан. [7] Образованные люди пользуются огромным уважением. В летописях можно увидеть лестные отзывы о подобных людях: «Бъ любя словеса книжняя», «мужъ хытр книгам и учению», «в словесах книжныхъ веселюся», «учителен и хытр учению божественныхъ книгъ», «книжный философ», «исполнен книжного учения» и мн. др..

В зависимости от целевого и читательского назначения книги Древней Руси делились на две основные группы: религиозного содержания, в том числе богослужебные, и светские (четыре книги), причем в количественном отношении преобладала первая группа. [8] Это различные Минеи (собрания служб в календарном порядке на весь год); Триоди (собрания служб, расположенных не в календарной последовательности, а по так называемому «пасхальному» циклу: «постная» триодь, содержащая песнопения преимущественно на дни Великого поста и предшествующего ему периода, и «цветная» — песнопения Пасхи и последующих за ней девяти недель); Часословы (сборники псалмов и молитв, предназначенных для чтецов и певцов на клиросе; содержат порядок всех повседневных служб, кроме литургии); Служебники (сборники, содержащие тексты церковных служб каждого дня, святцы и наставления

по ведению богослужения); Требники (чинопоследования святых таинств, кроме Св. Причащения, и священства, совершаемые как в церкви, так и за ее пределами) и др. Однако наиболее читаемыми всеми категориями населения Древней Руси были библейские книги в славянском переводе.

Не имеющая общего сюжета и составленная из разных по времени (приблизительно VIII век до н. э. — II век н. э.) и разнохарактерных сочинений (фольклор, исторические повествования, религиозная поэзия, философская и любовная лирика, мифы о сотворении мира, записи этических норм, проповеди и т. п.). Библия возникла на Ближнем Востоке и вобрала в себя опыт многих народов, отразила различные социальные, политические и этические воззрения. Лежащая в основе богослужения и догматики двух религий — иудаизма и христианства, она состоит из двух частей: Ветхого завета, наиболее древней и объемной части, составленной из 39 «священных книг» и признаваемой в качестве Священного писания в иудейской и христианской религиях, и сравнительно небольшого по объему Нового завета, созданного приблизительно во второй половине I и начале II века и признаваемого лишь христианством.

В XI-XIII веках полного перевода Библии на славянский язык еще не было, крупными своими частями (Ветхий завет и Новый завет) она переписывалась редко и в последующий исторический период, однако отдельные произведения первой части — и прежде всего «Книга Псалмов» (Псалтырь), «Пятикнижие», «Книга пророков» и др., и второй — Евангелие (Четвероевангелие) и Апостол — имели широкое хождение в народе. Так, например, одной из самых распространенных богослужебных книг на Руси было так называемое Евангелие Апракос краткий — тематический сборник евангельских текстов из четырех книг Нового завета (Марка, Матфея, Луки, Иоанна), собранных лишь из тех частей, которые читаются вслух при богослужении. Такие евангелия имелись в каждой русской церкви наряду с Апостолом Апракос, Служебником, Требником и Псалтырью, входящими в обязательный церковный минимум богослужебных книг.

По летописным данным в IX-XI веках в Киевской Руси насчитывалось 88 городов, в каждом из них было по несколько церквей, однако до нашего времени сохранилось лишь четыре Евангелия Апракос краткий, в том числе недатированная Саввина книга, по предположению ученых созданная в первой четверти X века, Остромирово евангелие. Архангельское евангелие (1092), четвертая по времени из сохранившихся датированных славянских рукописей, и Туровское евангелие. Книги Библии широко использовались и для чтения вне церкви, в том числе и для обучения грамоте.

С рубежа XI-XII веков сохранились певческие рукописные книги — Кондакари, Стихирари, Ирмологии, Октоихи и др., текст которых часто сопровождался специальными знаками музыкального письма — так называемыми знаменами или крюками. Крюковая нотация во второй половине XVII века была вытеснена нотной линейной, она сохранилась лишь в старообрядческой среде.

Большинство древнейших рукописных книг было переводными, однако в их текст при переписке часто вносился оригинальный русский материал. Большой

Рис. 4. Евангелие Апракос полный. Чтения из Евангелия от Иоанна на Пасху. Заставка и инициалы тератологического стиля. 1393 г. Москва. Один из писцов дьякон Спиридон

Рис. 5. Стихирарь минейный, нотированный. 1156-1163 гг. Новгород

популярностью в Древней Руси пользовалась разнообразная дидактическая литература — многочисленные сборники фрагментов из «Священного писания», произведения «Отцов церкви», античных и средневековых писателей, философов, в том числе сборник «Пчела», составленный в Византии в XI веке и переведенный на древнерусский язык в конце XII века, «Златоуст», «Маргарит», «Измарагд» (Изумруд) и др., хронографы (летописи), и прежде всего памятник византийской литературы «Хроника Георгия Амартола» (создана в IX веке), без списка которого не обходилась практически ни одна монастырская библиотека на Руси; разнообразная литература по естествознанию — шестодневы, физиологи, топографии и др., определявшие воззрения просвещенного русского человека на природу, растительный и животный мир; многочисленные жития святых; сочинения нравоучительного характера, в том числе переведенные с греческого языка «Повесть об Акире Премудром» и «Повесть о Варлааме и Иосафе»; произведения художественной литературы, и прежде всего наиболее любимый русскими читателями роман «Александрия» о жизни и деяниях Александра Македонского и «Иудейская история» Иосифа Флавия, одно из выдающихся произведений мировой литературы. Перевод последнего был сделан весьма вольно — со вставками об Иисусе Христе и резкими выпадами против римлян.

С XI века на Руси получили распространение апокрифы (от греч. *apokryphos* — тайный, сокровенный) — иудейские и раннехристианские произведения, по разным причинам отвергнутые церковью. Среди наиболее известных из них — дошедшее до нас от XII века и получившее широкое распространение «Хождение богородицы по мукам», известные апокрифы о мудром царе Соломоне («Соломон и Китоврас», «Мудрость Соломона» и др.).

Древнейшие из дошедших до нас произведений оригинальной русской письменности были созданы в эпоху правления киевского князя Ярослава Мудрого (около 978–1054) и его сыновей Изяслава и Святослава, однако почти все они известны нам не в подлинниках, а в графических или языковых вариантах текста или отдельных фрагментах. Среди них — общерусский летописный свод (собрание летописей) «Повесть временных лет» — величайший памятник мировой исторической литературы XII века. Созданный в 1113 году монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, он дошел до нас в составе более поздних списков — Лаврентьевского (1377) и Ипатьевского (начало XV века). В списках XV–XVII веков дошло до нашего времени и одно из первых на Руси произведений риторического жанра — «Слово о законе и благодати», написанное в 1048 году Илларионом, будущим митрополитом Киевским. В списках позднейшего времени известна и «Русская Правда» (X–XI века), важнейший юридический документ Древней Руси, определявший нормы древнерусского феодального права.

Художественную литературу в Древней Руси первоначально заменяла разнообразная житийная, или агиографическая, литература (жития святых). В отличие от переводных оригинальные жития русского происхождения — о князьях Борисе и Глебе, Владимире I Святославиче, княгине Ольге, Феодосии Печерском и др., созданные в конце XI — начале XII века, носили мировой, исторический характер и пользовались огромной популярностью в народе. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что известное «Сказание о Борисе и Глебе», сыновьях князя Владимира, убитых Святополком в 1015 году и по настоянию Ярослава Мудрого причисленных Византийской церковью к лику святых, дошло до нас почти в 200 списках. [9]

К числу произведений художественной литературы относились и разнообразные «хождения» — пу-

тешества духовных и мирских лиц по святым местам, среди них — «Хождения игумена Даниила из Русской земли», «Хождение Стефана Новгородского в Константинополь», «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (XV век) и др. Выдающимся памятником древнерусской и мировой литературы является «Слово о полку Игореве» (XII век), рукопись которого была найдена в 90-х годах XVIII века в Спасо-Ярославском монастыре известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Во время пожара Москвы в 1812 году эта рукопись сгорела, вместе с ней сгорело и большинство экземпляров первого издания «Слова...» (1800), сохранились лишь списки XIX столетия.

В конце XV-XVI веках были созданы фундаментальные памятники русской рукописной книжности. В их числе: Геннадиевская библия — полный кодекс библейских книг, легший в основу всех последующих изданий славянской библии; предпринятое по инициативе митрополита Макария грандиозное двенадцатитомное «издание» Великих Четий Миней — «собрания всех святых книг, которые в русской земле обретаются», заново пересмотренных, исправленных и отредактированных, расположенных в порядке следования месяцев и дней года; созданный под наблюдением Ивана Грозного многотомный (в 10 томах) Лицевой летописный свод, украшенный великолепными миниатюрами.

По данным опубликованного в 1966 году «Предварительного списка славяно-русских рукописей XI-XIV веков, хранящихся в СССР», до нашего времени дошло только сто девяносто рукописных книг домонгольского периода, в том числе двадцать шесть болгарского и сербского происхождения, тогда как, по подсчетам Б. В. Сапунова, в период с X до середины XIII в., т. е. в домонгольской Руси, он исчислялся не менее чем 130-140 тысячами томов рукописных (!) книг. [6]

Большинство рукописных книг хранится в государственных хранилищах (Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве литературы и искусства и др.), отделах рукописей крупнейших библиотек нашей страны (Российской государственной библиотеки в Москве, Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге), в музеях, частных собраниях. [10]

Давайте попробуем разобраться с чего начиналась книжность Киевской Руси. Что представляла из себя книга этого периода, кто тот мастер, который благодаря своим навыкам и умению, знанию и вере, творил эти непревзойденные шедевры. Кто читал и где хранились книги в первые века расцвета нового христианского государства.

Самые древние русские рукописные книги, дошедшие до нас, датированы началом XI века. Хотя ученые полагают, что такие книги могли появиться на Руси уже в IX в. вслед за изобретением славянской письменности. Создание славянской азбуки по традиции связывается с именами византийских миссионеров Константина-Кирилла (около 827-869) и его брата Мефодия (815-885).

Рис. 6. Кирилл и Мефодий создают азбуку и переводят на славянский язык Апостол и Евангелие — миниатюра из Радзивилловской летописи (XIII в.)

В 862 г. в Константинополь прибыли послы моравского князя Ростислава с просьбой к императору Михаилу и патриарху Фотию направить в Моравию проповедников для устройства там новой, христианской религии. Политический смысл этой акции ясен: Моравия стремилась опереться на Византию, чтобы ослабить натиск Восточно-Франкского королевства и западной церкви. Послы изложили еще одну просьбу — чтобы христианская проповедь велась на понятном народу славянском наречии.

Естественно, что византийский император и патриарх Фотий охотно согласились выполнить просьбу Ростислава, и с такой миссией в Моравию были направлены братья Кирилл (до принятия монашества в начале 869 — Константин) (около 827-14.2.869) и его старший брат Мефодий (около 815-6.4.885), родом из Солуни (ныне Салоники). Константин, изучивший богословие и «эллинские художества», был в свое время назначен патриаршим библиотекарем и одновременно преподавал в высшем учебном заведении философию (отсюда и прозвище Философ). Он овладел несколькими языками, в том числе местным славянским диалектом. Мефодий занимал высокий административный пост в одной из славянских провинций Византийской империи. Конечно, не только знание славянского языка предопределило выбор братьев для поездки в Моравию, но и их большой дипломатический и миссионерский опыт. Еще в 851 г. Константин был включен в византийское посольство в арабские земли для ведения переговоров о перемирии и одновременно вел там религиозные диспуты с учеными мусульманами. В 860 г. император и патриарх Фотий направили Константина в Херсонес Таврический, а оттуда в Хазарию, чтобы убедить хагана принять христианство. Как утверждает автор «Жития», Константин внушил императору, что для успеха христианской пропаганды в Моравии, как и в других славянских странах, необходимо создать славянскую азбуку и перевести греческие церковные тексты на славянский язык. Ибо пользоваться лишь словесной проповедью все равно что «писать на воде», этим можно «еретическо имя себе обрести». С согласия императора Кирилл еще

Рис. 7. Корчага.
Общий вид,
надпись.

перед отъездом составил славянскую азбуку («устроив письмена») из 38 букв. Из них часть была заимствована из греческого алфавита, а другая придумана специально для передачи специфических звуков славянских диалектов. Азбуку, отвечающую славянской фонетике, невозможно было составить механически, применяя лишь греческий алфавит, так как он не имеет целого ряда букв, соответствующих некоторым славянским звукам.

При помощи славянского алфавита Кирилл осуществил перевод Евангелия и некоторых других церковных книг, получивших потом распространение не только в Моравии, но и в других славянских странах. [11]

Все попытки доказать существование развитой восточнославянской письменности и грамотности в среде славянского населения в период до крещения Руси в 988 году, окончились неудачей и не выдерживают проверки научными фактами. Они, как правило, не состоятельны и не имеют под собой каких-либо серьезных оснований. Однако, нельзя отрицать тот факт, что азбука Кирилла и Мефодия использовалась неопитами того времени в различных жизненных ситуациях.

Важный материал дают археологические находки. В 1949 году при раскопке кургана возле села Гнездово под Смоленском была обнаружена глиняная корчага с кириллической надписью. По археологическим данным корчага датируется первыми десятилетиями (не позднее середины) X века. Надпись на сосуде, сделанную из обжига, очевидно, местным мастером, читают по-разному: гороуша «горчица», гороуша «горючая (жидкость — нефть)», гороух а «Горох писал» и т.д. (буквенное сочетание оу обозначает звук у, буква « — пс». Наиболее вероятно, что на корчаге указано имя владельца: гороун'а — притяжательное прилагательное от имени собственного Гороунь. Гнездовская надпись

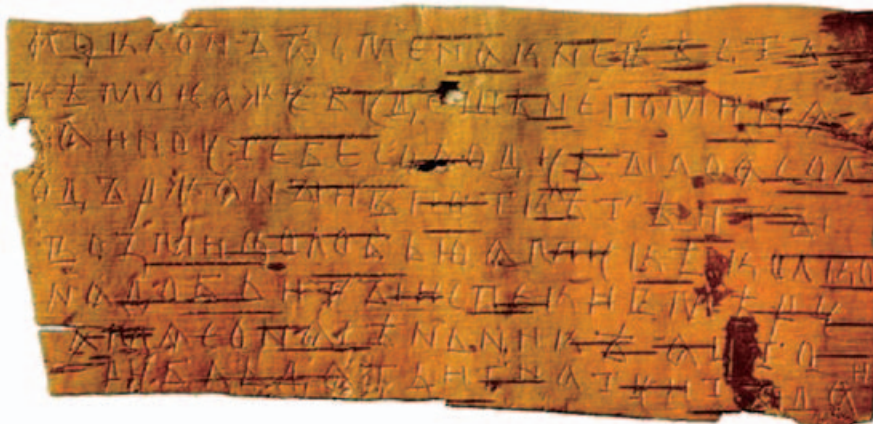
является древнейшим восточнославянским текстом. Она свидетельствует о том, что в дохристианской Руси кириллица использовалась в быту.

На это же указывают открытия, сделанные Новгородской экспедицией Академии наук и Московского университета. Во время раскопок в Новгороде было найдено два деревянных цилиндра с вырезанными кириллическими надписями делового содержания. В.Л. Янин доказал, что цилиндры использовались в княжеском хозяйстве как особые замки на мешках. По археологическим данным датировка находок достаточно широка — 973-1051 годы. Существенно уточнить ее помогает вырезанный на одном из цилиндров княжеский знак (в виде простого трезубца) Владимира Святославича, будущего крестителя Руси, который правил в Новгороде в 970-980 году. Таким образом, кириллица использовалась в государственном аппарате Древней Руси до официального принятия христианства и письменности.

О «русских письменах» сообщает арабский писатель Ибн-эль-Недим в «Книге росписи известных об ученых и именах сочиненных ими книг». Его труд был написан в 987-988 годах, то есть накануне принятия христианства Древней Русью. Ибн-эль-Недим записал со слов посла одного кавказского князя: «Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк [Кавказских гор. — В. К.] послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения; не знаю, были ли они слова или отдельные буквы, подобно этому».

В средневековых источниках русью называют не только восточных славян, но и норманнов, скандинавов (или, как говорили в Древней Руси, варягов). В принципе свидетельство Ибн-эль-Недима может быть отнесено к варягам. Однако в его сообщении обращает на себя внимание, что «русские письмена» вырезали (точнее, процарапывали?) на белом дереве. По мнению Л.П. Жуковской, собеседник Ибн-эль-Недим показал ему древнерусскую грамоту, процарапанную на березовой коре. Вскоре, предположение Жуковского получило замечательное подтверждение. 26 июля 1951 г. в Новгороде во время раскопок, которыми руководил А.В. Арциховский, в слое рубежа XIV — XV вв., была найдена первая берестяная грамота, а затем в том же по-

Рис. 8. Грамота № 363. Конец XIV в. Размер 16,4 x 8 см.

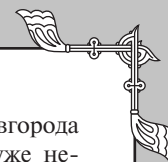
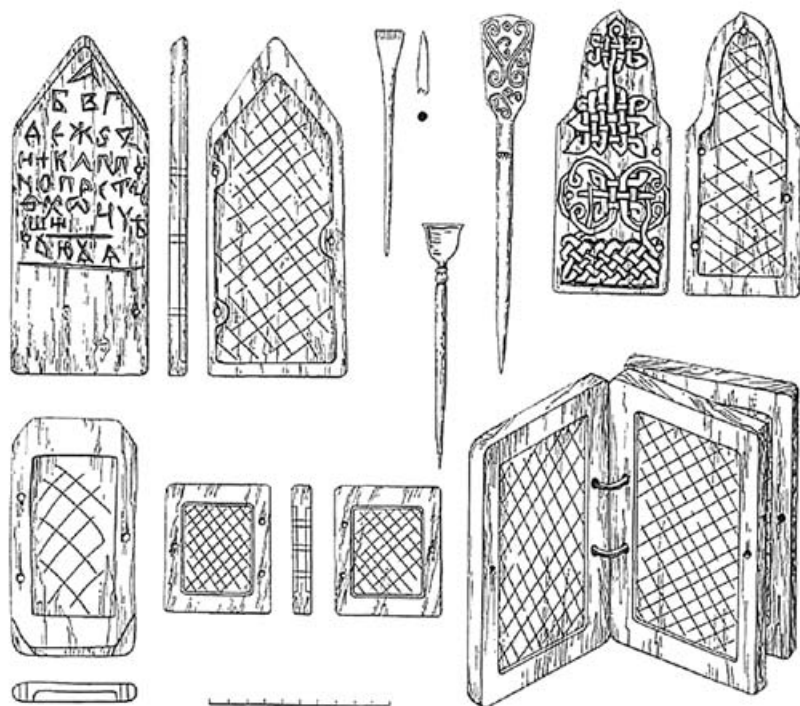

Рис. 9. Церы и писала (стили). Археология. Древняя Русь, быт и культура. М., Наука, 1997 г. гл. № 8. (А. А. Медынцева)

левом сезоне — еще девять берестяных документов. С тех пор прошло пятьдесят девять лет, в течение которых число подобных находок возрастало с каждым годом. На сегодняшний день коллекция новгородских берестяных грамот включает около 1000 текстов. По данным на 1997 год, грамоты на бересте были обнаружены еще в восьми русских городах: в Старой Руссе — двадцать шесть, в Смоленске — пятнадцать, в Пскове — восемь, в Твери — пять, в Звенигороде Галицком на Украине — три, в Москве, Витебске, и Мстиславле (последние два городе в Белоруссии) — по одной, и их число постоянно растет с каждой новой археологической экспедицией. Они прочно вошли в число основных источников по истории средневековой Руси.

В отличие от дорогого пергамента береста была самым демократичным и легкодоступным материалом письма в средневековье. Для того чтобы использовать бересту в качестве писчего материала, как правило, ее специально готовили. Лист березовой коры должен был иметь минимум прожилки. С его внутренней стороны удаляли ломкие прослойки луба, а с наружной — шелушащийся поверхностный слой. Есть примеры, показывающие, что для придания бересте дополнительной эластичности ее кипятили в воде с щелочами. Впрочем, известно не мало текстов, написанных на необработанной бересте или же на предметах вторично использованных (например, на оторванных днищах лукошек). Текст писали в большинстве случаев на внутренней стороне поверхности коры, хотя иногда встречаются документы, написанные на наружной поверхности или на обеих сторонах листа. Текст наносился с помощью костяного или железного стилоса (писала) выдавливанием штрихов. Из всего количества найденных документов, лишь несколько текстов написаны чернилами.

Стилосы (их в находках Новгорода и других городов известно уже несколько сотен) представляют собой заостренный стержень, снабженный на противоположном конце плоской лопаточкой. Такая форма определялась двойным назначением этого инструмента. Им писали и на бересте, и на навощенных дощечках — церах, неоднократно встреченных при раскопках в Новгороде (однажды была найдена цера, сохранившая не только заливку воском, но и остатки текста на ней). Лопаточкой заглаживали написанное по истечении необходимости в нем. Материалом для изготовления подобного инструмента могли послужить кость, бронза, дерево. В зависимости от социального статуса, пишущий человек мог себе позволить более или менее дорогой и витиеватый инструмент для исполнения записей. Я думаю, можно смело провести аналогию с настоящим временем. Сравнив, тем самым, продукцию престижной и дорогой компании — эталона в мире ручек, где каждая такая ручка — это предмет высшего качества, рассчитанный

на многолетнюю работу. И простую шариковую ручку, рассчитанную для отработки навыков письма у школьника в средней школе. Деревянную или костяную палочку — стилос, мог вырезать любящий отец для своего ребенка, отправляя его на учебу. Бронзовый, украшенный многоуровневыми украшениями или литым орнаментом — был в состоянии служить подарком для дорогого человека. Нельзя не отметить, что 2 десятка писал с лопаточкой на для разглаживания, описанных в систематизированных в литературе, — это лишь часть орудий для письма. На самом деле количество «стилосов» должно быть значительно больше, так как письмо по бересте, на стенах, на различных предметах не требовало наличия лопаточки. Для этих целей могли использовать и другие предметы с острым краем, которые мы сейчас не можем определить, — булавки, шилья, гвозди и ножи. В силу понятных причин, на сегодняшний день мы можем видеть и держать в руках стилосы выполненные в процессе бронзового литья или вырезанные из кости. Т. е. из материалов, которые могут оказывать сопротивление разрушительным свойствам времени.

Вернемся же к бересте.

Единственным способом сохранения берестяного документа в естественной среде является его быстрое попадание во влажную среду. На воздухе береста быстро скручивается из-за неравномерного натяжения ее волокон при высыхании, становится ломкой, расслаивается по прожилкам. Этот писчий материал не рассчитан на длительное хранение. Человек получивший берестяное письмо, ознакомившись с его содержанием, выбрасывал его. Попав в грязь и будучи затоптано во влажную почву, оно только в таком случае обретало вторую жизнь, получало возможность сохраниться до наших дней. Это касается и записей сделанных для себя. Сам

выбор для них бересты определялся кратковременным назначением таких записей, для записей длительного использования, вероятно, предпочитали пергамент. Как отмечает В.Л. Янин, «берестяные грамоты были привычным элементом новгородского средневекового быта. Новгородцы постоянно читали и писали письма, рвали их и выбрасывали, как мы сейчас рвем и выбрасываем ненужные или использованные бумаги», «переписка служила новгородцам, занятым не в какой-то узкой, специфической сфере человеческой деятельности. Она не была профессиональным признаком. Она стала повседневным явлением». [13] В середине XII в. новгородский священник Кирик спрашивает у своего непосредственного начальника, главы новгородской церкви, епископа Нифонта: «Нет ли в том греха, если по грамотам ходить ногами? Если кто изрезав их, бросит, а слова могут быть прочтены?». Этот вопрос адекватно отражает картину Новгорода, в котором ноги прохожих топтали немало брошенных на землю грамот.

Повышенная влажность культурного слоя Новгорода, нарастание, с течением времени, этого самого слоя, требовало постоянного мощения улиц и проездов. Сооруженная в XVII-XVIII вв. разветвленная система дренажа смогла подсушить слои XVI-XVII вв., а частично и второй половины XV в. уничтожив в них полностью органические остатки. Новый деревянный настил укладывался на предыдущий, который становился своеобразным фундаментом улицы. Такой механизм действовал безостановочно. Раскопками в разных городах установлено, что с середины X в. (когда впервые начали мостить улицы), до середины XV в., т. е. в течении 500 лет, на мостовых улиц образовывалось примерно 30 ярусов настила; каждый из этих ярусов получает точные дендрохронологические даты. Определение этих дат, в свою очередь дает возможность точной хронологической привязки для всего комплекса археологических находок, в том числе и берестяных документов, происходящих из стратиграфического яруса, т. е. с точностью в 15-25 лет. Найденные грамоты происходят из разных стратиграфических уровней и разных районов города. Из этого не следует, что они равномерно насыщали культурный слой. На одних усадьбах их много, на других их совсем нет. На одной и той же усадьбе в одних стратиграфических уровнях обнаружены десятки берестяных документов, в других — минимальное их число или вовсе не обнаружены. Такая неравномерность связана с общим интеллектуальным уровнем населения той или иной усадьбы на протяжении существования конкретного яруса, а в конечном счете — от способа хозяйствования жилой ячейки. Древнейшие на сегодняшний день берестяные грамоты извлечены из слоев первой половины XI в., однако уже в самых ранних горизонтах культурного слоя были встречены инструменты берестяного письма (древнейший — в слоях 953-972 гг.) Но не следует преувеличивать масштаб грамотности в этот ранний период. Полевой сезон 1994 г., на протяжении которого раскопки проходили на площади более чем в 1000 кв. м. велись в слоях X — начала XI в., не дал ни одной берестяной грамоты, и это достаточно показательно. Что касается позднейшей даты массового бытования берестяного письма, она в целом может быть определена второй половиной XV в. Причиной этому было стремительное распростра-

нение на Руси дешевой бумаги именно в XV в., а вместе с ней и тотальное распространение главного орудия письма на бумаге — гусиного пера и чернил. Косвенным указанием на то, что после второй половины XV в. берестяное письмо перестало быть массовым, является отсутствие на стенах новгородских церквей граффити этого времени, которые были обильны на протяжении XI — середины XV в. Орудием письма на штукатурке служили те же самые стилосы, какими писали тексты берестяных грамот, а исчезновение граффити, таким образом, прямо связано с выходом из употребления стилоса.

Найденные в Новгороде берестяные грамоты (по данным на 1997 г.) так распределяются по обобщенным хронологическим горизонтам их залегания:

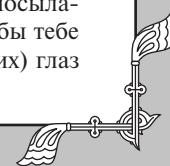
XI в.,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	21
XII в.,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	230
XIII в.,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	169
XIV в.,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	266
XV в.,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	89

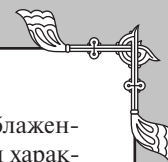
Некоторое падение числа текстов в XIII в. соответствует общему кризисному состоянию Руси в результате разгрома в ходе татаро-монгольского нашествия.

Открытие берестяных грамот, которые самым решительным образом изменили сложившееся в прошлом представление о культурном уровне средневекового новгородского общества. И дело здесь не в числе берестяных документов, а в социальном составе круга людей, обращавшихся к берестяному письму. Анализ содержания грамот, а также состава их авторов и адресатов говорит о несомненной широте круга грамотных новгородцев. Среди них бояре и крупные землевладельцы не аристократического происхождения, торговцы и священнослужители разных иерархических рангов, ремесленники и крестьяне, мужчины и женщины.

В коллекции новгородских берестяных документов имеется немало ученических упражнений в письме и счете, наиболее известен целый комплекс упражнений мальчика Онфима, обнаруженный в слоях XIII века. Однако бытовая заурядность обучения грамоте нагляднее всего демонстрируется берестяной грамотой № 687 конца XIV в. В этом письме, адресованном мужем своей жене, содержится ряд хозяйственных распоряжений: о необходимости купить масла, приобрести детям одежду, присмотреть за лошадьми и т. п. Поручение отдать детей обучить грамоте содержится среди этих распоряжений как вполне заурядное, а не экстраординарное дело.

Нельзя не отметить одну из находок раскопок 1993 г. в слое рубежа XI-XII вв. Берестяная грамота № 752, это не просто грамота — это всплеск страсти, воплощенный в аккуратные строки, написанные красивейшим почерком. Нервная эмоциональность прорывается в исправлениях описок, искажающих смысл упреков. Получивший ее человек разорвал ее на продольные полосы (длиной около 46 см.) и выбросил. Он оторвал начало, не желая, чтобы поднявший грамоту человек узнал, от кого и кому написано это письмо. Восстановленный текст можем прочесть: «Я посылала к тебе трижды.. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил? А я к тебе относилась, как к брату! Неужели я тебя обидела тем, что посылала к тебе? Я вижу, что тебе это не угодно. Если бы тебе было угодно, то ты вырвался бы из-под (людских) глаз

и пришел... теперь где-нибудь в другом месте. Ответь мне письмом...; ... (Не думай, что я) тебя отвергаю...;... Если даже я тебя по своему неразумию обидела, а ты начнешь насмехаться надо мной, пусть судит тебя Бог и моя слабость!». Письмо написано молодой женщиной, обладающей достаточно высоким социальным положением и, несомненно, знакомой с литературным языком. Можно только поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI в. возлюбленному, не пришедшему на свидание.

Вряд ли есть необходимость особым образом разяснять, что проникновение грамотности в среду женщин наиболее чуткий индикатор высокого уровня общекультурного общественного развития. Однако, надо реально смотреть на вещи. Число подобных находок достаточно ограничено, чтобы не стремиться к преувеличенным представлениям о степени развития грамотности, которая, очевидно, была далеко не всеобщей.

В подавляющем большинстве берестяные грамоты написаны по-древнерусски, и лишь небольшое число — по-церковнославянски. Кроме того, обнаружены две берестяные грамоты, написанные жившими в Новгороде иностранцами на латинском и нижненемецком языках. Известны также греческая и прибалтийско-финская грамоты. Из всех восточнославянских письменных источников XI-XV веков берестяные грамоты наиболее полно и разнообразно отразили особенности живой разговорной речи.

Грамоты дают богатый материал для изучения не-книжных, бытовых графических систем. В Древней Руси элементарный курс грамотности ограничивался одним обучением читать. Но, закончив его, ученики, хотя и непрофессионально, могли писать, перенося навыки чтения на письмо. Искусству писать и правилам правописания учили специально, главным образом будущих книгописцев. В отличие от книжных текстов, созданных писцами-профессионалами, берестяные грамоты созданы людьми, в своем большинстве специально не учившимися писать.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что письмо на бересте и церках, прочно вошло в быт жителя славянского государства в интересующий на период. Береста выполняла роль недорого и легко доступного материала для написания записки, письма, послания. Однако, для сохранения большого количества информации, информации такого объема, каков объем был необходим для передачи святого писания, береста не подходила по своим качествам. Параллельно активно стало развиваться книгописание.

Как уже упоминалось, есть свидетельство, что «переписчики» существовали на Руси с самых древних времен. По словам Нестора, они были уже при Ярославе Мудром: «Бъ Ярославъ книгамъ прилежа почитая часто въ нощи и во дни, и собра писцы многи и прелагающе отъ Грекъ на славянское письмо и списаша книги многи, ими же поучахуся людие».

Князь Николай святоша, постригшийся в Печерской обители, тратил на покупку книг все свои сбережения и просил переводить их инока Феодосия. Святая Евфросиния Полоцкая, научившись книжному писанию, «нача книги писати своими руками».

По словам того же Нестора, в Печерском монастыре: «чернец Илларион баше бо книгам хитр писати, ту

по вся дни и нощи писаше книги въ келии у блаженного Феодосия». Такая краткая, но весьма емкая характеристика, как нельзя лучше подходит для опального митрополита, ведь его любовь к книгам была притчей во языцех.

Основателю и первому игумену Троице-Сергиевского монастыря, преподобному Сергию, с первыми подвижниками своими, за неимением бумаги приходилось писать даже на «берестех». При этом и отличал особую любовью хороших книгописцев. Об ученике Сергия, Афанасии, с 1374 года ставшему игуменом Серпуховского-Высоцкого монастыря, известно: «в божественных писаниях бѣ зело разумен, и доброписания много руки его и доныне свидетельствует, и сего ради любим зело старцу. (т. е. св. Сергию)» В уставе Иосифа Волокаламского, в 10-й главе, под названием; «ответание любозазорным», говорится, что по бедности «въ обители блаженного Сергия (Радонежского) и самые книги не хартиях писаху, но на берестех».

Кирилл Белозерский, друг и собеседник Сергия, еще простым иноком в Московском Симоновом монастыре занимался перепиской книг, а на Беллоозере сам ничего не держал в своей келии, кроме книг. Нил Сорский, читая разные книги, списывал из них места, наиболее ему понравившиеся, — находя в этом величайшее удовольствие, как он сам признавался в письме к князю — иноку Вассину: «Печаль приемлет мя и обдержит, аще не пишу». О Моисее, 1353-1362 г., Новгородском архиепископе, летописец говорит, что он «добре пасяше стадо свое, пожив в целомудрии, и многи писцы исписав».

Митрополит Макарий, в предисловии к своим четьи-минеем, говорит: «Написал я эти святые книги в Великом Новгороде, когда был там архиепископом, а писал и собирал их в одно место двенадцать лет, многим именован и многими различными писарями, не щадя сребра и всяких почестей».

В начале XIII века, великий князь Константин Всеволодович устроил училище во Владимире, при церкви св. Михаила, где учили юношей русские и греческие монахи. Умирая, он завещал училищу свой дом и книги. Константин был большой любитель книг, он держал при себе ученых людей и покупал по высокой цене греческие книги. Результатом его деятельности стала — библиотека во Владимире, где одних греческих книг насчитывалось более 1000.

Нельзя не вспомнить знаменитую библиотеку Ярослава. Первое и последнее упоминание о ней находим в «Повести временных лет» в статье под 1037 годом — «и списаша книги многи, положи в святой Софьи церкви, юже созда сам». Это единственное летописное сообщение о книжном собрании Софиевского собора Киева является настолько важным для нас, что его необходимо цитировать полностью и в переводе на современный язык. «И любил Ярослав церковные уставы, и книги любил, читая их часто. И собрал книжников многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И списали они многие книги. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу не оскудевающую — так и этот. Отец его Владимир землю вспахал и размягчил. Этот же засеял книжными словами сердца людей, а мы пожинаем, учение принимаем книжное. Велика ведь бывает польза от учения книжного: книгами наставляемы и поучаемы, от слов

Рис. 10. Изборник Святослава 1073. Стр. 128зв.

книжных обретаем мудрость. Это ведь суть реки, наполняющие Вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина. Если прилежно станешь искать в книгах мудрости, то найдешь великую пользу. Ярослав же любил книги, и много их написав, положил в церковь святой Софии, которую создал сам».

Немаловажным является вопрос о количестве книг этой библиотеки. В научных статьях и книгах, опубликованных по данной теме за последнее время, можно найти самые разные цифры. Наиболее вероятным представляется цифра — 1000 томов. Очевидно, фонд библиотеки Ярослава не был постоянным, наоборот, он все время изменялся. Во-первых, в него поступали новые книги, так как их перевод непрерывно продолжался. Часть книг закупали и получали в качестве даров. Во-вторых, некоторые книги покидали родную обитель и отправлялись в дальние странствия со своими новыми хозяевами. Их передавали в иные храмы и монастыри, приносили в дар. Часть книг, могла быть просто расхищена и уничтожена. В настоящий момент установлены только четыре книги из знаменитой библиотеки Ярослава. Прежде всего, это «Изборник» Святослава (1037 год). В нем помещены статьи не только и не столько богословные, но и по философии, истории, астрономии, математике, зоологии, грамматике.

Вторая книга — «Изборник» (1076 год) тоже энциклопедического характера. Он был создан на основе книжных богатств Софии Киевской, о чем красноречиво свидетельствует надпись — «избрано из многих книг княжьих». История находки третьей книги настолько интересна, что хочется остановиться на ней несколько подробнее. В 1048 году князь Ярослав Мудрый принимал в Софиевском соборе специального посла французского короля Генриха I. Гость из далекой страны приехал в Киев с необычной миссией — просить руки юной княгини Анны. Видимо, старинные королевские дворы Европы почитали за великую честь породниться с могущественным киевским князем. В далекую поездку Анна взяла вместе с другими драгоценностями рукописное «Евангелие» из отцовской библиотеки. Через некоторое время в соборе первой столицы Франции, городе Реймсе состоялось венчание Генриха и Анны. В момент торжественной церемонии княгиня положила на алтарь книгу, написанную старославянским языком. С тех пор стало доброй традицией на протяжении многих веков от Генриха I до Людовика XIV при вступлении на французский престол присягать на этом «Евангелии». В XVII веке книгу видел русский царь Петр I и высказал вполне уместную мысль, что она славянского происхождения. В Москве, в 1975 году, на выставке, посвященной 50-летию установлению дипломатических отношений Франция-СССР, отечественные ученые получили уникальную возможность ознакомиться с древней княжьей реликвией. Кто знает, может быть и в других странах также сохранились книги из собрания Ярослава Мудрого? Ведь известно, что дочь Ярослава Анастасия была замужем за венгерским королем, Елизавета — за норвежским, тетка Мария Доброгнева — за королем польским, двоюродная сестра Евпраксия — за императором германским. Жизнь рукописей, как и жизнь людей, преисполнена треволнений.

Следующая книга из собрания Ярослава — «Остромирово Евангелие» (1056 год). Самая первая сохранившаяся до наших дней книга, в которой есть дата ее создания и имя писца — это книга большого формата, написанная на 294 листах пергамента размером 35х30 см.

Рис. 11. «Остромирово Евангелие», 1056 год.

(Для изготовления такого количества пергаментных листов требовалась кожа 175 телят). На последней странице книги читаем: «Аз Григорий диакон написах Евангелие сие». Начал он свой труд 21 октября 1056 года, а закончил 12 мая 1057 года. Книгу он написал по заказу человека, которого звали Остромир. Был он посадником Новгорода, ему князь Изяслав (сын Ярослава Мудрого) поручил ему управлять Новгородской землей. Он и заказал дьякону Григорию написать для себя Евангелие. По имени первого владельца эта рукописная книга называется Остромировым Евангелием. На первом листе стоит пометка — «Софиевская», что позволило определить ее принадлежность.

Заглянем в рукописную мастерскую, познакомимся с тем, как изготовляли на Руси рукописные книги.

Кто были эти люди — древнерусские писцы, в каких условиях они работали, какими инструментами пользовались, что за приемы работы изобретали или заимствовали?

Создание рукописи — это тяжелый и изнурительный труд. Рабочий день длился летом от восхода и до заката солнца, зимой же захватывали и темную половину дня, когда писали при свечах или лучинах. Огромный интерес представляют записи, сделанные в конце книг самими писцами. Это своего рода дневники, повествующие разнообразными сведения о переписчике и об обстановке в процессе его работы над книгой. Из подобных приписок мы можем узнать и стоимость материала, и длительность кропотливой работы писца, и положение ремесленников-писцов. Успешное окончание книги было праздником. Радуюсь, писец оставлял в конце книги, например, такую запись: «Яко же радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист», «Радуется купец, прикуп сотворив и кормчий в отишь пристав и странник в отечество свое пришед, такожде радуется и книжный писатель, дошед конца книгам»

Еще одним косвенным источником информации являются многочисленные миниатюры, включенные в книгу.

Чаще всего в дневниковых записях писец сообщал свое имя (или два имени), нередко указывалась и профессия, например: «поп Упырь Лихой» (1047 г.), или «Антоний, инок» (1129 г.). Среди лиц, писавших книги, были писцы «по обету или по приказанию игумена», профессиональные писцы и авторы-писцы. Долгое время считалось, что они были преимущественно людьми духовного звания, что церковь была монополистом в деле создания и распространения книг; мнение это усиленно поддерживалось самими церковниками. Историк же Б. А. Рыбаков подсчитал, что на протяжении XI в. книги пишутся церковниками, но уже в конце XI в. в Новгороде Великом возникает ремесло «книжных списателей», и дошедшие до нас книги конца XI и XII вв. принадлежат почти исключительно светским мастерам, соответствующим 72% всех известных нам по именам писцов. Новгородское происхождение большинства дошедших до нас рукописей свидетельствует о появлении книгописных мастерских в Новгороде в конце XI в. Монастыри и епископские или митрополичьи дворы были организаторами и цензорами книжного писания, выступая нередко в роли посредников между заказчиком и писцом, но исполнителями зачастую оказывались не монахи, а люди, не имевшие ни-

Рис. 12. Славянское Евангелие, XII в., одно из сокровищ московского Архангельского собора. Оно, как значится в послесловии, писано в 1125 г. Алексеем Лазаревым, сыном пресвитера, для новгородского князя Мстислава Владимировича, внука Всеволода.

какого отношения к церкви. Состав писцов был неоднороден; часть из них находилась в очень бедственном положении. Работали писцы как индивидуально, так и совместно: отец и сын, мастер и подмастерье, группа мастеров, нанятых («наят их переписывать») крупным предпринимателем. В некоторых случаях работа производилась писцом индивидуально, по заказу. Заказ иногда оформлялся в виде договора («ряда»). От XIV в. есть сведения о специальных мастерских, организованных при дворе новгородского архиепископа.

Краткий летописец новгородских владык, уделивший большое внимание архиепископу Моисею, сообщает, что он «поживь въ ц ломудр и, и многи писца изыскавъ в книги многи исписавъ...и посемь скончася, много писаніе оставивъ». По другому списку: «собра многи писца книжные, каят их преписывати книги святыя». [47]

Книги второй половины XIV в. имеют приписки, говорящие об изготовлении их во владычных мастерских: в 1356 г. Пролог написали «владычни робята» Леонид и Осиф; в 1362 г. евангелие написано «владычным парбоком» Микулой; в 1365 г. «владычень писец» Филица написал миною за июль; в 1369 г. «владычень парбоком» Семеем написал миною за март; в 1370 г. он же написал миною за октябрь. [48]

Интересное «строение» книг во второй половине XIV в. связано, между прочим, и с усиленным строительством церквей, требовавших богослужебных книг.

Для покрытия этой потребности и были созданы мастерские, в которых работали «владычные парбки» и «владычние робята». В ряде случаев несколько писцов

(не монахов) работали совместно в одном помещении. Работа нескольких рядовых писцов нередко сочеталась с работой квалифицированного мастера-художника, рисовавшего инициалы, заставки.

Особенное внимание уделялось при написании Евангелия. Это поясняется тем важным местом, которое занимает Евангелие среди других групп книг литургического характера. Напрестольное Евангелие — это не просто книга на религиозную тему. Это Благая Весть. Это вещь сакральная, святая. Она творит реальный духовный контакт человека с неведомым миром Бога. Это признак присутствия Промысла Божьего. Без Евангелия не обходится ни одного богослужения, крещения, венчания. Эта книга должна была быть в каждой церкви, а в богатых монастырских или городских церквях их было по несколько штук. Их хранили особенно бережно и внимательно следили за ее состоянием. При необходимости книгу реставрировали, меняли оклад или отдельные его элементы. В случаях, когда книга теряла отдельные листы, заботились о том, что бы компенсировать их другими — переписанными, вновь, мастерами. Учитывая значение книги, ее роль в литургическом Богослужении, то место, которое она занимала в церкви на престоле, к написанию и украшению книги ставились с особой ответственностью. Многоцветные иллюстрации и орнаменты подчас вытесняли текст на второстепенное место. Заголовки и буквы прописывались золотом. Основу переплета составляют деревянные доски, обтянутые кожей. К верхней доске прибиты золотые пластины с рельефными изображениями Христа, четырех евангелистов и сцен из Нового Завета. Переплет украшен и разноцветными драгоценными камнями. Такие художественные переплеты издавна бытовали и на Руси, где их именовали окладами. Наиболее известны оклад «Евангельских и апостольских чтений», «построенный» по повелению московского великого князя Симеона Гордого в 1343 г., и оклад Евангелия-Апракоса, изготовленный в 1392 г. по заказу боярина Федора Андреевича Кошки [49]. Прекрасен оклад и так называемого Морозовского Евангелия XV в., хранившегося в Успенском соборе Московского Кремля, а ныне находящегося в Оружейной палате [50]. Доски переплета этой книги скреплены застежками. А обрез украшен подзором — занавеской с нанизанными на нити жемчужинами. Очевидно, что в таком случае над книгой трудилось несколько мастеров разных специальностей. Так в книгописании появилось разделение труда. В качестве яркого примера, можно привести уникальную запись о статьях расходов на производство Четвероевангелия 1532 г. Боровского Пафнутьева монастыря:

1. доброписец чернописный
2. живописец иконный
3. златописец
4. заставный писец
5. статейный писец
6. золото на заставицы, статьи, прописи, тетровка-ние, точки и запятые, скань
7. серебро на доску и скань
8. застежки и подковы
9. златокузнецу и среброкузнецу и сканному мастеру
10. жемчуга яхонты, прочие камни — всего 100 рублей и 20 гривен.

Доброписец писал основной текст; статейный писец исполнял киноварью вязь, надстрочные и подстрочные знаки, записи, точки и другой текст, в дальнейшем прописывавшийся золотом; заставный писец рисовал заставки и буквы, а живописец — миниатюры; златокузнец и сканный мастер — ювелиры, украшавшие оклад книги. Все это делалось для того, чтобы книга стала частью святого таинства.

Работа по переписке книги была очень трудоемкой и длительной. О дороговизне подобных книг можно судить по следующим примерам: в X в. графиня Анжуйская приобрела сборник проповедей за двести овец, три бочки зерна и несколько кунных шкур; в Испании за один манускрипт отдавали несколько домов с виноградниками. У нас на Руси, в XI веке заказать и позволить себе книгу мог лишь богатый человек. Однако время не стоит на месте, с каждым годом появляются все больше книг с обычными переплетами, которые на Руси называли обиходными. Основу их составляли деревянные доски толщиной до 2 см, которые обтягивали кожей или какой-либо тканью — бархатом, аксамитом... Поверхность кожи украшали тисненным изображением, чаще всего орнаментальным. Меняется и стоимость таких книг. При новгородском софийском евангелии второй половины XIV в. сохранилась интереснейшая запись [53]: «Поклонь от Фрола господину игумену Микит . Господине игумень, доправи ми господипе Бога для книги си на Двину къ святому Михаилу. Книги же си дають Григорию С риноу, а ты, господине Григории, возми соб оу игумена Акакия 5 сорочек и еуангелие дай емоу, а мн дали Степань да Василий два сорока и ты, господине Григорий, возми 5 сороковъ — и оно будет 7 сороковъ. Се рядь мой: от письмени взяти 7 сороков да телятины ми был взяти. За телятины же сорочек, а 6 от письмени. А се ж вамъ книги, а азъ вамъ бую челомъ своимъ». Сущность ее сводится к следующему: два новгородца (?) Василий и Степан заказали писцу Фролу евангелие, предназначенное для монастыря Михаила Архангела на Двине. С писцом Фролом был заключен договор (очевидно устный), по которому Фрол должен был получить за всю работу со своим материалом 7 сорочков; из них 6 сорочков за работу и 1 сорочек за пергамен; 2 сорочка он получил в задаток. Переписав книгу, Фрол обратился с просьбой к игумену Никите (по всей вероятности, к игумену одного из новгородских монастырей) с просьбой переписать книгу на Двину с Григорием Сериным, которому Фрол поручает произвести окончательный расчет с игуменом Акакием (очевидно, игуменом того монастыря, для которого писалось евангелие, т. е. Михайлова). [54]

Основным писчим материалом в средневековье служил пергамент — тонко выделанная кожа молодых животных. Пергамент привозили из Византии, но скоро русские мастера овладели техникой его изготовления. Одно из названий пергамента на Руси «харатья» — мех, кожа. Говорили: «харатейное письмо», т. е. на пергамене. Инструментом для письма, как и в античности, служили калам и птичье перо — сначала в равной степени, а затем писцы перешли в основном на птичьи (гусиные) перья, которые, приступая к работе, полагалось расщепить и заточить. Делали это небольшим ножиком, который с тех давних времен называется перочинным. Эластичные стальные перья были изобретены лишь

в конце XVIII в., а массовое их производство и вовсе началось только лишь с середины XIX в. Для разлиновки листа употреблялись острое шильце. В 1125 г. в Европе для этого впервые использовать графит.

В середине века было известно несколько рецептов приготовления чернил. Для чтобы чернила были «добрые» составлялись сложнейшие рецепты. В ход шли чернильные орешки, дубовая или ольховая кора, вишневый клей или камедь, квас или кислые щи, пресный или кислый мед и, наконец, гвозди или ржавое железо. Согласно одному способу «чернильного становления» — он приводится в рукописи XV века из библиотеки Троице-Сергиевой лавры — рекомендуется мелко истолочь чернильные орешки и просеять их через сито, затем полить кислым и пресным медом и смешать с вишневым клеєм, после этого в раствор опустить 12 пластинок железа и поставить сосуд в теплое место на три дня. При этом смесь следует трижды в день размешивать, испытывая ее сладость языком, и процеживать.

Густые черные чернила той эпохи были по качеству выше античных — их не так легко было смыть. Широко применялись цветные чернила, особенно — красные, приготовленные, как и в античности, на свинцовой основе. Они давали четкий алый цвет. Пользовались также зелеными, голубыми и желтыми чернилами, реже — фиолетовыми.

Первая стадия изготовления книги — выделка пергамента. В мастерскую обычно попадал пергамент невысокого качества — недостаточно гладкий, с жировыми пятнами. Мастер проверял весь запас, сортировал его и годные листы нарезал по трафарету. Потом выскабливал пергамент ножом или пемзой, заклеивал трещины специальным клеєм (сохранился даже рецепт такого клея). Затем начиналась вторая стадия — разлиновка. Для этого использовали циркуль, линейку и шильце. В большинстве рукописных книг текст расположен в два столбца, и каждый обрамлен тонкими бледными листьями. Размещению текста на листе придавалось большое значение. Площадь полей и текста распределялась в соответствии со строгими правилами композиции. Непременно оставлялись места (обычно — обрамленные) для миниатюр, инициалов, виньеток и прочих элементов украшения. И только после этого за работу брался каллиграф-переписчик, следуя особым правилам письма.

Согласно античной традиции писцы писали книги просто на колене. Столик служил подставкой для письменных принадлежностей: чернильниц, небольших сосудов для красок и сухих красок в кусках, раскладывались циркуль, ножи, пенал, губки, песочницы с перьями, кисти. На высоком пюпитре изображался лист, с которого писец мог переписывать текст. В корзине помещались свернутые и перевязанные свитки. Такое обилие письменных принадлежностей встречается на византийских миниатюрах и ранних славянских рукописей. Когда весь текст был переписан, мастер собирал двойные листы в тетради, а тетради сшивал в книгу и переплетал.

Оформить книгу, как уже упоминалось, мог не сам каллиграф, а другие специалисты — живописец иконный, златописец, заставный писец, статейный писец, златокузнец, серебрукузнец и сканный мастер. Живописец иконный — Миниатор (зап.) (лат. *minium-*

Рис. 13. Остромирово Евангелие. Евангелист Лука.

сурик, красная краска) — художник, рисовавший цветные иллюстрации, миниатюры, инициалы, заголовки, отдельные строки — «рубрики» и т. п., — раскрашивал красным заставный писец — рубрикатор (зап.) (лат. *tubet-*красный). Иногда инициал или миниатюру иллюминировали сусальным золотом. В заглавиях употреблялось специальное декоративное письмо, называемое «вязью». Строка имела вид орнамента. Система вязи сложилась в Византии позже возникновения славянской письменности и книжной культуры, на Руси — только к концу XIV в.

Мастерами оформления сначала были монахи, но с XIII-XIV в. все чаще этим стали заниматься художники-миряне. Инициалы, орнамент на полях, декоративные рамки, маленькие картинки и украшения текста, самостоятельные картины на целую страницу — все это были элементы декоративного оформления средневековой рукописной книги.

Так как книги оставались дорогими, их хранили бережно, вкладывали в прочные, массивные обложки. На переплетные крышки шли доски твердого дерева (отсюда выражение «прочитать книгу от доски до доски»), они обтягивались кожей или пергаментом, реже — материей (бархатом) и украшались тем или иным способом. Кожа украшалась тиснением, иногда ее золотили. С XIII в. в тиснении появляются широко распространенные в Византии мотивы: крупная косая клетка, клейма сердцевидные или изображения зверей, крестиков, звездочек. Сверху накладывали угольники и срединки — металлические пластины из золота, серебра, бронзы или меди, с нанесенной на них чеканкой, резьбой, тиснением, эмалью. В переплете употреблялись «жуковины» — гвозди с фигурными шляпками, застежки — два кожаных ремешка с небольшими медными крючками и петлями. Это для того, чтобы переплет не терял форму.

Для предохранения от пыли книгу снабжали металлическими застежками (лат. *fibula*) или тесемочками.

Небрежное отношение к книге — считалось грехом. В самих рукописях делались записи, напоминающие читателям закрывать книгу: «а который поп или дьякон чет, а не застегает всех застежек, буди проклят». Не глядя на то, что книги бережно хранили, вопреки всем усилиям, они горели и ветшали, уничтожались сыростью и рассыпались в прах.

В череде войн и столкновений, книги были лакомой добычей для победителей. Ярким примером и доказательством тому, может послужить упоминание в летописях. В XII-XIII в. Десятинная церковь дважды подверглась жестокому разгрому со стороны русских князей, боровшихся за киевский стол. 8 марта 1171 г. сын владимирского князя Андрея Боголюбского Мстислав, взяв Киев штурмом, подверг его сокрушительному разгрому. Летописный рассказ достаточно подробно рисует этот разгул владимирского князя: «И грабиша за два дни весь град: Подолье и Гору, и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицу, и не бысть помилования никому же ниоткуда же, церквам горящим, крестьяном убиваемом, другим вяжемым, жены ведомы быша в плен... и взяша имения множество, и церкви обнажиша иконами, и книгами, и колоколы изнесоша все Смолняне, и Суждальци, и Черниговци, и Ольгова дружина, и вся святыни взята бысть» [51].

2 января 1203 г. такому же разгрому подверг Киев князь Рюрик Ростиславич: «... не токмо едино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша и митрополию святую Софью разграбиша, и Десятинную святую Богородицу разграбиша, и монастыри все, и иконы одраша, а иные поймаша, и кресты честные, и съсуды священныя, и книги, и порты блаженных первых князей, еже бяхуть повешали в церквах святых на память себе» [52]. В результате подобных явлений в культурном слое древнерусских городов от этого книжного богатства могли сохраниться только металлические фрагменты переплетов, как например, представленные ниже медные книжные застежки в виде граненого стерженька, вставлявшегося в металлические петельки.

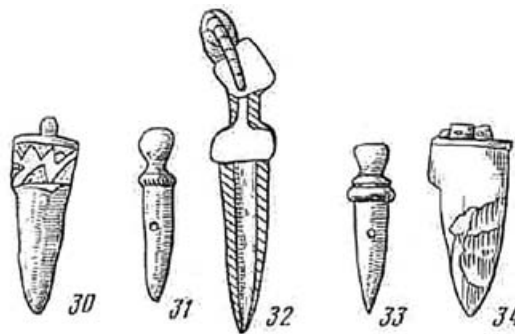
Определение функционального назначения подобных «мечиков» — застежек, до недавнего времени, вызывали множество споров. Одной из версий их применения основывалось на визуальной схожести с амулетами, отражающими космогонические представления и заклинательную магию. [55]. Выдвигалось предположение, что подвески можно отнести к амулетам, связанным с культом Перуна, принадлежащим воинам-дружинникам. Однако, здесь, при более внимательном разбирательстве, выявляется больше противоречий чем каких либо уверенных и неопровержимых доказательств.

Автор статьи [55], проводит параллели с между найденными «мечиками» и скандинавскими подвесками-молоточками, связанными с культом бога грозы и молний Тором; параллели с аналогами подобных молоточков в Древней Руси — миниатюрными железными, бронзовыми иногда свинцовыми топориками — подвесками. Скандинавские подвески-молоточки широко известны по находкам в Скандинавии, Финляндии, Прибалтике. В конце IX — X вв. скандинавскими дружинниками такие подвески были занесены в Ярославское Поволжье, есть они и в Гнездовских курганах, и на территории Киевской Руси. Подвески-топорики, это славянские

Рис. 14. Предметы из частной коллекции Игнатова С. И., г. Киев, 2009 г., [72].

Рис. 15. Амулеты, отражающими космогонические представления и заклинательную магию. Л. А. Голубева, [55].

амулеты. Некоторые из них орнаментированы concentрическими кружками и зигзагообразными линиями, в которых исследователи видят символы солнца и молнии. Наиболее ранняя находка происходит из погребения 110 на усадьбе Десятинной церкви в Киеве [56]. Это погребение мальчика, которое по разнообразию, богатству инвентаря и способу захоронения в срубе относится к числу дружинных. Погребение совершенно до постройки церкви (989 г.), по вещам и дирхемам чеканки 911-912 гг., оно может быть отнесено к середине X в. Следующие находки таких топориков также связаны с мужскими погребениями X-XI вв. Здесь миниатюрные подвески, являясь символами боевого оружия, занимали традиционное для последнего места — сбоку или в ногах покойного. Так, в кургане 1985 г. у д. Городище Владимирской губернии топорик-подвеска с остатками деревянной рукояти лежал у правой бедренной кости скелета. При раскопках Н.А. Макарова на северном берегу Белого озера (р. Кема) в 1981, 1982 и 1984 гг. топорики-амулеты обнаружены в четырех погребениях XI в. (мальчиков и юноши 17-19 лет). Подвески лежали у бедренных костей или в ногах, всегда в единственном числе. [57]. В XI — XII вв. топорики-амулеты встречались и в женских погребениях. [58]. В женском погребении марийского могильника XII — XIII вв. топорик находился вместе с бусами, в ожерелье. [59]. Найдены

также подвески-топорики на селищах (Трехов ручей — под Угличем, у сел. Яблонино и Липлява Полтавской области), но чаще они встречались на городищах: Старая Рязань, Княжая гора, Вышгород, Торговицкое городище в Посулье [60], городище на р. Менке — предшественнике Минска. [61]. В XI в. производство таких топориков-оберегов стало серийным; появились стандартные формы в виде широколезвийных секир, отлившихся из бронзы. В Киеве найден экземпляр из свинца, орнаментированный кружками, зигзагами и параллельными линиями. Топорик воспроизводит один из древнейших типов древнерусских топоров с массивным широким лезвием и выемкой с внутренней стороны [62]. Подвески-топорики найдены в слоях XI в. в Новгороде, Дрогичине, Суздале. На территории Древней Руси известно 26 описанных находок. Единичные экземпляры найдены в Саркеле, Белярске; в Латвии, Литве, Польше, Финляндии, Швеции, Дании.

В противовес всему изложенному о привесках-топориках давайте рассмотрим интересующую нас привеску — мечик. На сегодняшний день мне неизвестен ни один мечик у которого можно было бы увидеть хоть какой либо узор на плоскости клинка или в каком либо другом месте. Наблюдается некоторая схожесть по архаичной форме рукояти с мечами эпохи Киевской Руси, но лишь отдаленная и лишь в некоторых экземплярах. Можно было бы предположить, что предмет перед нами является амулетом дружинника, однако на сегодняшний день у меня нет информации ни о единой находке подобного амулета в кургане, могильном комплексе или каком либо другом захоронении. Почему не их клали вместе с умершим? Нет информации о находках подобных «оберегов» с продетым в отверстие на «клинке» какого либо колечка, а ведь оно необходимо для ношения амулета на цепочки или гайтане. Нет информации о том, что подобная подвеска была найдена в комплексе с шумящими подвесками, в сочетании другими амулетами, в комплекте с какими либо подвесками в составе нагрудных, плечевых или поясных украшений. Их находят при раскопках детинцев Суздаля [63] и Серенска [64], Минского займища [65] и Киева [66] подвески — мечи обнаружены в культурных слоях XII в. Вероятно этим же временем следует датировать две подвески с городища Сахновка [67], и одну, найденную на городище Девичьего [68]. Интересна находка в самом центре Ростиславля, в Раскопе II — там, где находился городской собор, деревянная церковь и примыкавшие к нему наиболее престижные (по своему расположению) усадьбы знати. На исследовавшемся в 2008 г. участке этого раскопа вся площадь была покрыта ямами от погребов и подполий XIII-XIV вв. Часть из них принадлежала усадьбе, открытой в прошлом году, в отношении которой тогда было высказано предположение, что она могла принадлежать воеводе. Находки не противоречат этой гипотезе: здесь найдены многочисленные ремешковые накладки, серебряный и бронзовый перстни с печатками, а также «мечик» — книжная застежка. [69].

Интересен и примечателен археологический материал, собранный на территории усадьбы «22 квартала», столицы Суздальской Руси, разрушенной и разграбленной Батыем в 1237-1238 гг. После недолгой осады и скоротечного штурма Владимир — на-Клязьме был уничтожен пожаром. По количеству и разнообразию

Рис. 16. Перстень и книжная застежка найденные в Ростиславле, 2008 г.

Рис. 17. Бронзовые детали книжных переплетов из раскопок в «22-м квартале», г. Владимир-на-Клязьме. 1, 2 — накладки, 3- гвоздик; 4-6 — элементы застежек.

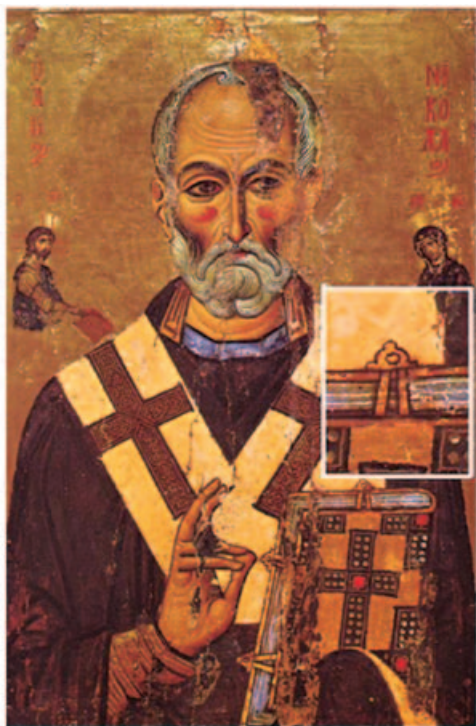

предметов христианского культа, церковной утвари владимирская коллекция сопоставима лишь с находками из Княжей Горы и Киева. Сюжетное художественное литье представлено двумя энколпионами, фрагментарным напестольным крестом, двумя иконками, привеской в виде архангела. Среди культовых предметов индивидуального пользования наиболее многочисленны нательные кресты, выполненные из различных пород камня (15), а также бронзовые (9) и терракотовые (6). Церковная утварь, помимо упомянутых напестольного креста и потира, представлена обломками хороса, крышки кацеи, подсвечника, фрагментарным колоколом, обнаруженным в кладе куском ладана. Данный перечень может быть расширен уникальным собранием бронзовых деталей книжных переплетов (застежек, накладок и гвоздиков — около 60 предметов), происходящих из котлованов трех подполий и являющихся остатками от трех до пяти сгоревших в 1238 г. книг, скорее всего, религиозного содержания.

Специфический характер вещей клада 1993 г. и ряда других предметов позволил предположить, что владельцем усадьбы являлся священнослужитель. Возможно, он был связан и Ильинской или Богословской церквями, упомянутыми среди сгоревших в 1214 (1213) г. храмов; их каменные здания XVIII в. до разрушения в 1932-1933 г. находились в 70-100 метрах восточнее раскопа. О соседстве усадьбы с храмовой постройкой

Рис. 18, 19. Святитель Николай (2 иконы из монастыря Святой Екатерины, XIII век)

свидетельствует и обнаруженные здесь обломки глиняных половых и мозаичной плиток. Побывший в пожаре 1238 г. колокол, по-видимому, принадлежал небольшой звоннице, входившей в комплекс строений северных хором.

На территории усадьбы, вероятно, работала мастерская, занимавшаяся изготовлением предметов культового назначения и нашивных украшений. Следы ее деятельности — фрагменты каменной литейной формы и тиглей с остатками бронзы и золота, ювелирные пинцеты, сверло, заготовка нательного сланцевого крестика, обломки каменных пластинок со следами обработки, сланцевая матрица (модель для отливки медных матриц?) для тиснения серебряных нашивных бляшек, заготовки стеклянных вставок для прорезных дробниц. В этой мастерской, по-видимому, были изготовлены терракотовые кресты-тельники, имитирующие каменные, и, возможно, отлит по оттиску в глине один из бронзовых энколпионов.

Оба этих обстоятельства — принадлежность усадьбы священнослужителю и существование ее на территории художественной мастерской — сближают это городское владение со знаменитой усадьбой Олисея Гречина, новгородского художника и священнослужителя второй половины XII — начала XIII в., [70]. По-видимому, данное сходство не случайно и отражает один из вариантов организации в Древней Руси производства предметов декоративно-прикладного искусства, предназначенных в первую очередь для удовлетворения массового спроса на культовые вещи, в частности на нательные кресты, небольшие иконописные произведения и богослужебные книги. Данное сходство является подтверждением верности версии об организации книгописания в интересующий нас период, версии, представленной в начале данной статьи.

Книжная застежка состоит из двух частей. Одна из них — это показанный ранее гвоздик по своей форме напоминающий мечик. Он забивался в торец доски оклада. Посадочное отверстие для него, могло быть заблаговременно подготовленным, путем высверливания или выжиганием нагретым острым шильцем. Вторая — петлеобразная часть, которая, непосредственно, крепилась через кожаный ремешок ко второй доске книжного оклада.

Кожаный ремешок, эластичный сам по себе, подгонялся по длине таким образом, что бы в закрытом состоянии книга была плотно прикрыта. Напомним, что толщина доски книги в указанный период времени достигала 2 см. Забитый в ее тело гвоздик-застежка плотно мог «сесть» на свое место. Для дополнительной фиксации его, через древесину насквозь, через отверстие в плоскости «клинка», необходимо было забить небольшой штифт, затем, расклевав его концы с обеих сторон обложки. Если лицевая доска книжной обложки украшалась металлическим окладом, то подобный штифт нес на себе двойную нагрузку. Он служил дополнительным элементом крепления металлического декора к древесине. Находки обсуждаемых застежек происходят как в комплекте так и порознь. Этому есть логическое объяснение. С течением времени, тонкие кожаные ремешки приходили в негодность, становились «трухлявыми», рвались и могли быть утерянными. Мечик — гвоздик, оставаясь в теле оклада мог еще долгое время оставаться в комплекте с книгой. Попадал в землю лишь при гибели книги, будь это простая потеря книги, гибель в огне, гибель под воздействием все разрушающего времени.

Для дополнительного косвенного доказательства нашей версии стало необходимым привлечение иллюстративного материала, который можно причислить

Рис. 20. На данном образце хорошо виден литейный шов.

к вещественным источникам. Иконопись XI-XIII вв., фрески, книжная миниатюра дают нам эту возможность. Внимательный анализ подобных изображений, стоящих на грани между письменными и вещественными источниками, дают нам ценнейшие страницы истории ремесла. Позволяют нам увидеть воочию интересующие нас элементы крепления книжных окладов.

Внимательный визуальный анализ формы элементов книжной застежки позволяет сделать интересные выводы. Можно определить технику производства, восстановить технологический процесс для изготовления подобной продукции. Внимательный анализ техники производства позволяет определить дату изготовления и время бытования подобных застежек, как еще одно косвенное доказательство функционального назначения подобных артефактов. При близком осмотре некоторых «мечиков» можно увидеть литейный шов, он расположен по середине предмета. Часто, дополнительно, он обработан напильником. Подобные вещи изготавливались методом литья в жестких формах. Среди раскопок и случайных находок в различных русских городах имеется большое количество каменных литейных форм для самых разнообразных предметов. Найдены формы, в которых отливались: височные кольца, перстни, браслеты-запястья, браслеты ложно-витые, колты, для черневого орнамента, колты с ложной зернью и сканью, бусы с ложной сканью, диргемы (подражания),

Рис. 21. Литейные формы.

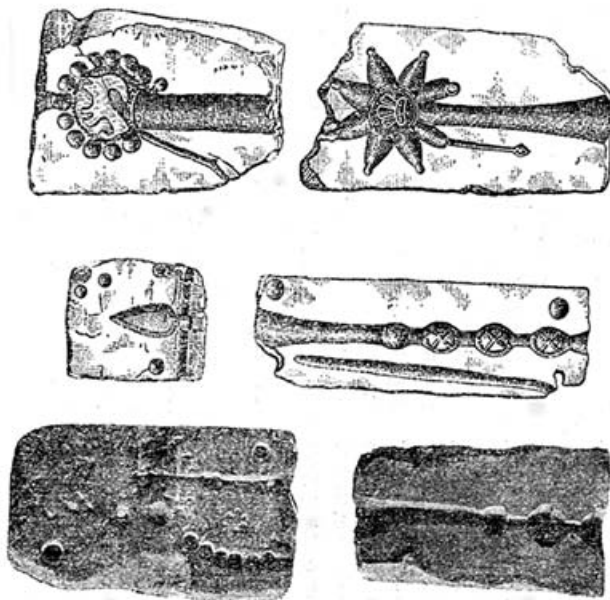

Рис. 22. Накладные застежки.

подвески к ожерелью, пуговицы, кресты — энколпионы и др. материалом для изготовления литейных форм служили различные породы сланца (в том числе и розовый шифер), изредка известняк, а в конце домонгольского времени — преимущественно литографический камень, допускавший особо тщательную отделку.

Такие литейные формы, по определению Б. А. Рыбакова [71], приходят на смену процессу литья по восковой модели и односторонним глиняным и каменным формам на рубеже XI-XII вв. В XII — XIII вв. этот способ является одним из средств массового выпуска продукции, преимущественно медного литья. В этот период возникают имитационные литейные формы из плотных пород камня с чрезвычайно тщательной отделкой, при помощи которых ремесленники городского посада имитируют в литье даже сложную технику придворных ювелиров (зернь, филигрань и др.) Таким образом, мы получили еще одно доказательство в том, что подобные застежки активно использовались в быту в интересующий нас период развития Древней Руси.

Вызывало смущение и то количество находок, которое в последнее время происходит в связи широким применением металлодетекторной техники. Однако, если произвести простейшие подсчеты, мы можем увидеть насколько велико количество подобных застежек было произведено, использовано и утеряно в этот сравнительно небольшой период времени, в период с 11 по 14 век. Тогда как, по подсчетам Б. В. Сапунова, как уже упоминалось выше, в период с X до середины

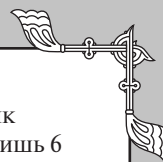
XIII в., т. е. в домонгольской Руси, он исчислялся не менее чем 130-140 тысячами томов рукописных (!) книг. [6] Если предположить, что половина этих книг имела застежки аналогичные рассматриваемым, и учесть, что книга, в зависимости от своего размера застегивалась от 2 до 6 застежек, то предполагаемое число, не найденных на сегодняшний день, подобных артефактов, может превысить 200 000 штук.

С XIV в. происходит изменения в технологии производства окладов. Материалом для обложки остается древесина, однако она становится тоньше. Форма «мечика» меняется, он становится накладным. Затем, кардинально, меняется его форма, застежка становится накладной, плоской пластинкой с небольшим изгибом. С XVII в. в моду входит массивная, вычурная, литая, накладная застежка без применения кожаных ремешков. Однако все это будет со временем, все это будет являться материалом для будущего исследования. А на этом я хотел бы закончить свое исследование, поблагодарить всех, интересующихся данной темой, за внимание. И напоследок, я хотел бы сказать, что в своей статье я затронул лишь некоторые вопросы, связанные с продвижением христианского учения на просторы Древней Руси, вопросы проникновения и развития грамотности, вопросы развития железообрабатывающего ремесла и ювелирного дела в городах земли периода расцвета Киевской Руси. На отдельных примерах пытался показать, что и в этой земле, которую некоторые историки до недавнего времени считали глухой окраиной, также существовало развитое специализированное ремесло. Разнообразная продукция, будь то книги, украшения или изделия, изготовленные из черных или цветных металлов, найденная на территории городов и поселений, свидетельствует о том, что местные мастера, работающие не только на заказ но и на рынок, были квалифицированными специалистами, овладевшими необходимыми техническими навыками, известными со времен Древней Руси.

Автор выражает признательность Игнатову С. И. за предоставленный материал.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Греков Б. Д. Киевская Русь М.; Л., 1944. Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М. 1971; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980 г.
2. Подробнее см.: Греков Б. Д. Указ. соч. с. 277-280; Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.) М., 1967. с. 39 и сл.; Введение христианства на Руси. М, 1987. с. 92 и сл.; Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. принятие христианства. М. 1988 г.
3. ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. М.: 1 — XI — начало XII века. 1978; 2 — XII — век. 1980; 3 — XIII век. 1981; 4 — XIV — середина XV века. 1981; 5 — вторая половина XV века 1982; 6 — конец XV — первая половина XVI века. 1984; 7 — середина XVI века. 1985; 8 — вторая половина XVI века. 1986; 9 — конец XVI — начало XVII века. 1987; 10 — XVII век. Книга первая. 1888.
4. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М. «Мысль». 1995 г.
5. ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академия наук СССР. Л.
6. Сапунов Б. В. Книга в России в XII — XIII вв. Л., 1978. с. 82.
7. Там же. с. 195, 201.
8. Владимиров Л. И. Всеобщая история книги: Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII век. — М., 1988.
9. Там же. с 63
10. Тараканова О. Л. Антикварная книга: Учебник для вузов. — М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1996. Огромная благодарность коллективу авторов проекта «Электронное издательство» МГУП, за предоставленную возможность использовать в собственных документах. Интернет проект: <http://www.hi-edu.ru/e-books/AK/index.htm>.
11. История книги. Информация предоставлена проектом: bookshistory.narod.ru
12. Письменность Древней Руси. Берестяные грамоты. Информация предоставлена проектом: <http://www.bibliotekar.ru/nauka/45.htm>
13. В. Л. Янин, «Я послал тебе бересту...» (3-е изд. М., 1998. С. 30, 51
14. Полное Собрание Русских Летописей (ПСРЛ). М. 1998. Т. 2. Стр. 139.
15. Там же.
16. Успенский сборник XII-XIII вв. С. 79-80.
17. ПСРЛ. Т. 1. Стр. 151; Т. 2. Стр. 139.
18. Шапов Я. Н. Государство и церковь... С. 131-142.
19. ПСРЛ. Т. 2, Стр. 147; Т. 1. Стр. 159
20. Голубинский Е. Е. История русской Церкви... С. 567-568. См. также: Житие Феодосия Печерского. С. 338-339.
21. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. Стр. 439.
22. М. И. Бълхова Монастыри на Руси XI — середины XIV века, Монашество и монастыри в России. XI-XX века: исторические очерки. М., «Наука», 2002 г. См. прил. к тексту, а также: Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 668-674.
23. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. (НПЛ.) С. 21, 205.
24. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. С. 668-674.
25. Каждан А. П. Византийский монастырь XI-XII вв. как социальная группа // Византийский Временник. М., 1971. Т. 31. С. 50-55.
26. Макарий (Булгаков), архим. Очерки по истории церкви в период до-татарский. С. 179-180.
27. ПЛДР: XII век. С. 437-439.
28. Там же. С. 437.
29. ПЛДР: XII век. С. 437.

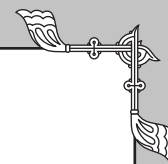
30. Там же. С. 439.
31. Там же. С. 492-493, 510-511, 542-555, 412-419, 424-429, 522-531, 500-505.
32. Патерик. С. 41.
33. Там же.
34. Житие Петра, митрополита Киевского и всея Руси // Жития святых на русском языке... М., 1903. Кн. 4. С. 587.
35. Там же.
36. Там же. С. 587. Это произошло до 1304 г.
37. Татишев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 95. См. также: Слюсарев Д. Церкви и монастыри, построенные в Киеве князьями. Киев, 1892. С. 61-61; Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 283.
38. Патерик. С. 49.
39. ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, первая половина. С. 209.
40. Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих хранилищ. М., 1916; Сводный каталог рукописных книг XI-XIII вв. М., 1984; О новгородско-псковских рукописных книгах см.: Розов Н. Н. Искусство книги Древней Руси и библиография // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 24-51; Вздорное Г. И. Искусство книги Древней Руси: XIII — начало XV в. М., 1980; Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. I.
41. Розов Н. Н. Указ. соч. С. 38. См. также: Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. 1946. Т. 8. С. 176.
42. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340, под 1147 г. См. также: Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X-XVII вв. М., 1990. С. 72.
43. О первом из перечисленных сочинений предположение было высказано С. П. Шевыревым: Шевырев С. П. Истории русской словестности. СПб., 1887. Ч. 3. С. 213-216. О молитвах см.: Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему/Подгот. С. П. Розанов. СПб., 1912. С. 163.
44. Словарь книжников и книжности: Вып. 1. С. 211-221.
45. ПЛДР, Т 1, Стр. 132.
46. ТОДРЛ Т. 12, Стр. 341
47. ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 182. — Судя по дошедшим до нас рукописям, подобную книжную мастерскую устроил еще предшественник Моисея — Василий. При Моисее написано лишь 6 книг (из них 2 были начаты, по всей вероятности, еще при Василии).
48. Е. Ф. Карский. Карский Е. Ф., Очерк славянской кирилловской палеографии, Варшава, 1901, стр. 308-325. Список писцов.
49. Симони П. Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII-XIV вв. СПб., 1910.
50. Ухова Т., Писарская А. Лицевая рукопись Успенского собора. Евангелие начала XV века из Успенского собора Московского Кремля. Л., 1969.
51. Ипат. лет. 6679 (1171) г.
52. Лавр. лет. 6711 (1203) г.
53. И. И. Срезневский. Древние русские книги, СПб., 1864, стр. 12-13.
54. Михайлов-Архангельский монастырь («святых Михаил»), по всей вероятности, позднейший город Архангельск.
55. Археология. Древняя Русь, быт и культура. М., Наука, 1997 г. гл. № 9. Амулеты (Л. А. Голубева)
56. Каргер М. К. 1958. С. 174-176, 201-205. Табл. XVI, 10
57. Макаров Н. А., 1982. С. 25; 1983. С. 20; 1985.
58. Успенская А. В., 1967 г. с. 119.
59. Архипов Г. А., 1986 г. рис. 18, 21.
60. Моргунов Ю. Ю., 1982 г. рис. 2, 4.
61. Штыхов Г. В., 1978. Рис. 28, 16.
62. Боровский Я. Е., 1982. С. 83.
63. Седов В. В., 1969. с. 74.
64. Никольская Т. Н. 1981. Рис. 8, 9, 4.
65. Загорумский Э. М., 1963. С. 83.
66. Боровский Я. Е., 1982. С. 88
67. Археология. Древняя Русь, быт и культура. М., Наука, 1997 г. гл. № 9. Амулеты (Л. А. Голубева), табл. 92. № 31.35.
68. Археология Украинской РСР, 1975. Т. 3. С. 359, рис. 91, 8.
69. Ростиславльская археологическая экспедиция, <http://www.option.ru/company/society/rostislavl>
70. Колчин, Хорошев, Янин, 1981 г.
71. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. Академия Наук СССР. 1948 г.
72. Приватная коллекция Игнатова Сергея Ивановича. 2009 г., г. Киев.

Воинская культура

Киммерийцы: легенда овеяная тайной

Вячеслав Марков

(Украина)

*«...Закатилось солнце,
И покрылись тьмою все пути, а судно наше
достигло пределов глубокого океана.
Там народ и город людей киммерийских,
окутанные мглой и тучами...»*

Гомер «Одиссея»

Киммерийцы... Легендарный и воинственный народ, подлинные сведения, о существовании которого до сих пор остаются загадкой. Сквозь завесу многих веков немногочисленные исторические источники и археологические памятники донесли до нас отголоски величия одного из древнейших народов, чье гордое имя вписано в хронологию развития и становления могущественных держав античного мира.

Эта статья-попытка сравнительного анализа и обобщения результатов письменных свидетельств, археологических данных и малочисленных научных трудов, которые на данный момент помогают нам понять, кем были киммерийцы в свою эпоху: беспощадными варварами или народом, вынужденным покинуть свою землю в поисках лучшей доли, и утвердиться в мысли о достоверности высказанных предположений, либо, наоборот, с долей скепсиса отнестись к тем или иным фактам существования киммерийцев, изложенных в современной научной и научно-популярной литературе. В процессе подготовки материала статьи, при изучении письменных источников, мне зачастую приходилось иметь дело с противоречивыми сведениями, которые по своей сути вносили более сумятицы, нежели помогали аргументировать то или иное представление о киммерийской истории. В стремлении разобраться и понять истинную сущность и хронологию событий, неразрывно связанных с присутствием киммерийцев на исторической арене и была написана эта статья. А уж насколько удачной она получилась, судить вам.

Для более понятного изложения существующих версий о киммерийской народности, думаю правильным будет упомянуть о наиболее интересных толкованиях и предположениях в ее отношении, существующих на сегодняшний день.

1. Первоисток киммерийского этноса

Проблема археологической интерпретации киммерийской культуры была предложена В. А. Городцовым, который в своих исследованиях, в первую очередь неукоснительно следовал свидетельствам Геродота, а также других античных авторов. Этот подход и до настоящего времени сохранился и в исследованиях его последователей и базируется на следующих основных

тезисах: «Киммерийцы были единственными обитателями Причерноморья в период, предшествующий появлению там скифов. Следовательно, реальные свидетельства их материальной культуры должны быть едины на всем протяжении южнорусских степей. Киммерийцы являлись исконными обитателями этой территории, отсюда проистекала необходимость отыскать истоки этой культуры в местных памятниках эпохи бронзы. Культура киммерийцев должна хоть чем-то отличаться от культуры скифов, и эти отличия должны быть зафиксированы в археологическом материале». Исходя из поставленных задач «киммерийскими» считали памятники позднего неолита и бронзы; памятники кобанской культуры; древности позднерубной, черногоровской и новочеркасской культур; памятники катакомбной культуры, киммерийцами также считали один из субстратов скифской культуры и даже выходцами из Ирана. На сегодняшний момент существующие публикации и концепции в рассмотрении киммерийской культуры, приводят к выводу, что в настоящее время в степной зоне Восточной Европы неизвестно ни одной археологической культуры или группы памятников, которые могли бы однозначно трактоваться как киммерийские. В своем исследовании В. Е. Максименко и С. С. Востриков отмечают, что «в современной археологии господствующим становится

мнение, что в Северном Причерноморье ни одну группу памятников невозможно толковать как киммерийскую... а сама идея обитания киммерийцев в Северном Причерноморье спровоцирована письменной традицией греков и не имеет под собой реальной основы». Тем не менее, даже при таких категоричных заключениях отдельных исследователей вопрос о древностях киммерийцев остается открытым, и на проблеме существования этого этноса в Северном Причерноморье пока рано ставить точку.

2. Сравнительный обзор погребений и археологических памятников киммерийской эпохи

Обращение к немногочисленным археологическим памятникам, отнесенным профессиональной наукой к киммерийским, позволяет прояснить лишь некоторые вопросы. На сегодняшний день известно около 200 захоронений, связываемых с киммерийской народностью, получивших распространение на территории от Дуная до Волги. Большинство из них являются впускными, и представляют собой прямоугольные или овальные могильные ямы, в некоторых случаях со стенами, обшитыми деревом и соответствующим деревянным перекрытием. Над некоторыми захоронениями устанавливали каменные стелы в виде человеческой фигуры. Погребения данного типа (известны около 15) открыты и в степной части Крыма. В продолжении тематики киммерийских захоронений думаю необходимо также отметить и особенности погребального ритуала. В большинстве своем они представляют собой два типа: первый — умерший похоронен в скорченном положении и ориентирован головой на восток (с. Целинное, Джанкойского района), второй — захоронение в вытянутом положении с ориентировкой на запад (с. Зольное, Симферопольского района). Относительно подобного обряда захоронения осмелюсь высказать свои предположения. Прежде всего, о размещении тел умерших. Возможно, было бы высказать следующие версии: ноги, согнутые в коленях и представление общего скорченного неестественного положения, может рассматриваться как знак покорности судьбе. Вытянутое положение, ассоциируется с непреклонностью. Таким образом, первое можно рассматривать как ритуал захоронения людей, умерших естественной смертью, второе, как погребение воина, погибшего в бою. И эта догадка имела бы место, если бы не одно «но». В крымском захоронении у с. Целинное Джанкойского района в одном из курганов исследовано погребение знатного воина. Тело лежало в скорченном положении на левом боку, за его головой стояла чернолощенная корчага с остатками заупокойной пищи. Под нижней челюстью умершего найдены две височные подвески в виде бараньих рогов, изготовленные из бронзы и обтянутые золотой фольгой. К поясу был подвешен железный кинжал, а в левую руку вложен точильный камень. В насыпи кургана обнаружена нижняя часть известняковой стелы, на которой имеется рельефное изображение пояса, заткнутые за него кинжал и горит с луком, а также подвешанные оселок и крестообразный предмет неопределенного назначения. В захоронении у с. Зольного погребенный лежал в вытянутом положении, в голове стоял чернолощенный сосуд, на поясе найдены железный меч и оселок. В дно моги-

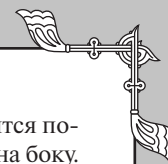

Рис. 1. Предметы материальной культуры киммерийцев

лы были вкопаны столбики, поддерживавшие деревянный помост, на котором лежали бронзовые, железные и костянные наконечники, бронзовые удила и псалии, а также набор костяных изделий с врезным орнаментом, инкрустированным красной краской. Данное различие в формировании позы тела в погребениях и присутствии в них предметов вооружения можно объяснить с позиции наличия общих черт погребального обряда как для воинов, так и представителей киммерийцев, не имевших отношения к военному делу.

При рассмотрении киммерийцев, как носителей катакомбной культуры, думаю не лишним будет упоминание о предшествующей ямной культуре, а именно специфике соответствующего погребального ритуала. Археологические источники удостоверяют нас в том факте, что на большей части южной половины Восточной Европы, древнеямная культура вынуждена была уступить свое место катакомбной. Соответственно, представители этих двух культур в процессе противостояния имели определенные отношения, и несомненно, что в этот период также происходило их культурное становление. На сегодняшний день единой остается тенденция утверждать, что переход в погребальном ритуале от скорченного положения на спине к скорченному положению на боку, произошел на финальном этапе ямной культуры. Неоднократно фиксируемая последовательность: погребения в яме (основное) — раннее: катакомба (впускная) также не опровергает их синхронизации в рамках одного этапа, т.к. ямный обряд предполагает, как правило устройство основных захоронений, а катакомбный — впускных (период средней бронзы).

В 1988-1989 годах Северо-Крымской экспедицией Института археологии АН УССР было проведено исследование 31 кургана, выявлено 202 погребения, 54 из которых соотнесены с катакомбной культурой. Исследованные катакомбные погребения по обряду захоронения были разделены на III группы: I группа — скорченное расположение тела на спине, II группа — то же на боку и III группа — расположение костяка в вытянутом положении. Существование трех указанных обрядов захоронения связывается с различными хронологическими периодами катакомбной культуры: I группа — ранний, III группа — средний и II группа — поздний. Наличие в погребениях II и III типов предметов

материальной культуры (лепные сосуды, вооружение) не позволяют сделать четкий и аргументированный вывод о принадлежности к различным хронологическим этапам в связи с их однородностью.

Рассматривая вопрос культурного единства поздних и раннекатакомбных погребений, постепенно складывается мнение, что временной период в отношении киммерийцев правильнее было бы датировать, начиная с эпохи средней бронзы, а не поздней, как то указывают большинство источников при условии их отнесения к катакомбной культуре.

В противоположность мнению о принадлежности киммерийцев к катакомбной культуре, конечно же, стоит упомянуть и сторонников рассмотрения их принадлежности к срубной. Предскифский период в степях Северного Причерноморья соотносят с памятниками камышевахско-черногоровской и новочеркасских групп. Причем взгляды исследователей в данном вопросе также далеки от единства: одни относят киммерийцев к обеим вышеперечисленным группам, другие отдают предпочтение камышевахско-черногоровской в отношении к киммерийцам, а памятники новочеркасской группы, ассоциируют со скифами. Но так или иначе, а наличие данных двух групп связывают с носителями срубной культуры.

Необходимо также отметить и мнение специалистов о памятниках белозерской группы, отождествленных с эпохой поздней бронзы, и рассматриваемых, как поздний этап развития срубной культуры на территории Северного Причерноморья. Но здесь также существуют мнения о самостоятельности развития белозерской культуры как таковой.

Таким образом, большинство вопросов, относящихся к определению памятников археологической культуры киммерийцев остаются дискуссионными и по сей день, и, несомненно, подлежат дальнейшим исследованиям.

Однако в любом случае, наличие нескольких видов погребений, за исключением хронологического аспекта, выступает одним из вероятных объяснений кастового расслоения в среде киммерийцев, либо присутствия обособленных племенных групп, имевших подразделение на оседлые и кочевнические, соответствующим родом занятий которых было земледелие (с которым киммерийцы имели возможность ознакомиться при контактах с северным оседло-земледельческим населением лесостепи), скотоводство и ведение военных действий. Ритуал ориентации захоронений по сторонам света, вероятно, также является свидетельством неоднородности существовавших племенных групп, либо отождествлялся с территориальной принадлежностью погребенного (о чем будет сказано ниже).

В отношении погребений воинов, думаю, не безынтересным было бы упомянуть еще один из возможных вариантов объяснения скорченного состояния тела. Войны кочевых племен имели стремительный характер набегов и отступлений, потому у родственников погибших не всегда имелась возможность захоронить поверженного воина, после окончания военных действий. Его было необходимо доставить к месту захоронения, а к тому времени, тело уже зачастую было окоченевшим, и придать ему прямолинейную форму уже было невозможным, в степных условиях это более чем может

соответствовать истине. С этой позиции становятся понятными захоронения в скорченном состоянии на боку.

3. Изгнание киммерийцев скифами: факты, предположения, гипотезы

На сегодняшний день, все существующие предположения об исчезновении киммерийцев в степях Северного Причерноморья связываются с выходом на историческую арену другого, не менее героического этноса — скифов, и, начиная с этого момента, все дальнейшее повествование о судьбе киммерийцев, их скитаниях и до исчезновения упоминаний о них в исторических источниках, будет напрямую связано со скифами, которые без сомнения сыграли основную роль в существовании одного из загадочных кочевых народов. На разных хронологических промежутках свое видение интересующего нас вопроса отражали Геродот (484 до н. э. — 425 до н. э.) в своем трактате «Истории», Страбон (ок. 64/63 до н. э. — ок. 23/24 н. э.) в «Географии», Стефан Византийский (527-565 н. э.), греческий историк Каллисфен (около 360 до н. э. — 328 до н. э.) и данные ассирийской письменности. Так что же послужило действительной причиной ухода киммерийцев из Северного Причерноморья в Малую Азию? Давайте попробуем разобраться, используя монументальные труды выдающихся историков древности. И по праву первое слово «отцу истории».

По свидетельству Геродота: «...При наступлении скифов, киммерийцы, имея в виду многочисленность приближавшегося войска, стали совещаться между собою, и мнения их, высказанные с одинаковой настойчивостью, разделились, но предположения царей было благоразумнее: именно, по мнению народа, следовало удалиться и не подвергать себя опасности в борьбе с многочисленными войсками, а цари предлагали бороться за родину с наступающими. Однако ни народ не захотел послушаться царей, ни цари — народа; первый задумал удалиться без боя, оставив родную землю врагам, а цари предпочли лечь мертвыми в родной земле и не бежать вместе с народом, предоставив себе те блага, которыми они пользовались, и те бедствия, которых следовало ожидать при бегстве из отечества. Решив, таким образом, цари разделились на две части, равные по численности, и стали сражаться между собою. Всех царей перебитых друг другом, киммерийский народ похоронил у реки Тираса (Днестр) — могила их до сих пор еще видна, — а после погребения, удалился из страны, так, что вторгнувшиеся скифы заняли страну, уже лишенную населения». После киммерийцы удалились в Малую Азию, но путь для своего переселения выбрали не по ближайшему к цели западному, а по восточному берегу Черного моря. Мало того, что второй путь был много труднее первого, он еще вел в сторону врагов, от которых уходили киммерийцы. Если согласиться с тем фактом, что изгнание скифами киммерийцев произошло в последней трети II тысячелетия до н. э., когда народ срубной культуры, к которой причисляют скифов, оттеснил носителей катакомбной культуры к западной оконечности их территории, то это расходится с данными ассирийской письменности, в которой встревожившее ассирийцев появление киммерийцев («гиммири») в Закавказье

на границе Ванского царства (Урарту) отмечено в 20-х годах VIII в. до н. э.

С присутствующим в источниках временным расхождением в военных походах киммерийцев связывается еще одна немаловажная деталь. По одной из версий хронологическая разница объясняется наличием, так называемых западной и восточной групп киммерийской народности. Нижеприведенные факты помогут взглянуть на данное предположение с соответствующего ракурса.

Значительно более поздний греческий писатель Страбон в своих воспоминаниях говорит о нападении киммерийцев на Малую Азию с западной стороны Босфора из Фракии, еще во времена Гомера, а возможно и еще гораздо ранее и с этим связывается следующая гипотеза. Два исторических источника — и Геродот, и Страбон единогласны в упоминаниях о нападении киммерийцев на Малую Азию — от Пафлагонии в северной части до Эолиды и Ионии на юго-западе и Фригии в центральной области. Причем Страбон отождествляет их с фракийским племенем треры. По одним источникам, в Малой Азии, киммерийцы заселили часть Фригии восточнее Абидоса (Страбон, XIII), по другим (Стефан Византийский) они около ста лет владели на северо-западе городом Антандром, который назывался Киммеридой. Вполне возможно допустить, что отождествление киммерийцев с трерами, имеет серьезные основания. Покинувшие Северное Причерноморье киммерийцы отошли в Карпато-Дунайскую область, в результате чего возникла так называемая фрако-киммерийская культура, получившая широкое распространение вдоль Карпат и в Подунавье. Данные факты свидетельствуют, что киммерийцы действительно вторгались в Малую Азию из-за Босфора. Единственным неизвестным вопросом остается время, когда фрако-киммерийцы достигли Босфора и начали свои военные предприятия в Малой Азии.

Страбон в качестве источников, несущих информацию об этих нападениях ссылается на Каллина, поэта первой половины VII в. до н. э. и на Каллисфена, из которых стало известно, что царь Лидии Гиг (Гуггу), погиб в борьбе с киммерийцами, а столица этой страны — Сарды, была ими захвачена при его сыне Ардисе. Еще раньше, около 676-674 гг., сын мифического основателя Фригийского царства Гордия Мидас (асс. Мита), отравился бычьей кровью, чтобы не попасть в руки киммерийцев. Исторические факты свидетельствуют о том, что наиболее значительные выступления киммерийцев в Малой Азии относятся к VII в. до н. э., но это, то время, когда там находились не только западные киммерийцы, явившиеся в Малую Азию из-за Босфора, но и киммерийцы, вторгнувшиеся туда через Кавказ (восточные), которые разбили выступившего против них урартского царя Русу I, а в 679/678 г. сами были разбиты ассирийцами, причем погиб их царь Теушпа. Однако гибель царя не остановила киммерийцев, вслед за тем, они напали на Фригию, расположенную в середине Малой Азии, а затем и на Лидию. Предводителем киммерийцев, взявших г. Сарды, был Лигдамис, погибший в дальнейшем в Киликии, в юго-восточной части Малой Азии, пограничной с Ассирией.

Исходя из выше указанных исторических событий следует, что восточные киммерийцы и западные фрако-

киммерийцы проводили свои военные кампании в Малой Азии приблизительно в одно время, нападая на нее с разных сторон, возможно, но, не обязательно находясь в связи, друг с другом, а также, что в рассказе Геродота об изгнании киммерийцев из Северного Причерноморья совмещены два события, одно из которых относится к западным киммерийцам, а другое — к восточным. Переселение киммерийцев при этом могло быть не только двухактным, но, и разделено значительными хронологическими промежутками.

Здесь думаю, имеет смысл вспомнить о погребениях, отнесенных к киммерийской культуре. Из вышеописанных фактов преобладания в соответствующих захоронениях западной и восточной ориентации тела, возможно, выдвинуть предположение, что данная ориентировка может являться одним из доказательств действительного существования двух групп киммерийской народности — западной и восточной и наличия между ними тесной взаимосвязи.

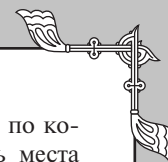
Таким образом, в результате освоения скифами степей Северного Причерноморья, киммерийская культура оказалась разделенной на две части, одна из которых оказалась прижатой к Днестру, и в конечном итоге ушла за Карпаты, а другая, восточная, удержалась в Азово-Каспийском междуморье так, как только оттуда киммерийцы могли пройти к новому месту своего поселения по восточному побережью Черного моря. А они появились в Малой Азии через Закавказье, об этом безоговорочно свидетельствуют и ассирийские клинописные тексты, и Геродот.

Подводя итог сказанному, можно подчеркнуть, что скифы в последней трети II тысячелетия до н. э., вытеснили из Северного Причерноморья большую часть отождествляемого с киммерийцами народа. Эта западная часть киммерийцев ушла за Дунай и Карпаты, и через Балканский полуостров вместе с фракийцами, вторглась в Малую Азию. Оставшаяся в Азово-Каспийском междуморье восточная часть киммерийцев в течении нескольких лет сосуществовала в иранской культуре и за это время, как и последняя, утратила многие из своих прежних этнографических признаков, а затем в VIII в. до н. э., переселилась как и ее западные соплеменники, в Малую Азию, но уже не по западному, а по восточному побережью Черного моря.

По Геродоту, скифы, преследуя изгнанных ими из Северного Причерноморья киммерийцев, сбились с пути и вместо того, чтобы идти вдоль западного побережья Кавказа, где шли киммерийцы, двинулись по Каспийскому побережью, причем оказались не в Малой Азии, куда ушли киммерийцы, а в Передней Азии в бассейне Аракса севернее озера Урмии.

Из древневосточных источников известно, что киммерийцы появились в Малой Азии в 20-х годах VIII в. до н. э., тогда как первые упоминания о скифах в тех же источниках относятся к 70 гг. VIII в. до н. э.. Разница между появлением тех и других в указанной области составляет близко 50 лет. Таким образом, понятие преследования не согласуется с действительностью. И это неоспоримый факт.

В качестве еще одной гипотезы ухода киммерийцев из степей Северного Причерноморья выступает климатический фактор. Утверждение о климатических колебаниях напрямую связано с изменением

уровня Каспийского моря, которое выступает в роли естественного водного регулятора осадков, выпадающих в степи. Причем эта роль настолько значительна, что приводит даже к серьезной вариации в распределении ландшафта. В засушливый период, степь захватывает лесостепную полосу, оттесняя ее к северу. Киммерийцы, занимавшие наиболее полупустынную часть Восточной Европы — прикаспийскую степь, под воздействием неблагоприятных климатических условий могли покинуть Северное Причерноморье в поисках лучшей доли.

Для окончательного понимания значимости скифского влияния на судьбу киммерийской культуры, стоит еще вкратце упомянуть о некоторых исторических событиях, имевших место в Малой Азии, которые без сомнений стали поворотными в жизни как одного, так и другого народа. После уже упоминавшегося взятия киммерийцами Лидии, они вместе со своими союзниками — фракийскими трерами, были разгромлены скифским царем Мадием, союзником Ассирии, выступившей в поддержку Лидии. Это противостояние вероятно и послужило в дальнейшем утверждением о неумолимой вражде киммерийцев и скифов, и создало легенду о преследовании киммерийцев от Северного Причерноморья, в связи с чем скифы будто бы и оказались в Азии. После своего поражения киммерийцы поселились в Каппадокии, расположенной на реке Галис, а скифы были вовлечены в войну между народами Передней Азии. Причем на протяжении этой войны, предрасположенность скифских царей к своим союзникам часто менялась. Сначала скифы выступили против Ассирии, поддержав мидийские и маннейские племена. Ассирийцы пытались завязать переговоры и с Каштарити, предводителем мидийцев, и с Ишпакаи, вождем скифов. В ходе войны с Ассирией, Ишпакаин был убит, а его наследник Партауга, возглавил Скифское царство, тем самым поступившись прежним союзникам, и обратившись на стороне Ассирии против мидян. В дальнейшем, в кровопролитной борьбе Ассирии и Вавилона, поддавшись уговорам мидийского вождя Киаксара, скифы присоединились к объединенным силам мидийцев и вавилонян, и в ходе штурма овладели ассирийской столицей Ниневией. При разделе ассирийского наследства, Вавилон забрал себе ассирийские владения, отдав скифам Маннейское и Ванское царства, связанных в свое время с Ассирией союзным договором. Но в 597 г. до н. э., при неизвестных обстоятельствах, согласие между скифами и Вавилоном было нарушено. Подручный Вавилона мидийский царь Киаксар в 595/594 г., заманив скифских царей на пир, перебил их, обезглавив, таким образом, Скифское царство. Деморализованные гибелью своих предводителей скифы, не смогли оказать сильного сопротивления и отступили на запад, к границе с Лидией. Проследив некоторые исторические события войн, связанных по большей части со скифами, мы добрались до финальных событий, где на арене вновь появляются киммерийцы. Каппадокия, населенная киммерийцами, поддержала скифов в разгоревшейся борьбе Лидии с мидийцами, затянувшейся еще более чем на пять лет. В 585 г. война была прекращена и начались мирные переговоры. Перед силами грозных врагов — Мидии и Нововавилонского царства, Лидия была вынуждена

согласиться с продиктованными ей условиями, по которым скифам и киммерийцам не оставалось места в Азии и они должны были уйти туда, откуда пришли, т. е. в Северное Причерноморье. Так скифы и киммерийцы в силу сложившихся обстоятельств были вынуждены разделить одну судьбу.

Обобщая сказанное, мы вновь обращаемся к вопросу: так было ли в действительности противостояние между скифами и киммерийцами, в результате которого они могли стать непримиримыми врагами? Скорее всего, нет, и исторические факты есть явное тому подтверждение. Независимо от того, что послужило причиной ухода киммерийцев из обжитых мест, будь то пришествие скифов или сложившиеся климатические условия, открытого противостояния двух кочевых народов явно не существовало. Вполне возможно допустить, что одна часть киммерийского народа была частично ассимилирована скифами, ставшими хозяевами Северного Причерноморья на определенном этапе времени, другая же, объединившись с фракийцами, выдвинулась в Малую Азию. Существует также предположение о том, что часть киммерийцев, оставшаяся в Северном Причерноморье, не была ассимилирована скифами, а под угрозой их вторжения отошла в горные районы Крыма, образовав в последствии такую культуру как тавры. О самом названии тавры. В свое время, греки и другие народы называли Тавром различные горы и горные системы. По одной из версий, по аналогии с этим названием, получила название народность, жившая в Крыму. Следуя географическим названиям, такая версия представляется достаточно интересной. По сей день, в Малой Азии существует одна из крупнейших горных систем, носящая имя Таврские горы. Наиболее интересной ее частью видится Западный Тавр, представляющий собой благодатную смесь лесостепных ландшафтов, с преимуществом степной и полупустынной местности. В северной части Западного Тавра расположена так называемая «страна озер», имеющая соленые и пресноводные источники. Учитывая прибрежное расположение Таврских гор, у подножия которых в свое время находилась Киликия, южный сосед Каппадокии, занятой киммерийцами после поражения от скифов, небезосновательно можно предположить, что киммерийцы имели возможность ознакомиться с географическими преимуществами данной местности.

Как уже говорилось выше, после заключения мирного договора Лидии с Мидией, скифы и киммерийцы, поддержавшие их должны были оставить Малую Азию и уйти в Северное Причерноморье. Сведениями о дальнейшей судьбе скифов история насыщена более чем, о киммерийцах мы не знаем ничего. Что случилось с ними после оставления Малой Азии? Ведь не мог же бесследно пропасть героический народ, о котором история пестрит красноречивыми сведениями. Вполне возможно, что при оставлении Малой Азии, какая-то часть киммерийцев ушла в район Таврских гор, подальше от района сосредоточения древневосточной цивилизации, а оставшаяся часть, вместе со скифами вернулась в Северное Причерноморье и расселилась в предгорных и горных районах Крыма, как и их одноплеменники, оставшиеся в Малой Азии, оставив господство в степи скифам.

4. Боспор Киммерийский... или нет?

При изучении погребений и материальной культуры киммерийцев, в роли спорного вопроса могут выступать ссылки авторов многочисленных статей на топонимы, связанные с рассматриваемой нами темой. Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийский вал, Киммерик, Киммерий (город на азиатском берегу у устья Меотиды) все названия гласят о присутствии киммерийцев, но так ли это на самом деле?

О киммерийцах и происхождении самих названий Боспора Киммерийского от этого энтикона указывает Геродот. Сообщения Геродота о киммерийских укреплениях и переправах послужили первопричиной для поиска современными исследователями археологических свидетельств пребывания киммерийцев в Восточном Крыму и на Таманском полуострове. В своем труде «История», Геродот пишет: «В скифской земле существуют киммерийские укрепления и переправы; есть также и область Киммерия и так называемый Боспор Киммерийский». Упоминает «Киммерийский перешеек» и Эсхил. Память об опустошительном вторжении киммерийцев в Малую Азию долго сохраняется в античной традиции. Его также упоминает Каллимах, живший в V-III в. до н. э., Диодор и многие другие авторы, при этом уже к эллинистическому времени в представлении греков этническое различие скифов и киммерийцев постепенно стирается.

Некоторые исследователи (С. Р. Тохташев), анализируя сведения письменных источников о киммерийцах и историографию «киммерийского» вопроса, приходят к выводу о том, что современные исследователи при изучении «киммерийских топонимов» Северного Причерноморья, в частности Боспора явно пошли на поводу у античной письменной традиции, указывая на то, что греческие переселенцы, прибывшие на Боспор, а также их потомки, отождествили остатки жилищ, укреплений и курганы, оставшиеся от предшествующих культур с киммерийцами, в связи с чем, по его мнению, топонимы не могут служить надежным свидетельством тому, что киммерийцы жили именно в тех местах, где располагались поименованные объекты. Сходную позицию занимает и А. Е. Кислый, который полагает, что ассоциирование памятников эпохи бронзы с киммерийцами было вызвано у греков-колонистов как их познаниями мифологии, так и их «реальными наблюдениями и изысканиями». Он также считает, что остатки поселений каменной культуры, «так же, как и подобные у горы Опук (Киммерик), могли восприниматься греческими поселенцами, как остатки киммерийских городов». М. В. Скржинская выдвигает версию, что активное использование киммерийских топонимов на Боспоре связано с тем, «что греки встретились в Северном Причерноморье с остатками киммерийского населения».

Резюмируя сказанное, можно подчеркнуть, что наличие топонимических названий, исторически связанных с киммерийским влиянием, также как и находки материальной культуры эпохи бронзы в области некогда существовавшего Боспора Киммерийского не позволяют на сегодняшний день безоговорочно утверждать о пребывании киммерийцев, а это означает, что «киммерийская загадка» для Крыма остается неразгаданной.

5. Военная тактика и вооружение и киммерийцев

Войско киммерийцев, состоявшее сплошь из конницы, обладало большой подвижностью и владело массовой конно-стрелковой тактикой, которая была дотоле неизвестна народам древнего Востока. Своей мобильностью оно представляло достаточно серьезную опасность для древневосточных рабовладельческих государств. О могуществе киммерийского войска образно говорится в Библии. «И поднимет знамя народам дальним, и даст знак живущему на краю земли, — и вот, он легко и скоро придет; не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресл его, и не разорвется ремень у обуви его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его — как вихрь; рев его — как рев львицы; он рыкает подобно скимнам, и заревет, и схватит добычу и унесет, и никто не отнимет. И заревет на него в тот день как бы рев разъяренного моря; и взглянет он на землю, и вот — тьма, горе, и свет померк в облаках».

Можно с уверенностью сказать, что киммерийцы были одними из основоположников тактики конного войска, активно сочетавшего маневренность лошадей с убийственным обстрелом из луков армии противника. При кратком рассмотрении оружейного комплекса киммерийских воинов стоит упомянуть чернолесскую, черногоровскую и новочеркасскую группу оружейных находок, отнесенных к предскифскому периоду. Касательно вооружения дистанционного боя большинство исследователей говорит о наличии у киммерийцев коротких сложносоставных луков скифского типа. Для стрельбы из луков использовались стрелы, размер которых составлял порядка 55-60 см с пулевидными каменными и костяными наконечниками, имевшими в сечении четырехгранную форму, и двухлопастными бронзовыми ромбовидной формы, с шипом в нижней

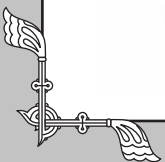
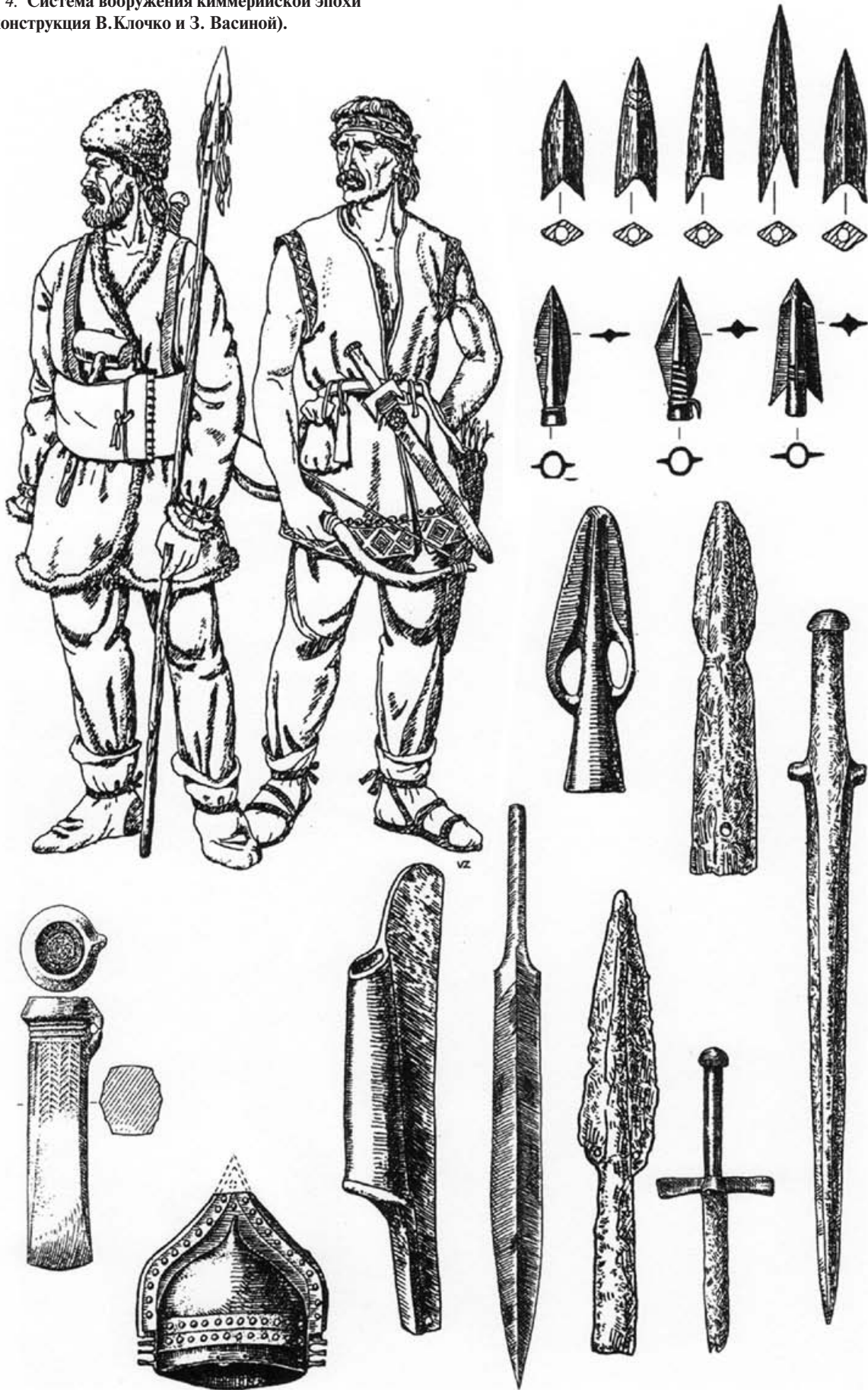
Рис. 2. Фрагмент фриза «Калидонская охота», киммерийские лучники изображены стреляющими с колена

Рис. 3. Знаменитый «парфянский выстрел» в исполнении киммерийских всадников

Рис. 4. Система вооружения киммерийской эпохи (реконструкция В.Клочко и З. Васиной).

части втулки или же острыми окончаниями лопастей, создававшими подобие шипа. Для хранения и переноски лука и стрел использовался горит. Копья и дротики представлены экземплярами с бронзовыми прорезными наконечниками на короткой воронкоподобной втулке, более поздние образцы получили длинное остроланное перо. Вооружение ближнего боя представлено топорами-кельтами, топорами-молотами с грибовидным навершием, клевцами, бронзовыми и биметаллическими мечами и кинжалами.

Несколько слов о защитном вооружении. Немногочисленные находки данного типа вооружения киммерийской эпохи являют собой образцы, получившие в последующем широкое распространение в военном деле многих народов. Это кожаные панцири с отдельно выполненными деталями из задубленной кожи, либо комбинированные панцири, обшитые бронзовыми пластинами. Интересной к рассмотрению является находка обломков железного панциря, сделанная в Черкасской области, Украина. Основная его часть была набрана небольшими металлическими пластинами, другая часть выполнена длинными узкими металлическими сегментами, что позволило выдвинуть предположение о том, что данная находка представляет собой остатки центральной и нижней части панциря. Тип его определить не удалось, но, судя по всему это наидревнейший железный панцирь, найденный в Восточной Европе.

Щиты, использовавшиеся в киммерийское время, имели прямоугольную или круглую форму обтягивались кожей и оббивались бронзовыми пластинами. Их небольшой размер говорит о принадлежности всадникам.

Открытие кургана Уашхиту в Закубанье также подтвердило существование у киммерийцев колесниц. Под насыпью высотой 4,5 м была обнаружена шатровая конструкция, находившаяся над большой могильной ямой размером 12x7 м. В южной части ямы сохранились остатки колесницы и ее упряжи. Место собственно колесницы отмечено двумя ямками от колес со следами дерева внутри. На костяках четверки сопряженных вместе коней обнаружены уздечные принадлежности, среди которых удалось выделить предметы — индикаторы упряжек колесниц. Кроме колец с подвижными муфтами ими могут также служить большие браслетообразные кольца, пластины с двойными бляшками и цилиндрические пронызы. Реконструируемые остатки колесницы свидетельствуют, что использующийся здесь принцип запряжки близок ассирийскому, хорошо известному по каменным рельефам, украшавшим дворцы восточных царей. В двухколесную колесницу запрягали четверку лошадей при помощи одного дышла, скорее всего, одного ярма и внешних ремней постромков.

Приведенный небольшой обзор позволяет сделать вывод, что киммерийское войско представляло собой хорошо вооруженную мобильную армию, способную уверенно действовать как в дистанционном бою, так и на ближних подступах.

Многообразие оружейных форм, получивших развитие в данный период, является свидетельством высокого уровня развития оружейного дела, которое без сомнения оказало глубокое влияние на становление военного искусства киммерийской эпохи. Переходный этап в производстве от бронзового вооружения к изде-

лиям из железа ознаменовал новый период инновациями в конструкции защитного доспеха и соответственно появления нового вида войска — тяжелой конницы. Всадники, облаченные в кожаные, сверкающие бронзовыми пластинами панцири, вооруженные тяжелыми копьями, дротиками и мечами с узкими, как жало лезвиями, яростные в атаке, и в отступлении, осыпающие своего противника тучами стрел — возможно, такими увидела Азия пришедших киммерийцев. И ей было от чего испытать благоговейный трепет. На ее просторах появился народ, которому было суждено навеки вписать свое имя в историю.

6. Заключение

В неумолимом течении тысячелетий одна эпоха приходит на смену другой, исчезают и возрождаются культуры, оставляя загадки историкам и археологам, большинство из которых так и останутся непознанными. И одной из таких загадок без сомнения являются киммерийцы. В их истории так много «белых пятен», что порой кажется, истинного ответа на все вопросы о бытовании этих воинственных кочевников не существует вообще. Вопросы истории и археологии истинно противоборствуют друг с другом, то опровергая, то подтверждая существование киммерийской народности, в конечном итоге для того, чтобы вновь породить новую версию. И, наверное, это правильно, потому как рано или поздно итогом этого противостояния станет истина. Обобщая наиболее интересные версии и подводя черту под повествованием о киммерийцах, хотелось бы привлечь внимание читателя к некоторым вопросам, которые впоследствии могут являться дискуссионными, а может быть и станут основополагающими при дальнейшем изучении киммерийской истории.

Так, ссылаясь на яркое описание Геродотом трагедии, приведшей к разделению киммерийцев при приближении скифов, резонно можно задать вопрос: если сражение между киммерийскими царями имело место быть, более того, в некоторых источниках упоминается относительно точно место их захоронения — устье Днестра, почему современная археология на данный момент не владеет безоговорочными фактами событий, описанных «отцом истории»? Ведь при наличии доказательств хотя бы этого неопровержимого события, многие вопросы киммерийской истории получили новое объяснение. Да, можно было бы сказать, что царское захоронение было разграблено, либо временной и геологический фактор сделали свое «черное дело», но в противоположность данному мышлению, могу привести скифские курганы, в большинстве своем и ныне стоящие в крымской степи и наскальные рисунки в пещерах времен неолита, прекрасно сохранившие поэтический смысл, заложенный их авторами.

Весьма непонятным также предстает вопрос вторжения киммерийцев в Малую Азию после ухода из Северного Причерноморья. Если верить Геродоту, народ, лишенный царей ничуть не смутившись этим фактом, едва ступив на азиатские земли, повел завоевательную политику в отношении древневосточных государств, имевших сильную подготовленную армию. Как пример, вспомним предательство мидийского царя Киаксара, в отношении скифов и последствия, которые

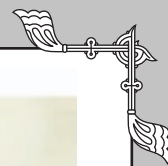

Рис. 5. Киммерийская стела из кургана с. Целинное (Центральный музей Вооруженных Сил Украины).

Рис. 6. Наконечники киммерийских стрел:
1 — XI-IX вв. до н.э.,
2,3 — VIII-VII вв. до н.э.

привели к изгнанию последних из Малой Азии. Трудно себе представить, что киммерийцы, лишенные военного руководства, по сути вынужденные покинуть родную землю под натиском скифов, были способны к ведению активных боевых действий.

Говоря о военных походах киммерийцев в Малой Азии, история более чем красноречива, а официальная археология говорит об отсутствии на сегодняшний день памятников материальной культуры народа «гаммири», которые могли бы безоговорочно свидетельствовать о его пребывании в данной области. Но разве это возможно? Особенно если учесть точку зрения исследователей, относивших киммерийцев к народностям, вышедшим из Малой Азии и утверждавшим о существовании оной на данной территории минимум в течении 100 лет?

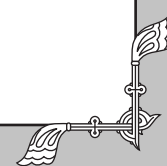
И последнее. Боспор Киммерийский, Киммерийский вал, таинственная Киммерида, сравнимая разве что с Атлантидой, в поисках которой сейчас работают турецкие археологи. И вроде бы все говорит о том, что в свое время киммерийцы безгранично владели этими областями. Но факт опять, же остается фактом. Археологические раскопки на поселении Киммерик подтвердили пребывание в его границах культур времен поздней бронзы-раннего железа, но утверждать то, что это была именно киммерийская культура с твердой уверенностью никто не берется.

Сквозь мглу веков, древняя Киммерида ждет своих исследователей, и рано или поздно ее ворота распахнутся тем, кто захочет оживить предания о давно ушедшем народе, хранителем тайн которого она является, и имя ему — киммерийцы, дети великого племени Гаммира.

Автор выражает искреннюю благодарность за оказанную помощь при подготовке статьи журналисту газеты «Крымская правда» Сергею Ткаченко и Юрию Зеленину.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Н. И. Храпунов* «Древняя история Крыма», 3-е издание, 2007 г.;
2. *М. И. Артамонов* «Киммерийцы и скифы», издательство Ленинградского университета, 1974 г.;
3. Археология СССР, том 10, «Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время», издательство «Наука», 1989 г.;
4. *А. П. Смирнов* «Скифы», издательство «Наука», 1989 г.;
5. *Т. А. Копьева* «Катакомбные погребения в курганах Крыма»;
6. *С. В. Иванова* «Ямная культура Северо-Западного Причерноморья: стратиграфия и хронология»;
7. *А. В. Кияшко* «О культурном единстве позднеямных и раннекатакомбных памятников эпохи средней бронзы»;
8. «Всемирная история», том 1-й, издание в 10-ти томах, Государственное издательство политической литературы, Москва, 1956 г.;
9. *А. А. Опарин* «Колесо в колесе. Археологическое исследование книги пророка Иезекииля», Часть II. «Иезекииль. Библейская археология Украины», издательство «Факт», 2003 г.
10. *В. І. Клочко* «Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900рр. до Р. Х.)», Київ, 2006 рік;
11. Материалы сайта «Античная история Северного Причерноморья»;
12. Материалы сайта «Одесский музей нумизматики».

Загадка знаков

Антон Мартышко
(Украина)

Обычным, и, по-видимому, обязательным оружием для скифского воина был лук. Об этом можно судить по многочисленным находкам наконечников стрел, как в курганах и городищах, так и практически по всей территории Скифии. Среди погребений скифских воинов почти нет таких, где не встречались бы наконечники стрел, при этом встречаются они как в бедных захоронениях, где кроме них отсутствует другое оружие, так и в богатых, где покойника сопровождает полный набор вооружения и предметы роскоши. Количество наконечников в захоронениях различно и колеблется от нескольких экземпляров, до нескольких сотен штук. Самый большой комплекс наконечников стрел происходит из кургана у станции Елизаветовской на Нижнем Дону (раскопки В. П. Шилова, 1959 год). В камере с погребенным было положено 16 (!) колчанов, в которых находилось 1057 стрел. Наконечники стрел изготавливались из различных материалов — дерево, кость, бронза, железо, но абсолютное большинство скифских наконечников стрел изготовлено из бронзы. Бронзовые втульчатые стрелы были известны еще на рубеже заката кулмерийской эпохи, начала скифской. На протяжении периода господства скифской культуры наблюдается изменения формы бронзовых наконечников стрел. Эволюция обусловлена стремлением придать наконечнику, а вместе с ним и стреле, такую форму, которая была бы наиболее эффективной для полета, пробивной способности стрелы и нанесение максимального поражения цели. В рассматриваемый нами период, железо, как материал изготовления предметов вооружения, заняло господствующую позицию, но не в случае с наконечниками стрел. Почему же железо, как материал для изготовления предметов вооружения, по всем своим свойствам выигрывало у бронзы и не вытеснило ее в производстве наконечников, хотя в производстве других видов вооружения заняло лидирующие позиции?

Б. Н. Граков в своих работах объясняет это преимуществом техники литья перед ковкой, учитывая массовость изготовления наконечников для стрел в скифский период, литье было более выгодным по затратам сил и времени.

Наконечники отливались в литейных формах, сделанных из бронзы или камня.

Вот как Черненко Е. В. в своей книге «Скифские лучники» описывает процесс производства наконечников в одной из форм, относящейся к VI в. до н. э. (рис. 1)

«...Процесс производства стрел в этой форме сводился к пяти операциям: сборка створок в один блок; закрепление их в основе; одевание верхней муфты; за-

ливка металла; разборка формы и извлечение заготовок. Затем следовали отделение литников и заточка стрел.

Эксперимент, проведенный английскими археологами и специалистами по литью, показал очень высокую эффективность изготовления стрел. В такой литейной форме один мастер с несколькими квалифицированными помощниками мог отлить за неделю около 10 тыс. наконечников, шесть литейщиков в ней могли за месяц отлить более 500 тыс. наконечников, переработав при этом до 2 т. металла...»

Учитывая массовость изготовления бронзовых наконечников стрел это, пожалуй, одна из типичных и частых находок скифской культуры. Наконечники скифских стрел усеяли просторы Евразии, четко очерчивая ареал распространения луков скифского типа. Пожалуй, из всех предметов скифской материальной культуры, исключая лишь обломки керамики на поселениях, скифские наконечники чаще других встречаются при разведках. О массовости находок наконечников стрел свидетельствует хотя бы тот факт, что только на дюнах возле небольшого украинского села Лихачевка на Ворскле археолог-любитель прошлого века И. А. Зарецкий нашел их более двух тысяч!

Но, несмотря на свою распространенность, есть наконечники, которые попадают значительно реже и отличаются от других наличием отлитых рельефных знаков-меток (рис. 2, 3). Эти знаки имеют иногда довольно сложный узор, покрывающий лопасти или грани наконечника. Такие метки нанесены иногда на одной, иногда на двух или трех гранях или лопастях наконечника, иногда находятся на втулке. Характер рисунка так же различен, но чаще всего встречаются Х — образные и Ж — образные знаки-метки, а так же различные варианты рельефных линий (рис. 2,3).

Среди них попадаются и довольно редкие знаки (рис. 3, 19 — бронзовый наконечник стрелы с знаком в виде рельефного кольца над втулкой, 5-4 вв до н. э., случайная находка в Одесской области, Украина). Наконечник с аналогичной меткой хранится в Государственном Эрмитаже. Алексеев А. Ю. описывая коллекцию наконечников, хранящуюся в Эрмитаже, в статье «О наконечниках стрел из Чертомлыкского кургана» называет подобный знак «уникальным», найти аналогии не удалось» («Археологический сборник Государственного Эрмитажа, № 24», 1983 г.)

Среди наконечников с метками встречаются экземпляры, которые можно датировать как VIII-VI вв. до н. э. (рис. 2), так и V-III вв. до н. э. (рис. 3).

Е. В. Черненко в своей книге «Скифские лучники» пишет следующее:

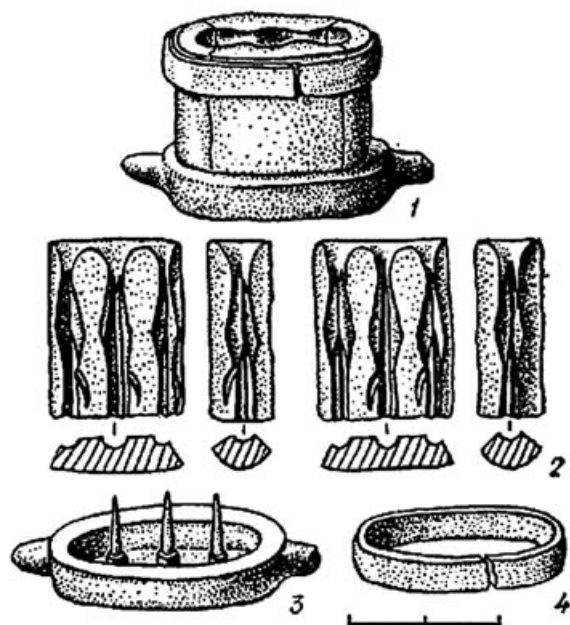

Рис. 1. Литейная форма из Мосула.

1 — общий вид; 2 — створки; 3 — дно; 4 — обойма. (рис. из книги Е. В. Черненко «Скифские лучники» изд. «Наукова думка» 1981г.

«...На боках некоторых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел хорошо видны невысокие рельефные полосы, которые иногда образуют довольно сложный узор. Характерно, что в ряде наборов видно присутствие наконечников с украшением различных систем. Назначение этих значков остается неясным. Из Олинфа известен хранящийся ныне в Британском Музее очень интересный довольно крупный (длина его равна 7 см) бронзовый наконечник скифского типа. На наконечнике очень четко видна подпись ΦΙΑΠΠΟ, выполненная в той же манере, что и значки на наконечниках из Скифии. Надпись была вырезана на форме в позитивном изображении, и поэтому на наконечнике она получилась воспроизведенной в «зеркальном» виде. В популярной книге о военном деле у греков он описан как наконечник болта катапульты» (рис. 4)

Е. В. Черненко пишет: «...назначение этих значков остается не ясным...». Действительно, на сегодняшний день в научном мире нет четкого объяснения назначения этих значков!

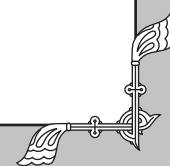
Некоторые археологи склонны считать, что такие значки являются не чем иным, как клеймом мастера.

А. И. Соловье, в своей книге «Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья» пишет:

Рис. 2. Наконечники стрел со знаками - метками VIII - VI вв. до н. э.

(1, 6 - Черкасская область, Украина, 2- Луганская область, Украина (из коллекции Ю. Зеленина), 3-5 Северный Кавказ, Карачаево-Черкессия, 7-8 Белгородская область, Россия (из коллекции Ткаченко В.А.))

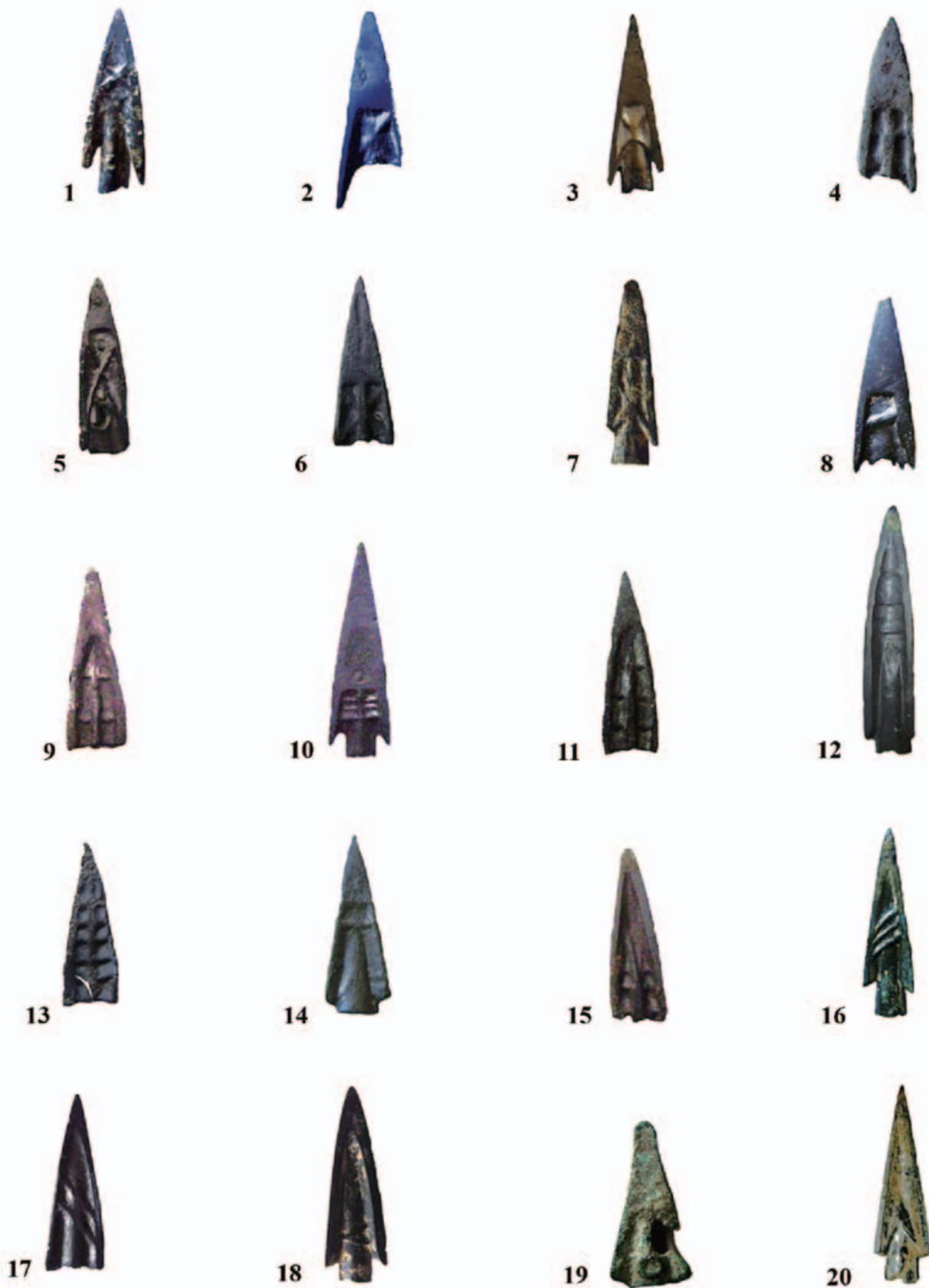
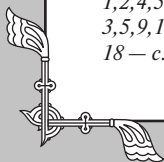

Рис. 3. Наконечники стрел со знаками — метками V-III вв до н. э.

1,2,4,5-8,14,16,17 — Каневский район, Черкасской области, Украина,
 3,5,9,10,15 — Сумская область, Украина, 12 — Керченский район, АРК, Украина, 13- Харьковская область, Украина,
 18 — с. Парутино, Николаевская область, Украина, 19,20 — Одесская область, Украина

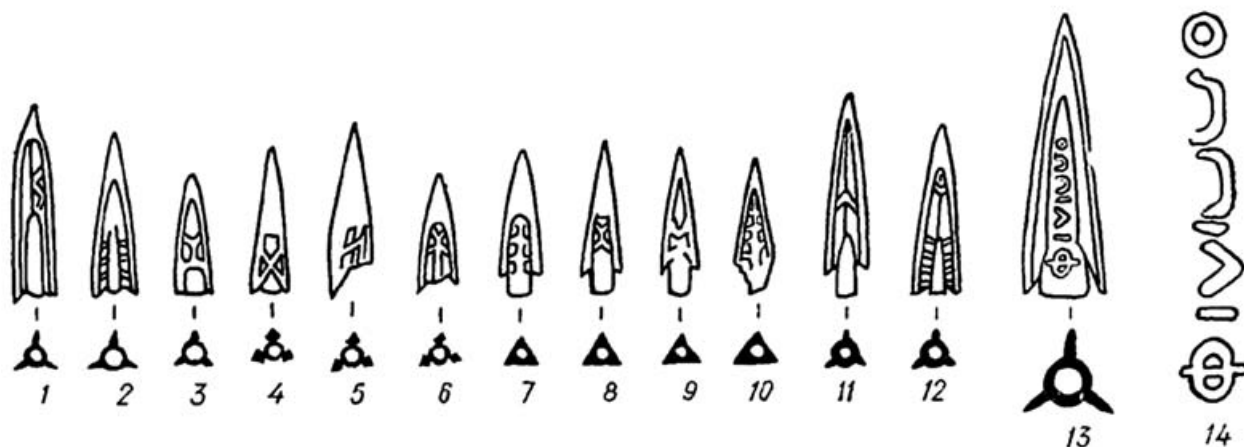

Рис.4. Наконечники стрел со значками.

1 — Басовка, курган № 482; 2 — Золотой курган; 3 — Марицyno, курган IG; 4, 5 — Осняги; 6-9 — курган близ Цимбалки; 10 — курган Бобовича; 11 — Кут, курган № 21; 12 — Краснокутский курган; 13, 14 — Олинф. (рис. из книги Е. В. Черненко «Скифские лучники» изд. «Наукова думка» 1981г.

«.... Отлитые из бронзы наконечники стрел, типичные для эпохи раннего железа, снабжались иногда специальными метками — клеймом мастера...»

Этого же мнения придерживается и Алексеев А. Ю., описывая коллекцию наконечников, хранящуюся в Эрмитаже в статье «О наконечниках стрел из Чертомлыкского кургана» («Археологический сборник Государственного Эрмитажа, № 24», 1983г). Анализируя ее, он пишет:

«...Необходимо заметить, что наконечники со знаками встречены во многих погребениях и, как правило, их типы различны даже в одних колчанных наборах. Но всегда определенно чувствуется преобладание какого — либо одного вида, встречающегося отдельно или в сочетании с другими метками. Так, в Чертомлыке, преобладающей является метка в виде угла острием влево, такая же в Александропольском кургане; для Краснокутского характерна метка в виде угла острием вниз; для Башмачки VI и Цимбалки — различные по пропорциям знаки в виде косога креста... Рельефные знаки на наконечниках могут рассматриваться как метки мастера-литейщика, гравированные — как владельца стрел...»

Да, несомненно, то, что эти знаки наносились для того, что бы придать наконечнику особенный, отличный от других внешний вид.

Но были ли это клейма древних мастеров-литейщиков? У этой версии много спорных моментов. Почему знаки наносились не на все наконечники, а только на некоторые из них, хотя совершенно логично было бы древнему мастеру пометить своим клеймом все наконечники? Почему один и тот же знак повторяется на наконечнике, например, из С. Кавказа и наконечнике из Украины?

Почему одни и те же знаки повторялись и наносились на наконечники совершенно различных периодов, с разницей в датировке иногда в 400 лет? Примером таких знаков на разновременных наконечниках может служить рис. 5 — мы видим повторение одного и того же знака на представленных 4 наконечниках, различной датировки, более того, один из этих наконечников,

не относится к скифскому периоду и культуре! Это наконечник Новочеркасского типа, который можно датировать 9-7 вв. до н. э.!

Мне также приходилось видеть бронзовое долото, на котором ближе к втулке был такой же знак, оно было найдено в комплексе с уздечным набором Новочеркасского типа.

В своей работе «О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии» Ю. С. Худяков пишет:

«...Археологами обращено внимание на знаки или метки на стрелах в культурах древних и средневековых кочевников на территории Саяно-Алтая, Монголии, Забайкалья, Восточного Казахстана. Одни исследователи считают подобные знаки, нанесенные на грани костяных наконечников стрел, применявшихся населением Западной Сибири и Горного Алтая в скифское время, «явными знаками собственности». Другие ученые, исходя из того, что в Горном Алтае в памятниках пазырыкской культуры наконечники стрел с разными знаками-метками найдены в одном погребении, а стрелы с одинаковыми метками — в разных могилах на одном или нескольких могильниках, придерживаются мнения, что «знаки эти можно считать символами родовой или этнической принадлежности»...Тема скифских наконечников со знаками-метками до настоящего времени мало изучена и нет четкого мнения о предназначении таких знаков, эта проблема еще ждет своего разрешения.

Символическое значение стрел как высокоэффективного оружия дистанционного боя, вероятно, впервые проявилось еще в эпоху развитой бронзы, когда на вооружении кочевых племен, носителей культуры эпохи ранней бронзы и андроновской культурной общности, впервые появились литые бронзовые втульчатые стрелы, на которых иногда был нанесен елочный орнамент. Подобная орнаментация известна и на стрелах раннескифского времени.

Подобная орнаментация наносилась и на проушины топоров, втулки кельтов, копий, рукояти кинжалов. По характеру изобразительных мотивов она имеет чер-

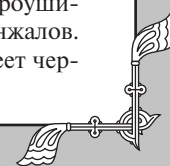

Рис. 5. Знак-метка повторяется на наконечниках разного времени и культуры.

1-Черкасская обл, Корсунь-Шевченковский р-н, бассейн реки Рось, Украина;

2-3 – Белгородская область, Россия (из коллекции Ткаченко В.А.) ; 4- Харьковская область, Украина

ты сходства с рисунками на щитах и защитных поясах воинов-колесничих эпохи поздней бронзы. На некоторых скифских бронзовых стрелах были нанесены различные знаки. По мнению Е. В. Черненко, это «довольно сложный узор», однако назначение этих значков «остается неясным». На одном наконечнике скифского типа из Олинфа имеется надпись «филиппо», означающая имя. На одной из лопастей савроматского наконечника стрелы изображена кибить сложносоставного лука. Бронзовые стрелы со знаками присутствуют в степном Алтае и в комплексах алдыбельской и саглынской культур скифского времени в Туве. Бронзовые стрелы с орнаментом найдены в Монголии. На костяных наконечниках стрел пазырыкской культуры Горного Алтая вырезаны резьбой различные изображения косых, перекрещивающихся, зигзагообразных, дуговидных фигур. Некоторые из них напоминают схематичное изображение кибити лука с настроженной стрелой. По предположению А. П. Бородовского, это «знаки собственности». В. А. Кочев считает их тамгами. По данным Г. Парцингера, К. В. Чугунова и А. Наглера, на некоторых железных наконечниках стрел, найденных в кургане Аржан-2 скифского времени в Туве, есть золотая инкрустация. Вероятно, наконечники стрел метили или украшали с разными целями. В отдельных случаях это могли быть имя или родовая тамга мастера или стрелка, в других — знаки, символически усиливающие убойное действие стрелы. К их числу можно отнести изображение кибити лука. Золотая инкрустация подчеркивала высокий социальный статус военного вождя. К скифскому времени относится традиция окрашивания древков стрел в красный или другие цвета. Если «золоченые» стрелы символизировали высшую военную и политическую власть кочевого правителя, то стрелы с обычными бронзовыми наконечниками — рядового конного воина-лучника, свободного члена кочевого объединения...»

К сожалению, до наших дней дошло крайне мало описанных сведений о скифской культуре.

Для того, что бы приблизится к разгадке тайны скифских наконечников с метками, по — моему мнению, необходимо обратиться к изучению применения меток и знаков другими этническими культурами, сведения о которых есть возможность собрать в настоящее время. Я думаю, что это может помочь в разгадке тайны знаков на скифских наконечниках стрел.

Несомненно интересные сведения представлены в работе «Биологические основы эстетики» И. Эйбла-Эйбесфельдта — ученика К. Лоренца, который изучал область эволюции поведения, разрабатывал новое направление этологии — этологию человека, он писал:

«...Индейцы яномами, например, снабжают наконечники своих стрел личными метками. В случае какого-нибудь набега это позволяет неприятелю распознать, кем выпущена стрела. В этом ли именно состоит замысел изготовителя стрелы, мы пока не знаем. Сам факт, без всякого обсуждения, упомянут в интервью, которое взял Биокка у Хелены Валера. Ребенком она была похищена индейцами и оставалась их пленницей 30 лет.

Наконечники бамбуковых стрел — это еще и немаловажный предмет обмена между мужчинами племени. В своих колчанах яномами всегда таскают множество чужих стрел: все это знаки дружбы. Во время своей недавней поездки я стал свидетелем любопытной сцены: один молодой человек из Хасубуветери показывал гостю содержимое своего колчана, разъясняя при этом происхождение каждой стрелы. Таким образом, он демонстрировал сеть своих дружеских связей и тем самым — свое положение в обществе. Это напомнило мне один обычай, существовавший в Центральной Европе. Когда-то гости, входя в переднюю, оставляли свои визитные карточки на установленном там блюде, где уже лежали карточки других

гостей. В наши дни для этого существуют гостевые книги (в них оставляют еще и личные заметки). И наконец, стиль — это способ кодировать сообщаемую информацию в художественной форме. Я уже упоминал об этом, когда писал о резных носах лодок у обитателей островов Тробриан. Эстетическое переживание играет в этом случае двойную роль: оно не только доносит до зрителя опознавательный символ — эмблему, но еще привлекает и удерживает внимание людей и духов (а духи, как считается, воспринимают мир так же, как и люди). Последнее нужно для того, чтобы передать какой-нибудь более определенный сигнал умиротворения или угрозы....»

Учитывая тот факт, что наконечники стрел с разными знаками-метками часто находят в составе одного колчанного набора, почему бы не предположить, что знаки-метки на наконечниках стрел у скифов, как и у индейцев яномами, являлись своего рода «визитными карточками», показывающими круг общения, знак дружбы, между различными скифскими кланами, семьями, общинами? Но эта версия не выдерживает критики, по причине того, что в некоторых колчаных наборах присутствует довольно большое количество наконечников стрел с одинаковыми знаками — как мы видим из материалов археологических исследований, иногда таких наконечников насчитывается более десятка. Например, Алексеев А. Ю. исследуя наконечники стрел северной могилы «конюха» из Чертомлыкского кургана пишет, что всего обнаружено 60 наконечников, из них 3 экземпляра с одинаковым знаком, 4 — с одинаковым знаком, 2 — с одинаковым знаком, 13 — с одинаковым знаком. Всего из 60 штук найденных наконечников 22 штуки со знаками четырех разных видов.

Большой интерес представляет статья Бронислава Пилсудского «Знаки собственности айнов» опубликована в 1912 году в третьем томе журнала Международного института этнографии в Париже «Revue d'Ethnographie et de Sociologie». Данная статья является единственной из посвященных коренному населению Сахалина — айнов. В ней Б. Пилсудский пишет следующее:

«...Известный факт, что айны Хоккайдо до наших дней употребляют бамбуковые стрелы с ядом аконита (*Aconitum Fischeri*, Reich). Хищник, раненный стрелой в западне, или стрелой, выпущенной из лука, не страдает от глубоких ран, а погибает от яда. Случается, что животное уходит от ранившего его охотника или от того места, где оно попало в западню. Зачастую зверь скрывается от своего преследователя и попадает на территорию другого охотника, который, обнаружив труп по метке, сделанной на конце стрелы, сможет определить, чьими усилиями была убита дичь. Во время охоты на медведя, когда одновременно выпускают стрелы сразу много охотников, по меткам можно было определить, кто сделал первое либо наиболее удачное попадание, что в конечном итоге оказывало решающее влияние при дележе добычи, когда решалось, кому достанутся лучшие части: сердце, грудинка, печень и т. д.... Каждый охотник, найдя или настигнув дичь, которая, по его мнению, убита им либо стрелой его западни, первым делом извлекал из раны всю стрелу, чтобы убедиться в этом: если на стреле стоял его знак, то добыча полностью принадлежала ему; если же знак был чужой, то он обязан был разделить ее с хозяином стрелы.

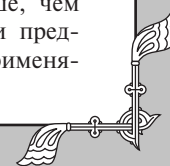
Знаки охотников были также известны и их женам, которые часто принимали участие в охоте, налаживая ловушки, строя между ними ограждения и перетаскивая домой мясо. Во время отсутствия мужей или родителей женщины разглядывали стрелы, принесенные возвратившимся охотником, и в случае надобности засвидетельствовали от имени отсутствующих их право на дичь, убитую той или иной стрелой. Старик Канекатоку, один из лучших охотников в своей местности, нарисовал мне 181 знак айнских охотников, проживающих в различных местностях. Часть знаков принадлежала уже умершим охотникам, но большая помечала собственность еще живых айнов.

Знак на стреле переходил от отца к сыну, считалось, что это наследственный знак, освященный веками, и переходит он к наиболее счастливому («*teeta ekas sivosi*» — древний знак предков). Когда один из сыновей уходил на охоту надолго и далеко в горы, где было не так уж много охотников, он помечал свои стрелы знаком отца. И напротив, если охотились неподалеку, то подобный знак употребляли лишь отец и младший из сыновей, который еще оставался дома, между тем как остальные сыновья, в том числе и те, что не были пока женаты и не построили собственного жилища, имели (или хотели иметь) свои собственные знаки.... Обычно знак сына немного отличался от знака отца. К последнему добавлялась черточка или точка, и таким образом получался новый знак собственности нового охотника. Айны полагают, что удачная охота зависит от покровительства разных богов, но они верят и в то, что знаки на стрелах также влияют на результаты охоты, которая раньше была основным занятием племени. Что в конечном итоге порождало естественное желание стать обладателем знака, раньше принадлежавшего удачливому охотнику, и, наоборот, отказываться от тех, которые не способствовали благоприятным результатам. Между тем несчастные случаи, происходящие иногда с охотниками в лесу, например, когда на них напал медведь, никогда не связывались с воздействием знаков... В старину не подписывались только стрелы, изготавливаемые в большом количестве и предназначенные на случай ведения войны. Совершенно очевидно, что в этом случае знаки собственности не играли никакой роли...»

Античные авторы (Аристотель в книге «О чудесных случаях», Плиний Секунд, Овидий Насон «Печальные песни») и ряд других упоминают о том, что скифы намазывают наконечники стрел ядом, что бы, как пишет Овидий Насон «жестокой раной удвоить причины смерти». А. И. Мелюкова в своей книге «Вооружение скифов» так же допускает это: «...Употребление отравленных стрел представляется вполне вероятным и имеет аналогии в этнографическом материале...»

Исходя из этого, вполне возможно предположить, что отравленные ядом стрелы могли использоваться скифами и на охоте. Животное, раненное такой стрелой, погибает не сразу и может уйти на охотничью территорию другой общины, рода. Возможно ли предположить, что метки на наконечниках стрел у скифов, как и у айнов служили для идентификации права на добычу?

А так же, учитывая то, что обычных наконечников стрел (без знаков-меток) было гораздо больше, чем наконечников со знаками-метками, можно ли предположить, что обычные наконечники стрел применя-

лись для ведения войны, где идентификация (любая) не играла особой роли, а необходим был лишь большой запас стрел?

Хочу отметить, что и в после скифское время практически у всех кочевников существовали племенные, родовые, общинные знаки — «тамги» (слово имеет тюркско-монгольское происхождение, в языках этой группы имело несколько значений: «тавро», «клеймо», «печать»), которые они применяли, главным образом как знаки собственности. В широком смысле слова «тамга» обозначает любой графический знак.

Тамгами отмечали почти весь спектр материальной культуры кочевника — от домашних животных до предметов домашнего обихода и оружия.

Так все-таки, что же означают эти знаки-метки на наконечниках стрел — знаки собственности, имя или родовая тамга мастера или стрелка, знаки которые должны усиливать убойное действие стрелы, подчеркивание высокого социального статуса, символы власти, этнической или родовой принадлежности? Имели ли подобные знаки сакральный, магический характер, или были лишь способом идентификации? На данный момент в научном мире нет четкого и ясного представления об этом, проблема не разрешена.

Может быть, это и есть одна из причин того, что коллекционирование подобных стрел становится для меня еще более увлекательным.

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в написании статьи В. Кищенко, а также В. Ткаченко и Ю. Зеленину за материал, предоставленный для статьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *А. И. Мелюкова* «Вооружение скифов» Москва Академия наук СССР, Институт археологии 1964 г.
2. *Е. В. Черненко* «Скифские лучники» Киев. «Наукова думка». 1981 г
3. *А. И. Соловье* «Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья» Новосибирск «Инфолио» 2003 г.
4. *А. Ю. Алексеев* «О наконечниках стрел из Чертомлыкского кургана» «Археологический сборник Государственного Эрмитажа, № 24», 1983 г.
5. *Ю. С. Худяков* «О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии» Этнографическое обозрение № 1, 2004 г.
6. *И. Эйбл-Эйбесфельдт* «Биологические основы эстетики» Москва «Мир» 1995 г.
7. *Б. Пилсудского* «Знаки собственности айнов» ВСМ, N 1. Южно-Сахалинск, 1995.

Находка вооружения культуры Ноа на Украине

Юрий Зеленин
(Украина)

Периодически земля, в самых неожиданных местах, раскрывает свои секреты. Именно таковой следует считать случайную находку 2009 года на распашке поля вблизи города Галич (Ивано-Франковская обл., Украина). Местным жителем были обнаружены бронзовый топор и часть бронзового кинжала, вторая часть которого была найдена в нескольких метрах от остальных находок. Скорее всего, кинжал был поврежден в процессе сельскохозяйственных работ на поле. Первое, что бросается в глаза, это потрясающее мастерство и высокий художественный стиль, в котором выполнены оба предмета. Вероятно, оба предмета сделаны одним мастером и для одного человека. Орнамент на обоих предметах как бы дополняет друг друга и выполнен в едином стиле. Также хочется отметить, что орнамент обоих предметов явно несет сакральный смысл, но расшифровку его значения еще предстоит заняться специалистам в данной области. Перед началом описания находки хочется указать только на то, что данные предметы принадлежали явно не рядовому члену племени, а кому-то из правящей или жреческой верхушки племени.

Топор. Бронзовый орнаментированный топор длиной 172 мм относится к типу топоров с гребнем на обухе. Лезвие длиной 131 мм и шириной 38 мм имеет вытянутую форму и сужается от рабочей части к проушине. Ближе к проушине топора (последняя треть лезвия) отмечается самая узкая часть (19 мм), после чего происходит резкое расширение лезвия, размер которого у проушины становится 30 мм. Верхняя кромка лезвия практически прямая, при этом нижняя кромка, за счет сужения, образует небольшую бороздку. С обеих сторон лезвия по всей длине по краям идут валики (рудиментарные закраины), которые служили для усиления прочности лезвия. Толщина лезвия на всем протяжении примерно одинаковая и равна 13 мм (с учетом валиков).

Проушина представляет собой цилиндр с внешним диаметром 30 мм, а внутренним 20 мм. Проушина соединяется с лезвием за счет небольшого расширения и подъема (до 34 мм) передней стенки проушины, при этом более выраженный подъем отмечается в нижней части. Задняя часть проушины, также расширяется и переходит в гребень. При этом на задней части эти изменения размеров проушины еще более выражены (верхняя часть поднимается на 25 мм, а нижняя спускается на 48 мм относительно верхней и нижней границы боковой стенки проушины). При этом боковой размер стенки самой проушины имеет размер всего 13 мм. Край проушины четко ограничены боковыми валиками, ко-

торые еще более массивные, чем на лезвии. Передние и задние подъемы стенок проушины и валики по краям, служили для усиления прочности топора на излом, а также к более надежной посадке топора на древко.

Гребень образуется за счет постепенного сужения стенки проушины до 7 мм и плавным полукругом соединяет верхнюю и нижнюю кромки проушины. На нижнем краю проушины образованы два валика, для усиления этого слабого места топора. Вполне возможно, что данный элемент служил для дополнительной фиксации топора при помощи ремня или веревки на древке. Как уже указывалось, топор богато орнаментирован. Рисунок симметричный на обеих сторонах лезвия и очень выразителен. От проушины до середины лезвия по верхнему торцу идет орнамент в виде прямых линий (параллельных и пересекающихся) и точек. Сходный орнамент идет по всему краю гребня. На боковых сторонах гребня орнамент образуется из волнистых линий и точек, сюжет, образуемый линиями, можно охарактеризовать как серповидные листья, соединенные в ленты. Сбоку на проушине четко виден рисунок в виде солярного знака — окружность с четко выделенным центром, вокруг которой сделана еще одна окружность из точек.

Кинжал. Лезвие кинжала представляет собой две стыкуемые плоскости, также покрытые орнаментом (длина частей 135 мм и 145 мм, таким образом, общая длина лезвия была 280 мм). Рукоять крепилась к лезвию при помощи пяти бронзовых заклепок, которые прекрасно сохранились (диаметр шляпок около 8 мм). Ширина клинка в месте соединения с рукоятью 53 мм. При изготовлении кинжала, края лезвия кроме обычной заточки подвергались проковке, о чем говорят, частично утраченные края. Центральная часть клинка представляет собой нервюру с орнаментом (длина от основания — 25 мм), которая ближе к острию переходит в ребро жесткости. С одной стороны клинка на обоих кусках отмечается остатки какого-то бурого вещества, плотно сросшегося с изделием. Скорее всего, это остатки кожи или другого материала, в который, вероятно, был завернут кинжал, а возможно и оба предмета.

Орнамент, как и в случае с топором, образуется прямыми и волнистыми линиями, а так же точками. У гарды нанесены четыре параллельные линии, над которыми изображены восемь заштрихованных треугольников, обращенных основанием вниз. Далее идет линия из точек и еще три параллельные линии, на центральную — нанесены легкие штрихи, чтобы создать эффект елочного орнамента. Следующей частью композиции идут четыре волнообразных линии (симметрично по две к центру клинка) окантованные точечным рисунком, в центре каждой волны выделен центр гребня волны в виде углубления. За волновым орнаментом, вновь идут две параллельные линии, елочный орнамент без осевой линии и снова две параллельные линии. Над последней линией вновь изображены семь заштрихованных треугольников. По краю нервюры, как бы отсекая рабочую часть клинка от орнаментированной, идут шесть парал-

Фото 1. Топор

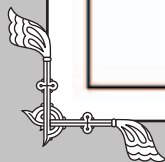

Рис. 1. Венгерские топоры

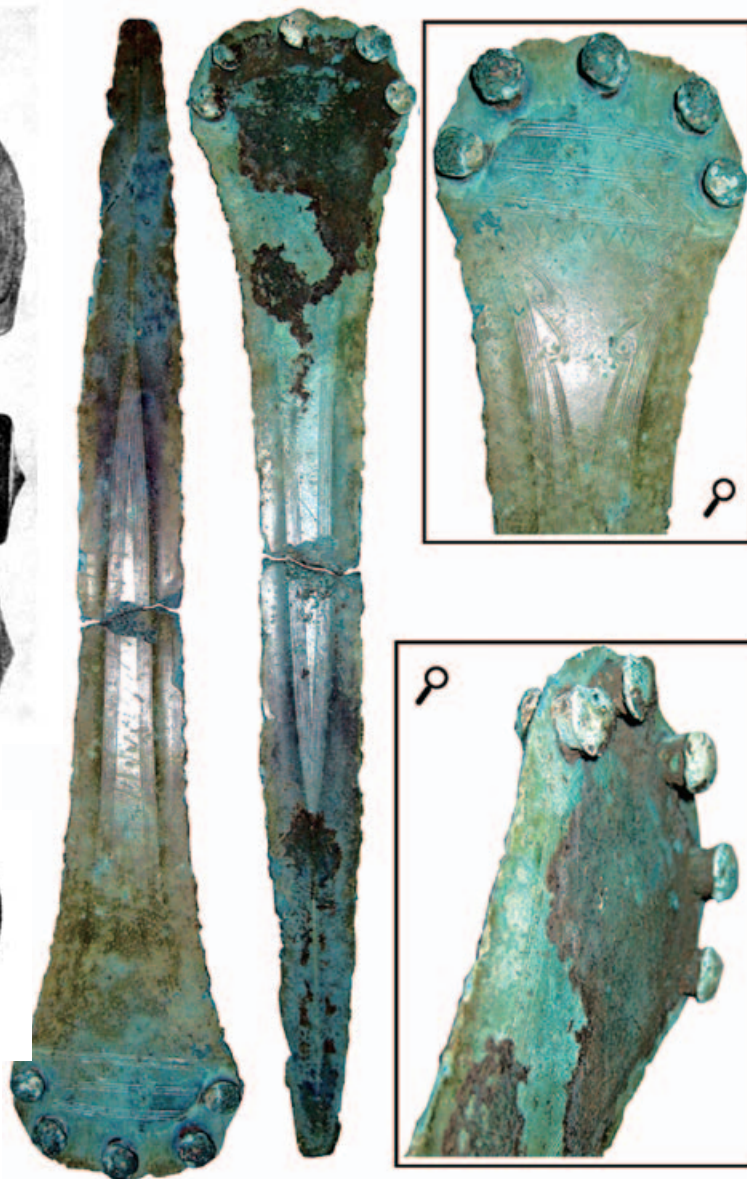
Рис. 2. Топор из Журавлинки

лельных линий. Над ними располагаются три волнообразные линии (по три с каждой стороны лезвия), которые полностью дублируют описанные выше. От последних «волн» с двух сторон отходят две прямые ленты (состоящие из трех параллельных линий), которые соединяются под острым углом на расстоянии 87 мм от основания клинка.

При попытке найти аналоги в находках на территории Украины, выясняется, что данные предметы практически не встречаются, хотя они очень хорошо известны на Юго-Востоке Европы. В частности, топоры подобного вида даже получили специальный термин «венгерские бронзовые топоры», (рис. 1, Национальный музей Будапешта). [3] Черных отмечает, что найден всего один топор (рис. 2), такого типа в районе Журавлинки в составе клада предположительно в горизонте Дражна де Жос. Эти топоры являются типичными для кладов периода Vz-B-Vz D. [1,4] То же самое касается и кинжала. находки кинжалов бронзового века на территории Украины тяготеют к черешковым типам. Способ фиксации рукоятки с помощью заклепок более характерен для Европы. Исходя из этого, можно с уверенностью привязать данный комплекс к периоду поздней бронзы XIII-XI вв. до н. э. Учитывая место находки можно го-

Фото 2. Кинжал

ворить о культуре Ноа [2], которая была распространена в Центральной и Восточной Румынии, а также на территории Молдавии и запада Украины в последнюю четверть 2-го тыс. до н. э. и имела обширные контакты с Карпатским регионом, выступая связующим звеном между культурами Западной Европы и культурами распространенными на территории современной Украины, в частности Сабатиновской [1].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ключко В. И. «Озброєння та військова справа давнього населення України».
2. Мелюкова А. И. «Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья».
3. Монгайт А. Л. «Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века».
4. Черных Е. Н. «Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР».

Искусственные пропилы в бронзовых наконечниках скифского типа

Антон Мартышко
(Украина)

Бронзовые наконечники стрел скифского типа, благодаря своей массовости, распространённости, разнообразию форм, типов и размеров все чаще становятся объектом коллекционирования среди людей увлекающихся археологией. Не менее важными факторами, которые способствуют коллекционированию бронзовых наконечников стрел, является довольно широкий хронологический период, в течение которого они изготавливались и применялись, их относительная доступность, как коллекционного материала, а так же, то, что некоторые

из наконечников имеют свои индивидуальные черты, связанные с особенностью заточки, наличием на них тамгообразных знаков, граффити, интересных технологических дефектов и т. п..

Среди бронзовых скифских наконечников стрел довольно часто попадаются экземпляры с литейным браком, (рис 1). Одно время считалось, что имеющиеся на многих скифских бронзовых наконечниках стрел боковые отверстия использовались для вливания яда. Однако в действительности, эти отверстия образовывались во время их литья, при недостаточно точной

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел с литейным браком:

1, 2 — Высокая Могила; 3, 4 — Камир-Блур; 5 — Самтаврский могильник, погребение № 194; 6 — с. Глинище в бассейне Псла; 7-12 — Лигачевка, коллекция И. А. Зарецкого; 13 — Бельское городище; 15 — Макеевка, курган № 4616.

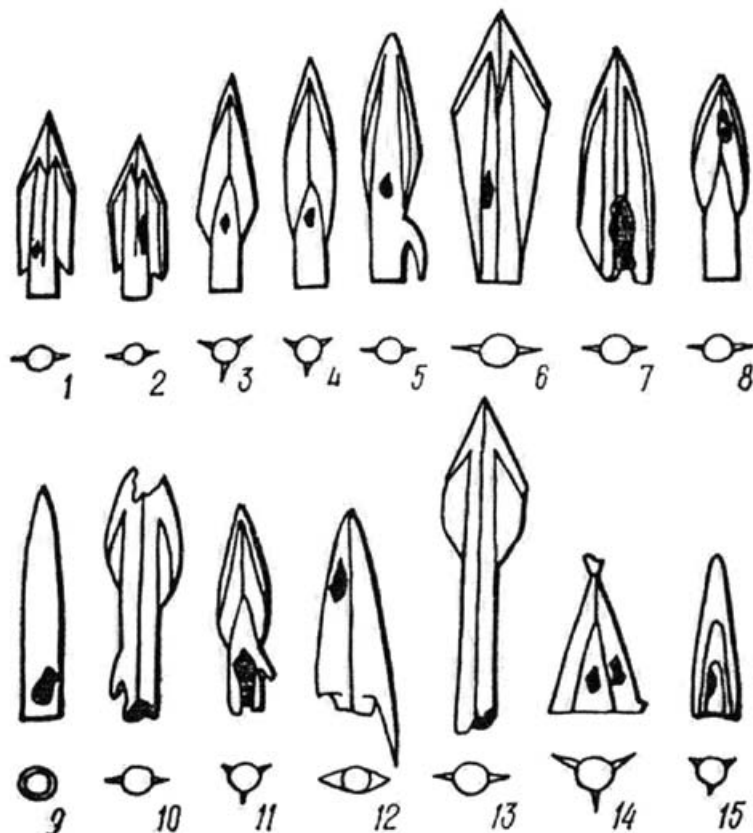
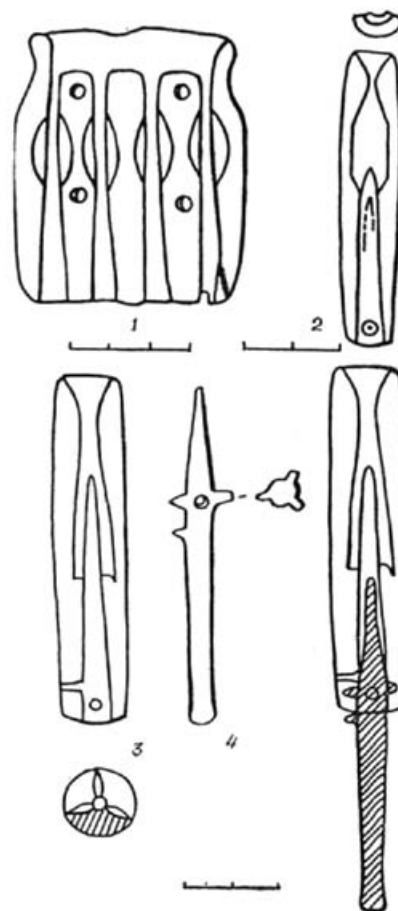

Рис. 2. Медные литейные формы

1 — Новочеркасский клад; 2 — форма из коллекции А. А. Бобринского; 3 — форма, 4 — стержень к форме; 5 — схема сборки стержня с верхней частью из с. Букрин

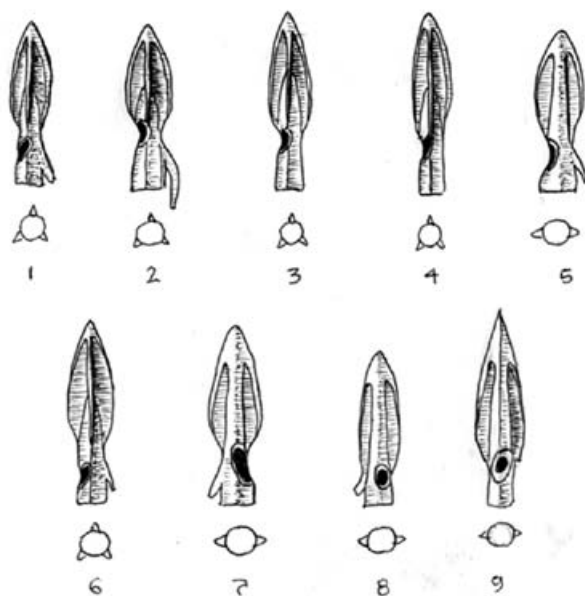
центровке стержня, вставляющегося в литейную форму для образования втулки, (рис. 2), (Е. В. Черненко «Скифские лучники» Киев. «Наукова думка». 1981 г., стр. 137-138)

Вот как Шрамко Б. А., изучая технологию изготовления киммерийских и скифских стрел описывает причину возникновения литейных браков на стрелах того периода: «..Изучение литейных форм киммерийского и скифского периодов, а также бронзовых наконечников стрел, особенно бракованных, показывает, что литейщикам этого времени было очень важно найти наиболее удачное решение двух важных вопросов: 1) Как добиваться прочной вертикальной установки стержня, при которой верхняя его часть не касалась бы внутренних стенок литейной формы, на том участке, где отливалась втулка и как при отливке очень тонкого изделия обеспечить хороший отвод газов, не допустить образования раковин и пористой структуры металла. Неровные отверстия на лопастях и втулках многих бронзовых наконечников наглядно свидетельствует о важности этих вопросов...» («Из истории скифского вооружения. Вооружение скифов и сарматов». Сборник научных трудов. Под ред.: Черненко Е. В., Мозолевого Б. Н., Мурзина В. Ю. — Киев: Наукова Думка, 1984)

Но, кроме брака литья, среди наконечников стрел скифского времени, изредка попадаются стрелы с искусственно сделанными пропилами, находящимися в области втулки. Как правило, пропилены на таких наконечниках на-

Рис. 3. Наконечники скифских стрел с искусственными пропилами*

1 — Радионовка; 2 — Бельск, зольник № 55,56; 3 — Бельск, зольник № 5; 4-5 — Бельск, зольник № 18; 6, 7, 8 — место находки не известно; 9 — урочище Дробяньское.

* — Личные зарисовки, предоставленные для публикации Киряковым Евгением Леонидовичем, сделанные за время работы в составе различных археологических экспедиций.

Рис. 4. Наконечники скифских стрел с искусственными пропилами из частных коллекций

1 — Белогорский район, Крым (из коллекции А. Архипенко); 2 — Полтавская обл., Украина (из коллекции Т. Гуцаленко); 3, 4 — Харьковская область, Украина (из коллекции Ю. Зеленина); 5 — район г. Севастополя, Крым (из коллекции Ю. Зеленина); 6 — Черкасская область, район деревни Каврай, Украина (из коллекции А. Мартышко).

ходятся с одной стороны втулки, реже — симметрично с двух сторон. Так же, характерно то, что подавляющее большинство наконечников с пропилами — отверстиями датируется VII-VI вв до н. э., пропилены редко бывают на более поздних наконечниках.

Конечно, на первый взгляд такие пропилены на наконечниках можно принять за дефекты литья, которые, как писалось выше, были довольно массовым явлением в производстве. Но, при более внимательном осмотре, их искусственное происхождение отчетливо видно, также видны риски, оставшиеся от использования абразивного инструмента при пропиливании отверстия, (рис. 3, 4).

Причина пропиливания отверстий на втулках наконечников стрел скифского типа практически не изучена. У коллекционеров такие наконечники вызывают довольно большой интерес и на многих форумах ведется обсуждение причины возникновения искусственно сделанных отверстий — пропилов на наконечниках скифского типа. Среди версий есть, как довольно реалистичные, так и совершенно фантазийные.

Наиболее, на мой взгляд, вероятная версия — такие наконечники с пропилами возможно использовались в качестве амулетов, пронизей или украшений, пропилены делались для подвешивания наконечников на веревочку, шнуток

По всей видимости, оружие, в том числе стрела и ее наконечник для скифов были не только утилитарными предметами, но и имели образно-смысловое значение, а возможно ритуальное.

В.Г. Кищенко, в своей работе «Стрелы древних и средневековых культур Евразии: реконструкция» писал следующее:

«...Луку и стрелам приписывалось свойство исцелять болезни, увеличивать мужскую силу и «очищать от скверны»; по стрелам гадали. «Союзный клятвенный договор скифы заключают следующим образом. В большую глиняную чашу наливают вино и смешивают его с кровью заключающих договор, уколов их тело шилом или слегка надрезав ножом, а в ту чашу погружают меч, стрелы и дротик, после чего произносят многие заклятия; и засим ту чашу выпивают как заключающие договор, так и достойнейшие из их сопроводителей» (Геродот, 1976, с. 125) ...

...Оружие в традиционных культурах было не просто средством ведения войны и охоты, но также являлось социальным маркером, символом власти, обладающим сверхъестественной силой, защищающей богатство, власть и благополучие. Свидетельством этого являются магические и религиозные воззрения. По поводу лука и стрел в гимне Ригведы сказано: «Прямолетящая (стрела), сбереги нас»,... «облако стрел, заостренных временем, выпущено, лети, порази противников, не оставь ни одного врага живым» (Деревянко Е. И., 1987, с. 152). Наиболее яркое проявление этого феномена — появления богини-стрелы и молитвы, обращенные к ней...

...Кремневые стрелки использовались во многих культурах в качестве амулетов: «их обворачивали в серебро и золото и носили, как привески, или в виде бус ожерелья, не только в эпоху этрусков, но и в Византии, а местами, например, у туарегов Северной Африки и у казанских татар носят еще и теперь. По-видимому, им приписывалась известная лечебная или предохранительная сила, судя по тому, что и теперь еще простолюдины не только в России, но и в Западной Европе признают кремневые стрелки «громовыми», упавшими с неба во время грозы, и приписывают им разные чудодейственные качества. Особенно распространен взгляд, что они помогают от колики, зубной боли и при родах. Поэтому многие крестьяне, особенно крестьянки (даже иногда лица несколько образованные) неохотно уступают имеющиеся у них каменные стрелки, если даже им предлагают за них сравнительно значительную сумму» (Анучин Д. Н., 1887, с. 403)...

Дашевская О.Д. описывала находки ритуальных предметов поздних крыских скифов, среди которых находились ранние скифские стрелы: «...Аналогичную роль [ритуальных предметов] играли ранние бронзовые стрелы, предметы звериного стиля отчасти зеркала...» («Поздние скифы в Крыму» Археология СССР, Свод археологических источников, Выпуск Д — 1-7, 1991 г.).

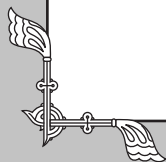
Недавно, в моей коллекции появился наконечник с пропилом, который частично подтверждает версию об его использовании в качестве амулета, пронизи или украшения. Это скифского типа трехлопастной наконечник с шипом на втулке, который можно датировать VII-VI вв. до н. э. Наконечник найден в Черкасской области, район деревни Каврай (Украина) в сер. 90 годов прошлого века, (рис. 5.6). Данный экземпляр имеет пропилил во втулке, с диаметром отверстия около 3 мм, в пропилил вставлено кольцо, согнутое из бронзовой проволоки, диаметром 2 мм. Диаметр самого кольца составляет 9 мм. Окончание шипа, на втулке наконечника отломано или спилено, по характеру окислов по всей видимости в то же время, в какое делался пропилил, длина оставшейся части шипа составляет примерно 2,5 мм. Концы проволоки, из которой сделано кольцо, немного расклепаны. Очевидно, что пропилил и кольцо на этом наконечнике, предназначены для его подвешивания.

В коллекции Юрия Зеленина находится небольшой (длиною 9 мм) трехлопастной наконечник скифского типа, который был найден в районе г. Севастополя (Крым), наконечник можно датировать концом VI-V вв. до н. э., (рис. 5.5). Это наконечник со сточенным до отверстия втулки острием, в его втулку вставлен предмет, похожий на костяную бусину. Диаметр втулки этого экземпляра составляет 5 мм, диаметр отверстия бусины — 3 мм. По всей видимости, наконечник выполнял функцию пронизи или же ворварки, возможно служил украшением или амулетом.

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в написании статьи Е. Кирякову, за часть предоставленного материала А. Архипенко, Т. Гуцаленко, Ю. Зеленину.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Е. В. Черненко «Скифские лучники», Киев, «Наукова думка», 1981 г.
2. В. Г. Кищенко «Стрелы древних и средневековых культур Евразии: реконструкция».
3. Б. А. Шрамко «Из истории скифского вооружения. Вооружение скифов и сарматов», Сборник научных трудов., Под ред.: Черненко Е. В., Мозолевого Б. Н., Мурзина В. Ю. — Киев: Наукова Думка, 1984.
4. О. Д. Дашевская «Поздние скифы в Крыму» Археология СССР, Свод археологических источников, Выпуск Д — 1-7, 1991 г.

Кистень с владельческим знаком

Александр Гаврилов
(Россия)

В 2007 году на огороде одного из приокских сел центральной части Рязанской области была случайно найдена небольшая гирька древнерусского кистеня.

Гирька литая, изготовленная из медно-оловянистого сплава. Массивность гирьки не соизмеримая с размерами позволяет предположить, что внутри она залита свинцом, длинна 4,4 см, ширина 3,6 см, масса 108,5 г. Ушко для подвешивания отломано (рис. 1).

Данная гирька относится к типу III уплощенно-грушевидной форме по классификации А. Н. Кирпичникова (1).

Близким ей по форме аналогом является гирька из Гишинцов, (2) также гирька Ольховца Киевской области (3). Заметим, что гирьки данной формы типичны именно для южнорусских земель, так как половина их находок была сделана в Киевском Поднепровье (4).

Боковые грани гирьки орнаментированы по краям врезанными поясками из повторяющихся квадратиков с изображением внутри. На стороне 1 изображен знак в виде геральдического трезубца с острыми отрогами по бокам загнутыми кверху и двумя крестами в середине трезубца, и внизу под его основанием. Находки знаков Рюриковичей на кистенях данного типа, не однократно имели место, как на территории Русских кня-

жеств, так и по соседству (5). На стороне 2 знак в виде буквы X перехваченной в средней части пояском.

АНАЛИЗ

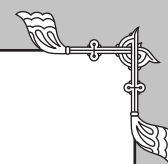
Одно из первых упоминаний геральдических знаков древнерусских князей относятся к середине X в. Ибн-Мискавейху, в рассказе о походе русов на Бердаа в 943-944 г. Ибн-Мискавейху пишет, что во всех местах, где русы собирали дань, они оставляли свой знак (кусочек глины с печатью), дабы знать, где уже собрали, а где еще нет.

Сведения о княжеских знаках Рюриковичей мы черпаем с изображений на монетах (6) и печатях (7), кистенях, подвесках (8), перстнях, элементов поясного убора (9), строительных кирпичах, днищах клейм и граффити на различных предметах (10).

Первоначальная эмблема Рюрика, по мнению ряда исследователей, был парящий сокол (11). Впервые эту гипотезу высказал еще в середине XIX века чешский просветитель Павел Иосиф Шафарик, основывая свои выводы на том, что по-чешски сокол — гагоһ (что созвучно имени Рюрика), а главный город славяно-ободритов в Германии назывался Рериг (12). И хотя эта гипотеза не раз подвергалась сомнению (13), последние

Рис. 1.

находки археологов свидетельствуют о справедливости отождествления сокола с эмблемой Рюрика. (14)

Впоследствии с продвижением Рюриковичей на юг этот знак трансформируется в двузубец и трезубцы, которыми и пользовались Рюриковичи: Ольга, Святослав Игоревич, Ярополк Святославич и пр. (15)

Не исключено, что причина этой трансформации в «христианизации» Рюриковичей, по крайней мере, начиная с княгини Ольги, и синтеза изначальной эмблемы Рюрика с раннехристианским символом якоря или верхушкой диканикиона — скипетра власти византийских императоров. (16) Примечательно, что и на печати (до 972 г) Святослава Игоревича имеется изображение не только двузубца, но и креста (17).

По классификации Рюриковических знаков предложенных С. В. Белицким изображенный на кистене знак принадлежит Брячиславу Изяславичу. Или же его сыну Всеславу Брячиславичу. (18)

Эволюция отдельных элементов сходных знаков детально раскрыта в работе Е. П. Казакова, и С. В. Белецкого. Генезис их сложения, отдельная страница эволюции Рюриковических знаков являющаяся самостоятельной и обособленной веткой знаков князей Полоцких. (19)

Древнейшим из княжеских знаков полоцких Рюриковичей ветви Изяслава, является знак на печати из раскопок в Новгороде, уверенно атрибутированный как знак Изяслава Владимировича. (20)

Впоследствии он эволюционирует в знак, зафиксированный в граффити № 75 на столбе южной галереи Софийского собора в Киеве. (21) Который, по мнению ряда исследователей, принадлежал сыну Изяслава Владимировича — Брячиславу. (22) У Изяслава Владимировича было два сына — Брячислав и Всеслав. Последний как будто бы потомков не оставил, и полоцкую ветвь Рюриковичей продолжил единственный сын Брячислава — Всеслав Брячиславич. Знак Брячислава Изяславича отличался от знака Изяслава усложнением ножки отцовского трезубца (путем «добавления» к треугольнику крестовидной части), что и приводит к возникновению знака сходному знаку на кистене — знаку Брячислава Изяславича или, что вероятнее Всеслава Брячиславича. Так как у знака на нашем кистене отсутствует треугольная часть ножки и фрагмент вертикальной линии, отходящей вниз от основания трезубца на манер граффити, изображенном на кистене из Минска (23). Белецкий С. В. справедливо считает этот знак принадлежностью именно Всеслава Брячиславича — единственного сына Брячислава Изяславича (24) (рис. 2).

Сама по себе находка этого кистеня в любом другом месте за пределами Рязанины была бы оторвана от контекста каких-либо исторических событий. Однако, будучи найдена в 5 км от Старой Рязани, невольно вспоминаются станицы Никоновской летописи, повествующей, что в 1114 году в Рязани представились князья «Роман Всеславич и Мстислав, внук Игорев» (25).

Не вызывает сомнений что Роман Всеславич — это сын Всеслава Брячиславича Полоцкого (26) Возможно что описываемый нами кистень принадлежал кому-то из дружинников сопровождавших Романа. Да и сам Всеслав пытавшийся восстановить «княжение» кривичей вполне мог претендовать на Мещеру, как часть

Рис. 2.

кривических земель (27) (рис. 3). Любопытно, что среди рязанских пломб опубликованных В. К. Трутовским имеются две с изображением трезубца с крестом в центральной части (28) которые в принципе нетрудно отождествить с эмблемой Изяслава, но только с ее упрощенной формой. Еще одна пломба, происходящая из раскопок А. Л. Монгайта (29) также содержит с одной стороны изображением Трезубца с крестом в центральной части. Любопытно, что изображение с обратной ее стороны, с некоторой долей вероятности (из-за утрат, вызванных прохождением канала шнура) можно интерпретировать как П-образный знак с окончаниями в виде крестов.

Таким образом, справедливо будет предположить наличие политических и военных контактов Рязанщины конца 11-начала 12 вв. и князей Полоцких.

Рис. 3.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. «Древняя Русь город, замок, село», «НАУКА» Москва, 1985, Глава 7. Вооружение С. 312.
2. Там же Т. 131/15.
3. Там же Т131/13.
4. Там же С. 311.
5. Там же 312.
6. *Орешиников А. В.* «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам», Известия АН СССР. — № 2. — М., 1930. — С. 94, 95.
7. *Лихачев Н. П.* «Материалы для истории русской и византийской сфрагистики», Л., 1930. — Вып. 2. — С. 171-173.
8. *Молчанов А. А.* «Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы», ВИД. — № VII — 1976. — С. 74, 75. Лично-родовые знаки князей-Рюриковичей.
9. *Ширинский С. С.* «Ремесленные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова», Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 215-223, рис. 1, 2)
10. *Рыбаков Б. А.* «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси», СА. — VI — М.; Л., 1940. — С. 238-240.
11. *Рапов О.* «Знаки Рюриковичей и символ сокола». Советская археология. 1968, № 3.
12. Šafařík P. J. «Slovanske starožitnosti. Praha», 1937. Dil. 2. См. то же по вроцлавскому изданию: Wrocław, 1848. Т. 2. S. 236-238.
13. *Vries J.* «Altnordisches etymologisches Wörterbuch», Leiden, 1962, Doberan Kr. Ein Beitrag zur Lage von Rerik // Varia Archaeologica. Berlin, 1964. S. 237-25.
14. *А. Ю. Чернов.* «В СТАРОЙ ЛАДОГЕ НАЙДЕН ГЕРБ РЮРИКА?», (Интернет публикация от 7 сентября 2008).
15. *Белецкий С. В.* «Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков», Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 287.
16. *Александр Белов, Георгий Шаповалов* «ГЕРБ УКРАИНЫ — СИМВОЛ ВЕРЫ И НАДЕЖДЫ», (Интернет публикация).
17. *Белецкий С. В.* «К атрибуции княжеского знака на граффити № 75 из Софии Киевской», Археолопя. № 3, Киев, 1997. С. 141-145.
18. *Белецкий С. В.* «К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве», Церковная археология. — СПб.; Псков, 1995. — Ч. 2. — С. 92-94.
19. *Е. П. Казаков, С. В. Белецкий* «Костяная рукоять из раскопок Измерского поселения», Археология, история нумизматика, этнография Восточной Европы, СПб, 2004.
20. *Янин В. Л.* «Актовые печати Древней Руси X-XV вв», М., 1970. Т. 1. С. 41.
21. *Высоцкий С. А.* «Древнерусские надписи Софии Киевской», Киев, 1966. № 75.
22. *Загорюльский Э. М.* «Возникновение Минска», Минск, 1982. С. 217.
23. *Белецкий С. В.* «О знаках на роговом кистене из Минска», Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология), Минск, 1998. С. 20-26.
24. ПСРЛ, т. IX, стр. 143.
25. *А. Л. Монгайт.* «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г. стр. 336, стр. 123 Рис 43., стр. 322 Знак «а» пломбы № 1, 2.
26. 1750 А581/224 (полевой 230) раскопки Монгайта, 1948 год.
27. *Янин, В. Л.,* «Актовые печати Древней Руси X-XV вв», Т. I. Печати X — начала XIII вв. М. 1970.

Волкобой

Василий Коршун
(Россия)

Плеть, как средство дозированного ударного воздействия в пастушестве и коневодстве известна издревле. Однако существовали плети, в конец которых вплетался небольшой грузик, превращая их в достаточно грозное орудие, применяемое по большей мере для охоты. Охота на лис и волков существовала у монголов, тюркских народов, кочевников и казаков. Ее описания можно неоднократно встретить как в эпической, так и в художественной литературе. «Охота эта калмыцкая и казачья, поэтому для нее нужны волк, степь и лошадь, — писал известный русский журналист и писатель Владимир Гиляровский. — Да еще особая нагайка, волчатник. От обыкновенной казацкой нагайки она отличается тем, что она длиннее наполовину и втрое толще, хотя сплетена также из тонких сыромятных ремней, а иногда в нее вплетали кусок свинца. <...> удар такой нагайки страшен, а с коня, на скаку, она разбивает волчий череп, а то и хребет можно перешибить...». У башкир подобная плеть называется волкобоем. Естественно, кроме охоты,

подобная плеть в случае необходимости применялась и как боевая.

Видимо, как и кистени, подобные плети пришли на Русь в 10 веке, хотя о ранних наконечниках подобных плетей мне пока не известно. Один из первых наконечников был опубликован А. Н. Кирпичниковым (1, Табл. XXXII, 3), датирован XII-XIII вв. и отнесен к кистеням тип II, хотя трудно себе представить, какой вред может нанести кистень размером в 2 сантиметра. Наконечник, подобный описанному А. Н. Кирпичниковым, был найден в Белгородской области, (Табл. 1.1).

В тоже время необходимо отметить схожесть форм наконечников плетей и кистеней. Наконечник (Табл. 1. 2), напоминающий формами удлиненные костяные кистени типа I (1, Табл. XXX, 7), был найден в белгородской области. Три наконечника близки по формам к типу V (1, Табл. XXXIII, 9) были найдены один на юге и два на севере владимирской области (Табл. 1, 3, 4), на поселениях второй XIV — первой половины XV века и XII — первой половины XV соответственно.

Так как никаких упоминаний в источниках о применении русским воинством подобных плетей нет, существует большая вероятность, что все они занесены агрессорами во время набегов или наемниками. По словам одного из поисковиков, наконечник плети, подобный изображенному на Таблице 1. 4, был найден на месте летописной битвы Ивана III с новгородцами. Но одиночный факт, да к тому же без знания составов войск, как известно, ничего не доказывает. Возможно, новые находки смогут пролить свет на бытование боевой плети на русской земле.

Автор выражает искреннюю признательность Юрию Корнееву и Юрию Кузнецову за предоставленные материалы.

Табл. 1.

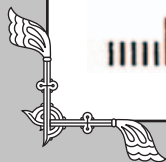

Фото 1. Клинок.

Фото 2. Елмань клинка.

ЧЖУРЧЖЭНСКИЙ КЛИНОК

Юрий Корнеев
(Россия)

Речь пойдет о чжурчжэньском клинке, случайно найденном на приморском чжурчжэньском поселении, уничтоженном монголами в период с 1228 по 1233 год. Для начала, я дам маленькую историческую справку. Чжурчжэни — это собирательное название для тунгусских племен, проживавших на территории Маньчжурии и в Приморье. В 1115 году чжурчжэнями была основана империя Цзинь, правила которой, соответственно, династия Цзинь. Столицей империи был г. Чжунду, (теперешний Пекин).

Захватив территорию киданьской империи Ляо, а затем и две пятых части китайской империи Сун, чжурчжэни стали обладателями огромного технико-экономического, научного и культурного потенциала этих государств. Это позволило им за сравнительно короткий срок встать в один ряд с наиболее развитыми странами Восточной Азии того времени. Уже спустя четыре года после образования Золотой империи чжурчжэни создали собственную морфемно-слоговую письменность, более отвечающую нормам их языка, чем китайские иероглифы. Это благоприятно сказалось на развитии не только собственной поэзии и литературы, но и различных отраслей науки, в частности астрономии, математики, медицины и т.п. Они разработали также оригинальную денежную систему.

Письменные источники свидетельствуют о распространении в империи Цзинь традиционных на Востоке Азии религий классового общества: буддизма и даосизма. Так же было распространено конфуцианство, да и традиционный шаманизм не сдал своих позиций.

Кроме всего прочего, чжурчжэни были великими воинами. Это признавал сам великий Чингисхан. Только накопив достаточно сил, он рискнул бросить им вызов. В 1211 году его войска вторглись в Империю Цзинь, и практически вся китайская ее территория была захвачена. После смерти Чингисхана, его третий сын, тогда уже Угэдей-хан, с 1228 по 1233 год уничтожил последние остатки империи в Приморье. В 1234 году последний император из династии Цзинь покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен.

После падения Империи Цзинь чжурчжэни на долгие годы уходят в тень истории. Но в 1644 году Нурхаци собрал под свои знамена разрозненные джурчжэньские племена, захватил Китай, где основал новую династию Цин, которая правила в Китае до 1911 года. А воссоединенные чжурчжэньские племена получили новое самоназвание — маньчжуры. По одной из версий, это название происходит от имени бодхисатвы Манджушри.

Итак, представляю вам чжурчжэньский нож. Он интересен не только как свидетель гибели великой империи, в защите последних оплотов которой принимал непосредственное участие. На мой взгляд, это един-

ственный клинок, который безоговорочно можно причислить к боевым и так называемым «подкольчужным», т.е. ножам для пробивания брони и кольчуг.

Бытует много мнений и споров о «подкольчужных» ножах. Все ножи, что мне приходилось видеть до этого, не имели каких-то характерных признаков, по которым их безоговорочно можно было отнести к боевым подкольчужным, (я не имею ввиду знаменитые скрамасаксы, так как это немного другое оружие). Просто обычные ножи универсального применения.

На фото 1 вы видите форму клинка. Хвостовик не показан. Скажу, что хвостовик обычный. Не имеющий наклона к оси клинка, под всадной монтаж рукояти. Еще с клинком было металлическое обжимное колечко для рукояти, но оно при чистке рассыпалось в прах.

Итак, клинок прямой, кончик лезвия находится на линии обуха. Конец клинка имеет двустороннюю заточку, (фото 2). У сабель такие концы называют елмань или штыковой конец. Штыковой конец по смыслу, в данном случае, ближе, но елмань короче, поэтому дальше в тексте будет «елмань». Между обухом и елма-

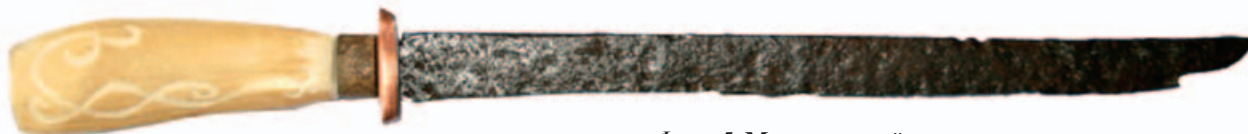

Фото 3. Шоковый зуб.

Фото 4. Клинок с реконструированной рукоятью.

нью есть «шоковый зуб». Шоковый зуб — это современное название подобных «украшений» на клинках. Как это могло называться в то время — не знаю.

Теперь по размерам. Общая длина клинка от пятки до кончика 280 мм. Длина елмани 90 мм. Шоковый зуб имеет длину 12 мм. Ширина клинка у пятки 22 мм, в районе начала елмани 19 мм. Толщина клинка 5 мм у пятки и 4 мм перед елманью. Спуски прямые, от обуха. Сечение клинка треугольной формы, в районе елмани ромбовидной. Режущая кромка имеет следы уточки. Величина уточки клинка от 1,5 до 3,0 мм. На мой взгляд, у клинка идеальные пропорции. Можно даже сказать, что он очень изящен.

Нижняя режущая кромка в районе конца лезвия имеет значительные утраты, что не удивительно, ведь, при пробивании металлических доспехов, на этот участок приходились наибольшие нагрузки, и он испытывал наибольшее трение.

Теперь, обращаю ваше внимание на шоковый зуб. Чтобы не было сомнений, что это не случайный результат коррозии металла, привожу крупные фотографии этого места клинка, (фото 3). Не могу сказать, имели ли чжурчжэни представление о шоковом воздействии подобных приспособлений. Чтобы объяснить наличие этого шокового зуба на клинке, и именно в этом месте, познакомлю вас со своей теорией.

Для начала посмотрите на чертеж кхукри (рис. 1). Вот что было написано в пояснениях к вышеприведенному чертежу: «Каждый характерный элемент кхукри имеет не только практическое, но и символическое значение. Так, например желобок (или желобки) у обуха (2), зачастую ошибочно трактуемые как кровоток предназначены для повышения амортизационных свойств и жесткости клинка как для рубки, так и для ударов обухом. Этот желобок носит название «Меч Шивы» и призван даровать кхукри силу оружия бога разрушения Шивы. Кольца на рукояти (4), обеспечивают уверенное удержание кхукри даже влажной рукой и символизируют собой уровни мироздания. Лезвие с переменным углом заточки (5), обеспечивает максимальную эффективность лезвия в рубящих, режущих и колющих ударах и символизирует Солнце и Луну — традиционные символы Непала. Выемка на лезвии у рукояти называется **чо** (6), и бывает различной формы, наиболее распространенная форма приведена на схеме (рисунок) и обозначает трезубец Шивы — основной атрибут и символ силы бога

Рис. 1. Чертеж кхукри.

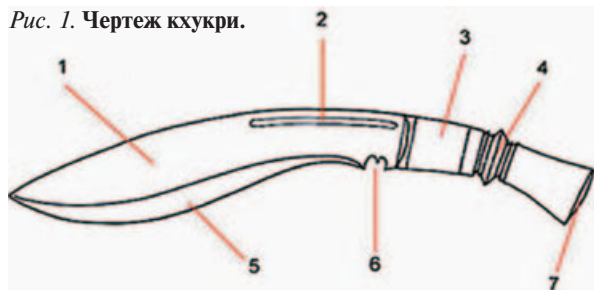

Фото 5. Маньчжурский нож.

разрушения. Существуют также формы чо, являющиеся символами богини Кали или **чо** «в форме следа коровы», (корова является священным животным в Индуизме). Металлическая шляпка на головке рукояти (7), символизирует всевидящее око бога, а в практическом плане закрывает кончик хвостовика лезвия, проходящего через всю рукоять, и позволяет использовать рукоять кхукри в качестве молотка...»

Однако, многие считают, что практический смысл **чо** в том, что данная выемка препятствует образованию трещин, которые могли бы привести к сколу клинка у рукояти. Для кхукри, не имеющих **чо**, производства ряда американских фирм, наиболее частым дефектом является отлом лезвия у рукояти, (на эту область клинка падает максимальная нагрузка при рубящем ударе по твердой цели).

Вполне возможно, учитывая распространение буддизма у чжурчжэней, что и у них это был значок трезубца Шивы. Но, на мой взгляд, главное предназначение этого шокового зуба (он же **чо**, он же трезубец Шивы), это предотвращение образования трещин в этом месте, а, соответственно, предотвращение обламывания конца лезвия при пробивании доспехов.

На мой взгляд, это идеальное оружие ближнего боя, со следами боевого использования. То, что клинок не сломан, косвенно доказывает правильность его конструкции. Широкое применение подобных клинков доказывают многочисленные находки наконечников комбинированных копий, снабженных крюками и боковыми ножами. Такие копыта описаны в литературе. Это говорит в пользу того, что тактика стаскивания всадников с лошадей широко применялась чжурчжэнями. Но сброшенного всадника нужно еще и добить. Подобный нож оптимально подходит для этой цели.

Я сделал реконструкцию рукояти этого клинка, (фото 4). Для рукояти выбрал зуб кашалота, что для района Приморья вполне правдоподобно. Что интересно, что в моем случае центр тяжести клинка оказался точно на стыке клинка и рукояти. Такой нож хорошо управляет и удобен в ближнем бою.

В заключение хочу показать фотографию маньчжурского ножа, (фото 5). Это нож времен династии Цин. Такой нож в ножнах мог носить (это подтверждается законами Китая и изобразительными источниками), только воин из «знаменных». Знаменные-это воины из Восьмизнаменной армии маньчжурской династии Цин. Было 8 цветов знамен, а вся армия делилась по восьмичастному принципу. У каждой части был свой цвет одежды. В эту армию набирались воины только из чжурчжэней и родственных им кочевых племен. Коренные китайцы, как бы знатны и богаты они не были, права ношения такого оружия не имели.

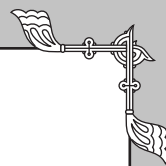
Не правда ли, сходство форм и пропорций на лицо?

В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ

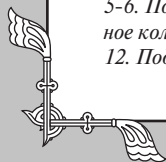
Новый археологический комплекс в левобережье р. Прони

Андрей Рязанцев
(Россия)

Рис. 1.

1. В-видная пряжка 7 вв., 2. Подвеска лапка 7-9 вв., 3. Колокольчик от наконсика 8-9 вв., 4. Часть фибулы 11в-12 вв., 5-6. Подвески лунницы., 7. Криновидная подвеска 12-13 вв., 8. Ложновитое височное кольцо 10-11 вв., 9. Фрагмент височное кольцо «деснинского» типа 10-11 вв., 10. Фрагмент семилопастного кольца (вятичи) 11-12 вв., 11. Подвеска 11-12 вв., 12. Подвеска гребень 11-12 вв., 13-19. Элементы пояса. 10-13 вв., 20-33. Фрагменты перстней 10-13 вв., 34. Грузик 12-13 вв.

В результате бесед с местными жителями, находившими на пахотных полях керамику и дальнейшего визуального обследования территории, выявлен новый археологический комплекс, состоящий из Городища и нескольких селищ (1), с широким диапазоном датировки раннего, развитого и позднего средневековья, расположен на левом берегу реки Проня, правом притоке реки Ока.

Задача данной статьи, поставить вопрос о роли данного комплекса в истории Рязанского княжества и ввести в научный оборот данные материалы.

Будучи расположенным, на р. Проня данный регион привлекал человека очень давно. Наиболее ранним, среди исследуемого материала, является В-видная пряжка с цельнолитым щитком, конца 7-го — 8-го веков н. э. (2) вероятно, что эта находка связана с культурой Рязано-окских могильников имеющей распространение на данной территории с 3 по 7 век н. э. К более позднему времени относятся находки бутылчатого колокольчика с волнистым пояском по тулову и подвеска в виде массивной утиной лапки, аналоги им широко представлены в могильниках левобережья Оки в 9-10 вв.

Однако наибольшая массовость материала приходится на период 10-11 века. Весьма показательна серия решетчатых перстней и семилопастных колец, что позволяет говорить о непосредственном участии славян вятичей в формировании древнерусского населения в данной местности. Об этом же свидетельствует находка двурогой лунницы округлой формы. Любопытна находка височного кольца «деснинского» типа 10-нач 11 века (3), которые являются переходным звеном от лучевых колец «радимического» типа к лопастным кольцам «вятического» или «московского» типа.

К более позднему времени 12-13 вв. относятся многочисленные находки элементов поясной гарни-

туры, лировидные пряжки, накладки и наконечник ремня, а также щитковые перстни и клиновидные подвески. Однако наиболее представительной подборкой представлены предметы, связанные с христианством. К наиболее ранним можно отнести находки «бусичных» крестов, характерных для 11 века. Типичной находкой домонгольского периода является крест с желтой эмалью киевского типа.

Любопытны многочисленные медальоны с изображением святых, и процветших крестов. Вероятно, что находки множества христианских артефактов в данной местности не случайны, о чем свидетельствуют две найденные дробницы, которые являлись частью облачения иерархов христианской церкви. Одна из них полностью аналогична, дробнице со старой Рязани, хранящейся в собрании РИИМЗ, выполненная под выемчатую эмаль. Немаловажно, что наша дробница не имеет эмали, что может свидетельствовать о том, что подобные украшения могли изготавливаться в мастерской расположенной на территории комплекса. Все это наводит на мысль о существовании на территории данного археологического комплекса одного из владычных центров Рязанской земли.

Автору известны находки двух печатей с территории комплекса. На печати № 1 из этого комплекса, с одной стороны изображение святого в одеждах средней длины, нимбом и копьем в правой руке. На другой стороне также ростовое изображение князя (без нимба) с властно поднятой правой рукой. Справа от фигуры двухстрочная надпись из четырех букв, в верхней строке читается «КН», вторая строка не читаема.

На печати № 2 с одной стороны также изображение стоящего святого с копьем, отличие составляет нимб, выполненный в данном случае выпуклыми точками. С другой стороны погрудное изображение святого (святой) в нимбе. Справа от фигуры нечетко просматривает-

Рис. 2.

1. Крестовидная подвеска 10-11 вв., 2. Подвеска 11-13 вв., 3-4, 6-9 Кресты 11-13 вв., 5. Крест «Киевского» типа 12-13 вв., 10-11. Подвески с изображением святого 11-12 вв., 12. Подвеска ангел 12-13 вв., 13-14. Дробницы 12-13 вв., 15-16. Фрагменты церковных украшений 12-13 вв., 17-24. Монеты и украшения 15-17 вв.

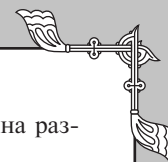

Рис. 3.
Печать №1
Печать №2

ся фигура близкая к кольцу, слева двухстрочная надпись из четырех букв. Надпись, к сожалению не читаема.

Любопытно само погрудное изображение, форма прически и овал лица позволяет с некоторой долей вероятности предположить, что это женское изображение. С некоторой долей вероятности можно предположить, что это может быть изображение святой великомученицы Пятницы. Что весьма возможно, так как на территории комплекса располагалась одна из древнейших церквей этой святой. Обе эти печати роднит изображение «святого война», традиционно этот образ в сфрагистике ассоциируется с арх. Михаилом и св. Георгием, хотя никто еще аргументировано не доказал, что среди этих изображений не могут встречаться Иоанн-воин, Дмитрий Солунский и пр. Однозначно можно сказать, что на наших печатях изображен не архангел, так как устойчивой чертой его иконографии являются крылья. Поэтому справедливо будет предположить, что это изображение св. Георгия.

Помимо печатей, для данного комплекса весьма характерно наличие предметов связанных с верховной властью, не только церковной или, но и княжеской. Наиболее показателен в этом плане крупный щиток от перстня 11-12 вв. Изготовлен он из оловянистого сплава и содержит на углубленном фигурном поле выпуклую П-образную фигуру. Традиционно интерпретируемую

как символ княжеской власти двузубец. П-образный знак имеет характерные загнутые концы и небольшой опятныш (отросток), на левом отроге, основание покоится на прямой, подтрапещиевидной ножке. Сверху над знаком слегка заходя внутрь него, но не соприкасаясь с ним, вписан равносторонний крест с трапещиевидными лучами.

Сведения о княжеских знаках Рюриковичей мы черпаем с изображений на монетах (4) и печатях, кистенях, подвесках, перстнях, элементов поясного убора, строи-

тельных кирпичях, днищах клейм и граффити на различных предметах (5).

Не вдаваясь глубоко в полемику происхождения знаков Рюриковичей, скажем, что по широко принятому мнению Ольга, Святослав Игоревич, Ярополк Святославич уже пользовались двузубцами и трезубцами, которые использовались всеми Рюриковичами с «личными» модификациями знаков. (6)

Близким аналогом данного знака, особенно в сочетании двузубца и креста, является знак на печати Святослава Игоревича (7), однако он существенно отличается от него более поздней трактовкой загиба боковых лучей и наличием внутреннего опятныша, который появлялся в результате отделения знака сына от отца.

Полностью идентичный знак (без креста) имеется на печати опубликованной Гайдуковым П. Г., № свода 286а-2, происходящей из Юрьев-Польского р-на Владимирской обл. Печати этой матрицы встречались и в иных местах (10).

Если рассматривать данный знак отдельно от креста, справедливо отождествить его со знаками ветви Ярославичей.

Наиболее ранним в этой группе можно считать знак Всеволода Ярославича (8), к сожалению не известен знак Святослава Ярославича (+1076). Идентичным по устройству рамки нашего знака, но с зеркальным отображением опятныша, является знак Олега Святославовича (1115), брата рязанского князя Ярослава Святославича (+1129) (8). При этом знак Олега еще и различается основанием, выполненным в виде раздвоенных завитков. Впрочем, у его сына Всеволода (+1146) основание уже в виде столбика, как и на нашем перстне. (9).

Заметим, что знак аналогичный знаку Олега, но с основанием аналогичным основанию нашего знака, зафиксирован на свинцовой пломбе со Старой Рязани. (12)

Примечательно, что все близкие аналогии являются знаками близких родственников рязанских князей. Я думаю справедливо предположить, что знак, изображенный на перстне, вполне мог являться знаком кого-либо из Ярославичей, сидящих на Рязанском столе в 12 вв. Подобная хронологическая локализация допустима, так как последующая модификация княжеских знаков других ветвей Ярославичей слишком отличается от схемы нашего знака.

Учитывая, что перстень был изготовлен из дешевого свинцово-оловянистого сплава, справедливо предположить, что он мог принадлежать одному из рядовых дружинников рязанских князей.

Вообще для данного комплекса характерны вещи «не престижного» круга, содержащие изображения близкие к изображениям на престижных предметах известным по находкам в старой Рязани. Прежде всего, это медальоны с изображенными на них процветшими крестами, их характеризует двусторонность и высокая степень схематичности изображения, нельзя исключать того факта, что данные предметы могли являться не только украшениями, но и быть бронзовыми буллами.

Еще одной любопытной находкой является крестовидная подвеска с изображением процветшего креста с одной стороны и двух равноконечных крестов с дру-

Рис. 4. Щиток перстня и его прорисовка, 11-12 вв.

гой. Среди коллекционеров и краеведов, данный тип украшений широко называют «Рязанским крестом», так как целая серия схожих находок происходит именно с территории Рязанских земель. Возможно, что это локальная эволюция «лунницы с крестом». Мы не склонны считать, что данный предмет является продуктом двоеверной среды. Во-первых, его «лицевое» изображение является не чем иным как процветшим крестом, во-вторых, с обратной стороны изображены два креста явно не имеющие двойного толкования.

Находка данного украшения на территории данного комплекса, в совокупности с прочими вещами «княжеского двора», с некоторой долей вероятности позволяет предположить, что данные изображения не что иное, как модификация княжеских знаков 13 века приведшая впоследствии к сложению тамги — надчеканки, используемой кн. Олегом Ивановичем Рязанским. (18)

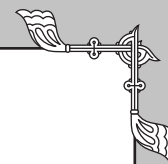
Тем более что, свинцовые пломбы 12-13 века с территории Рязанской земли содержат сходные изображения процветших крестов, якоробразных знаков и т.д. (11)

Суммируя проанализированный материал, справедливо предположить, что на территории данного комплекса в 12-13 веке располагался некий административный пункт, где присутствовали чиновники духовной или светской власти. В заключении, необходимо отметить, что информация по этому археологическому комплексу, передана работникам местного музея.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Археологическая карта России Рязанская область», часть 3, Москва, 1996. С. 19-21.
2. Ковалевская В. Б. «Поясные наборы Евразии», Археология СССР, Москва 1979, таблица XIX, № 8.

3. Левашева В. П., «Височные кольца», М., 1967, // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды ГИМ, 43, Редактор: Рыбаков Б. А. С. 29.
4. Орешников А. В. «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам», Известия АН СССР. — № 2. — М, 1930. — С. 94, 95.
5. Рыбаков Б. А. «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси», СА. — VI — М.; Л., 1940. — С. 238-240.
6. Белецкий С. В. «Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков», Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 287.
7. Янин, В. Л., «Актовые печати Древней Руси X-XV вв.», Т. I., Печати X — начала XIII вв., М., 1970.
8. Грушевський М. С. «Ілюстрована історія України», АН України, Ін-т укр. археогр., Ін-т історії України. Вступна стаття В. А. Смолія, П. С. Соханя. — К.: Наук. думка, 1992. — 544 с. 9. Первая печать этих матриц опубликована в сводке печатей, зарегистрированных в 2004 г., Гайдуков П. Г., Янин В. Л., 2005. «Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г.», ННЗ., Вып. 19., Великий Новгород, С. 103-104. № 294 в., Рис. 13.
9. А. Л. Монгайт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР, М., 1961 г., стр. 322 Знак «а» пломбы № 1, 2.

Три Окских клада III века, и их культурно-историческое значение

Александр Гаврилов
(Россия)

Общепринято считать, находки кладов на одной территории, относящиеся к близким хронологическим рамкам, показателем внутренней нестабильности в государстве или же свидетелями внешней агрессии. В силу последнего обстоятельства возникли знаменитые днепровские клады 6-7 века, клады периода татаро-монгольских нашествий 13 века на территории Руси и т.д. Аналогичные причины привели к появлению кладов на Дьяковских и Городецких памятниках во 2-3 веке нашей эры.

Первые века нашей эры, в истории среднего Поочья, период очень сложный и этнически динамичный. К этому времени намечаются разительные отличия Дьяковской культуры от Городецкой. При этом полемика относительно природы их взаимосвязи ведется до сих пор, общей ее тенденцией, пожалуй, можно считать отхождение от первоначального мнения о выделении Дьяковцев из Городецкой среды (1), в сторону признания первых, как изначально самостоятельную культуру с отличной этнической основой.

В пользу этого свидетельствуют все большее число высказываний о принадлежности Дьяковцев к Балтам, в то время как основной Городецкий компонент был финно-угорским (2).

Не исключено, что выделение из Городецкой среды Дьяковцев, обуславливается контактом с их соседями — Мощинской, Юхновской и Киевской культурами. Заимствование из их среды отдельных культурных элементов вероятно и привело к созданию Дьяковского аутентичного облика.

Одним из примеров направления этого влияния на территорию среднего Поочья является чернолощенная керамика, проникающая сюда из ареала распространения Мощинской культуры. Количество ее находок динамично уменьшается с запада на восток. На Дьяковских городищах ее множество, чуть меньше на территории Рязанщины и крайне мало на Нижнеокских и Поволжских памятниках, (3). Однако внутренние развитие этих процессов было нарушено внешним фактором появления на Рязанщине в 3 веке нашей эры на территории Среднего Поочья носителей культуры Рязано-Окских могильников, (далее КРОМ).

Время проникновения носителей КРОМ на территорию среднего Поочья точно не определено. Основная причина этого отсутствие деструктивного разделения

инвентаря ранних погребений на абorigineональный и пассионарный. Архаичные абorigineональные вещи здесь доживают до 3-4 века, хотя в более южных широтах их традиционно датируют 2-3 веком. С другой стороны пассионарные предметы были принесены на Рязанщину сразу же после их появления за пределами нашей ойкумены.

Определяющим фактором локализации периода их проникновения могут служить находки кладов на территории Среднего Поочья на Дьяковских и Городецких памятниках. Задача данной статьи ввести в научный оборот три клада найденных за последние годы в Среднем Поочье и поднять вопрос об их культурно-историческом значении.

Перечень кладов

№ 1, (рис. 1)

Клад был обнаружен на одном из Городищ на границе Шиловского и Чучковского района Рязанской области осенью 2008 года, в процессе сбора подъемного материала. Предметы были выявлены на обнажении в виде компактно лежащей кучки, причем мелкие предметы были вставлены внутрь височных колец, сцепленных друг с другом.

В состав клада входили: два височных кольца «с лопастью», четыре наконечника ремня квадратных в сечении с грибовидным расширением на конце, перстень с концами в виде парных закрученных волют, удлиненно-петельчатая височная подвеска и несколько браслетообразных железных колец обвитых железной проволокой. Фрагменты витого перстня, кусочки проволоки уплощенной в сечении, часть трапециевидной подвески белого из металла, а также бронзовый литой брусочек со следами ковки.

№ 2, (рис. 2)

Второй клад был найден на дюне в левобережье Оки недалеко от Рязани, в 2009 году.

В глиняном лепном сосуде были найдены: литая нагрудная бляха, 8 колокольчиков дубровического типа, четыре конусных колокольчика с треугольными прорезами, несколько уплощенных и скорлупообразных накладок с петлей на обороте, одна целая и фрагмент литой пронизи-колодочки, а также несколько спиралевидных пронизей из уплощенной проволоки.

Рис. 1. Клад № 1.

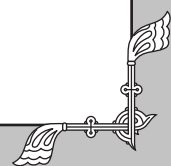

Рис. 1а. Сопутствующие находки клада №1.

№3, (рис. 3)

Третий клад, обнаружен у подножья склона древнего городища в Калужской области, в 2009 году,

Состоял из сплавившихся под воздействием высокой температуры украшений — двух височных петельчатых подвесок, спиралевидного кольца, а также литой сложносоставной колодочки.

Анализ кладов

Височные кольца «с лопастью» клада 1 имеют прототипы в материалах Мощинской культуры (4), и множественные аналоги в материалах могильников КРОМ конца 2-3 в.

Их традиционно относят к восточно-балтскому происхождению, (5). В ряде случаев они найдены в составе венчиков, в других случаях, как подвески головного убора — наконечники, найдены они были и в районе запястий погребенных, (6). Такое «неустойчивое» положение колец в costume свидетельствует об абorigineальности этих украшений, пришельцы зачастую не догадывались, как их следует носить. При этом погребальные комплексы с «правильным» ношением колец могут принадлежать непосредственно носителям позднегородецкой культуры. Это подтверждается и большим присутствием абorigineальных вещей в данных погребальных комплексах.

Справедливо предположить, что пассионарная группа, пришедшая на среднюю Оку, ассимилировала часть местного населения посредством смешанных браков.

В материалах КРОМ известны перстни с загнутыми волютами, но все Рязано-окские аналоги значительно грубее, волюты загнуты в 1,5-2 оборота, кольцо из клада 1 закручено в более чем 5 витков. Это на прямую связано с технологическим приемом изготовления не только данных перстней, но и височных колец с лопастью. В том и другом случае требовалось выковать длинную тонкую проволоку, в данных украшениях городецкий

мастер сформировал ее ковкой, ювелиры же КРОМ предпочитали технологию волочения и рубки из полосы. В той же технологии изготовле фрагментированный спиральный перстень, из слегка уплощенной проволоки и небольшие кусочки проволоки. Заметим, что спиральный перстень аналогичен перстню из клада №3.

Железные кольца из данного комплекса, технологически близки гривнам из рязано-окских могильников, также изготовленных из железа с бронзовой обмоткой. Однако типологических аналогов в материалах КРОМ нет.

Наконечники ремней имеют аналоги на Дьяковских памятниках. (Троицкое 2 (Табл. 19. 29), в Рязанских могильниках встречаются только их производные, более пластинчатой формы. Подобные наконечники, можно считать начальной стадией эволюции данного типа, приведшего со временем, к сложению изделия называемого в литературе копоушкой.

Интересна находка части трапециевидной подвески, изготовленной из белого металла, со следами штампованного ребра в средней части, к сожалению, фрагмент не позволяет точно интерпретировать предмет, однако технологически штампованный орнамент с четко очерченными гранями в это время также широко известен на памятниках балтского круга древностей.

Последним предметом, входящим в состав клада являлся небольшой бронзовый брусок, на его торцевой части четко прослеживаются следы литья, в виде округлых полукапель, боковые же грани носят следы воздействия молота, что свидетельствует о том, что он подвергался проковке.

Традиционно подобные находки относят к ювелирным слиткам, которые впрочем, могли быть и платежным средством.

Условно связанной с комплексом можно считать умбововидную подвеску с трапециевидным щитком-петлей. Генетически она тесно связана с дьяковскими петельчатыми подвесками клада 3, однако имеет отлич-

Рис. 2. Клад № 2.

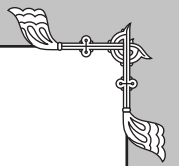
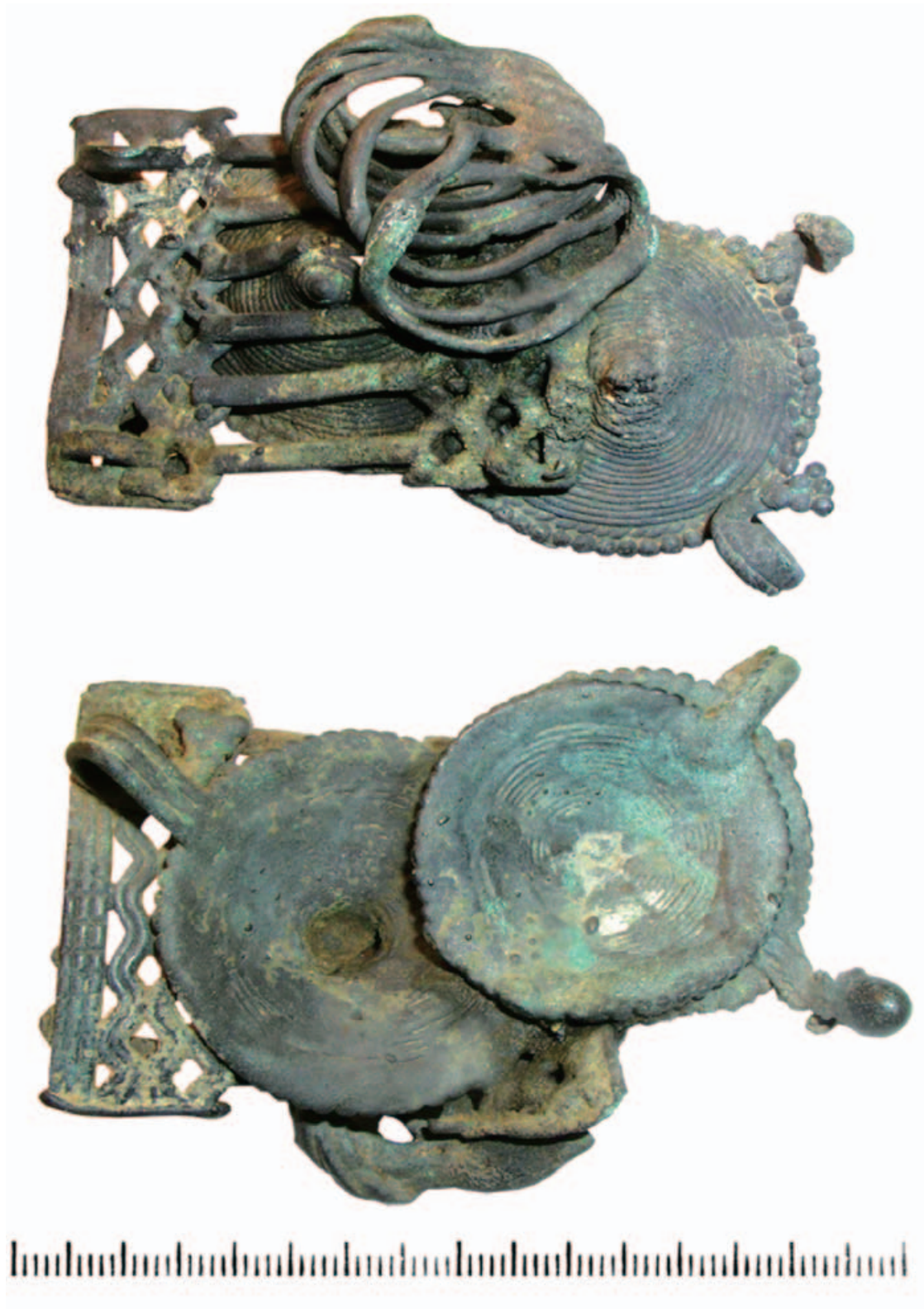

Рис. 3. Клад № 3.

ный от дьяковских вытянутый трапециевидный щиток, происхождение которого является, вероятно, аутентично Рязанским (возможно, городецким) элементом.

По совокупности вещей комплекс можно классифицировать, как принадлежащий носителям Городецкой культуры 2-3 вв. Чему не противоречат и другие находки с данного памятника: ножи с горбатой спинкой, пронызи колодочки, булавки и тд. Не далеко от клада был найден колокольчик Дубровичского типа 2-4 в., аналогичный колокольчикам из клада 2.

Довершают общую картину, прекращения существования данного объекта и попадания в землю клада, множественные находки двушипных наконечников стрел. Они имеют многочисленные аналоги на Городецких и Дьяковских городищах, (7). Их пассионарный характер не раз уже отмечался, рядом авторов, как осадный элемент воинской культуры, носителей КРОМ, (8).

Анализ второго комплекса, был доступен автору по фотографиям, размещенных на форуме клуба «РАРИТЕТ», и любезно предоставленными одним из находчиков.

16 колокольчиков Дубровичского типа датируются 3 веком нашей эры. Прототипом данного типа вещей послужили уточки найденные в Андреевском кургане (9).

К этому же времени обносится массивная литая бляха. Точный ее аналог хранится в коллекции РИАМЗ и происходит из комплекса, найденного в деревни Еремеевка недалеко от Старой Рязани. Типологически она восходит к материалам Пасеральских древностей 2-3 вв. (10).

Примечательно, что Еремеевская находка содержала в своем комплексе литую колодочку (аналогичную колодочки клада 2), а также три бляхи сходного типа малого размера соединенных друг с другом литками.

Традиционно Еремеевская находка фигурирует в литературе, как находки из некоего могильника, на наш взгляд, учитывая технологически незавершенный характер трех блях происходящих из нее, мы имеем дело с кладовым комплексом мастера-ювелира.

Входящие в состав клада скорлупообразные накладки-нашивки, относятся к широкому диапазону сарматских-позднесарматских древностей конца первого тыс. до н. э. — первых веков н. э.

Колокольчики с треугольными прорезями имеют множественные аналоги в материалах Дьяковской культуры и датируются 2-3 в. н. э (11).

По совокупности вещей клад можно датировать первой половиной 3-го века нашей эры, вещи входящие в его состав, вероятно, пассионарного круга, что позволяет интерпретировать клад скорее как Рязано-Окский, нежели Городецкий памятник.

Клад № 3 состоит из спаявшихся друг с другом украшений, уже само это свидетельствует о том, что после его сокрытия поселение погибло в огне. Датированной его составляющей являются две петельчатые височные подвески, имеющие аналоги в находках на Щербинском, Троицком, Успенском городищах и датируется в среднем в пределах конца 2-3 вв., они представлены в материалах городищ, как правило, устойчивыми серияциями (12). Подобные парные подвески входили в состав клада со Щербинского городища, а также с Троицкого городища, найденные в совокупности с кладом, бесспорно относящимся К. А. Спициным к кладу литейщика (13).

Литые колодочки имеют множественные аналоги в материалах Дьяковских городищ и ранних комплексов Рязанских могильников.

В состав комплекса входит, витой перстень, их прототипами в данном регионе принято считать медные и золотые перстни из Андреевского кургана, аналогичный перстню клада № 1 (14).

Примечательно, что в Дьяковской среде они не были слишком популярны, зато редкое женское погребение КРОМ обходится без них. Поскольку находки перстней до начала Рязано-Окского импульса в среднем Поочье крайне редки, будет справедливо отнести их к вещам пассионарного происхождения. По словам находчика клада, не вдалеке от него были найдены 8 наконечников двушипных стрел, что аналогично условиям находки клада № 1.

Рассматриваемые клады относятся к началу 3 века нашей эры. Клады № 3 можно предположительно отнести к комплексу носимых украшений, оказавшихся в земле в результате уничтожения городища. Характер первого и второго кладов несколько сложнее. Из-за наличия поломанных в древности вещей, и металлического брусочка, клад № 1 с большой долей вероятности можно отнести к вещам, спрятанным мастером ювелиром.

В кладах № 2 технологические особенности изготовления бляхи с применением поверхностного орнамента на плоскостном литье не характерны для Поочья, что позволяет предположить, что это вещи пассионариев или их трофеи. Однако они были изготовлены на Рязанщине, о чем свидетельствуют Еремеевские находки. В последствие же в процессе ассимиляции местного населения и использования продукции Дьяковских и Городецких мастеров произошел постепенный отказ от данного типа технологий и форм украшений. Таким образом, характер клада не совсем ясен. Это могут быть и вещи спрятанные литейщиком, комплекс носимых украшений, или же воинские трофеи, собранные воинством КРОМ.

Тот факт, что абorigineональные вещи из рассматриваемых кладов имеют аналоги в погребениях КРОМ, свидетельствует о захвате их у местного Городецкого и Дьяковского населения. Присутствие же в кладах пассионарных предметов говорит о достаточно длительном соедстве носителей КРОМ и мастеров аборигенов.

Что в свою очередь рисует картину колонизации среднего Поочья. Вероятно, Городецкое население Рязанщины было в кратчайшие сроки ассимилировано пришельцами, в то время как территория распространения Дьяковской культуры попала лишь в зону их постоянного влияния, как и все Волго-окское междуречье в целом (15).

Возможно, коренные отличия между Дьяковскими и Городецкими материалами обуславливаются тем, что с 3 века нашей эры Городецкая культура как таковая исчезает в ойкумене распространения Рязанских могильников, а вне ее распространения продолжает существовать, приобретая черты Дьяковской.

С другой стороны, на примере кладов 1, 3, мы видим бытование на рубеже 2 и 3 века различных височных украшений в Городецкой и Дьяковской ойкуменах, это вновь наводит нас на мысль, различия двух культур РЖВ, которые наметились еще до появления носителей КРОМ на Оке.

Сердечно благодарю коллегу prestidigitator с «РАРИТЕТА» и коллегу gnes с «ДОМОНГОЛА» за любезно предоставленный материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюнова Е. И. «Этническая история Волго-окского междуречья», С. 54, 63.
2. Дубынин А. Ф. «Древнее поселение в Подмоскowie», АН СССР ИА, МОСКВА 1970. С. 94-99.
3. Монгойт А. Л. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г. С. 79.
4. А. М. Воронцов «Мощинские городища на территории тульской области», Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России., Рис 1:3.
5. Шитов. В. Н. «Кошибеевский могильник. Вопросы этнической истории мордовского народа. в I — начале II тыс. н. э.», Труды МНИИЯЛИЭ. 1988 г. с14.
6. Белоцерковская И. В. «Инвентарь женских погребений.», Глава 3. Культура Рязано-окских могильников РАН ИА ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧИЛЕТИЯ Н. Э., МОСКВА 2007 стр. 191.
7. Смирнов К. Ф. «Вооружение савроматов», МИА, № 101, 1961, стр 142.
8. Х. И. Крис «Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища.», АН СССР, Древнее поселение в Подмоскowie., Москва, 1970, стр. 145-168.
9. Гаврилов. А. П. «СТРЕЛЫ», РОСТ, 2009.
10. Ахмедов И. Р. И. В. Белоцерковская «О начальной дате Рязано-окских могильников», Труды ГИМ. № 96 Москва 1998. С. 32-33.
11. Халиков А. Х. «Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Железный век Марийского края», Труды Марийской археологической экспедиции. № 2 Йошкар-ола 1962. табл. 23:3.
12. Дубынин А. Ф. «Щербинское городище», Дьяковская культура, МОСКВА, 1974. табл. XII.
13. Смирнов К. А. «Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище», ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ПОДМОСКОВЬЕ, АН СССР, МОСКВА, 1970, С. 184.
14. Смирнов К. А. «Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище», ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ПОДМОСКОВЬЕ, АН СССР, МОСКВА, 1970, С. 181-182.
15. Степанов П. Д. «Андреевский курган», Саранск, 1980, таб. 10:3, 16:3 и тд.
16. Гавритухин И. О., Обломский А. М. «Заключение. РАН ИА ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧИЛЕТИЯ Н. Э.», МОСКВА, 2007, стр. 391.

Комплекс «вождя» 7-го века с территории среднего Поочья

Александр Гаврилов
(Россия)

В 1990-м году в результате земляных работ (по разработке песка), было разрушено погребение недалеко от села Борок Рязанской области, относящиеся к культуре Рязано-Окских могильников.

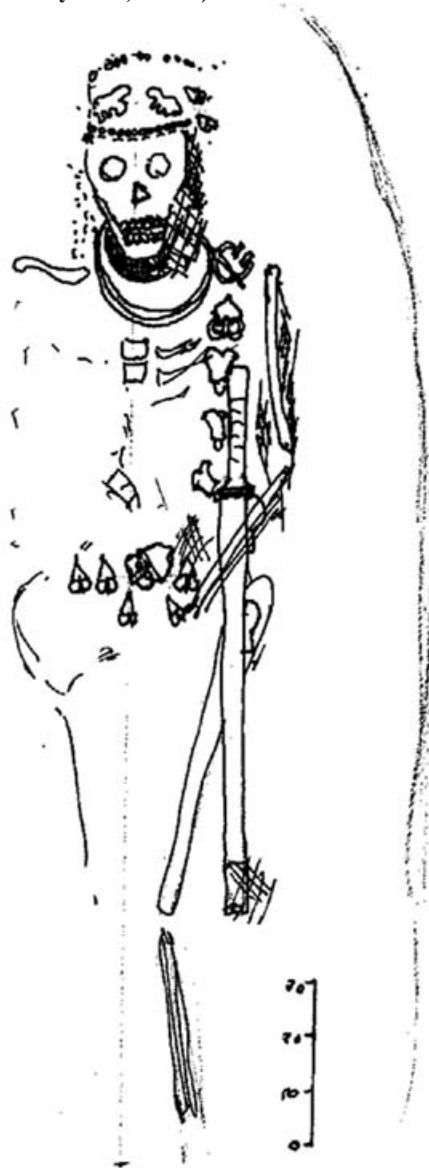
Местным краеведом Кочетковым Анатолием Ильичем, было произведено доисследование комплекса, а также выполнено первичное описание, и зарисовка вещей погребения, (рис. 1). К сожалению, нижняя часть погребения была утрачена в результате земляных работ, также сильно пострадала правая сторона захоронения.

Погребение принадлежало рослому человеку, (до 199 см, зрелого возраста 40-50 лет, судя по сохранившимся, сильно стершимся зубам). Погребенный лежал на спине головой на северо-восток. Вероятно, изначально погребенный был завернут в некую грубую материю саржевого плетения, возможно, плащ, а затем в грубый луб, остатки которого сохранились в не потревоженной части погребения. Слева от тела доходя до подмышки погребенного находился двухлезвийный меч в ножнах, (рис. 5), которые прослеживались, по древесным останкам, а также обкладкам устья и наконечнику ножен из низкопробного серебра. К элементам ножен меча относились и две Р-видные скобы для подвешивания, имеющие с обратной стороны железные петли для подвешивания, (рис. 6). Рукоять меча до 30 см. длиной, овальная в сечении, у основания лезвия расширяющаяся, по ширине клинка. Рукоять была изготовлена из дерева обтянутого сверху кожей, дополнительно она была укреплена наверху в виде паяного цилиндра, и рифленой обоймой у основания рукояти.

В области пояса погребенного было найдено несколько В-видных псевдопряжек с литыми рамками, и тисненными щитками, заполненными свинцово-оловянистой массой, (рис. 10а, б 1-9). Застегивался пояс на крупную В-видную пряжку, (рис. 10а, б10), по левому краю костяка, параллельно, рукояти меча, к плечу погребенного прослеживался португейный ремень с одной В-видной псевдопряжкой, (рис 10а, б 7), и несколькими тесненными крупными двурогими накладками, (рис. 10а, б 12-14). На плече погребенного португейный ремень фиксировался, крупной скульгамой белого металла, с длинными усами (рис. 9.5).

На шее погребенного была одета крупная серповидная гривна, б. м. На черепе прослеживались остатки сложного головного убора, имеющего деревянный каркас, обтянутый кожей и тканью (рис 4). Также в декоре головного убора использовалась тонкая золотая фольга окаймляющая центральную композицию (?) (рис.

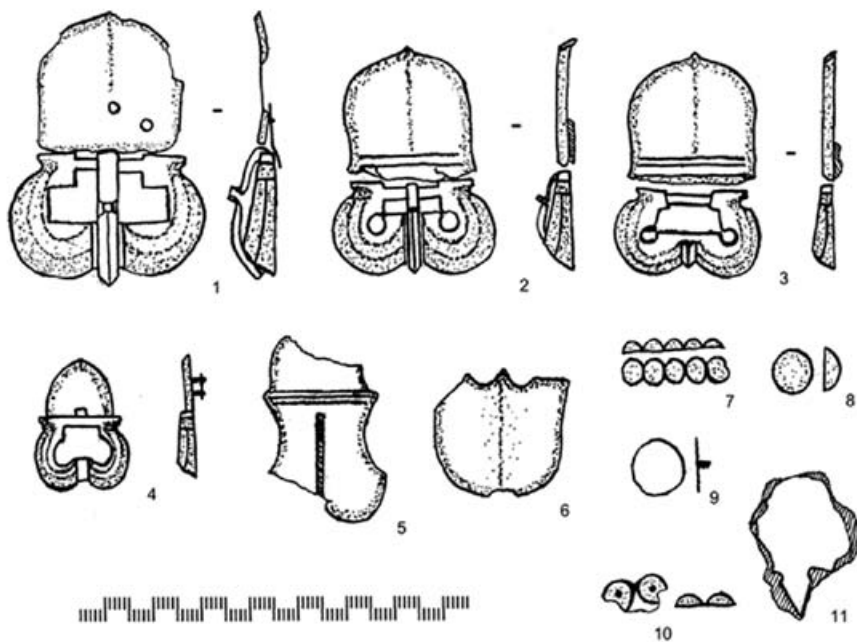
Рис. 1. План погребения,
(по Кочеткову А.И., 1990г.)

7). Следующим декоративным ярусом шли небольшие сцепки из полусферических тисненых бляшек, прибитых к деревянной основе убора гвоздиками (рис. 9.1-2), по центру находилась, сложная фольговая древовидная (?) фигура, распавшаяся в результате коррозии внутреннего заполнения, (рис. 8.1).

Рис. 2. Прорисовка пряжек и накладок.

По краям от нее были расположены парные, изображения львов, выполненные из фольги, со свинцово-оловянистым заполнением, (рис. 8.2-3).

В районе затылка, справа от черепа, была найдено две маленьких цельнорамчатых В-видных пряжки, (рис. 9.3-4).

Погребальный комплекс дошел до нас явно не в целом виде.

и за ее приделами. Полностью аналогична ей пряжка из Гапоновского клада, за исключением того, что она не имеет углубления, на щитке. Датируется она в пределах второй и третьей четверти 7-го века н. э. (1).

В-видные псевдопряжки пояса выполнены в аналогичной стилистике как и основная пряжка (рис. 2.2,3), это весьма характерная черта для этой эпохи. Кавалевская В. Б. датирует подобные псевдо-пряжки

Отсутствуют: горшок, топор, наконечники дротика и копья характерные для погребений этого круга. В районе ног погребенного найдены остатки железных удил, и небольшие серебряные чешуйки от разрушенных накладок, (рис. 2.10), что свидетельствует о наличии в погребении удил и упряжи. Чего еще недостает в погребении нам не известно.

К счастью все сохранившиеся на момент доисследования вещи, лежали инситу.

Попытаемся рассмотреть культурно-хронологические аспекты данного комплекса, основываясь на методе типологической и культурной аналогии.

Крупная центральная В-видная пряжка пояса (рис. 2.1), на которую он застегивался, имеет множественные аналоги в Рязано-Окской ойкумене

Рис. 3. Прорисовка зооморфных накладок, и их аналоги.

1,2 — Борок; 3 — Фельнак; 4 — Предгоренское; 5 — Кобань; 6 — Камунта.

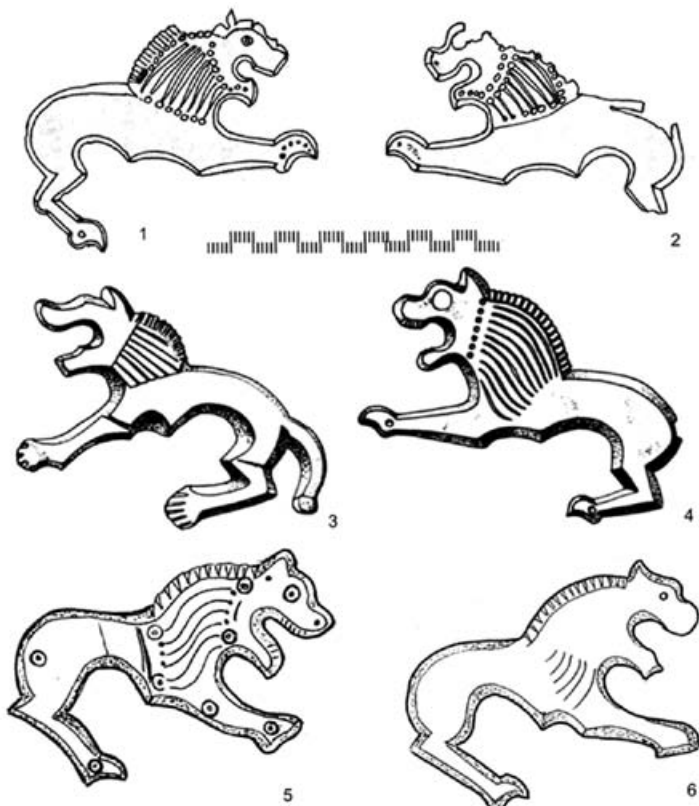

Рис. 4. Деревянные фрагменты головного убора.

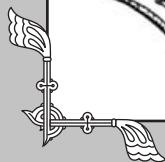
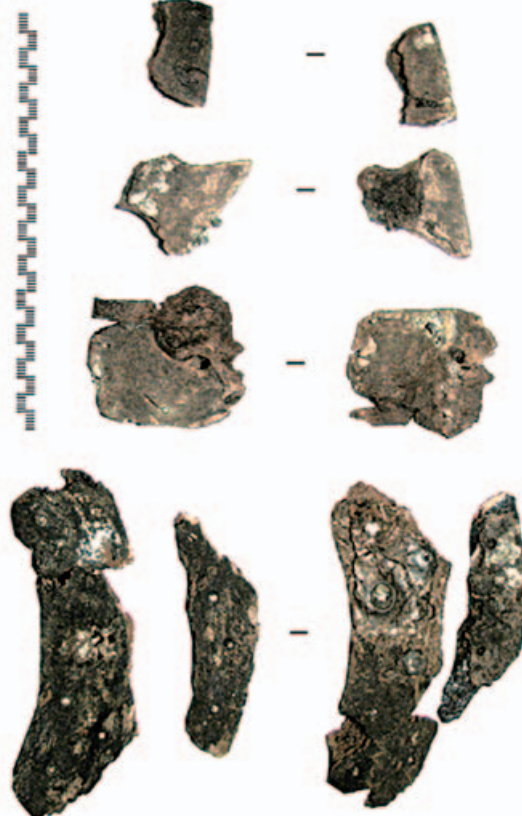
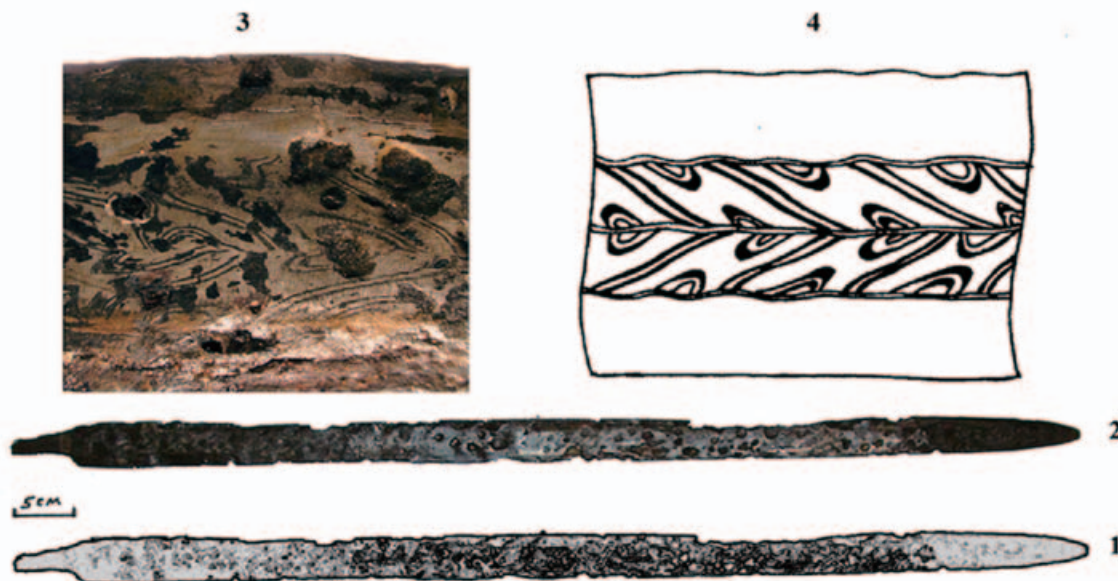

Рис. 5. Меч

1 — прорисовка клинка; 2 — фотография клинка; 3 — фотография выявленной части дамасского узора; 4 — прорисовка дамасского узора

из находок в Камунте рубежом 6-7 вв. (2) В представленном наборе две разновидности псевдопряжек, имея одинаковые щитки, три псевдопряжки отличались более крупным размером, наличием язычка, и более зауженной прорезью (рис. 2.2), в пряжке расположенной на португее удалось четко проследить то что она привязывалась за язычок, к ремню, тонким ремешком, аналогично им мы находим в находках близ хутора Чапаевский, (1) рис. 20).

Конструкция же рамок второго типа отличается более широкой прорезью и наличием фигурного выступа на рамке имитирующего язычок, их аналоги мы находим у пряжек из Хацки, (1) рис. 47/,27, 28). В том и другом случае они датируются в пределах середины 7-го века, (1, стр. 93.). Пояс застегивался (?) центральной пряжкой, (рис. 2.1), по нему на равном расстоянии друг от друга шли псевдопряжки, (рис. 2.3), и псевдопряжки (рис. 1.2), причем последние располагались по краям от центральной пряжки. Ширина пояса равнялась длине щитков псевдопряжек, а рамки свисали с него что хорошо видно на сохранившихся фрагментах. В состав португеи входили двурогие накладки (рис. 2.5), и одна псевдопряжка, (рис. 2.2).

Шлем на голове погребенного был достаточно сложной конструкции, если судить по дошедшим до нас фрагментам. Основной несущей его частью была деревянный каркас с полукруглым основанием, которое непосредственно примыкало к верхней части черепа. С некоторой долей вероятности можно предположить, что он был цилиндрической формы со скошенным задником.

С лицевой стороны имелась обрамленная в виде арки, площадка, «обрамление» было выполнено сцепками полусферических бляшек из фольги белого металла, со свинцово-оловянистым заполнением, прибитых к деревянному каркасу небольшими бронзовыми скобками. Подобные накладки в тех или иных вариациях широко использовались в украшении костюма и снаряжении коня в среде носителей КРОМ (3). Внутри этой

композиции располагались противостоящие фольговые накладки, изображения прыгающих львов, стилистически близкие мартыновским изображениям (4). Между ними прослеживались остатки сложной фигуры, полностью разрушившейся в результате коррозии свинцово-оловянистого заполнения.

Фигурки львов (рис. 3.1, 2, 8.2, 3), выполнены с помощью приемов «геральдической» художественной традиции 6-7 века. Особенно показательным в этом оформлении краев изделий, в виде скошенной грани, характерное для геральдических пряжек и накладок. Это укладывается в новейшие представления ряда авторов, о совокупности в изделиях данного времени и круга: идеологии, стилистики и технологий кочевого мира (5).

Наиболее близкими аналогами являются львы из станицы Преградная (рис. 3.4), также изготовленные из серебряной фольги (6). Степень схожести Преградненской находки с Борковской очень велика. Общая форма, элементы декора, и технология изготовления почти идентичны, отличия заключаются только в деталях орнаментального оформления, но и они выполнены одними и теми же художественными средствами. Технология тиснения, в которой изготовлены Борковские и Преградненские львы, подразумевает наличие металлических матриц для их тиснения. Подобные матрицы были найдены в кладе матриц обнаруженного в Фельнаке, (рис. 3.3), (округ Арад Румыния) (7).

Они также несут в себе характерные черты «геральдической» стилистики, и композиционно, тождественны Борковским. Аналогичные зооморфные изображения происходят из собрания Ольшевского из Кобани, (рис. 3.5), (23) и Комунты, (рис. 3.6). (24).

Хронологически они относятся к среднеаварскому периоду, и последующему времени, и датируются второй половиной-серединой 7-го века. (8)

Выстраивающаяся серияция, (рис. 3), позволяет говорить об отдельной стилистической группе зооморфных украшений, (рис. 11), связанных с мартыновскими только иконографически. Это отмечала и Ковалевская,

Рис. 6. Р-видные скобы ножен клинка.

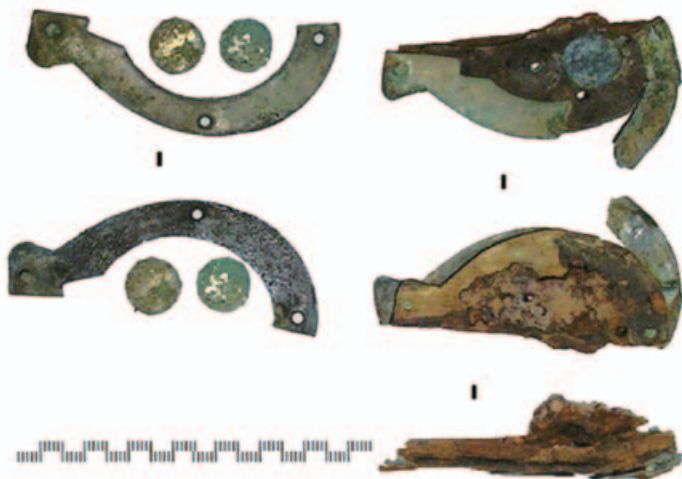

Рис. 7. Тисненая фольга от головного убора.

Рис. 8. Тисненные накладки головного убора.

Рис. 9. Элементы головного убора, пряжки и сьюльгама.

выделяя Предгоринские находки в отдельный тип. (9) Примечательно, что в рамках этого типа, изображенное животное однозначно интерпретируется как лев, по сгибу конечностей, хвосту, короткой оскаленной морде, и специфической гриве. В то время, как общая иконография мартыновских зверей трактуется, как конь, лев, бегемот. (10) Что говорит о художественной устойчивости типа Борок-Преградная-Фельнак-Кобань-Комунта, по сравнению с прочими мартыновскими композициями.

Иконографически композиция с парными львами и центральной фигурой Мартыновского типа восходит к образу «Даниила со львами» популярного в изобразительном искусстве Византии и Европы 2-3 четверти первого тыс. н. э.

Композиция «Даниил со львами», изображающая пророка с поднятыми руками между двумя львами, львы показаны в профиль, в позе угрозы или прыжка, с раскрытыми пастьми, выделенными гривами и поднятыми хвостами. Эта композиция иллюстрирует Ветхозаветный

рассказ о том, как брошенного в ров на растерзание львам Даниила спасла от неминуемой гибели обращенная к Богу молитва. Эта композиция фиксируется, начиная с I в. н. э., и существует чрезвычайно долго в разных видах изобразительного искусства (11).

Находки изображений «Даниила со львами» широко известны от северного Кавказа, до западной Европы, где он изображался на чашах, стеллах, пряжках и тд.

Подобно Валентинианову кресту, эта композиция в варварской среде могла отождествляться с символом триумфа. И являться маркером верховной власти. Тем более что, лев с древнейших времен ассоциировался с верховной властью и был ее символом. Вождь, в условиях военно-демократического общества, являлся персонализированным мистическим образом, чья власть являлась освященной богами, и связанной с тотемными, и мифическими образами.

Одним из способов достижения этой цели служило мистическое слияние с божеством, которое осуществлялось различными способами. Одним из этих способов

Рис. 10а. Элементы поясной гарнитуры (лицевая сторона).

Рис. 10б. Элементы поясной гарнитуры (оборотная сторона).

являлось ритуальное перевоплощение как лидера — вождя воинско-корпоративного коллектива, так и его членов — воинов, в божество — покровителя. Помещение на предметы воинской и престижной культуры изображений божества или мифических животных — спутников или воплощений этого божества являлось частью мистического ритуала перевоплощения, (12). С другой стороны статусный убор способствовал «идентификации» вождя в обществе вообще и в бою в частности.

Головной убор застегивался на две цельнолитых В-видных пряжки, датировка которых также не выходит за рамки комплекса в целом.

На шее погребенного была одета трехгранная в сечении серповидная гривна. Подобные украшения не имеют широкого распространения за пределами поволжско-финского мира и традиционно датируются 6-7 веком, (13).

Шейная гривна наряду с прочими аксессуарами престижной моды, в мужском погребении являлась символом власти, и возможно жаловалась князем на манер традиции сохраняющийся в воинской среде вплоть до периода Древней Руси (14).

Застежка-сюльгама относится к массовому материалу КРОМ и имеет множественные аналоги в материалах 6-7 вв., (15).

Рис. 11(1-5). Сравнение типологических признаков.

1 — Борок; 2 — Фельнак; 3 — Предгоренское; 4 — Кобань; 5 — Камунта.

Двухлезвийный меч с прямыми параллельно идущими лезвиями и трапециевидным симметрично-расположенным черешком, длина клинков в рабочей части 72-73 см., общая длина около 85-90 см., ширина лезвия у основания 4,5, см. рис. 5.1,2.

Меч-инсигния (16), находит аналоги среди Аварских материалов, сходный типологический меч из могильника Перещипино датируется Й. Вейнером около 650 г. А. Г. Атавин датирует аналогичную находку у хутора Крупской, началом 7 века н. э., (17). Помимо этого, этот тип мечей традиционно сопоставляется с «рейнской» группой мечей Западной Европы, где им имеются многочисленные аналоги в памятниках 6-7 вв.

В элементах ножен меча входят парные Р-видные петли для крепления меча к портупей, относящиеся к древностям геральдического круга. Наиболее близким им аналогом является находка у с. Арцебашево Рязанской обл. (18), этот комплекс датируется 7 веком н. э. Того же времени находка палаша с Р-видными скобами у хутора Чапаевский.

В результате травления поверхностного шлифа клинка удалось выявить сложно-упорядоченный узор характерный для дамаска, (рис. 5.3,4).

Термин дамасская сталь или дамасскированная сталь (дамаск), обычно распространяется на группы «узорчатых» сталей, полученных путем кузнечной сварки стальных и железных полос, с последующим многократным складыванием и скручиванием.

В данном мече использовался так называемый «крученный» дамаск (19), когда к полотну из нескольких дамасских полос по бокам приваривались стальные лезвия.

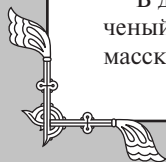
Дамасские полосы в описываемом нами мече получались путем скручивания металлического прутка сваренного из двух и более слоев стали и железа. Необходимо отметить высокую чистоту фиритных сварочных швов, говорящих о высоком мастерстве кузнеца изготавливающих этот меч. Лезвия, наваренные на дамасскую основу, в свою очередь были изготовлены из «пакетного» металла проявившемся при травлении строчечным узором.

Клинки изготовленные по такой технологии, несомненно, относились к вещам престижного круга того времени, наряду с европейскими центрами их производства изготавливали их и в странах Балтийского бассейна 4-6 веков н. э. (20). Рядом исследователей так же отмечалась возможность местного изготовления дамасска на территории Восточной Европы (21).

Таким образом, по совокупности материалов справедливо датировать данный комплекс второй четвертью 7-го века.

Все основные элементы комплекса (головной убор, пояс и портупея, гривна, сюльгама, фурнитура меча), выполнены в одной цветовой гамме металла белого цвета. Элементы головного убора, и пояса изготовлены с применением одной технологии заполнения свинцово-оловянистой массой тисненых элементов. Все это позволяет предположить, что перед нами не случайно сформировавшийся костюм из отдельных элементов, а престижный комплекс, изготовленный специально под заказ.

Что многократно увеличивает историческую значимость данной находки, позволяющей говорить не только о культурных взаимосвязях средней Оки в 7-м веке н.

э., но и поднять вопрос об изучении социальной структуры рязано-окского общества.

В последнее время доминирующая роль КРОМ в волго-окском междуречье в середине 1 тыс. н. э. уже не подлежит сомнению (22). Все чаще звучит идея наличия в это время на территории Рязанщины варварского королевства (Ахмедов-Казанский). В любом обществе, достигшем в своем развитии классового неравенства, происходит выделение элиты, занимающей главенствующие в нем положение. Названия вождь, князь, хан и тд., определяют тех людей, что на время или пожизненно в результате выборности, наследственно, или в результате самозахвата власти, возглавляют то или иное общество или сообщество.

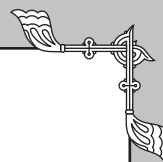
Вероятно, погребенный при жизни принадлежал к социальной верхушке рязано-окского общества, являясь неким аналогом древнерусским князьям, скандинавским конунгам и тд. Это не только соответствует современному представлению о высокой милитаризованности носителей КРОМ, но и свидетельствует, о высоком уровне дифференциации в Рязано-Окском обществе 7-го века, говорящем о наличии в нем строгой иерархии, а возможно, каст и сословий.

Таким образом, введение в научный оборот еще одного статусного головного убора, позволяет поставить вопрос о наличии в Рязано-Окском обществе таких понятий как государство, правитель, и его атрибуты верховной власти.

Автор благодарит О. А. Щеглову (ИИМК РАН), за помощь в написании статьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* «Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст», Москва. Раннеславянский мир в. 3. 1996. С. 95. а также Рис. 42/2.
2. *Ковалевская В. Б.* «Поясные наборы евразии IV–IX вв.», ПРЯЖКИ, Москва «НАУКА» 1979. таблица XIX № 8
3. *Ахметов И. Р.* «О месте поясного и конского убора и снаряжении всадника в погребальном обряде Рязанских могильников», Погребальный обряд ТР, ГиМ выл. 93 19.
4. *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* «Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст», Москва. Раннеславянский мир в. 3., 1996, С. 73.
5. *Скиба А. В.* «Культурні паралелі в слов'янському й кочівницькому металообробному мистецтві за матеріалами дніпровських лісостепових скарбів», В печати.
6. *Минаева Т. М.* «Находка близ ст. Преградная на р. Урупе», КСИИМК. Вып. 68. М., 1957. С. 133-137.
7. *Garam É.* «Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Monumenta Avarorum Archaeologica», Vol. 5. Budapest, 2001. 432 S. Рис. 25, 6.
8. *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* «Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст», Москва. Раннеславянский мир в. 3. 1996. С. 257, Рис. 75/21,22, стр. 95.
9. *Ковалевская В. Б.* «Хронология древностей северокавказских алан», Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ. 1995. С. 123-183.
10. *Рыбаков Б. А.* «Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина», Советская археология. Т. XVII. М., 1953. С. 23-104.
11. *Ошарина О. В.* «Образ св. Даниила во рву львином в византийском искусстве позднекомниновского времени», Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб. 2006. С. 93-102.
12. *Кардини Ф.* «Истоки средневекового рыцарства», Пер. с итальянского. М. «Прогресс», 1987, 384. С. 107-123.
13. *Ахмедов И. Р.* «Инвентарь мужских погребений», Глава 3. Культура Рязано-окских могильников РАН ИА ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧИЛЕТИЯ Н. Э., МОСКВА, 2007.
14. *Фомин А. А.* «Воинская культура носителей культуры Рязано-окских могильников», тезисы-Всероссийская зональная конференция, М. 2000 г. С. 45.
15. *Кравченко Т. А.* «Шатрищенский могильник. Археология рязанской земли.», Москва 1974. Рис. 40.
16. *Атавин А. Г.* «Культура Евразийских степей 2 половины 1 тыс. н. э., Погребения 7-нач. 8 вв. из Восточной Европы», Самара, 1996, ст. 219.
17. *Атавин А. Г.* «Культура Евразийских степей 2 половины 1 тыс. н. э. «Погребения 7-нач. 8 вв. из Восточной Европы», Самара, 1996, ст. 220.
18. *Мангайт А. А.* 1951 «Археологические заметки», «Могила всадника у с. Арцебашево» КСИИМК выпуск 41.
19. *Басов В. И.* «Мастер Ружье» № 59 2002 «Российский Дамаск». С. 70-73
20. *Басов В. И.* «Мастер Ружье» № 59 2002 «Российский Дамаск». С70–73
21. *Бгажба О. Х., Терехова Н. Н., Розанова Л. С.* «Кузнечные изделия из памятников цебельдинской культуры», СА. — 1990. — № 3.
22. *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* «Заключение.», РАН ИА ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧИЛЕТИЯ Н. Э., МОСКВА 2007 стр. 391.
23. Кобань, коллекция Ольшевского, сплав на на основе серебра (?). Колл. Отдела Востока ГЭ, КЗ-1397 (1890 — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* «Русские древности в памятниках искусства.», Вып. III., «Древности времени переселения народов.», СПб, 1890. 158 с. рис. 137 — ошибочно отнесен к находкам из Камунты), информация предоставлена *О. А. Щегловой.*
24. *Камунта.*, (Chantre E. La Bijouterie Caucasienne de l'eroque Scytho-Byzantine. Lyon 1892. 40s.: Taf. XIX: 2 — отнесен к коллекции Ольшевского), информация предоставлена *О. А. Щегловой.*

Клад (?) украшений раннесредневекового времени из Рыльского района Курской области

Владимир Шапошник
(Украина)
Алексей Трошин
(Россия)

Рис. 1. Предметы
из клада, общий вид

В августе месяце 2009 года одному из авторов этой статьи был передан набор предметов, являющийся (со слов находчика) комплексной находкой на территории Рыльского района Курской области. Более подробной информации о месте и обстоятельствах находки выяснить не удалось. Комплекс (рис. 1), включает в себя ряд предметов женского металлического убора раннесредневекового времени. Это две парные пластинчатые антропоморфные фибулы, цепь с трапециевидными подвесками, спиральная пронизь, орнитоморфная подвеска, игла с петлей и две разнотипные скобки. Отсюда же происходит накладная бляха. Характерные повреждения крупных предметов (фибул) позволяет предположить, что клад долгое время подвергался распашке и дошел до нас далеко не в полном составе.

ФИБУЛЫ. Две парные пластинчатые антропоморфные фибулы среднеднепровского типа, изготовленные из тонкой ковнанной серебряной пластины, (рис. 2). Имеют многочисленные повреждения, одна — разорвана на части.

Фибула 1, (рис. 2.1). Длина — 177 мм, ширина — 67 мм. В средней части имеется перехват, в месте которого ширина составляет 55 мм. Сверху и снизу — полуовальные выступы. В центральной части расположена штампованная овальная с перехватом выпуклость длиной 20 мм и шириной 10 мм. По внешнему контуру фибулу обрамляют три параллельных пунктирных линии, исполненные штамповкой или тиснением. Поле фибулы декорировано симметрично расположенными десятью розетками из псевдозерни, исполненными в той же технике. Толщина серебряной пластины — 0,5 мм, с об-

Рис. 2(1). Фибула 1

Рис. 2(2). Фибула 2

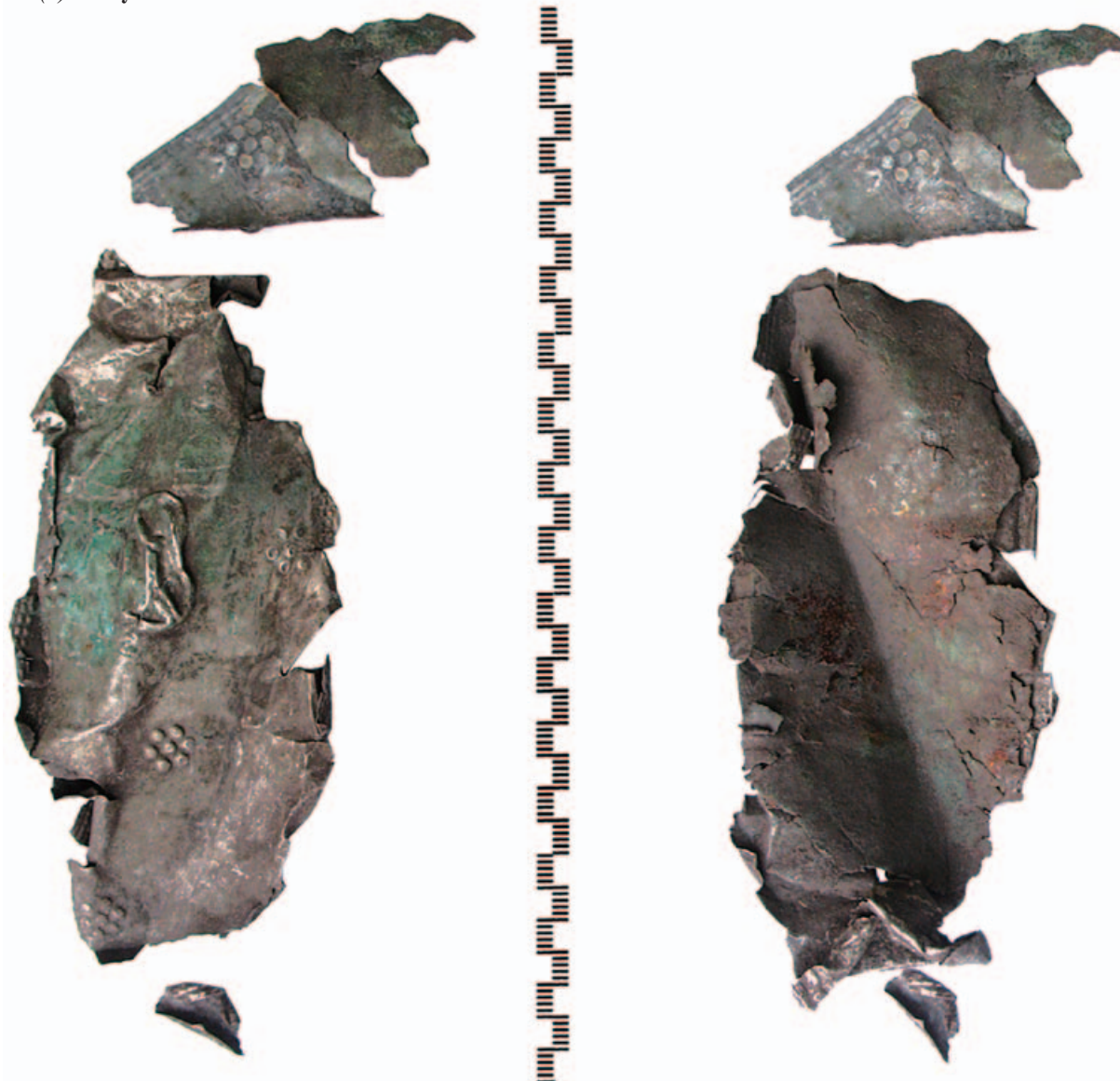
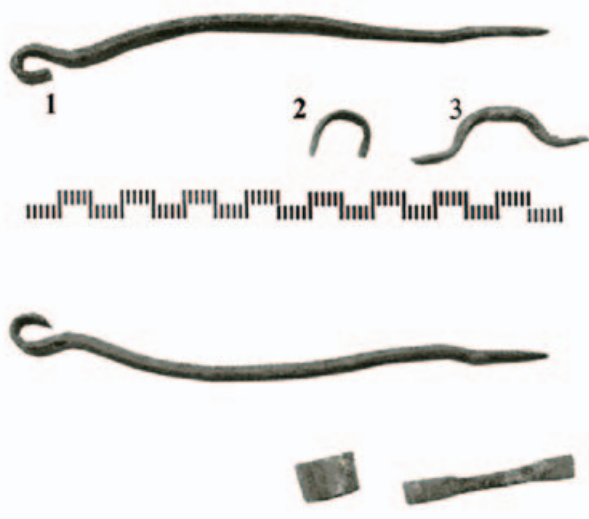

Рис. 3. Игла (1) и скобки (2, 3)

ратной стороны на ней в контррельефе повторяется декор лицевой стороны. К серебряной пластине припаяна совпадающая с ее контуром бронзовая пластина. Толщина нижней пластины — больше, она составляет 0,6 мм. Механизм крепления — отсутствует, но наличие в составеклада трех предметов, описанных ниже, позволяет восстановить его конструкцию.

Фибула 2, (рис. 2.2). Вторая фибула сильно деформирована, но ее материал, технология изготовления, форма, первоначальные пропорции и особенности декора такие же, как и у первой фибулы.

ИГЛА И СКОБКИ. Игла с петелькой, бронзовая, кованая, (рис. 3.1). Длина — 90 мм, имеет легкий плавный изгиб. Толщина в средней части — 2 мм, сечение у острия — круглое, в средней части — квадратное, на петельке — прямоугольное. Петелька — незамкнутая, ее диаметр 3 мм. Первая скобка (рис. 3, 2) изготовлена из бронзовой проволоки диаметром 2 мм и длиной около 30 мм. Имеет вид дуги с отогнутыми наружу и расклепанными концами. Расклепанные части имеют длину по 5 мм. Вторая скобка в виде полукольца

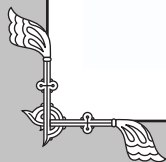
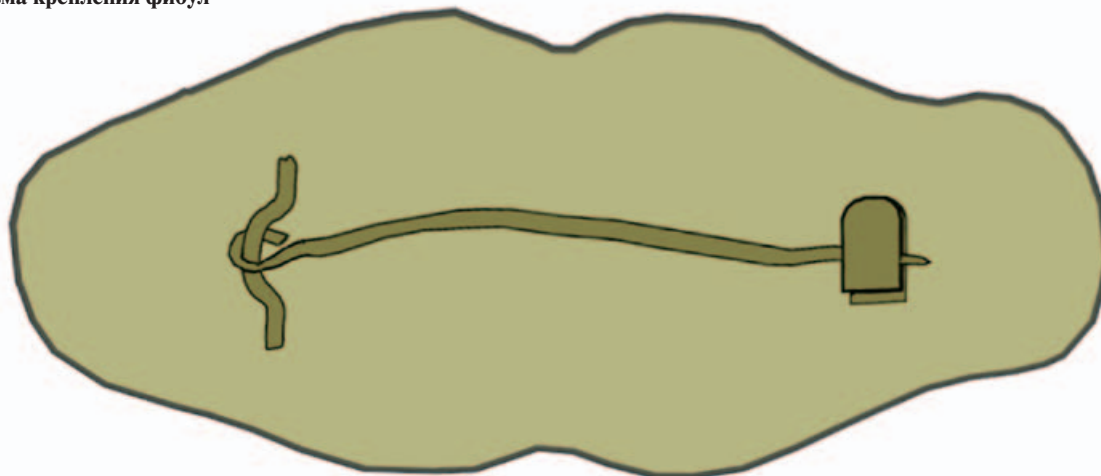

Рис. 4. Предполагаемая конструкция механизма крепления фибул

(рис. 3, 3) изготовлена из бронзовой пластинки, имеющей размеры около 20 мм на 6 мм при толщине 0,5 мм. Конструкция скобок допускает возможность их использования в качестве деталей механизма крепления фибул: первая скобка — иглодержатель, вторая — иглоприемник, (рис. 4). С корпусом фибулы эти элементы могли соединяться пайкой с помощью оловянно-свинцового припоя.

ЦЕПЬ С ПОДВЕСКАМИ. Бронзовая цепь с пятью одиночными и сложносоставными трапециевидными подвесками разных типов, (рис. 5). Со слов находчика известно, что при обнаружении цепь состояла из нескольких фрагментов, но позднее их соединили вместе. Следовательно, внешний вид цепи сейчас — это вольная реконструкция и не исключено, что первоначально это могли быть отдельные подвески на цепочках. Общая длина соединенных фрагментов — 700 мм. Большая часть цепи состоит из круглых звеньев диаметром 5-6 мм, изготовленных из проволоки диаметром 1 мм, свернутой в полтора — три оборота, (рис. 6.6). Так же присутствует участок длиной 100 мм, состоящий из S-видных звеньев, причем петли каждого звена находятся в перпендикулярных плоскостях, (рис. 6.7). Подвеска 1, (рис. 6.1), составлена из двух трапециевидных подвесок, соединенных круглыми проволоочными звеньями с биэсовидной подвеской; трапециевидные подвески — одинаковые, ширина основания — 35 мм, высота — 50 мм, вырезаны из бронзовой пластины толщиной около 1 мм, по краю украшены штампованным валиком и параллельными основанию четырьмя рядами выпуклых точек, вверху имеют круглые пробитые отверстия диаметром 2 мм; биэсовидная подвеска размером 22 X 15 мм изготовлена из бронзовой проволоки диаметром 2 мм (изогнутые наружу концы подвески — утоншаются), прикреплена к цепи с помощью S-видного звена. Подвеска 2, (рис. 6.2), состоит из трех трапециевидных подвесок, соединенных через промежуточные Л-видные звенья с биэсовидной подвеской; трапециевидные подвески имеют размер 20 X 30 мм, украшены тремя рядами выпуклых точек; два Л-видные звена вырезаны из бронзовой пластины, одно из них — фрагментировано, на целом пробито три круглых отверстия, в которые продеты круглые проволоочные звенья; биэсо-

видная подвеска подобна описанной выше, но внешние петли соединены дополнительной перемычкой; с цепью она соединяется таким же S-видным звеном. Подвеска 3, (рис. 6.3), состоит из трех трапециевидных подвесок разного размера — 30 X 45 мм (с декором, повторяющим декор элементов подвески 1); 12 X 20 мм (с декором, аналогичным декору элементов подвески 2); 12 X 35 мм (без декора); в креплении к основной цепи использованы как S-видные звенья, так и круглые. Подвеска 4, (рис. 6.4), — одиночная трапециевидная подвеска размером 30 X 45 мм с декором, повторяющим декор элементов подвески 1; разломана на две части, соединена с основной цепью круглым звеном. Подвеска 5, (рис. 6.5) — одиночная трапециевидная подвеска размером 35 X 32 мм; украшена валиком по краю, двумя линиями, параллельными основанию и состоящими из выпуклых точек и вертикальной линией из четырех штампованных кружков диаметром 5 мм с выпуклой точкой в центре.

ПРОНИЗЬ. Бронзовая спиральная пронизь, (рис. 7.1). Длина — 3 см, диаметр — 0,5 см. изготовлена из проволоки треугольного сечения шириной 2 мм.

ОРНИТОМОРФНАЯ ПОДВЕСКА. Подвеска из сплава серебристого цвета, литая, (рис. 7.2). Размер — 30 X 10 X 10 мм. Состоит из уплощенного овального основания и противоположащих крючков в форме утиных (?) голов на изогнутых шеях.

БЛЯХА. Овальная бляха, бронзовая, литая, (рис. 7.3). Размер — 5,5 X 3,5 см, высота — 8 мм, толщина — 2 мм. По краю — рельефная кайма шириной 2 мм из смыкающихся треугольников, в центре — овальное возвышение, выделенное врезной линией и такой же каймой из более крупных треугольников. На обороте в контррельефе просматривается декор лицевой стороны, по краям расположены два шпенька высотой 7 мм и толщиной 4 мм со следами расклепывания.

АНАЛОГИИ И ДАТИРОВКА. Описываемая находка по составу близка кладу, найденному у с. Ивахники Лохвицкого уезда Полтавской губернии в 1905 году [Макаренко, 1908. Табл. II; Корзухина, 1954. С. 79], (рис. 8). Ивахниковский клад содержал пару фибул, (рис. 8, табл. II, 1), по форме и конструкции аналогичных описываемым (тому, что это были полноценные фибулы, а не бляхи-дериваты [Корзухина, 1954. С. 80], слу-

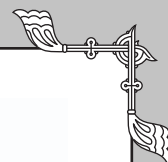

Рис. 5. Цепь с подвесками

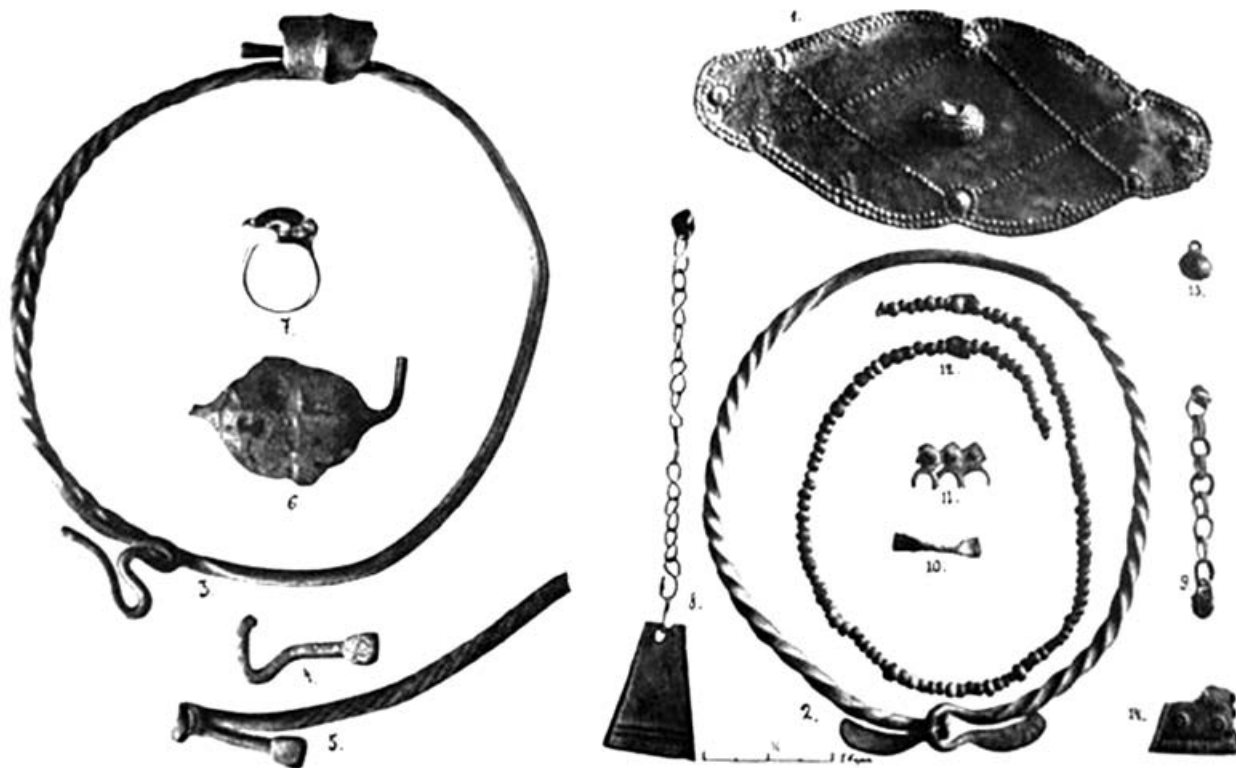
Рис. 6. Цепь с подвесками, детали (1-7)

Рис. 7. Пронизь (1), зооморфная подвеска (2), бляха (3)

Рис. 8. Таблица II к статье Н. Макаренко

жит подтверждением наличие в составе Ивахниковского клада скобки, (рис. 8, табл. II, 10), аналогичной предполагаемому иглодержателю из описываемого клада). Также в нем были близкие орнаментированные трапециевидные подвески, (рис. 8, табл. II, 8, 14), такая же цепочка из круглых звеньев, (рис. 8, табл. II, 9) и несколько спиральных пронизей. Фибулы, входящие в состав Ивахниковского клада, стоят в конце предложенной Амброзом А. К. эволюционно-типологической схемы развития антропо-зооморфных фибул [Амброз, 1993. С. 182]. Считается, что кованые антропоморфные фибулы в VIII в. н. э. являлись принадлежностью женского парадного убора славянского населения Среднего Поднепровья [Щеглова, 1990. С. 178; Рябцева, 2005. С. 22]. Они представлены во второй группе кладов «древностей антов» [Щеглова, 1990. С. 172; Корзухина, 1996. С. 370, 374, 376, 387, 406; Приходнюк, 2005. С. 52] Предполагаемый хронологический диапазон бытования поздних форм таких фибул — конец VIII — начало IX вв. н. э. [Приходнюк, 2005. С. 200]. Спиральные пронизи и трапециевидные подвески в последней четверти I тыс. н. э. встечаются на памятниках роменской культуры [Рябцева, 2005. С. 28], многочисленные аналогии известны на территориях кривичей [Седов, 1982. С. 52, 84], балтских племен и финнов Поволжья [Финно-угры и балты..., 1987. С. 293, 424-427]. Аналогии орнитоморфной подвеске есть среди материалов мордовского Лядинского могильника (Тамбовская обл., бассейн р. Цна), датируемого концом I тыс. н. э. (Ястребов, 1893, таб. III, 1, 5). Исходя из датировки фибул, сокрытие клада можно отнести к концу VIII — началу IX вв.

В настоящее время предметы находятся на реставрации, по завершении которой они будут переданы на хранение в Государственный Исторический Музей в г. Москва.

Авторы выражают свою признательность Игорю Анатольевичу Бажану за помощь, оказанную при написании этой статьи.

Авторы выражают свою признательность Юрию Корнееву за помощь в поиске аналогий орнитоморфной подвески.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амброз А. К. «К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул», РА, 1993, № 2.
2. Корзухина Г. Ф. «Русские клады IX-XIII вв.», М.-Л., 1954.
3. Корзухина Г. Ф. «Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье.» Каталог памятников, МАИЭТ, Вып. V — 1996
4. Макаренко Н. Е. «Материалы по археологии Полтавской губернии», Полтава, 1908.
5. Приходнюк О. М. «Пастирське городище», Київ-Чернівці, 2005.
6. Седов В. В. «Восточные славяне в VI-XIII веках. Археология СССР», М, 1982.
7. «Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР», М, 1987.
8. Рябцева С. С. «Древнерусский ювелирный убор», СПб, 2005.
9. Щеглова О. А. «О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье», Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья, Курск, 1990.
10. Ястребов В. Н. «Лядинский и Томниковский могильники», МАР, № 10, 1893.

Комплекс черняховской культуры из Харьковской области

Владимир Шапошник
(Украина)

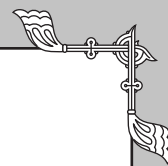
Целью этого сообщения является введение в научный оборот интересного комплекса, включающего в себя пару двупластинчатых инкрустированных фибул, набор амулетов и несколько десятков римских денариев.

О месте и обстоятельствах обнаружения известно следующее: комплекс найден при случайных обстоятельствах в августе месяце 2009 г. в окрестностях села Огульцы Валковского района Харьковской области, на опушке старого лиственного леса. Признаков поселения или погребения находчиком выявлено не было (ближайшее поселение черняховской культуры — в нескольких километрах). Все предметы были найдены на глубине до 30 см. Фибулы лежали вместе с некоторым количеством денариев II в. н. э. Фибулы — бронзовые, двупластинчатые, варианта IAB (по Амброзу А. К.), имеют значительные утраты из-за небрежности находчика, обкладки — серебряные с односторонней позолотой, прорезями для вставок, украшены тиснением, имитирующим треугольники зерни. Находчик подобрал только одну каплевидную вставку из красного прозрачного стекла, а также одну 14-гранную сердоли-

Фото 1. Римские денарии.

ковую бусину. Фрагмент кольчуги в скомканом виде находился рядом с фибулами. 3 железные веде- рковидные подвески нахо- дились внутри кольчуги. На каждой веде- рковидной подвеске было по 3 допол- нительных топоровидных подвески. Все это сильно пострадало при разворачи- вании кольчуги. Еще неко- торое количество денариев было собрано в радиусе 5 метров от основной наход- ки. Также в нескольких ме- трах от фибул был найден железный топор.

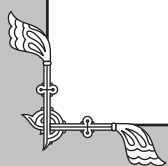
Комплекс заслужи- вает тщательного изучения и публикации.

Фото 2. Двухпластинчатые фибулы.

Фото 3. Фибулы в разобранном виде.

Фото 4. Фрагмент кольчуги и топорковидные привески.

Севская лунница

Алексей Трошин
(Россия)

В сентябре 2009 года от местного краеведа Никитина А. В. ко мне поступила информация об интересной находке из г. Севска, Брянской области. При случайных обстоятельствах, практически в черте города, на правом берегу р. Сев, была найдена привеска-лунница с выемчатой эмалью необычайно большого размера.

Эта лунница являлась центральной частью женского ожерелья, и видимо, ее следует отнести к **Большим лунницам I типа** (по Г. Ф. Корзухиной). Датируется данный артефакт позднееримским временем, вероятно, концом III в — началом IV в н. э.. На мой взгляд, этнически, привеска принадлежит к раннему периоду Киевской культуры, Деснинскому ее варианту.

Необычен размер этой привески, в большинстве случаев лунницы этого типа не превышают в ширину 60 мм, здесь же мы видим ширину 80 мм, в некорродированном виде, вероятно, 85 мм.

Привеска представляет собой трехрогую замкнутую художественную композицию, состоящую в верхней своей части из двух неправильных симметричных треугольных сегментов, заполненных эмалью красного цвета, в средней части предмета — три круглых медальона, также заполненных эмалью. Помимо этого, в средней части лунница украшена двумя дуговидными и двумя зигзагообразными перемычками. В нижней части образ лунницы завершается тремя широкими секировидными лопастями. Лопастей соединены друг с другом и выровнены вниз в одну прямую линию.

Рис. 1. Виртуальная реконструкция недостающих фрагментов лунницы

Рис. 1. Севская лунница

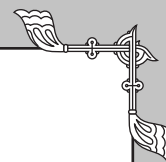
Данный предмет выполнен из бронзы методом литья в каменную (?) или глиняную (?) одностороннюю форму, после отливки самой лунницы, выемки под эмаль были заполнены стекловидной массой (вероятно, приготовленной из краснопастовых римских бус), привеска была подвержена обжигу, в результате чего образовалась эмаль. В дальнейшем изделие было обработано абразивом и отполировано.

Как мы видим, лунница частично фрагментирована, утрачено ушко и один из круглых медальонов. Вероятно, ушко было утрачено в связи с тем, что сама лунница достаточно тяжелая, и видимо, металл не выдержал постоянной нагрузки. В результате, хозяйка привески лишилась центральной части своего металлического убора. Недостающую часть круглого медальона следует объяснить коррозией, которой подвергался предмет в течение столь долгого времени.

Данное краткое сообщение, имеет своей целью ввести в научный оборот еще один прекрасный памятник древней металлопластики. Автор выражает благодарность Никитину А. В. за предоставленную информацию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Корзухина Г. Ф. «Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье», 1978.

Находка клада украшений Кошибеевского круга древностей, в западной части средней Оки

Адам Чайка
(Россия)

Наряду с погребениями и не потревоженными древними жилищами, клады являются закрытыми комплексами, которые дают нам возможность увидеть срез той или иной эпохи. Поэтому находка любого клада, это важное событие для воссоздания целостного исторического представления. В современных условиях мно-

жественных случайных кладовых находок, очень важно сохранение информации о них для последующих исследований.

Эта статья вводит в научный оборот клад (фото 1, 5), случайно обнаруженный в левобережье реки Оки на территории Луховицкого района Московской области осенью 2009 года.

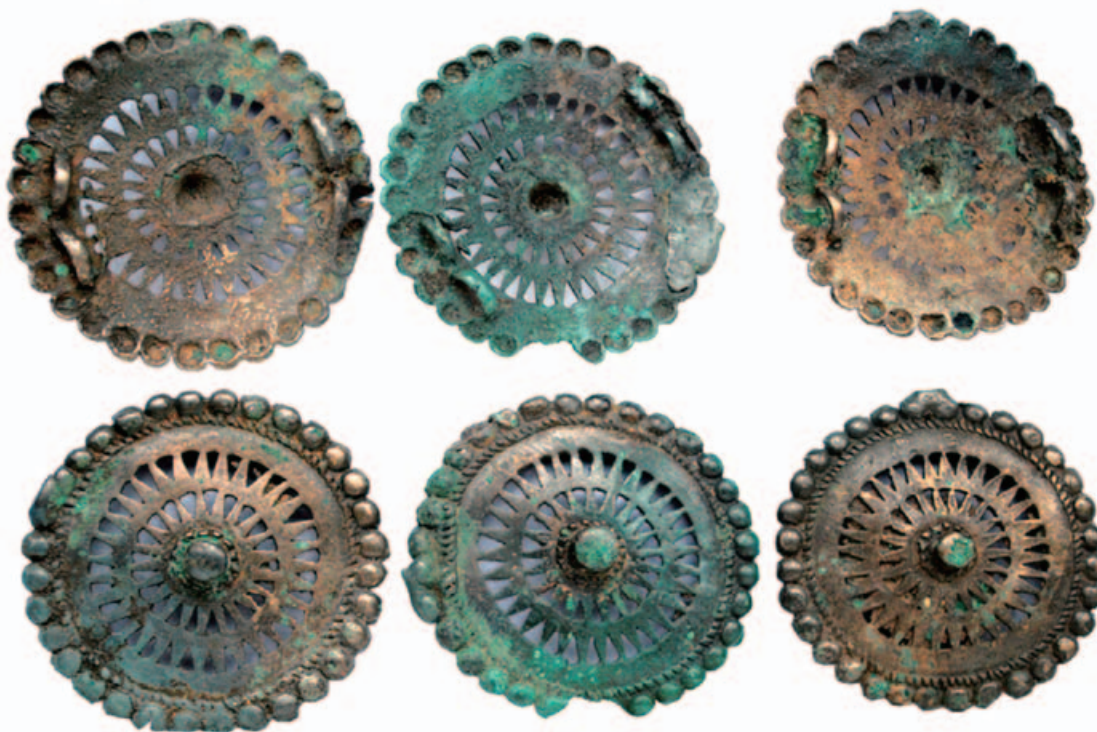
Фото 1. Общий вид клада

Фото 2. Большая бляха из клада

Фото 3. Бляхи меньшего размера

В состав клада входили: крупная конически-уплощенная бляха-нашивка с выпуклым грибовидным возвышением в центре (кнопкой) и тремя поясками намечающегося прорезного орнамента из маленьких треугольников. По краю бляхи расположены литые выпуклые жемчужины полусферической формы и несколько выпуклых, гладких поясков концентрических кругов. С обратной стороны бляхи четыре петли для крепления, расположенные противоположными парами, (фото 2, 4.1). Особо бросается в глаза, недоработанные треугольные прорезы, которые после отливки не были прорезаны.

Помимо этого, в состав клада входят пять сходных блях чуть меньшего размера, (фото 3, 4.2). Основным их отличием являлось наличие двух, а не трех поясков прорезного орнамента, а также орнаментального решения у основания жемчужин, идущих по краю в виде имитации перекрученного жгута. Сходная бляха происходит из пг. 33 кошибеевского могильника рубежа 2-3 веков (1). Имеются им аналоги и в материалах Писеральского могильника 2-3 века (2).

Также в комплекс входило три фрагментированных сходных по размеру бляхи с гладким корпусом, с центральной кнопкой и выпуклыми жемчужинами по краю

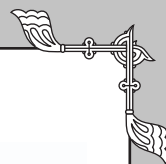

Фото 4. Некоторые предметы из клада

у основания, орнаментированными несколькими рядами из имитации перевитого жгута (фото 4.3).

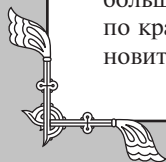
Эти бляхи идентичны бляхе из пг. 24 Кошебеевского могильника (3).

Аналоги им известны в материалах чегадинских и кара-абызских памятниках конца 2-начала 3 века (4).

Помимо этого в состав погребения входили небольшие полусферические бляшки с орнаментацией по краю в виде выпуклых жемчужин и имитации ложновитого жгута, (фото 4.4-8). Эта стилистика широко

известна по финно-угорским материалам 2-3 века западного Поволжья (5).

Наиболее многочисленными (16 экземпляров), в составе клада являлись полусферические накладки с гладким корпусом небольшого размера, и одной петелькой для крепления сзади (фото 4.9). Подобные накладки-нашивки широко известны в позднесарматских древностях первых веков нашей эры. Помимо этого в состав клада входили вытянутые конические колокольчики, их аналоги широко известны по территории всей юж-

ной половины Восточной Европы позднескифского времени. В близлежащей ойкумене их традиционно связывают с памятниками городецкой и дяковской культуры (6).

Несомненный интерес представляет антропоморфная псевдовитая, литая пронизь, с двумя рожками в виде лошадиных (?) головок. Технологически пронизь принадлежит к кругу поволжско-прикамского литья, стилистически она близка позднесарматским художественным традициям. Некие аналоги в структуре расположения перпендикулярных отростков от основной втулки мы видим в исполнении наконечников ремней Андреевского кургана.

Таким образом, по совокупности, материалов, данный комплекс можно датировать в пределах конца 2-го — начала 3-го века. Его этнокультурная принадлежность в основном западно-поволжского облика, наиболее ярко представленного на близлежащих территориях, в древностях Кошибеевского периода КРОМ. Отметим, что аналоги основным составляющим клада, а именно крупным бляхам, в дяковской среде не мно-

гочисленны. Что скорее позволяет отождествлять данную находку с пассионарным, для территории кругом древностей. Или предположить, что данный тип блях более характерен носителям Городецкой культуры, в ойкумене которой, нашли развитие древности кошибеевского круга. Косвенно об этом свидетельствует тождественность, форм кнопки на бляхах из этого типа, кнопкам городецких спиралевидных булавок.

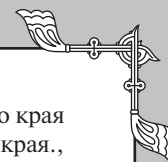
Многие предметы клада были поломаны в древности, одновременно самая крупная бляха, как уже отмечалось, носит четко видимые незавершенности, выраженные в не проработанности элементов прорезного орнамента.

Данный клад не представляет собой завершенный комплекс одного костюма. В совокупности, будет вполне правомочно предположить, что перед нами клад ювелира-литейщика.

Множественные аналоги вещам представленным в клада, позволяют отождествлять его с носителями Кошибеевского периода развития КРОМ (7). Оговоримся, что находка клада в этом регионе не слу-

Фото 5. Обратная сторона (общий вид)

чайна, так как согласно последним исследованиям один из культурных слоев летописного Ростиславля является Рязано-Окским.

Долгие годы ведется активная полемика относительно места Кошибеевской культуры среди культур РЖВ Окского бассейна. Основной тенденцией споров является отхождение от первичных взглядов, рассматривающих Кошибеевскую культуру, как самостоятельную культурную общность от КРОМ (8), в сторону ее интерпретации, как ранней стадии КРОМ в целом (9). Однако даже это современное воззрение не отвечает однозначно на вопрос этнического происхождения ни ее, не Рязано-Окских могильников в целом.

П. П. Ефименко предполагал происхождение Кошибеевцев от слияния местного Городецкого населения с некими пришельцами из Прикамья (10).

Однако, уже в середине двадцатого века от этой теории пришлось отказаться, так как В. Ф. Генинг убедительно доказал, что все вещи «пьяноборского» стиля не имеют аналогов в прикамских древностях, соотносясь скорее с древностями Западного Поволжья (11). Затем, широкое распространение получила теория происхождения КРОМ под воздействием населения, оставившего памятники типа Андреевского кургана (12). Этой теории в настоящее время придерживается большинство исследователей. Немаловажно, что ряд авторов видели в материалах Кошибеевской культуры черты присущие и позднесарматским племенам, а также сходность вещей с материалами северного Кавказа (13). Которые, в свою очередь, имеют множественные аналоги в германской среде (14). Что на настоящий момент позволяет говорить о включении Окского бассейна в первые века нашей эры в сферу событий великого переселения народов. А возможно и непосредственного готского влияния, чем и обуславливается наличие многочисленных западных импортов в материалах Кошибеевской культуры. (15) Во внешней форме и исполнении блях из данногоклада четко прослеживаются формы и художественные мотивы круглых фибул, «готских» «варварских эмалей» находки, которых в погребениях КРОМ Кошибеевской стадии имеют место (16).

Таким образом, находка этогоклада важная страничка в определении этнической истории Окского бассейна в начале первого тысячелетия нашей эры, истории зарождения и появления КРОМ. Остается надеяться, что этотклад не будет потерян, а сохраниться для будущих исследователей. Или же им придется довольствоваться только этой скромной статьей.

Автор выражает признательность Беляеву Герману Борисовичу и Беляеву Максиму Германовичу за предоставление их находки для публикации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шитов В. Н. «Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.)», Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н. э. Труды МНИИЯЛИЭ 1988. 93. табл. УП/13.

2. Халиков А. Х. «Очерки населения Марийского края в эпоху железа», Железный век Марийского края., Труды Марийской археологической экспедиции. — Т. 2, Йошкор-Ола: Марийское кн. Издательство, 1962. Таб. XXV/3.
3. Шитов В. Н. «Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.)», Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н. э. Труды МНИИЯЛИЭ., 1988, 93. табл. УП/10.
4. Генинг В. Ф. «История населения Удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху», Часть 1. Чагадинская культура ВАУ.—1970.—Вып. 10 Табл. У/5-7.
5. Белецкий А. М., Мешкирис В. А. «Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии», СА.-1986-№ 3. с. 43.
6. Дубынин А. Ф. «Щербинское городище», Дьяковская культура, МОСКВА 1974, табл. XII.
7. Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. «Хронология Кошибеевского могильника», Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья, М., 1999.
8. Циркин А. В. «В защиту кошибеевской культуры», РА. 1. С. 81-90, 1995.
9. Ахмедов И. Р. И. В. Белоцерковская «О начальной дате Рязано-окских могильников», Труды ГИМ. № 96, Москва, 1998, С. 32-33.
10. Ефименко П. П. «Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии», Ленинград 1026, Т. 3, вып. 1. С. 83.
11. Генинг В. Ф. «История населения удмурдского Прикамья в пьяноборскую эпоху», Часть 1, Чагадинская культура. ВАУ1970. Вып. 10. С188—195.
12. Шитов В. Н. «Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.)», Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н. э. Труды МНИИЯЛИЭ 1988. 93. С. 20.
13. Трубникова Н. В. «Кошибеевский могильник и его место в этнической истории междуречья Цны и Волгив первых столетиях н. э.», Происхождение Марийского народа, Йошкор-Ола, Марийское кн. изд-во, 1967. С. 79-82.
14. Казанский М. М., Мастыкова А. В. «Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов», Историко-археологический альманах 4., Москва — Армавир, 1998.
15. Казанский М. М. 1999. «О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов», Археологические вести 6., СПб.
16. Белоцерковская И. В. «Головной убор из могильника Кораблино.», Историческая археология. Традиция и перспективы., М., 1986.

Егорьевский клад финно-угорских и славянских древностей

Егор Юрьев
(Россия)

В 2009 году на берегу ручья, правого притока реки Цны, левого притока реки Ока, Егорьевского района Московской области, при случайных обстоятельствах был обнаружен клад.

Клад был найден на значительной, до 1 м., глубине. Все вещи лежали внутри грубого гончарного горшка. Сосуд конической формы с широким дном. Тулово плавно расширяющиеся, с резким загибом к шейки венчика. Венчик средне-профилированный прямой с резким отгибом наружу верхней кромки. Бока сосуда орнаментированы линейным орнаментом, покрывающим половину стенки сосуда, по тулову, доходя до основания венчика, основание стенок у дна гладкое. Сосуд выполнен из светло-коричневой жгущейся глины, с искусственной примесью кварцево-гранитной дресвы. Обжиг значительный и равномерный, о чем свидетельствует характерная однородность структуры сломка. Дно ровное, со следами формовки на подсыпке из дресвы (песка). Данный тип сосудов принято относить к курганному типу керамики и датировать в пределах 10-11 веков (1). Сходные сосуды происходят из находок с Борковского селища, где традиционно отождествляются со славянским населением 10-го века. (2) Подобная керамика характерна для территории Москворечья 11 в. (13), имеются ее находки и на территории старой Рязани в материалах середины 11 века. (14).

В состав комплекса входили разнообразные предметы металлического убора. Наиболее многочисленную группу составляют сходные типологически шейные подвески «лунницы» в количестве 16 шт. Мы вправе отнести их к одному типу, все они литые по восковой модели, и в основе имеют от одной до четырех луновидных рамок, в том случае, когда их более двух, то они расположены одна в одной, соединяясь в верхней части, ближе к ушку для подвешивания. В ряде случаев окончания рогов лунниц соединены, образуя замкнутую

Рис. 1. Сосуд, в котором находился клад.

конструкцию. С-образные дуги выполнены, из прямых и скрученных имитаций жгутов. В одном случае в средней части лунницы имелось три трапециевидных подвески прикрепленных на небольших литых петельках. Сходные по конструкции украшения известны в Муромских древностях, где они датируются в пределах 9-10-го века (3). Однако, имеющийся тип является, несомненно, локальным вариантом, большинство неопубликованных аналогов которому происходят из окского левобережья Рязанщины.

Колоритную группу украшений (9 экз.), в составе клада представляют литые бляхи-подвески в виде двух арок соединенных прямоугольным основанием, и имеющих в центральной части петлю, иногда также в виде арки. В нижней части планки многочисленные привески в виде двухколенчатого приемника, и подвески-ромбика. Подобные украшения являются аутентичным крашением Егорьевской мещеры, известны по находкам в Жабкинском и Левинском могильниках (4). А.Л. Монгайт бесспорно причисляет их к мещерским древностям 10-го века (5).

Близка этим украшениям и крупная нашивная бляха, выполненная в той же манере. Бляха прямоугольной формы, с шестью коронообразными выступами сверху и 16 петлями снизу, к которым крепятся цепочки из четырех литых звеньев, имитирующих проволочную закрутку, с подвеской булавой-бубенчиком. Подобные привески характерны для Егорьевских древностей и имеют аналоги на украшениях предыдущего типа из Заколпского могильника (6). Сходные функционально бляхи нашивки широко известны у муромы и мещеры, в тех или иных вариациях (7).

Последним крупным украшением в составеклада является массивная литая трапециевидная подвеска, в виде трех вписанных в друг друга треугольников, с вертикально разделяющей внутренней трапециевидной палочкой, в верхней части крупное, оформленное в виде умбона, навершие. Подобные украшения широко известны в фино-угорском мире 10-11 века, в частности у марийцев (8).

Помимо этого в составклада входило три псевдовитых пронизи от ожерелья с трапециевидными подвесками, на двух экземплярах их было три, а на одном две. Подобные украшения широко известны в материалах 9-10 века волго-окского междуречья. (9)

В составклада входило 5 литых браслетов с уплощенными концами, изготовленных по восковой модели в стиле имитации нескольких скрученных жгутов, окончания некоторых браслетов выполнены в виде голов животных. И вновь наиболее близким им аналогом являются находки Егорьевских могильников, в частности Пустошенского, и Заколпского. (10)

Вкладе представлены 4 спиральных перстня, с плоской средней частью и спиралевидно-закрученными проволочными концами. Их находки многочисленны в муромских могильниках, где датируются рубежом 10-11 веков. (11) В курганах Кветуни они также датируются 11 веком. (12)

Два перстня изклада спаяны, в виде высокой рамкоробочки, со стеклянной (?) вставкой, и выделенным пояском у основания. Вся эта конструкция прикреплена к обычному кольцу. Один из них круглой, а другой, квадратной формы. По своей структуре они имеют множество аналогов, от античного Причерноморья до средневековой Болгарии, в виду простоты своей конструкции. Сходный перстень описывается у М. В. Седовой из раскопок древнего Новгорода, происходя из слоев 11 века. (15)

В составклада входило три ложновитых перстня. Суженных с одной стороны и расширяющихся с другой, два из них имитируют одиночную скрутку. Подобные перстни широко известны на территории всей восточной Европы с конца 10 по 15 век. (16)

Третий перстень сформирован из двух жгутиков, в ярко выраженной технологии изготовления по восковой модели.

В составклада входят четыре решетчатых перстня, с парным зигзагообразным узором образованным прорезными треугольниками. Эти перстни изготовлены в характерной для данной категории вещей технологии, выделенной и изученной Т. Г. Сарачевой (17). Вся территория Средне-окского бассейна и Москворечья изобилует их находками в 10-11 веке, частично захватывая и 12 в. Они известны по находкам, в Ижеславле, Зарайских курганах, старой Рязани и т. д. (18). А. В. Арциховский считает эти перстни характерно Вятческим украшением, а их находки за пределами ойкумены, импортами. (19)

Также вкладе представлен перстень прямоугольный в сечении, равномерно расширяющийся с верхней части орнаментированный сопряженными S-видными фигурами. Имеющий точный аналог в материалах Зарайских курганов, датированных 12 веком. (20)

В составклада входило еще два широкоосрединных перстня, изготовленных по восковой модели. Они представляют собой сложную плоскостную конструкцию,

из псевдозерни, прямых и перекрученных имитаций жгутов. Рознясь внешне, они относятся к одной группе мешчерских вещей, автору известен лишь один точный аналог, происходящий из случайных находок, сделанных на Шагарском могильнике 10-11 веков. (21)

Кроме того, в составклада входил шаровидный бубенчик с литой петлей, и одной прямоугольной прорезью. Данные бубенчики имеют аналоги как в славянских, так и финно-угорских древностях. В. Е. Коршун считает датой их появления конец 11 век, (22) 10-11 веком датируются они и в материалах Муромских древностей. (23)

Таким образом, клад по большей части состоит из мешчерских вещей конца 10-го 11 века, и незначительного количества славянских, конца 11-начала 12 века. По совокупности материалов можно предположить, что он относится ко второй половине 11 — началу 12 века. Трудность датировкиклада заключается в том, что все славянские его составляющие, имеют широкую датировку 11-12 века, а хронология представленных типов финно-угорских вещей еще не разработана. Важным хронологическим маркерам являются славянские перстни имеющие точные аналоги в Зарайских курганах П. Н. Милюков датировал их концом 11-началом 12 века, А. А. Спицин 12-13 веком. (24) Полиэтичность составляющихклада живо свидетельствует о том, что он является памятником периода славянизации мешчерских земель. О характере этой ассимиляции остается лишь догадываться.

Комплекс представленный вкладе, традиционно мог бы быть отнесен к группе кладов получивших в литературе название «клад литейщика». Однако справедливо возникает вопрос, был ли это литейщик представитель племени Муroma, или же мастер одной из волн славянской колонизации.

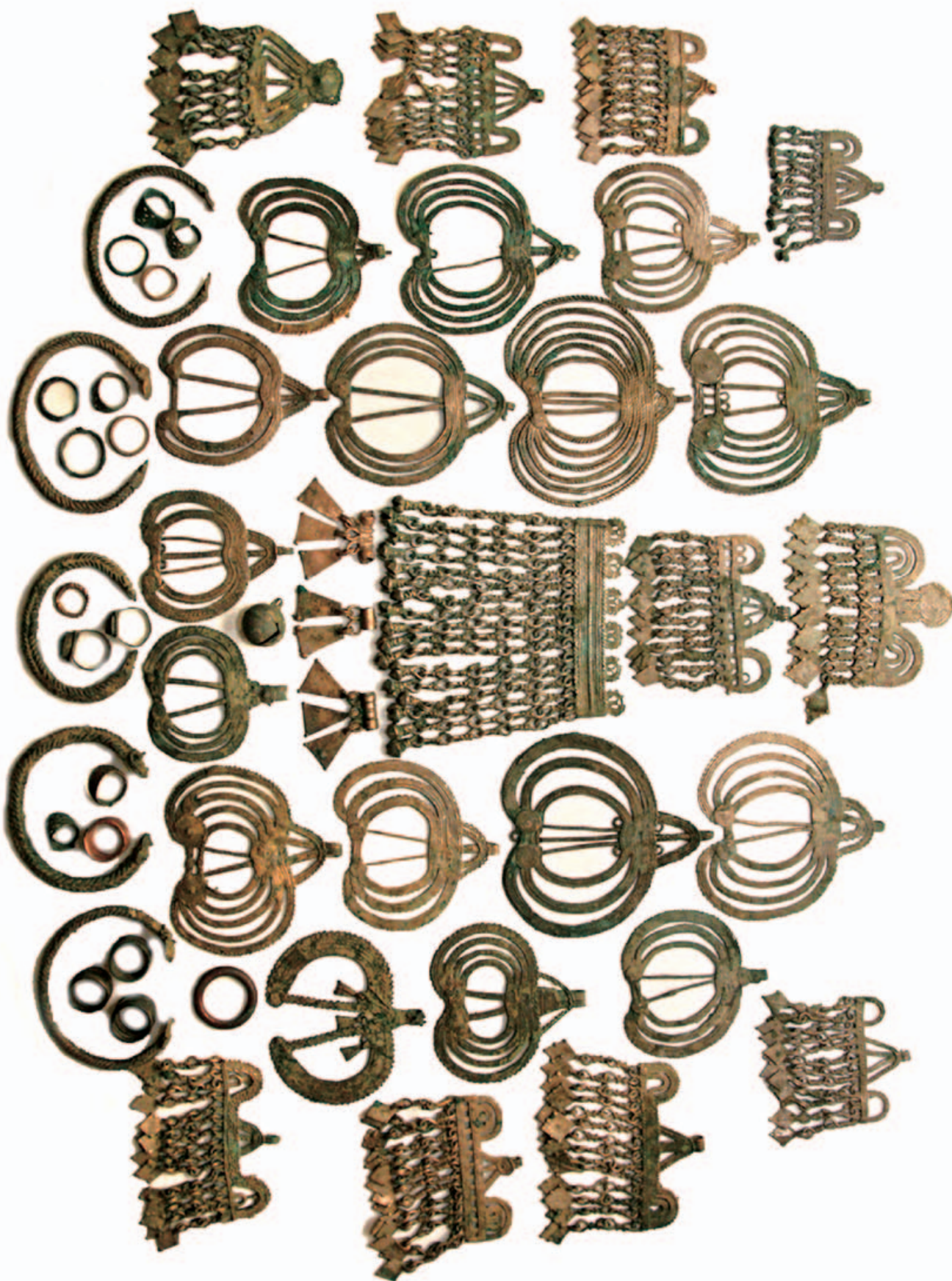
Важным фактором в выяснении этого может послужить то обстоятельство, что вещиклада были уложены скорее в славянский, нежели финно-угорский сосуд. Однако и сам сосуд мог являться предметом импорта или заимствования, как таковой, или же в аспекте керамической технологии производства.

Вместе с тем, едва ли клад принадлежал мастеру ювелиру, так как представленные в нем предметы являются продуктом различных ремесленных культур и технологий. Помимо этого вкладе встречаются перстни с о стеклянными вставками, в равной степени не характерные для технологических традиций как славян, так и финно-угров этого региона, которые по справедливости можно назвать импортами. Сложно предположить, что они наряду с прочим могли служить материалом для переплавки, надо заметить, что в составеклада нет неоконченных и поломанных вещей, а также ювелирных полуфабрикатов характерных для «кладов литейщиков». С другой стороны количество повторяющихся вещей, отсутствие украшений головного убора, и пр. позволяет говорить, что перед нами не «носимый» комплект украшений одной женщины.

Все это наводит на мысль о милитаристском характереклада, который был сокрыт одним из славянских пассионариев после захвата и разграбления Мешчерских земель. Будем надеяться, что дальнейшие исследования прольют свет на причины сокрытия этогоклада, и истории славянизации Егорьевской земли.

Рис. 2. Общий вид клада.

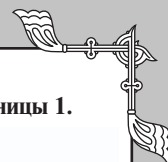

Рис. 3. Подвески-лунницы 1.

Рис. 4. Подвески-лунницы 2.

Рис. 5. Подвески-лунницы 3.

Рис. 6. Подвески-лунницы 4.

Рис. 7. Подвески-лунницы 5.

Рис. 8. Подвески-лунницы 6.

Рис. 9. Подвески-лунницы 7.

Рис. 10. Подвески-лунницы 8.

Рис. 11. Подвески шумящие 1.

Рис. 12. Подвески шумящие 2.

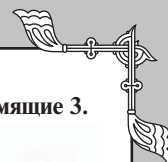

Рис. 13. Подвески шумящие 3.

Рис. 14. Подвески шумящие 4.

Рис. 15. Подвески шумящие 5.

Рис. 16. Подвеска шумящая 6.

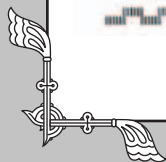

Рис. 17. Браслеты.

Рис. 18. Шумящие пронизи.

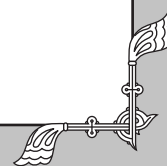
Рис. 19. Кольца.

Рис. 20. Перстни 1.

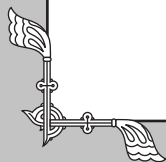
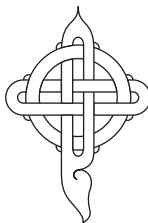
Рис. 21. Перстни 2, бубенчик.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Колчин Б. А., Макарова Т. И «Древняя Русь. Быт и культура», Археология СССР. Наука 1997. таб. 16/3.
2. А. Л. Монгойт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г., стр. 155-157, Рис. 50.
3. Бейликчи В. В. «Древности летописной муромы», Муром, 2005, Рис. 27/27.
4. Розенфельдт И. Г. «Древности западной части Волго-Окско-го междуречья в VI-IX вв», М., 1982, Рис. 15/17,18.
5. А. Л. Монгойт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г., стр. 115-123.
6. А. Л. Монгойт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г., Рис. 42/6.
7. Бейликчи В. В. «Древности летописной муромы», Муром, 2005, Рис. 9, 17,18.
8. Архипов Г. А. «Марийцы 9-11 век., к вопросу о происхождении народа», Йошкар-Ола, 1973, Рис. 23/10-15.
9. Розенфельдт И. Г. «Древности западной части Волго-Окско-го междуречья в VI-IX вв», М., 1982, рис. 15/9,10.
10. А. Л. Монгойт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г., Рис. 41, 42.
11. Бейликчи В. В. «Древности летописной муромы», Муром, 2005, Рис. 27/29
12. Падин В. А. «Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI-V вв. до н. э. — X-XII вв. н. э. по материалам археологических исследований», Очерки по истории археологии Брянской области, вып. 2. Брянск, 2004, курган 4.
13. Равдина Т. В. «Керамика из датированных погребений Подмосковья», Московская керамика: Новые данные по хронологии, Москва, 1991, Т. 2.
14. Даркевич В. П., Борисевич Г. Н. «Древняя столица Рязанской земли», М, 1995, с. 24.
15. Седова М. В. «Ювелирные изделия древнего Новгорода 10-15 века», АН СССР, Москва, 1981, стр.139, 140 рис. 54/1.
16. Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А. «Ювелирные изделия. Средневековое поселение Настасьино», РАН ИА, Москва, 2004, стр.53.
17. Сарачева Т. Г. «К вопросу изготовления решетчатых перстней», Памятники археологии центральной России охранное изучение и музеефикация, Рязань, 1994, С 143-146.
18. А. Л. Монгойт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г., Рис. 107/7.
19. Арциховский А. В. «Курганы вятичей», Москва, 1930, С. 73-80.
20. А. Л. Монгойт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г., Рис. 107/1.
21. Из собрания ОЦДЮТ Рязани, находка Третьякова М. Ф.
22. Коршун В. Е. «Родная старина. Обретая утраченное» М., 2008, стр. 42-43
23. Бейликчи В. В. «Древности летописной муромы», Муром, 2005, Рис. 27/40
24. А. Л. Монгойт. «РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ», ИАН СССР М. 1961 г., С. 243.

Клад древнерусских украшений из Трубчевского района Брянской области

Владимир Шапошник
(Украина)

К автору этой статьи поступила информация что, осенью 2009 года в Трубчевском районе Брянской области при случайных обстоятельствах был обнаружен клад серебряных украшений домонгольского времени. Предметы были разрознены, остатки вместилища отсутствовали (или остались незамеченными находчиком). Практически все украшения из клада имеют повреждения, утраты или деформированы. Это позволяет сделать вывод о том, что клад длительное время подвергался распашке.

В настоящее время клад включает следующие предметы: фрагменты бусинного очелья; две витых гривны (I и II); фрагменты гривны (III); двустворчатый браслет-наруч; фрагмент браслета; криновидную подвеску;

фрагменты нательного креста; фрагменты нашивных бляшек четырех типов (рис. 1).

ФРАГМЕНТЫ БУСИННОГО ОЧЕЛЬЯ. Очелье состояло из трехбусинных дужек-«аграфов», количество которых было не менее тринадцати. Концы дужек оформлены в виде петелек-трубочек. Бусины — глухие, тисненные, позолоченные, каждая украшена тремя сканными кружками с шариком зерни в центре, от которого отходят шесть сканных лучей, вокруг отверстий сканью исполнены шестилепестковые розетки. Пространство между петлями и напускными бусинами перевито сканной проволокой. Дужки были нанизаны на бронзовую (?), проволоку-основу, причем петли дужек перемежаются на ней с дополнительными пронизьями (рис. 2).

Рис. 1. Общий вид предметов из клада.

Рис. 2. Фрагменты бусинного очелья.

Рис. 3. Витая гривна(I).

ВИТАЯ ГРИВНА (I). Шейная гривна, витая из трех дротов круглого сечения и трех сканых проволок. Наконечники гривны — пластинчатые, закрученные на концах в трубочки (рис. 3).

ВИТАЯ ГРИВНА (II). Шейная гривна, витая из трех пар свитых друг с другом тонких дротов круглого сечения. Наконечник сохранился только один, пластинчатый с петлей (рис. 4).

ФРАГМЕНТЫ ГРИВНЫ (III). Два пластинчатых наконечника от витой (?) гривны. На одном сохранилась концевая петля-трубочка, на втором — петля утрачена, но сохранились обрывки дротов (рис. 5).

ДВУСТВОРЧАТЫЙ БРАСЛЕТ-НАРУЧ. Две разрозненные створки, на каждой в прямоугольных клеймах в один ярус изображены в геральдических позах фигуры хищной птицы и фантастического существа с телом

птицы и головой животного. Из их тел прорастают побеги, оплетающие персонажи и заполняющие сложным орнаментом все пространство в клеймах. Персонажи и композиция изображений на створках имеют некоторые отличия. Изображения выполнены выколоткой и гравировкой, фон был заполнен чернью. Клейма оконтурены припаянной зернистой проволокой, по краю створок припаяна окантовка из проволоки круглого сечения. Вдоль коротких сторон створок припаяны петли, с одной стороны — семь, с другой — шесть. Пространство между клеймами и краями створок позолочено, петли так же позолочены (рис. 6-а, 6-б).

ФРАГМЕНТ БРАСЛЕТА. Половина литого браслета, полукруглого в сечении, представляющего последовательность овальных «медальонов», разделенных валиками. Конец оформлен в виде головы льва в анфас (рис. 7-а).

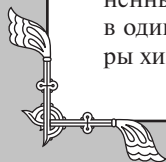

Рис. 5. Фрагменты гривны(III).

Рис. 6-а. Створки браслета-наруча.

Рис. 6-б. Обратная сторона створок браслета-наруча.

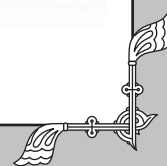

Рис. 7. Фрагмент браслета.

Рис. 8. Кривовидная подвеска.

Рис. 9. Фрагменты нательного креста.

Рис. 4. Витая гривна(II).

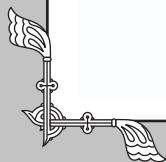

Рис. 10 (1-12). Фрагменты нашивных бляшек.

КРИНОВИДНАЯ ПОДВЕСКА. Криновидная подвеска изготовлена из соединенных пайкой двух серебряных пластин (гладкой — нижней и тисненной — верхней), сверху припаяно ушко (рис. 8).

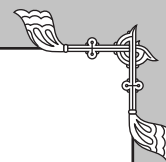
ФРАГМЕНТЫ НАТЕЛЬНОГО КРЕСТА. Два обломка литого креста, украшенного перегородчатой эмалью синего и красного цветов. Лопасты — расширяющиеся, украшенные ступенчатым орнаментом. В средокрестии — ромб, из сторон которого выходят треугольные лучи (рис. 9).

ФРАГМЕНТЫ НАШИВНЫХ БЛЯШЕК. Все бляшки выполнены в технике тиснения и позолочены (рис. 10.1-12). Тип 1: в форме гладкой полусферы, по краям пробито 9 (?) отверстий для пришивания. Представлен тремя экземплярами (рис. 10.1-3). Тип 2: в форме креста, исполненного в виде пяти соприкасающихся полусфер, причем центральная полусфера крупнее остальных.

По краям — 4 отверстия. Этот тип представлен двумя экземплярами (рис. 10.4-5). Тип 3: в форме выпуклого треугольника с дугообразными сторонами. В углах — три отверстия. Один экземпляр (рис. 10.6). Тип 4: два фрагмента прорезных бляшек в виде выпуклой плетенки (рис. 10.7-8). Присутствуют так же несколько мелких невыразительных фрагментов от бляшек такого типа (рис. 10.9-12).

Состав клада позволяет отнести его к четвертой группе древнерусских кладов (по классификации Корзухиной Г. Ф.). Дата сокрытия кладов этой группы находится в промежутке между семидесятыми годами XII века и 1240 г. Украшения из описанного клада относятся к парадному ювелирному убору представительницы привилегированного слоя и являются яркими образцами высочайшего мастерства ювелиров Древней Руси.

Парные фибулы V века из Белгородской области

Алексей Трошин
(Россия)

В конце 2009 года ко мне поступила информация об интересной находке из Белгородской области.

В Шебекинском районе, близ села Дмитриевка местным жителем, при случайных обстоятельствах были найдены две фибулы, относящиеся к древностям Киевского типа.

Парные фибулы, вероятно, изготовлены из медно-го сплава методом литья в двустороннюю глиняную (?) форму. На мой взгляд, данный комплекс датируется первой половиной V в, поздним этапом Киевской культуры. Фибулы однотипны, и относятся к типу П (2), (по Г. Ф. Корзухиной). То есть являются фибулами перекладчатыми (т. н. «вендского» типа), с крестчатой

ножкой. В современной литературе этот тип еще называют Т-образным. На спинках фибул по два гребня, украшенных поперечными линиями, а сами спинки на всем протяжении украшены гребенчатым орнаментом. На головках и ножках фибул имеются прорезные (ажурные) поля. Ножки выполнены в виде ромбов с крестчатыми окончаниями.

Данный комплекс является прекрасным образцом ювелирного искусства периода переселения народов, и достоин скорейшего введения в научный оборот, что и является задачей этого краткого сообщения.

Автор выражает благодарность Сытко В. Н., за информацию о находке.

Фото 1. Фибула 1

Фото 2. Фибула 2

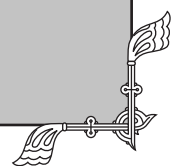
ЛИТЕРАТУРА:

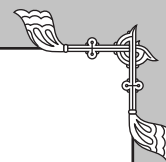
1. Корзухина Г. Ф. «Предметы убора с выемчатой эмалью V — середины VI в. в Среднем Поднепровье», САИ., 1978. Вып. Е I-43. Л.
2. «Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.)», Коллективная монография/Серия Раннеславянский мир, Выпуск 10., Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007.

Ефрагистика

О находке новой печати архаической традиции на черниговщине. К вопросу атрибуции

Андрей Власенко
(Украина)

Рислые свинцовые печати причисляются исследователями к категории важнейших и интереснейших в информационном плане находок. С момента своего появления в официальном делопроизводстве Руси, вислые печати становятся атрибутом высших государственных институтов власти. Тем самым они содержат для исследователя информацию, способствующую более глубокому пониманию исторических и в частности политических событий, имевших место в эпоху Киевской Руси.

В этом ключе тем более важной для осмысления исторических процессов становится находка булл ранее не известных типов. Об одной из таких находок и пойдет речь.

Осенью 2008 года примерно в 20-ти километрах от Чернигова случайно была найдена массивная вислая свинцовая печать, диаметром 30 33 мм и толщиной 2 мм. На одной стороне печать несет на себе поясное изображение Архангела Михаила в пышных одеждах с жезлом в правой руке и сферой в левой, голова Архангела об-

Рис. 1. Печать найденная в Черниговской области

Рис. 2.

1. Печать, найденная в окрестностях летописного Дрогобужа
2. Печать из Бородянского района Киевской области

1

2

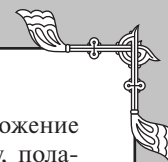
рамлена нимбом. С правой стороны изображения помещены буквы: «ХАИЛ», видимо завершающая фраза надписи «Михаил». Рисунок окружен точечным ободком.

На другой стороне изображен человек в полный рост, в длинном одеянии и широкой шапке. В правой руке он держит копе, левая согнута в благословляющем жесте. С левой стороны от изображения размещены буквы:

«С» или «Г» развернутая в другую сторону, «Л», «О». Последняя сохранилась несколько хуже. Изображение окружено точечным ободком, (рис. 1).

Размер заготовки печати несколько шире матрицы, диаметр последней по точечному ободку — 25 мм.

По классификации Янина, найденную буллу можно отнести к группе печатей так называемой «архаической»

традиции, которые, по мнению исследователя, бытуют вплоть до конца третьей четверти 11 ст. [1] (после находок печатей Ярополка Изяславича с Борисом и Глебом, эту дату можно сдвинуть до середины 80-х годов 11 ст. [2]).

Найденная печать не является уникальной. К моменту написания статьи автору удалось собрать сведения о находке еще трех булл аналогичных рассматриваемой, но оттиснутых другой парой матриц. Топография этих находок тяготеет к Воьльни. Одна из булл найдена в окрестностях летописного Дрогобужа. Ее фотография любезно предоставлена находчиком, (рис. 2.1). Другой экземпляр был обнаружен в июле 2008 года на территории Воьльнской области, опубликован на интернет-страницах украинского журнала для коллекционеров «Срібло» [3]. Третья печать, фотографию которой прислал находчик, обнаружен на северо-западе Бородянского района Киевской области, (рис. 2.2). Из всех трех булл, этот экземпляр дошел к нашему времени в относительно неплохом состоянии, позволяющем рассмотреть утраченные на других печатях детали изображения.

Все три экземпляра, по видимому, оттиснуты одной парой матриц, несут на себе с одной стороны поясное изображение Архангела Михаила, а с другой — изображение человеческой фигуры в рост с копьем в левой руке и сферой, увенчанной крестом в правой.

Печать из Черниговской области, стоит обособленно от предыдущих печатей. В целом, повторяя общую композицию, объединяющую все четыре буллы, она отличается одеждой архангела, облаченного в другие одеяния и изображением воина: копье он держит не в левой, а в правой руке, также отсутствует сфера, вместо этого рука согнута в благословляющем жесте.

Таким образом, на сегодняшний день известно четыре экземпляра печати, оттиснутые двумя разными парами матриц. По одному из Ровенской, Воьльнской, Киевской областей и из Черниговской.

Трактовку изображения Архангела на печатях можно интерпретировать как патрональное изображение святого, тезоименного владельцу. Это означает, что печать принадлежала какому-то князю, чье имя в крещении было Михаил. Изображение же фигуры в рост на другой стороне буллы не имеет нимба, а значит, не может рассматриваться как изображение святого. По аналогиям с другими печатями архаической традиции, можем предполагать, что на печати изображен сам князь, владелец буллы [4].

Стилистически близкой к рассматриваемым печатям является группа булл сына Ярослава Мудрого — Святослава Ярославича, князя черниговского в 1054-1073, затем в 1073-1076 великого князя киевского. Подгрудное изображение святого Николая, тезоименного крестильному имени князя на одной стороне сочетается с ростовой фигурой самого Святослава на другой [5]. В художественном и стилистическом плане обе группы настолько схожи, что, несомненно, возникает мысль о хронологически близком сосуществовании печатей, возможно даже принадлежащих руке одного мастера.

На сходство обоих типов обратил внимание Е. Туровский в своей статье «Сфрагистика», посвященной воьльнской находке печати с изображением Архангела и князя анфас. Он же, основываясь на сти-

листическом, сходстве высказал предположение об атрибуции этой печати Олегу Святославичу, полагая что крестильное имя Михаил в означенный период (3-я четверть 11 века) носил «только сын Святослава Ярославича, — князь Олег» [6]. Однако имя Михаил в крещении носил не только Олег Святославич. Прежде чем высказаться по существу в атрибуции буллы, попытаемся очертить круг возможных претендентов.

Среди князей, деятельность которых припадает на вторую половину XI века, крестильное имя Михаил носил двоюродный брат Олега — Святополк, сын киевского князя Изяслава. Под 1113 годом в летописи сохранилась запись: «представился благоверный князь Михаил, зовимый Святополк, и положиша в церкви святого Михаила иже бо сам создал» [7].

Начало княжеской деятельность Святополка припадает как раз на вторую половину XI столетия. Будучи на три года старше Олега, он княжил в Полоцке (1069-1070), Новгороде (1078-1088), Турове (1088-1093) и затем Киеве (1093-1113). Янин связывает с его новгородским этапом княжения группу печатей с погрудным изображением Михаила и строчной надписью на греческом, а с киевским — с надписью «ДЪНЪСЛОВО» [8].

Еще одним князем, который в крещении мог носить имя Михаил, был сын Владимира Ярославича — Ростислав Владимирович. Сведения о его крестильном имени находим у Татищева. В его «Истории государства Российского» в статье за 1038 год читаем: «В то же лето родился Владимиру Ярославичу сын Ростислав, а при крещении назван Михаил» [9]. Сведения, приведенные Татищевым в отношении крестильного имени Ростислава, не обнаруживаются в дошедших до нас летописях, однако исключать вариант, что князя действительно в крещении звали Михаилом, нельзя.

О месте княжения Ростислава сведения противоречивы. Вероятно, после смерти отца, Ростиславу Владимировичу достался Ростовский удел, после, около 1056 года старшие родичи переводят его во Владимир-Воьльнский на место Игоря Ярославича. Затем он на какое-то время возвращается в отцовский Новгород, откуда в 1064 году, по выражению летописца «бежал» в Тмутаракань, где вскоре был отравлен греками [10]. Как видим, деятельность этого князя также была тесно связана с Воьльнью.

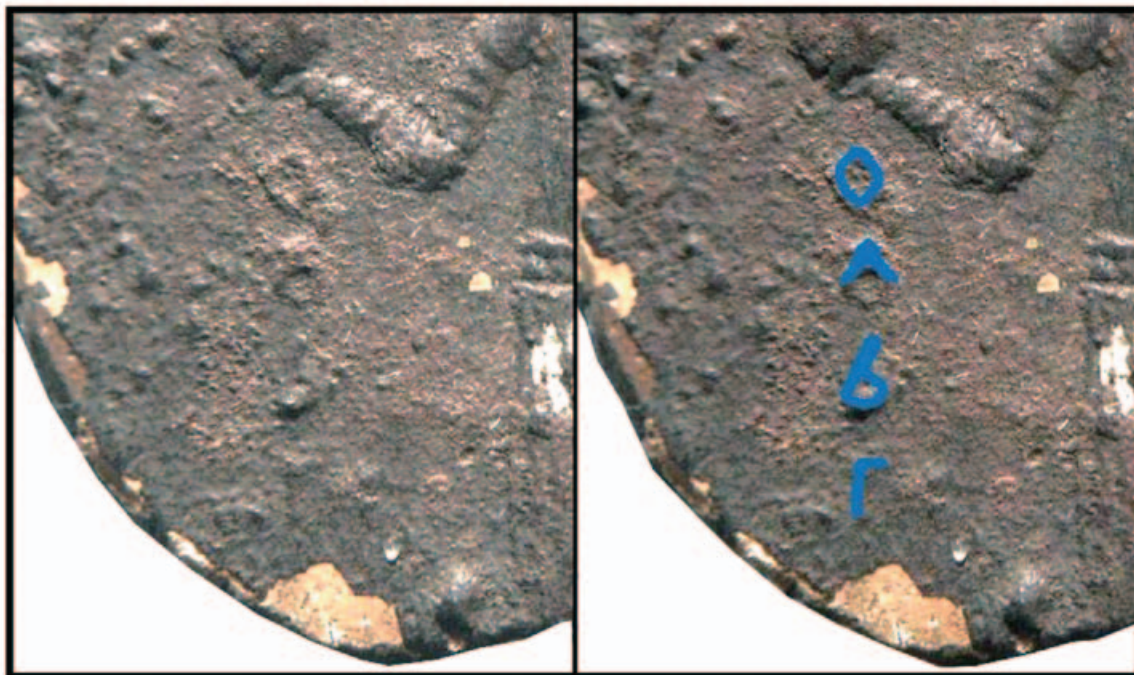
Наконец есть еще один князь, сведения о котором дают основания полагать, что его в крещении звали Михаил. В «Повести временных лет» под 1070 годом есть запись: «родился у Всеволода сын, и нарекоша именем Ростислав, и в се же лето заложена бысть церковь святого Михаила в монастыре Всеволожи» [11].

Летописец не называет прямо крестильного имени новорожденного, однако пишет о рождении ребенка и строительстве церкви святого Михаила как о двух взаимосвязанных событиях. На эту особенно обратил внимание А. Куза, высказав мнение, что Ростислава Всеволодовича в крещении звали Михаилом, а церковь по распространенной в те времена традиции освятили в честь покровителя новорожденного княжича [12].

На этом список наших претендентов исчерпан. Летописи, да и другие источники больше не знают русских князей с именами Михаил, живших в рассматриваемый период.

Рис. 3. Фото надписи на печати из Киевской области и вариант его прочтения

Среди названных претендентов, кандидатуру Ростислава Всеволодовича следует исключить в самом начале. Княжескую карьеру он начал лишь в 1093 году, заняв Переяславльский стол. В то время на Руси бытовали иные сфрагистические типы, отличные от рассматриваемых. Кроме того, Ростислав был убит в битве на реке Стугне в том же году, успев побыть князем чуть больше месяца.

Что касается остальных, то ответ на вопрос кому же из выше перечисленных кандидатов — Ростиславу, Олегу или Святополку — принадлежит булла, содержится в самой печати, а точнее в надписях на ней.

По аналогиям с печатью Николая-Святослава и другими печатями архаической традиции, святой на одной стороне буллы тезоименный христианскому имени владельца, в то время как надпись возле фигуры самого князя открывает его мирское имя. В большей степени под мирскими именами князя и были известны современникам и летописцам. Стало быть правильное прочтение надписи способно существенно помочь в атрибуции данных печатей.

В числе рассматриваемых булл, печать из Волынской области сильно повреждена, а место надписи практически не сохранилось. На экземпляре из Ровенской области надпись также повреждена, поэтому в большей степени при чтении следует опираться на буллу из Бородянского района Киевской области и на печать из Черниговской.

Сравнивая оба образца, нельзя не заметить, что печать из Киевской области отличается аккуратностью в исполнении деталей, тщательно прорисованные буквы размещены автором в аккуратную ровную колонку. Напротив, буквы на экземпляре из Черниговской немного «разбросаны», а в надписи «Михаил» и вовсе перепутаны местами. Видимо, резчик при изготовлении матрицы вырезал буквы в правильном для себя порядке, что и отразилось при оттиске в обратном соотно-

шении знаков. Подобные оплошности как искажения или вовсе пропуски букв достаточно часто встречаются на вислых печатях. По-видимому, их автор не всегда в совершенстве владел правописанием.

Если принять во внимание предположение Янина что искажения в надписях и изображениях появились в результате копирования исходного «безупречного» образца последующими резчиками [13], то этим первоначальным образцом, видимо и являются экземпляры с Ровенской, Волынской и Киевской областей, оттиснутые единой парой матриц. В этом отношении Черниговская находка содержит больше неточностей в надписи, а стало быть, хронологически более поздняя по отношению к ним.

На печати из Киевской области надпись сохранилась не полностью, Первая буква, если читать сверху вниз — «О» видна достаточно четко. Эта же буква относительно различима и на печати из Дрогобужа. Второй символ сохранился несколько хуже, однако легко угадываются очертания буквы «Л». На экземпляре из Черниговской области обе эти буквы также присутствуют, но они, как и в случае с надписью «Михаил» перепутаны местами. Третья буква на Киевском экземпляре сохранилась плохо и различима очень условно. Четвертый символ читается как «Г». На черниговском образце «третья» буква видимо, пропущена вовсе, а четвертую, резчик изобразил обращенную в обратную сторону, с невыразительной линией перехода от горизонтальной линии к вертикальной, чем придал ей сходство с «С». Однако очертания буквы и сравнение с экземпляром из Киевской области позволяет уверенно прочесть этот символ как «Г». После нее на Киевском экземпляре у самого края есть скол патины, повредивший место, где мог находиться еще один символ. О том, что в этом месте находилась еще одна буква, видно на печати из окрестностей Дрогобужа. Низ в этом месте сохранился несколько лучше, но, несмотря на это четко прочесть букву прак-

тически невозможно. На этом надпись, по-видимому, заканчивается, так как ни на печати из Ровенской области, ни на Черниговском, ни на Киевском образцах никаких других букв не просматривается.

Итак, в итоге мы имеем надпись «ОЛ? Г?» с пропущенной третьей и последней буквами. Эту надпись можно реконструировать как «ОЛЬГЪ», (рис. 3). Для имен Святополк или Ростислав в ней пропущено слишком много знаков, также сложно объяснить наличие «Г» не встречающееся ни в одном из этих имен.

История знает только одного Олега-Михаила, деятельность которого совпадает с очерченными рамками датировки печати. Это хорошо известный в летописи Олег Святославич, сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. Правильности атрибуции подтверждает также и топография находок. Именно Олег был поочередно связан с Волынским и Черниговским уделами, а в Киеве одно время княжил отец Олега, что вполне объясняет находку еще одной печати в Киевской области.

В Изборнике Святослава 1073 года сохранилась изображение князя Святослава Ярославича с супругой и пятью наследниками. Среди них присутствует и фигура Олега с соответствующей подписью «ОЛЬГЪ» над изображением, (рис. 4).

Крестильное имя князя в летописях не зафиксировано, однако оно указано в Любечском синодике [14] и «Хождении игумена Даниила» [15].

Что касается времени, когда могли быть оттиснуты эти печати, то в этом следует обратиться к летописям. Олег Святославич сравнительно часто фигурирует в летописных статьях, поэтому жизнеописание князя относительно неплохо поддается реконструкции.

Свой первый опыт княжения, юный Олег получил в Ростове, входивший тогда в состав Черниговского княжества. После бурных событий марта 1073 года и изгнания Святославом своего брата Изяслава из Киева, происходит перестановка сил на политической арене. Святослав Ярославич занимает Киевский стол и становится великим князем, а третий Ярославич — Всеволод, соучастник заговора против Изяслава, из Переяславля перебирается в Чернигов — бывший до этого без малого двадцать лет вотчиной Святослава. Вскоре после утверждения на киевском столе, новый киевский князь отдает Олегу во владение Владимир Волынский.

Следует полагать, что к периоду княжения Олега во Владимире и относится серия из трех печатей, рассматриваемая выше. Это единственный период в жизни Олега, когда он владел Волынской землей, а стало быть мог издавать акты и скреплять их буллами. В дальнейшем судьба больше не свяжет этого князя с Волынским столом.

Здесь следует отметить, что последующие печати Олега несут на себе изображение Михаила в полный рост, в отличие от погрудного изображения Архангела на рассматриваемых образцах. Это, по всей видимости, связано с необходимостью стилистического отличия печатей Олега-Михаила от булл его двоюродного брата Святополка-Михаила. Последний также помещал на печати погрудное изображение своего небесного покровителя. Однако когда Олег начинал княжить во Владимире и изготовил для себя печать, Святополк находился со своим отцом в изгнании, и не владел

Рис. 4. Миниатюра из Изборника Святослава

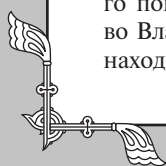

на Руси никакими столами, а равно и не имел собственных печатей. Первые известные буллы Святополка датируются более поздним временем, а именно периодом его княжения в Новгороде [16], но к тому времени уже сам Олег находился в изгнании на острове Родос и не имел никакого влияния на Руси.

Но вернемся к Волыни. О деятельности Олега во Владимире-Волынском сохранилось мало сведений. Известно, что в 1076 году Олег вместе с Владимиром Мономахом возглавили русский экспедиционный корпус, цель которого помогать союзнику Святослава — Болеславу Смелому в войне с чехами [17].

Положение князя радикально меняется в декабре 1076. В результате неудачной хирургической операции умирает отец Олега — Святослав Ярославич. Этим воспользоваться соперник Святослава за киевский престол — Изяслав. Заключив договор с поляками, он в следующем же 1077 году заявляет о своих претензиях на золотой Киевский стол и вместе с польским войском отправляется в поход на Киев. Всеволод, который после смерти Святослава имел все шансы стать великим князем киевским, чтобы остановить вторжение, выступает со своей дружиной навстречу полякам на Волынь.

Братьям удается решить конфликт мирным путем: «Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынь; и сотворили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове» [18]. Условия мира здесь предельно ясны — Изяслав возвращает себе Киевский стол, а Всеволод оставляет за собой право на Черниговскую землю. Для Олега же эти события обернулись потерей Волыни и лишением прав на отцовское наследство. Взяв власть, князь киевский Изяслав отдает Волынь

своему сыну Ярополку, а Чернигов же оставался в руках Всеволода. Как видим из летописи, именно в отцовский Чернигов, к Всеволоду, Олег и отправляется, чтобы решить с ним свою дальнейшую участь.

Подробности пребывания Олега в Чернигове неизвестны, однако о результатах можно судить с сообщения летописной статьи, которая за 1078 год начинается так: «Бежал Олег, сын Святослава, в Тмутаракань от Всеволода, месяца апреля в 10-й день» [19]. Врядли жизни Олега в Чернигове угрожала какая-либо опасность, но и на милость тоже рассчитывать не приходилось. В лучшем случае Олег мог выпросить себе в удельное владение небольшой городок на окраинах Черниговского княжества. Но видимо буйный нрав молодого княжича, еще так недавно владевший одной из сильнейших земель на Руси, не мог спокойно мириться с участью изгоя, лишённого всяких прав на наследство.

Выбор Тмутаракани Олегом не случаен, в то время там княжил родной брат Олега — Роман. Там же находился и двоюродный брат Борис Вячеславич, пытавшийся незадолго до этого поднять бунт против Всеволода в Чернигове. Они решают объединить усилия и силой попытаться вернуть себе отцовский стол. Заключив союзный договор с половцами, и вероятно полагаясь на поддержку черниговских бояр, летом 1078 года братья выступили в поход на Всеволода.

Узнав о вторжении в пределы черниговской земли половцев, возглавляемых Олегом и Борисом, дружина Всеволода выступает им на встречу. Оба войска встретились на реке Сожице. Состоялась битва. Летописец, пораженный происшедшим так описывает эти события: «Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Туку Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов» [20]. Разбитый Всеволод с остатками своей дружины бежит к брату Изяславу в Киев, а Олег занимает княжеский стол в Чернигове.

Но война еще не была выиграна в полном объеме, и обе стороны это понимали. Пробыв какое-то время в Чернигове, Олег оставляет там небольшой гарнизон, а сам с братом отправляется собирать войска для продолжения войны, теперь уже с Изяславом.

Новые столкновения начались сенью того же 1078 года. Коалиция князей в составе великого князя киевского Изяслава, Волынского князя Ярополка и Всеволода выступила в поход на Чернигов. С севера к городу подошло войско сына Всеволода, бывшего соратника Олега по чешскому походу, а ныне смоленского князя — Владимира Мономаха.

Подойдя к крепости, князья узнали, что Олега нет в городе, однако черниговцы не собирались покоряться Всеволоду, и затворили ворота замка, ожидая возвращения Олега с войском. Начался штурм: «Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город» [21]. Тем временем к Чернигову успевает подойти Олег с братом Борисом, но застать врасплох штурмующих братьям не удалось, разведка заранее донесла Изяславу о приближении Олега. На экстренном сборе было решено снять осаду с города и выйти на встречу неприятелю:

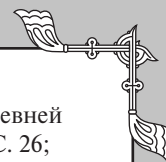
«Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега» [22]. О дальнейших событиях повествует киевский летописец: «...и сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостоять четырем князьям, но пошлем со смирением к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех». Похвалился он сильно, не ведая, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и когда были они у села на Нежатиной ниве, соступились обе стороны и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял среди пеших воинов, неожиданно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и бежал Олег с небольшой дружиной, и едва спасся, убежав в Тмутаракань. Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день» [23]. Прокняжив на черниговском престоле всего 39 дней, Олег с остатками разгромленной дружины вновь вынужден бежать в Тмутаракань.

Полагаю именно этим периодом его кратковременного княжения и следует датировать печать, найденную осенью 2008 года в окрестностях Чернигова. Она вполне вписывается в реконструкцию хода событий, и с большой долей вероятности попала в землю непосредственно вскоре после их завершения. Несомненно, примечательным в данной печати есть то, что на ней изображен сам Олег. Ему здесь около 25-ти. Стройный юноша, в отличие от своего отца, который на печатях изображен с крестом на длинном древке, Олег предстает перед нами с копьем, зажатым в руке. В этом случае психологическая характеристика князя всецело совпадает с изображением на печати.

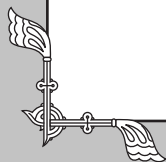
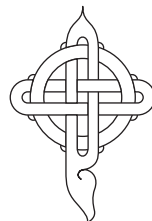
О том, что другого времени для оттиска этой печати у Олега быть не могло, говорят дальнейшие события. В следующем же году, во время вновь инициированной братьями попытки с помощью половцев утвердиться на Руси, проблема с беспокойными Святославичами была решена кардинально иным методом: «Пришел Роман с половцами к Воинно. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море в Царьград» [24]. Отправился в ссылку Олег, по всей видимости не без участия Всеволода, так удачно сумевшего договориться с хазарами. Но история Олега Святославича на этом не заканчивается. Через долгих 16 лет ему снова выпадет шанс побороться за черниговский престол, будут новые битвы, интриги, победы и поражения, однако к тому времени на Руси уже будут господствовать совсем иные сфрагистические типы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Янин В. Л. «Актовые печати Древней Руси X-XV вв.», Т. 1. М.: Наука, 1970. — С. 41
2. В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков «Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г.», П. Г. Гайдуков «Актовые печати Древней Руси X-XII вв.» — <http://www.siegel.ru/2006/sv06.html-см.№13в,13г,13д,13е,13ж>.

3. *Е. Туровский* «Сфрагистика», электронная версия журнала «Срібло», www.gazetasriblo.com.ua/component/content/article/53-miscellaneous/251-2009-06-02-08-55-56.
4. *Янин В. Л.* «Актовые печати Древней Руси X-XV вв.», Т. 1. М.: Наука, 1970. — С. 34-35.
5. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* «Актовые печати древней Руси X-XV вв.», Т. III. М.: Интрада, 1998. — См. №96, 10а, 12а, 13а, 13б
6. *Е. Туровский* «Сфрагистика», электронная версия журнала «Срібло», www.gazetasriblo.com.ua/component/content/article/53-miscellaneous/251-2009-06-02-08-55-56 (дата обращения: 02.06.09).
7. ПСРЛ. Т. II (Ипатьевская летопись). М., 1998. — стб. 275
8. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* «Актовые печати древней Руси X-XV вв.», Т. III. М.: Интрада, 1998. — С. 25, 40
9. *Татищев В. Н.* «История российская.», Т. 2. — М.-Л., 1963. — С. 78
10. *Карамзин Н. М.* «История Государства Российского», Спб., 1892. — Т. 2. — С. 48, 49
11. ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). — М., 1962. — Стб. 174
12. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* «Актовые печати древней Руси X-XV вв.», Т. III. М.: Интрада, 1998. — С. 26; Куза А. В. «Печати Евстафия: О некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.», СА. 1977. № 3. С. 123
13. *Янин В. Л.* «Актовые печати Древней Руси X-XV вв.», Т. 1. М.: Наука, 1970. — С. 15
14. *Зотов Р. В.* «О Черниговских князьях по Любечскому Синодику и о Черниговском княжестве в татарское время», СПб.: 1892. — С. 24, 34
15. ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. — С. 313
16. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* «Актовые печати древней Руси X-XV вв.», Т. III. М.: Интрада, 1998. — С. 25
17. *Соловьев С. М.* «История России с древнейших времен», Сочинения. Кн. I. Том. 2. М., 1988. — С. 348
18. «Повесть временных лет.» — М.-Л. — Ч. 1. — С. 132
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же. — С. 133
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же. — С. 135

Дрогичинские пломбы (размышления о назначении)

Олег Юрковский
(Украина)

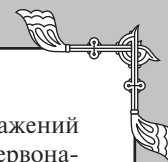
В предисловии сделаем экскурс в историю самого термина Дрогичинские пломбы. В 19 в., в летописном городе Дорогичин, расположенный на берегу реки западном Буга (в настоящее время Дрогичин современная Польша), местные жители, после отлива и изменения русла реки Западный Буг, начали находить среди различных древностей периода 11-13 веков маленькие кусочки свинца, на которых с двух сторон были оттиснуты различные знаки, точки, кружочки, лица людей, очень редко — лики Святых. Неизменностью таких пластинок были микроскопические дырочки с двух сторон, что давало возможность предположить, что эти кусочки свинца подвешивались куда то, а следовательно выполняли роль каких то пломб или знаков. Мы же будем их называть пломбы. По форме данные пломбы встречаются круглые, овальные, прямоугольные, квадратные. От вислых печатей тех времен, данные пломбы отличаются размером 5-15 мм, толщиной 1,5-3 мм, а главное своей неправильной формой, можно даже сказать небрежностью изготовления самих свинцовых заготовок. Хотя следует подчеркнуть, что исходя из личного опыта, существуют экземпляры правильной формы, но встречаются редко. В 1864 году местный житель Дрогичина передал двадцать таких пломб графу К. П. Тышкевичу, (одному из основателей Белорусской археологии), который в 1865 году ввел их в научный оборот, предварительно проконсультировавшись с рядом известных зарубежных ученых. С тех пор, эти необычные памятники средневековой сфрагистики неизменно привлекают интерес многих исследователей, ученых, археологов и просто поисковиков, высказывающих различные точки зрения относительно происхождения, датировки, атрибуции и назначения данных пломб.

Каково же назначение этих удивительных, маленьких кусочков свинца? Чешский археолог К. В. Запп, усмотрел в них сходство с польскими и чешскими гербами, полагал, что это таможенные клейма, свидетельствующие о древних торговых путях по Западному Бугу и Неману. Из Археологического института в Лондоне сообщили о похожих товарных пломбах римской эпохи из графства Уэстморленд (Англия), и коллекций Британского музея. Тышкевича полученные ответы не удовлетворили, так как ученый сомневался в наличии таможенного порядка и клеймения товаров в столь давние времена на месте Дрогичина. Не согласился он и с мнением Виленской археологической комиссии, отождествившей загадочные свинцовые кружки с буллами, когда-то привешивавшимся к документам

являгов западнобалтийских племен, которые проживали в древности вокруг Дрогичина, ошибочно считавшегося ранее их столицей. По его же собственной гипотезе, пломбы следовало причислить не к актовым печатям, а к религиозным талисманам, посвященным языческим божествам, чьи символы были заимствованы ятвягами у соседних славянских народов, имевших гончарную посуду с аналогичными клеймами на днищах. А. А. Котляревский, ознакомившись с работой Тышкевича в процессе ее подготовки к печати в сборнике Древности. Труды Московского археологического общества, назвал их знаками собственности либо фабричными марками.

Киевский археолог-любитель и коллекционер Н. А. Леопардов, пожалуй, первым связал огромное скопление пломб в Дрогичине с функционированием важной торговой магистрали Днепр, Припять, Западный Буг, Висла, Балтийское море, использовавшейся для перевозки товаров из Византии, где их опечатывали специальные чиновники, т.е. коммерциарии. Здесь, на русско-польском порубежье пломбы отрезались с целью контроля за сбором таможенной пошлины, шедшей в пользу киевского князя. В качестве доказательства византийского происхождения дрогичинских пломб им привлекались херсонесские монеты IX в. Известный ученый-византист В. Г. Васильевский, выступая на съезде, указал на соответствующие аналогии в виде печатей византийских таможенных чиновников, а И. Я. Спрогис предположил, что пломбы это печати судей. По мнению С. В. Люба-Радзинского, знаки на дрогичинских пломбах представляют русские гербы, что оспорил И. А. Линниченко, находивший в них сходство с польской эмблематикой и утверждавший об отсутствии у русских гербов в то время. Археолог В. И. Сизов посчитал их не за вислые печати, а за семейные русские знаки, тамги, применявшиеся в кустарных промыслах, сославшись на клейма на днищах древнерусских глиняных сосудов и кирпичей из Смоленска, о чем говорили также С. П. Писарев и Н. И. Петров. В ходе дискуссии далее подчеркивалось сходство клейм на пломбах с бортевыми знаками.

К концу 19-го века в научной литературе появилась информация о находках пломб типа дрогичинских в ряде других мест Восточной Европы: в Киеве, Любове около Вильно, Рюриковом Городище под Новгородом и в самом Новгороде, в с. Борки около современной Рязани (древнего Переяславля-Рязанского), и в Старой Рязани, на днепровском острове Каменоватый в районе порогов, в Твери. Сравнив находки из Рязани

(Сакор-горы на Борковском острове), и Старой Рязани, А. И. Черепнин нашел их весьма похожими на дрогичинские.

По наблюдениям академика Н. П. Лихачева, дрогичинские образцы наиболее близки к рязанским, но наряду со сходными признаками несколько отличаются от киевских и новгородских находок. В процессе аналитической работы им использовались все доступные для изучения материалы из музейных и частных собраний, в том числе собственного, насчитывавшего около трех тысяч экземпляров, частично, правда, беспаспортных. Широко привлекая актовые буллы, он предположительно атрибутировал личный знак одного из Рюриковичей — великого киевского князя Всеволода Ольговича (1139-1146 гг.), более осторожно относясь к отождествлению других княжеских тамг, оттиснутых на пломбах дрогичинского типа, которые, по мнению ученого, являлись не вислыми печатями, не пломбами византийских коммерциариев, а торговыми знаками, знаками производства. Также темой дрогичинских пломб интересовались и крупный нумизмат А. В. Орешников, и виднейшие археологи той поры А. А. Спицын и Л. Нидерле. Среди изготовителей пломб, по предположению Спицына, могли быть правительственные, духовные и частные лица, общины и торговые общества, цехи.

На основе коллекции дрогичинских пломб, хранящейся в ГИМ (Москва), Б. А. Рыбаков подсчитал, что приблизительно 25% всех пломб из Дрогичина имеет древнерусские княжеские тамги, и объяснил их массовые находки активной торговлей Руси по Западному Бугу. Значительная часть дрогичинских пломб, по его предположению, связана с князем Всеволодом Ольговичем, который поддерживал тесные связи с Польшей, выдав свою дочь Звениславу замуж за сына краковского князя Владислава II Болеслава Высокого, впоследствии правителя Силезии. Единичные образцы из остальных пломб со знаками Рюриковичей были ученым гипотетически идентифицированы с великим киевским князем Всеволодом Ярославичем (1078-1093 гг.) и черниговским князем Олегом Святославичем (умер в 1115 г.).

Польские ученые востоковед Т. Левицкий и археолог К. Мусянович отнесли позитивно к выводу Б. А. Рыбакова, считая, что пломбы привешивались к товарам и к так называемым меховым деньгам. Значительную ценность для их дальнейшего исследования представила опубликованная Мусянович корреляционная таблица изображений на 458 дрогичинских пломбах из собраний Государственного археологического музея в Варшаве. Вслед за Левицким А. Л. Монгайт первым из отечественных исследователей связал находки пломб дрогичинского типа с процессом клеймения связок меховых денег, описанным арабским путешественником XII в. ал-Гарнати, хотя ранее в своей книге о Старой Рязани писал лишь о их товарной принадлежности. Немало интересных материалов, давших дополнительные данные для истолкования пломб, было получено в ходе археологических раскопок посада и городища Дрогичина в 1954-1957 гг.

Внимание ученых к пломбам дрогичинского типа вновь повысилось в последние двадцать лет. Основываясь на некоторых отличиях части новгород-

ских пломб от дрогичинских в сочетании изображений и во внешнем оформлении, Б. Д. Ершевский первоначально отнес большинство из 342 изученных им находок из Новгорода и Рюрикова Городища к печатям новгородских посадников второй трети XII первой трети XIII в., использовавшимся в смешанном суде, а некоторые связал с древнейшими посадническими печатями конца XI начала XII в. и меховыми деньгами. Возможность привешивания части относительно хорошо изготовленных пломб дрогичинского типа к актовым документам не отрицал еще раньше и В. Л. Янин, допускавший их принадлежность тысяцким либо другим представителям новгородской администрации.

Базируясь на изучении 930 экз. из коллекции Н. П. Лихачева, хранящейся в ГЭ, Ершевский предложил свою классификацию дрогичинских пломб. Исследователь выделил на них 32 типа княжеских тамг, объединенных в 9 категорий, а также 17 типов изображений кириллических букв, человеческого лица и так называемого знака трискелес («triskeles»). Сделанный им в результате сравнения вывод о принципиальном различии дрогичинских и новгородских свинцовых пломб нельзя, однако, считать окончательным. Непонятно, каким образом Ершевский отделил пломбы из Дрогичина от находок из Новгорода из дореволюционных, частично беспаспортных материалов. Используемая им выборка составляет едва ли десятую часть всех находок пломб дрогичинского типа на территории Восточной Европы и совершенно не охватывает дрогичинские пломбы, хранящиеся в музеях Польши, Беларуси, Украины. Соответственно не привлечена и польская литература о них, в том числе и опубликованная Мусянович сравнительная таблица изображений на пломбах из Дрогичина. Таким образом, до публикации максимально полного свода всех открытых пломб дрогичинского типа, их детального сопоставления все заключения о тождестве и различиях их локальных групп могут носить лишь предварительный характер.

За сто тридцать лет, прошедших с момента введения в научный оборот первых находок дрогичинских пломб, они не раз становились предметом внимания отечественных и зарубежных исследователей, однако до сих пор остаются до конца нерешенными многие вопросы, касающиеся их хронологии, назначения и использования. Неясно, где они прикреплялись к товарам либо связкам шкурок, почему обнаружены в том огромном количестве в сравнительно небольшом пограничном Дрогичине, а не в более крупных политических и торговых центрах Древней Руси. Не картографированы все известные к настоящему времени местонахождения пломб дрогичинского типа в Восточной Европе. Необходимо проследить количественное распределение их находок по пунктам и регионам, создать общую типологию и установить закономерности в распространении определенных сфрагистических типов, характеризующихся сочетанием изображений и знаков на обеих сторонах пломб. Целенаправленная разработка данной проблематики поможет приблизиться к решению вопросов идентификации этих интереснейших памятников средневековой сфрагистики, к уточнению состава их функциональных групп. В результате еще больше повысится ценность пломб дрогичинского типа как массового источника по истории древнерус-

Фото 1.

Фото 2.

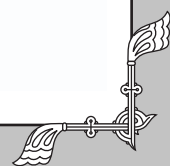

Фото 3.

Фото 4.

Фото 7.

Фото 8.

Фото 9.

Фото 5.

Фото 10.

Фото 6.

ской геральдики, сфрагистики, торговли и денежного обращения.

Чтобы подготовить почву для создания надежной и детальной классификации, максимально достоверной атрибуции пломб дрогичинского типа, необходимо прежде всего вывить и картографировать все известные к настоящему времени находки.

Лично мне приходилось обнаруживать дрогичинские пломбы, только в крупных летописных древнерусских поселениях 10-14 вв. расположенных на территории современной Украины в Ровенской и Волынской областях. Наибольшее количество находок дрогичинских пломб было сконцентрировано возле летописного Чемерина Волынской обл. Украина. На сравнительно маленьком участке земли, примерно в 200 кв. м., было обнаружено свыше сорока пломб, часть из них на фото 1 и 2. Особенностью данных пломб, является тот факт, что среди них мы видим практически все разнообразие форм, известных по дрогичинским пломбам. Тут имеет место и круглая, и прямоугольная, и овальная форма. Есть пломбы с княжескими символами: двузубом и трезубом, с ликами Святого и с различными знаками, что не скажешь о пломбах с Пересопницы. В районе летописной Пересопницы было обнаружено свыше десяти пломб, но в различных частях поселения, в отличии от Чемерина (фото 3 и 4), при чем по стилю исполнения угадывается более ранний тип пломб (фото 7 и 8), так и более поздний 14-15 вв., (фото 9 и 10). В районе летописного Томахова Ровенской обл., было обнаружена одна дрогичинская пломба, (фото 5 и 6). Все мои находки дрогичинских пломб происходили на берегу рек, что дает основание утверждать о больших торговых связях древней Руси.

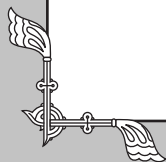
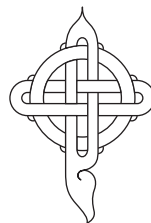
Я надеюсь, что придет время, когда ученые поставят точку в научных спорах по назначению и использованию дрогичинских пломб.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Перхавко В. Б.* «Распространение пломб дрогичинского типа», 1996.
2. *Тышкевич К. П.* «Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина», Древности. Тр. Московск. археологич. о-ва., М., 1865. Т. 1, вып. 2. С. 115-122.
3. *С. В. Белецкий и М. П. Сотников (Санкт-Петербург), П. Г. Гайдуков (Москва),*
4. *Котляревский Л. А.* «Заметки к статье гр. К. П. Тышкевича. О свинцовых оттисках, найденных в реке Буг у Дрогичина», Древности. Тр. Московск. археологич. о-ва. Т. I, вып. 2. С. 242-248;
5. *Ефименко П. С.* «Юридические знаки», ЖМНП. 1874. Ноябрь. С. 150,151;
6. *Соловьев Е. Т.* «Знаки собственности в России. Историко-археографический очерк», Казань, 1885. С. 78
7. *Авенариус Н. П.* «Дрогичин Надбужский и его древности», Древности Северо-Западного края. Т. I, вып. 1. МАР. 1890., 4. С. 13-18.
8. *Сторожев В. Н.* IX «Археологический съезд в г. Вильно», Историческое обозрение. СПб., 1894. С. 15;
9. *Авенариус Н. П.* «Еще несколько слов о дрогичинских пломбах», Тр. IX АС в Вильне. М., 1897. Т. 2. С. 325-328.
10. *Леонардов Н. А.* «По поводу дрогичинских находок», Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Киев, 1890. Вып. I. С. 90;
11. *Леонардов Н. А.* «Набросок о дрогичинских пломбах», Киев, 1890;
12. *Леонардов Н. А.* «О сходстве изображений на некоторых херсонесских монетах с изображениями на дрогичинских свинцовых знаках», Сборник снимков... Киев, 1891. Вып. II. С. 8-11;
13. *Леонардов Н. А.* «О печати царева мужа (По поводу дрогичинских пломб)», Сборник снимков... Киев, 1891. Сер. 2. Вып. 1. С. 19?24; Он же. Приложение к статье «О печати царева мужа», Киев, 1891. С. 3-23.
14. *Лучицкий И. В.* «По поводу дрогичинских древностей. Заметка к истории торговых сношений Ганзы с северо-западной и южной Русью», Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1892. Кн. 6. С. 73-104.
15. *Болсуновский К. В.* «Дрогичинские пломбы.», Киев, 1894. Ч. 1;
16. *Болсуновский К. В.* «Свинцовые пластины (пломбы) с условными знаками церковных праздников.», Киев, 1899. С. 3-12;
17. *Stieda L.* «Über die Plomben von Drogitschin», Festschrift zur ferier des fünfzigjährigen Bestehens der Altertumsgesellschaft «Prussia» in Königsberg. Königsberg, 1894. S. 17-31.
18. «Труды IX АС в Вильне.», Т. 2. С. 62.
19. *Черепнин А. И.* «Борковский остров и его древности», Археологические известия и заметки. М., 1894. Т. 2.? 67. С. 181-184;
20. *Черепнин А. И.* «Местная старина», Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1894. Т. 9, вып. 1. С. 17-18;
21. *Янчук Н. А.* «Дрогичинские пломбы», Археологические известия и заметки. М., 1897. Т. 5. 56. С. 197;
22. *Трутовский В. К.* «Рязанские пломбы», Отчет этнографо-археологического музея I МГУ. М., 1926. Вып. 1. С. 7-11.
23. *Лихачев Н. П.* «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики.», Л., 1930. Вып. 2. С. 57-91 (Ф. 35. Оп. 2.? 444. Табл. VIII, XXI, XXII, XXV, XXIX-XXXI и др.).
24. *Спицын А. А.* «Разведка памятников материальной культуры», Л., 1927. Рис. 175, 176;
25. *Орешников А. В.* «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам», Изв. АН СССР. 1930. Сер. VII. — 2. С. 109-112;
26. *Рыбаков Б. А.* «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв.», СА. М., 1940. Т. VI. С. 244-245; Он же, «Ремесло древней Руси.», М., 1948. С. 470; Он же. «Торговля и торговые

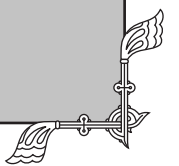

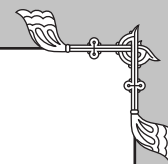
- пути», История культуры Древней Руси. М.; Л, 1948. Т. 1. С. 344.
27. *Монгайт А. Л.* «Старая Рязань», МИА. М., 1955. ? 49. С. 159-162; Он же. «Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150-1153 гг.», История СССР. 1959. — 1. С. 169-179; Он же. «Рязанская земля», М., 1961. С. 321-323.
28. *Ершевский Б. Д.* «Древнейшие печати новгородских посадников (1096-1117 гг.)», СА. 1978. 2. С. 240-248; Он же. «Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII -начала XIII в. с изображением княжеских знаков», ВИД. Л., 1978. Вып. X. С. 38-55; Он же. «Об одной группе новгородских свинцовых пломб XII — первой трети XIII в.», Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1979., 4. С. 50-60.
29. *Янин В. Л.* «Печати из новгородских раскопок 1951 г.», СА. М., 1953. Т. VII. С. 381; Он же. «Актовые печати Древней Руси X-XV вв.», М., 1970. Т. I. С. 11, 150-153.
30. *Ершевский Б. Д.* «Классификация, типология, хронология дрогичинских пломб» Археология и история Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1984. С. 49-51; Он же. «Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачева)», ВИД. Л., 1985. Вып. XVII. С. 36-57.
31. *Болсуновский К. В.* «Дрогичинские пломбы.», Ч. 1. С. II-XLVIII;
32. *Гавриленко В. О.* «Українська сфрагістика: Питання предмета та історіографії. Київ», 1977. С. 11, 54-67, 81-86; «Українська сфрагістика. Анотований бібліографічний покажчик.» В. О. Гавриленко. Київ, 1991.

Изматика

Некоторые уточнения к каталогу Данненберга

Антон Михельсон

(Россия)

Первые попытки описания и исследования европейских денариев 10-11 веков предпринимались с давних времен, но, как правило, не носили какого-либо систематического характера. Чаще всего это были лишь бессистемные упоминания, среди прочих монет и экспонатов. Одним из первых опубликовал труд, касающийся находок денариев на территории Российской Империи отечественный нумизмат Кене. А создать сколько-нибудь полный каталог только германских монет впервые удалось немецкому нумизмату Герману Данненбергу (Hermann Dannenberg). Его труд *Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit* (Немецкие монеты саксонской и франконской династий) выдержал несколько переизданий с 1876 по 1905 годы, с уточнениями и дополнениями, и до сих пор остается самой актуальной и цитируемой работой по данной тематике. Ссылки на его каталог являются основными в определении немецких денариев. За прошедшее столетие были сделаны многие новые монетные находки, многие исследователи трудились над более узкими, региональными темами, но столь же всеобъемлющей работы по всем немецким монетам до сих пор нет.

В каталог включено более, чем 2200 типов и разновидностей монет. Определение дано большинству из них, но значительная часть осталась неопределенной. Под определением в первую очередь понимается установление монетного двора, чеканившего данную монету, а затем имя эмитента (датировка). Во многих случаях на денариях указывается и то, и другое. Название города чаще всего приводится в латинской форме. Эмитентом же может быть как сам император (король), местный (региональный) светский сеньор, либо местный церковный владетель. В том случае, когда название города не указано, но есть имя монетного сеньора, сопоставляются исторические данные, характер чеканки, изучаются возможные аналогии, и исходя из всего этого делается вывод о месте выпуска. Иногда на монете отчеканено изображение и имя святого. Зная, какие патроны покровительствуют каким городам, также можно определить место чеканки. В некоторых случаях на монете указано название города, но отсутствует имя эмитента. Или указано широко распространенное имя. К примеру, не всегда просто отличить императорский чекан с именем Heinrich, так как в рассматриваемый период известно четыре властителя с именем Генрих. Определение временных границ чеканки для таких монет дается, насколько это возможно, по дан-

ном о кладях, из которых такие монеты происходят, из контекста и прочих деталей.

Монеты в каталоге Данненберга разделены на несколько категорий, в зависимости от степени определенности. Есть монеты полностью определенные, где известен и монетный двор, и имя эмитента. Они разделены по регионам и городам. Есть монеты определенные отчасти, когда их характерные особенности позволяют отнести к определенному региону, например, Лотарингии, или Саксонии, но не к конкретному монетному двору. Также есть монеты, где явственно читается имя эмитента, но в силу каких-либо причин нет возможности определить место чеканки. Есть монеты и неопределенные, где неизвестно ни имя правителя, ни название города. Неопределенность также может быть связана и с другими причинами, а именно с непрочеканенностью названия города на известных экземплярах, либо с его нечитаемостью. Денарии некоторых типов крайне редки и обнаружение и изучение каждого нового экземпляра может пролить свет на атрибуцию ранее неопределенного типа. Иногда надписи на монете читаемы, но, тем не менее, соотносить указанное название с каким-то конкретным местом, известным на сегодняшний день, нет возможности. Это задача исторической географии. Кроме того, существуют и полностью анэпиграфные монеты. Определение для таких монет возможно по анализу изображений, различным косвенным признакам, особенностям технологии производства, металлу, по археологическим данным. Это уже поле для деятельности все новых и новых поколений исследователей.

Каталог Данненберга охватывает, пожалуй, подавляющее большинство монет, которые были выпущены во времена Оттонов (Саксонская династия) и Салической (Франконской) династии, то есть со второй половины 10 века и по 1125 год, дату смерти Генриха V. Однако, постоянно делаются новые находки, как кладовые, так и единичные. Они дают возможность иногда по-новому взглянуть на давно известный материал. Кроме того, обнаружение нового, неопубликованного типа монет, не говоря уже о разновидностях, не такая уж и редкость. Этим и привлекателен этот замечательный раздел нумизматики.

Доля монет, вошедших в каталог Данненберга как неопределенные, довольно высока, и составляет, примерно, 20 процентов. Часть этих монет является крайне редкими, или даже уникальными экземплярами.

Тем не менее, некоторые монеты встречаются довольно часто, хотя они не были определены по какой-то при-

чине, либо определение было дано под вопросом. Более того, если проанализировать распределение денариев в соответствии с их редкостью, выявляется немногочисленная удивительная картина. Самые распространенные и многочисленные группы монет оказываются часто в числе неопределенных. Я имею в виду, прежде всего, так называемые пфенниги Оттона и Адельгейды и вендики (другое их название венденпфенниги, саксенпфенниги). Чем это объясняется? Возможно, не указание места чеканки на них умышленное, и связано именно с их предназначением для обращения именно в качестве межрегиональной и межгосударственной валюты. Можно также отметить, что и другие крайне широко распространенные типы денариев также часто нуждаются в специальных исследованиях, чтобы установить место их чеканки. Например, это близкие по дизайну к пфеннигам Оттона и Адельгейды выпуски Майнца, Вормса и Шпеера, а также выпуски Кельна с монограммой S-COLONIA-A. Несмотря на то, что формально на этих монетах название города в той или иной форме присутствует, но в реальности оно чаще всего либо не читается, выродившись до абракадабры, либо уже не воспринимается, как название места чеканки, как в случае с кельнской монограммой. Возможно, это следствие массовости этих выпусков, где количество чеканки пошло в ущерб качеству. Но также возможно, что основной задачей было сохранение узнаваемого облика монеты, без привязки к конкретному месту, что обеспечило бы уверенное хождение этой монеты и в других регионах.

За прошедшее столетие исследователи смогли установить более точное происхождение для многих из не до конца определенных монет, пользуясь как археологическими данными, так и разными средствами анализа.

В данной статье я хочу сделать обзор именно таких монетам, нередким, но получившим более точное, или другое определение, нежели у Данненберга. Кроме того, хотелось бы упомянуть несколько типов, которые по неясной причине не включены в каталог, но встречаются довольно часто.

Пфенниги Оттона и Адельгейды (Dbg. 1164-1173, 1773-1775 и др.)

Так называемые «пфенниги Отто и Адельгейды» (ОАП) это самая многочисленная по известному количеству экземпляров группа денариев. Как правило, они присутствуют практически во всех кладах с денариями 11 в., где их доля может доходить до трети и более от общего числа. Также много их и среди единичных находок, и среди монет-украшений и «оболов мертвых». Несмотря на свою многочисленность, ОАП до сих пор дают пищу для оживленных дискуссий. Основными дискутируемыми вопросами являются извечные «кто, когда и где выпускал эти монеты». И даже наличие на них двух имен оставило пространство для разногласий. Согласно одной версии, эти имена принадлежат Оттону I (936-973) и его жене Адельгейде. Согласно другой, это Оттон III (983-1002), и его бабка и опекунша Адельгейда. Последней версии придерживался и сам Данненберг, и ее подтверждают современные исследования. Они основываются на анализе металла, который

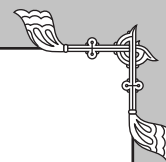
показал происхождение значительной части серебра этих монет из раммельсбергских рудников, разработка которых началась после 968 г., что говорит в пользу Оттона III. Кроме анализа состава металла, проведено исследование большого количества кладов, содержащих ОАП, и по Terminus Post Quem этих кладов (Т.Р. Q., дата, о которой с уверенностью можно утверждать, что комплекс сокрыт не ранее этой даты) разработана относительная и абсолютная хронология не только для ОАП в целом, но и для отдельных подтипов и разновидностей. В настоящее время на основе материала кладов и находок, сделанных в Швеции, а это более 12000 экземпляров, издана работа, систематизирующая ОАП, Otto-Adelheid-Pfennige. Untersuchungen zu den M nzen des 10/11 Jahrhunderts. Hatz, G., Hatz, V., Zwicker, U., Gale, N. Z. в серии работ, посвященных шведским находкам монет 9-11 веков, Commentationes de Nummis Saeculorum IX-XI in Suecia Repertis.

Прежде, чем давать более подробное описание, хотелось бы дать простое определение, что именно подразумевается под ОАП. Это монеты, на которых отчеканены имена Отто и Адельгейда, а также несколько типов прямых имитаций. Также очень распространены денарии, отчеканенные в Вормсе, Майнце, Шпеере и других местах (Dbg. 778, 779, 825, 842 и т.д.) общим видом сходные с ОАП, ими все же не являются, потому что не имеют указанных имен.

Среди ОАП выделено шесть основных групп. Пять из них имеют на одной из сторон характерный дизайн в виде стилизованного изображения церкви. Кроме них есть еще один тип, с изображением головы, также отнесенный к ОАП.

Исследования, проведенные на основе материала из шведских кладов, показали, что наиболее ранней датой появления ОАП является примерно 990 год. Максимальный выпуск приходится именно на время правления Оттона III. Самым ранним вариантом ОАП считается тип HzII. Его выпуск, определенно, происходил в первой половине последнего десятилетия 10 века. Начало эмиссии типов HzIII и HzIV также было положено в первой половине 990-х. Но, в отличие от второго типа, они стали довольно устойчивыми, и продолжали чеканиться еще долгое время после смерти Оттона, при Генрихе II (1002-1024), и даже при Конраде II (1024-1039), примерно до 1030 года. Несмотря на смену императора, имена правителей на монете так и не были изменены. Далее с течением времени ОАП также продолжали выпускаться. Старые типы получали все больше изменений, преобразуясь в новые. Формально эти новые типы, HzV и HzVI являются уже поздними подражаниями для ОАП, но все-таки они несут все те же имена, Оттон и Адельгейда, хотя и искаженные. Новые типы стали появляться примерно с конца 1020-х годов, получили развитие в 1030-е и 1040-е. Дальше производство пошло на спад, и к 1060-м годам выпуск ОАП прекратился.

Место чеканки для ОАП дается чаще всего достаточно неопределенно, «область Гарц (Harz)». Это горный регион в Саксонии, где были открыты богатые серебряные рудники, из металла которых, в основном, и чеканились ОАП. Чеканка могла происходить в близлежащих городах. Среди таких городов разные источники называют Гослар, Кведлинбург, Халберштадт,

Гиттельде, Магдебург и другие. Привязка типов ОАП к конкретным городам — это очень интересная задача для нумизматов. Все вышеперечисленные города, по крайней мере, в 11 веке, чеканили монету и собственных типов. Некоторые из этих типов имеют достаточно схожие черты с ОАП, что дает возможность строить определенные предположения. Но пока считается установленным одно место чеканки — Гослар. Этот город находится в непосредственной близости от Раммельсбергских рудников, и выпуск ОАП в нем носил, пожалуй, самый массовый характер.

Перейдем к описанию основных типов пфеннигов Оттона и Адельгейды.

Dbg. 1164

Dbg.1164

Hz I (Dbg. 1164, 1165)

Первый тип является наименее характерным представителем ОАП. На лицевой стороне голова правителя в диадеме в профиль влево, по кругу надпись OTTO REX ADELHEIDA (возможны незначительные варианты). На оборотной стороне в центральном круге крест, в углы которого помещены буквы O D O D, круговая легенда DI GRA REX (Dei Gratia Rex), что в целом означает Отто, Король Божьей Милостью. Возможно, такой дизайн является заимствованием из весьма распространенных на тот период в международной торговле англосаксонских пенни Этельреда II.

Монеты этого типа относительно нечасты. Они датируются ориентировочно самым концом 10 в. — первым десятилетием 11 в.

Все последующие пять типов ОАП по Хатц имеют типичный и весьма характерный внешний вид, отличие проявляется в деталях.

За лицевую сторону принимается сторона с крестом в центральном круге; на оборотной стороне весьма стилизованное изображение церкви или часовни.

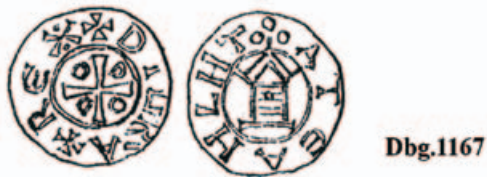

Dbg.1166

Hz II (Dbg. 1166)

В углах креста буквы OTTO, по кругу бывает надпись DI GRA REX AMEN или DI GRA REX.

Внутри церкви крестик в различных вариантах, по кругу AНТАLНЕТ.

Dbg.1167

Hz III (Dbg. 1167)

В углах креста буквы ODOD (ODDO), по кругу надпись DI GRA REX

Внутри церкви точка (точки) в различных комбинациях, у части разновидностей этого типа прорисована как бы бревенчатая структура. Из-за этого изображенную церковь иногда называют «деревянной». По кругу АТЕАНЛНТ. По сторонам от церкви никаких дополнительных символов нет.

Dbg.1167, Hz III-6,7. Гослар. Пфенниг.

Dbg.1169a, Hz III. Гослар. Обол.

Dbg.1167d

Hz IV (Dbg. 1167d)

В целом тип сходен с предыдущим, только по сторонам от церкви находятся разнообразные дополнительные символы: точки в разных положениях, скобки, кружочки, литеры Альфа и Омега и др. Каждая из известных комбинаций таких символов рассматривается, как минтмарка. С определенной уверенностью установлены минтмарки только для Гослара. Для большинства остальных вариантов введены только лишь условные обозначения для монетных дворов, под литерами А-У. Соотнести их с конкретными местами — это перспективное направление для будущих исследований.

Dbg.1167var, Hz IV-

Dbg.1167var, Hz IV-13

Hz V (Dbg. 1773, 1774)

По сути, типы V и VI по Хатц являются уже позднейшими подражаниями. Отличие этих типов от предыдущих заключается, во-первых, в слегка изменившейся форме церкви. Конек крыши и нижние части ее скатов получили как бы небольшие продолжения вверх. Во-вторых, обычная ранее надпись в углах креста ODDO или OTTO стала приобретать все большие изменения. Сначала одна из букв изменилась на А. Получилось ODOA. Этот вариант известен в сочетании с большим количеством разнообразных символов по сторонам от изображения церкви. Есть также варианты с OOOA и OOOO. И наконец, надпись полностью ушла от изначального OTTO/ODDO и стала представлять собой набор букв: OXBA, AOSX, SXSX и др.

Круговые надписи на обеих сторонах теперь представляют собой все более и более искаженное имя Адельгейда.

Dbg.1773

Dbg.1773, Hz V-2c

Dbg.1773, Hz V-5var.

Dbg.1775

Dbg.1775, Hz VI-2b

Dbg.1775, Hz VI-2var.

Подражание Пфеннигу Оттона и Адельгейды

HzVI (Dbg. 1775)

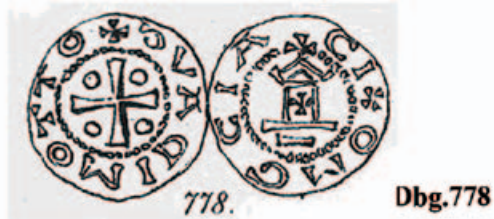
Хронологически это самый последний из типов ОАП. На лицевой стороне вместо букв появились некие символы. Два противоположных угла занимает, определенно, епископский посох. Это дает возможность предполагать, что место выпуска этих монет находилось в подчинении церковной власти. В двух других углах могут находиться или буквы, или неопределенные символы.

Несмотря на свою многочисленность, ОАП всех типов выдерживают достаточное единообразие в стиле и качестве исполнения. Чужеземные подражания ОАП также встречаются относительно нередко. Иногда их характеризуют, как «славянские» или «польские». Эти подражания могут довольно точно повторять характерные особенности ОАП в целом, при этом не обращая внимания на детали, присущие конкретным их типам.

Денарии Майнца, Вормса и Шпеера (Dbg. 778, 779, 825, 842 и др.)

Существует очень большая группа монет, объединенная общим, весьма сходным дизайном, близким к пфеннигам Оттона и Адельгейды. На одной стороне монеты в центральном круге находится крест, в его углах четыре точки. По кругу надпись с именем правителя. На другой стороне в центральном круге стилизованное изображение церкви. По кругу, обычно, название города. Такого вида монеты чеканились на протяжении многих лет и во многих городах, и объединены здесь в одну группу лишь формально. Каждый из типов достаточно подробно описан Данненбергом. Тем не менее, определение конкретных монет часто сопряжено с трудностями. Определение типа исходя из легенды обычно затруднено, так как надписи часто неполные, или нечитаемые. Каковы причины этой «нечитаемости», трудно установить. В качестве версий можно предположить как небрежность резчиков штемпелей, так и умысел эмитентов. Отсутствие внятного названия города могло способствовать выходу на рынки других регионов в качестве межрегиональной валюты. Самыми многочисленными и известными среди таких типов являются выпуски Майнца, Вормса и Шпеера. Сходные типы выпускались еще и в Эрфурте, Метце, Магдебурге, и др., но объем их выпуска значительно ниже, и встречаются они реже.

Приведу некоторые характерные для монет каждого из этих трех городов черты.

778.

Dbg.778

Майнц. Dbg.785

Майнц. Dbg. 776-786

Внутри церкви обычно находится маленький прямой крест. По кругу надпись с латинским названием города Майнц (Mainz). В оригинале это MOGONCIA, иногда с добавлением CIVITAS (город). В реальности эта надпись бывает очень искаженной, но, тем не менее, характерные буквы продолжают наличествовать. Например, +OMGCIA CI, +MOCICIC, итд.

Dbg.842a

842a

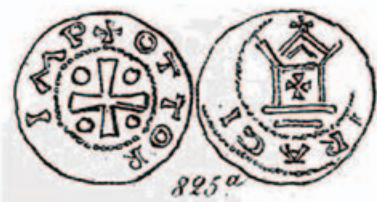
845.

Dbg.845

Вормс. Dbg.845

Вормс. Dbg.844

825a

Dbg.825a

Шпеер. Dbg.-

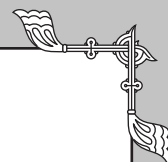
Вормс. Dbg. 842-845

По кругу вокруг церкви название города *WORMATIA* (Worms). Оно очень часто совершенно не читаемо. И все же определить монеты Вормса проще всего. Почти всегда они имеют специфическую черту, а именно, в одном из углов креста вместо одной из точек находится символ «точка с полумесяцем». Изначально это было навершие посоха, но со временем символ упростился в изображении, и стал представлять собой точку, сверху которой находится полукруг. Точка иногда приобретает каплевидную форму. Это весьма надежная ментмарка для идентификации монет Вормса. Она почти всегда бывает видна, даже на монетах низкого качества. Есть и еще одна характерная «вормская» деталь — это «жемчужины», которые образуют точечные ободки. Они, в отличие от других типов, часто имеют вытянутую, веретенообразную форму. Внутри церкви же может находиться не только крестик, но и точка, и кружок.

Шпеер. Dbg. 825-827

Церковь на монетах Шпеера (Speyer) имеет внутри, как правило, крест, составленный из пяти точек. По кругу латинское название города *SPIRA CIVIT*. Точки в углах креста на другой стороне часто весьма крупные, и часто имеют еще каждая по две дополнительные маленькие точки рядом.

Несмотря на наличие у большинства типов монет каждого из этих городов каких-либо своих отличительных черт, также существуют и разновидности, почти одинаковые для трех городов, которые кроме как по надписям, отличить очень сложно, а при низком качестве чеканки или сильной изношенности — почти невозможно. В таком случае можно ограничиться определением «пфенниги типа Майнц-Вормс-Шпеер».

Пфенниги с кельнской монограммой

Одна из самых многочисленных групп денариев это пфенниги с монограммой S-COLONIA-A в три строки, что означает латинское наименование Кельна, Sancta Colonia Agrippina.

Начало их производству было положено в Кельне при Оттоне I, набрало силу во второй половине 10 века, при Оттонах II и III, и продолжалось далее в 11 веке. Эти монеты стали «валютой», известной и охотно принимаемой не только на региональных рынках, но и по всей Европе. Многие города того времени посчитали удачным решением чеканить свои монеты, подражающие этому типу. Типов таких имитаций появилось весьма значительное количество. В общем случае их называют «Colnafterstruck pfennig», потому что датируются они, как правило, гораздо более поздним временем, чем выпускались оригиналы. Современные исследователи пытаются найти возможность дать более точное определение каждому из их подвидов по характерным деталям. Считается, что некоторым местностям присущи свои уникальные особенности. И наоборот, если монета имеет свои характерные черты, то это может рассматриваться, как минтмарка. Некоторые варианты были определены еще Данненбергом, некоторые определены более точно не так давно, но некоторые разновидности до сих пор остаются без точной локализации. Приведу перечень монетных дворов, выпускавших имитации, или повторения, кельнского пфеннига с монограммой Colonia. Это Зест, Минден, Падерборн, Оснабрюк, Андернах, Неймеген, Корвей, Мюнстер, Фрицлар, Швабах, возможно, Хаммерштейн и другие.

Среди них самая многочисленная группа относится к чеканке города Зест (Зоест, Soest), Dbg. 342k.

Чеканка подражательных пфеннигов в этом городе началась в конце 10 века, и продолжалась почти 200 лет.

331.
Dbg.331

Кельн. Dbg.331

Позднейшие из них уже имели в легенде имя правящего епископа и характерный внешний вид, но более ранние разновидности нуждаются в отдельном описании, тем более, что вероятность столкнуться с ними на практике достаточно велика. Главным отличительным признаком монет Зеста является так называемый зестский крюк. Это означает, что на той стороне монеты, где расположен крест с четырьмя точками в углах, одна из этих точек имеет вид запятой, или точки с хвостиком. Иногда эта деталь производит впечатление просто забоинки, брака чеканки, инкузного следа итп., что затрудняет определение. Во-вторых, надпись по кругу +ODDO+IVIPHING, которая может иметь массу вариантов написания, ошибок, быть прямой или обратной, также характерна для Зеста. В-третьих, металл этих монет отличается

342k
Dbg.342k

Зест. Dbg.342k вариант

Зест. Dbg.342k вариант

Зест. Dbg.342k вариант

Зест. Dbg.342k вариант

легкой желтизной. Как правило, сочетание этих факторов, даже при низкой степени сохранности монеты дает хорошую возможность для точного определения. Существует большое количество вариантов монет этого города. Хронология их штемпельных разновидностей разработана Геверником в работе *Die Münzen von Köln: Vom Beginn der Prägung bis 1304. Havernick, W. (1935)*

Существует единственный тип монет, Dbg. 742, отнесенных Данненбергом к Зесту по той причине, что под монограммой прослеживаются буквы SOES SASN, что навело на мысль о Зесте. Однако, известны достаточно разнообразные варианты надписи в этом положении. Что они означают, трудно сказать, но можно предполагать об имени монетария. Сейчас этот тип, наряду с другими подобными, принято относить к монетам нидерландского Неймегена.

Неймеген. Dbg. 742 вариант

Неймеген. Dbg. 742 вариант

Неймеген. Dbg. 742 вариант

К Неймегену (Nijmegen) относятся также и некоторые прямые подражания кельнскому пфеннигу. Основной их отличительной чертой является сама монограмма, выродившаяся до набора букв S/COIOIII/A, что мы видим и в предыдущем типе.

Неймеген. Dbg.--

Еще одно место чеканки подражаний Кельнским пфеннигам это Фрицлар. Определяется, с одной стороны, просто, так как о месте чеканки пишется в круговой легенде +FRIDESLAR. Но, зачастую эта надпись также искажена практически до неузнаваемости, плюс для этого монетного двора характерны значительные непрочеканы. Другие отличительные особенности этих монет — наличие на стороне с монограммой дополнительных небольших крестиков в поле; внутри букв O монограммы могут находиться дополнительные точки; точки же, составляющие внутренний круг на другой стороне довольно крупные, по сравнению с другими вариантами colnafterstruck пфеннига, а металл, как правило, белого цвета.

Dbg. 870a

Фрицлар. Dbg. 870 вариант

Фрицлар. Dbg. 870 вариант

**Фрицлар. Dbg. 870 вариант
с искаженной надписью**

Необходимо описать еще одну разновидность классического кельнского пфеннига Dbg. 331 (b). Отличие этой разновидности в том, что в одном из углов креста помещен символ, называемый трикетра, или трилистник. Это знак, символизирующий Святую Троицу, считается миметической для монет, выпущенных в городе Андернах (Andernach).

Dbg.331b

Андернах. Dbg.331b

Вендки (Венденпфенниги, Саксенпфенниги, Рандпфенниги)

В отечественной литературе этот тип монет традиционно называется вендками. Название происходит от вендских поморских племен, на чьих территориях, как считалось, выпускались эти монеты. В современной немецкой литературе это название (wendenpfennig) используется редко, а чаще употребляют «саксонский» или «приграничный» пфенниг (sachsenpfennig, randpfennig). Эта группа монет подразделяется на несколько основных классов, которые уже делятся на многочисленные типы, подтипы и вариации. После Данненберга изучению этих монет посвятили свои работы такие исследователи, как Гумовский, Яммер, Клюге, Менадь и многие другие. Недавно, в 2000 году, вышла значительная работа, посвященная этой теме, в серии Commentationes De Nummis Saeculorum IX-XI; In Suecia Repertis, написанная Кристофом Килгером: Christoph Kilger — «Pfennigm rkte und W hrungslandschaften. Monetarisierungen im s chislawischen Grenzland ca. 965-1120». Сегодня она считается наиболее полным и авторитетным трудом о монетах саксонско-славянского приграничья данного периода. Автор сделал выводы о времени бытования и регионе выпуска каждого из типов. Но разногласия среди исследователей еще остаются, и не все согласились с определениями Килгера. Тем не менее, попытаюсь привести его атрибуцию для основных типов.

Все вендки можно разделить на три основные группы.

Первая из них, самая старая, это «подражания каролингским денариям» (Dbg. 1325-1329, 1970, 1800, 1802, 1803, 1903, 2176-2178). Монеты этой группы, в основном, имеют довольно крупные размеры. Большинство из них имитирует распространенный при Каролингах тип денариев с изображением церкви и надписью CHRISTIANA RELIGIO на одной стороне, и крестом с четырьмя точками по углам на другой. Но вендки вместо букв имеют лишь ряд черточек. Единственной читаемой надписью является имя ОТТО или распространенный в то время вариант написания ODDO. Считается, что их выпуск начался в 965 году и закончился к 1000 году. Для пфеннигов этой группы установлены такие места выпуска: Магдебург, регион Бремен-Бардовик, Гослар или Гиттелде, и некое место в области Галле.

1328.

Dbg.1328

1325.

Dbg.1325

**Вендка каролингского типа.
Dbg.1329 вариант.**

**Вендка каролингского типа.
Dbg.1325 вариант.**

Вторая группа считается подражанием одному из ранних типов магдебургских пфеннигов, с церковью и латинским выражением IN NOMINE DNI AMEN. Самые ранние из них были выпущены, вероятно, в конце 10 века, а закончился их выпуск, предположительно, до 1030.

Церковь на этих монетах имеет характерную особенность в виде нескольких точек рядом с крышей. В надписи по кругу сделана попытка повторить оригинальную латинскую легенду, но просматриваются только отдельные буквы, и чем младше выпуск, тем больше букв заменяется на черточки или клинья. На оборотной стороне в центральном круге крест с расширяющимися концами, а по кругу нечитаемая надпись, в основном, из черточек. Существует несколько разновидностей этих саксенпфеннигов, различающихся по стилю исполнения. Это дает повод предполагать, что выпуск происходил не только в Магдебурге, но и в других местах, потенциально, в регионе Галле или Мерзебурге.

Вендка магдебургского типа. Dbg.1330

Третья группа, «младшие саксенпфенниги» самая многочисленная, как по количеству разновидностей, так и по известному количеству экземпляров. Подражаниями эти монеты уже назвать трудно, поскольку почти все они имеют свой ярко выраженный типаж, несмотря на то, что круговые надписи в большинстве своем представляют собой лишь набор черточек и отдельных букв, то есть, фактически, являются анонимными. Впервые чеканка этих типов началась, вероятно, около 1020, и производилась в существенных объемах до третьей четверти 11 века. Некоторые типы продолжали выпускаться и до начала 12 века, но эти поздние вендки уже действительно, имеют совершенно имитативный характер.

Общей для очень многих типов вендок является такая деталь, как «клиновидный крест» на одной из сторон. То есть в центральном круге находится крест, концы которого значительно расширяются, составленный как бы из четырех клиньев. Другая характерная деталь для младших вендок это способ обработки гурта. Не вполне ясно как именно это сделано, но боковая поверхность таких вендок как бы развальцована. При толщине металла самой монеты менее миллиметра,

по краю сформирован буртик, достигающий ширины 2-3 и даже иногда до 5 миллиметров. Из-за этого монета часто воспринимается, как заготовка под кольцо или украшение.

Упомяну самые распространенные из многочисленных типов младших вендок. Все они делятся на две основные категории, по региону выпуска. Это вендки Мейсена-Лужицкой марки и вендки области Заале.

К мейсенским относятся два типа, с «жемчужным крестом» (другие названия: точечный, клеверный; Kleeblattkreuz, Kugelstabkreuz) Dbg. 1808 1814 1813 1335 1339 1971 и с «перегородчатым флажком» (Gef cherte Fahnenlanze) Dbg. 1351-1353. Называются так по характерным символам, составляющим дизайн этих монет. Предположительное место выпуска этих типов это, соответственно, Мейсен.

Dbg.1335b

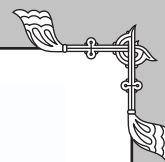

Dbg.1351

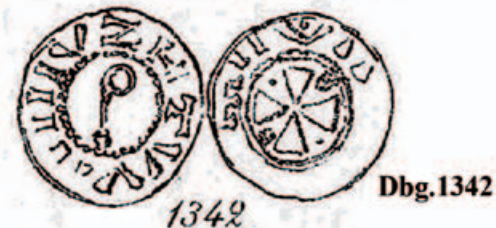
**Вендка с жемчужным крестом.
Dbg.1335 вариант**

К вендкам региона Заале относятся типы «с прямым крестом», (Balkenkreuzpfennige) Dbg 1338 1347-1350; «с посохом» (Krummstabpfennige) Dbg 1342-1346 1806 1974; «с рукой или головой» (pfennige mit Hand- und Gesichtsdarstellungen) Dbg 1355-1357 1360 1361 2182; прочие типы Dbg 1333 1334 1804 1805 1807 1809 1810 1815 2180 2181. Предположительные места чеканки этих типов Наумбург, Мерзебург, Галле, Вальхаузен и др.

1338.

Dbg.1338

1342

Dbg.1342

2182.

Dbg.2182

Вендка с прямым крестом. Dbg.1338 вариант

Вендка с прямым крестом. Dbg.1338 вариант

Неопределенные монеты Нидерландов.

Монеты Нижней Лотарингии, значительную часть которых составляют монеты Нидерландов, практически всегда присутствуют среди находок на территории России. Существует мнение, что здесь концентрация этих монет в находках выше, чем где-либо еще. Действительно, многие нидерландские монеты известны только по экземплярам, найденным в нашей стране. Честь определения некоторых их типов принадлежит Вс. М. Потину. В настоящее время исследователи продолжают работу по изучению этой тематики. На сегодняшний день нумизматический материал Нидерландов конца 10-начала 12 веков, хорошо проработан Петером Илишем (Peter Ilich). По этим монетам самым актуальным каталогом является его работа, опубликованная в нидерландском нумизматическом ежегоднике *Jaarboek voor munt- en penningkunde* N 84-85, 1997/8. В этой работе даны более корректные, чем у Данненберга определения многим монетам и включены некоторые неопубликованные у него типы.

Среди нидерландских монет существенную долю составляют монеты Тилия. Атрибуция тильских монет, как правило, не вызывает трудностей благодаря наличию так называемой «тильской головы» в расширяющейся тиаре, характерной именно для этого региона. Эти монеты достаточно хорошо описаны у Данненберга. Некоторые разновидности их выпускались с кельнской монограммой на одной стороне и тильской головой на другой. Но есть также и многочисленные варианты, которые современные исследователи относят уже более осторожно к «окрестностям Тилия». У них монограмма S-COLONI-A дана в достаточно искаженном виде.

Денарий из окрестностей Тилия

Также есть ряд монет, в целом очень хорошо воспроизводящих тильские, настолько хорошо, что их часто путают. Одно отличие — это наличие по бокам от головы неких дополнительных символов, а именно епископского посоха и /или жезла с крестом на вершине (Dbg. 2186). Сейчас монеты с подобными религиозными символами относят предположительно к Зальтбоммелю (Zaltbommel).

2186

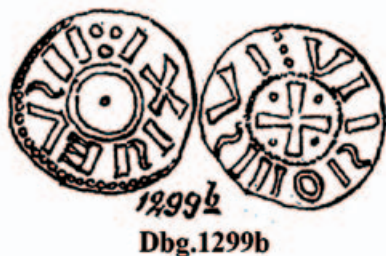
Зальтбоммель. Dbg.2186 вариант

Среди неатрибутированных нидерландских монет есть несколько типов, довольно близких по стилю. Это Dbg. 1229 1309 1299 1959 а также 1160, и некоторые другие типы, не попавшие в каталог Данненберга, но учтенные Петером Илишем. Большинство из них анонимные, то есть с полностью нечитаемыми легендами, состоящими из неопределенных знаков и черт. На одном типе, Dbg 1229, читается имя VVIGMAN COM, что позволило отнести такие пфенниги к чеканке фризского графа Вигмана (994-1016). Соответственно, другие близкие по стилю эмиссии также относят к Фризии. Датировка на основе кладового материала подтверждает их выпуск в самом начале 11 века. К сожалению, в настоящее время установить более точно место чеканки не представляется

возможным. Поэтому определение обычно дается как «анонимный фризский денарий начала 11в». Некоторые типы из числа неопределенных Илиш относит к региону Утрехта. (Ilisch 17.1-3, Dbg. 1160).

Один из фризских типов, Dbg 1299, часто вызывает некоторую путаницу в определении. Его рисунок сходен с монетами саксонского герцога Бернарда II (1011-1059), выпущенными в Люнебурге (Dbg. 589). Он очень прост. С одной стороны в центральном круге точка. С другой стороны в центральном круге крест. Однако, на фризских монетах надпись по кругу нечитабельна, а на саксонских обычно достаточно внятно читается имя BERNHARDX и уже упоминавшееся латинское выражение IN NOMINI DNI.

Фризия. Dbg.1299 вариант

Саксония. Dbg.589 вариант

Фризия с именем гр. Вигмана. Dbg.1229 вариант

Фризия или регион Утрехта. Dbg--, Ilisch 17.3

1959a
Dbg.1959a

Фризия. Dbg.1959 вариант, Pisch 20.8.3

1309 *
Dbg.1309

1160.
Dbg.1160

Dbg. 707, 709, 715, 716, 1603, 1604, Страсбург.

Еще один ряд монет получил иное, нежели у Данненберга, определение.

Это монеты, первоначально отнесенные к Гильдесгейму, теперь атрибутируются к Страсбургу. Dbg. 707 709 715 716 1603 1604. Эти типы хорошо известны и часто встречаются как в составе кладов, так и единичных находок. Вероятно, первоначальная атрибуция базировалась на имени Святой Марии, которая считается покровительницей как Гильдесгейма, так и Страсбурга. Кроме того, сюжет некоторых монет, на которых читается имя города HILDENESHEIM, довольно близок к указанным типам. Однако, по разным источникам установлено их страсбургское происхождение. Чеканка и в Страсбурге, и в Гильдесгейме велась и от имени короля/императора, и от имени епископа. Но королевские монеты Гильдесгейма весьма редки, и известны с именем Генриха III (1039-1056). А страсбургские королев-

ские выпуски, напротив, хорошо известны. Типы Dbg. 707 и 709 имеют символику и королевской власти, портрет императора в короне, и изображение Девы Марии, характерное для церковной власти. Исследователь из Стокгольмского университета (I. Johansson) указывает, что это совместный выпуск. Эти два типа, 707 и 709, имеют отличие, в основном, в указанном имени императора, CVONRADVS для Конрада II (император в 1027-1039) и HEINRICHVS для Генриха III (император в 1046-1056). Интересно отметить, что согласно Т.Р. Q. кладов, найденных на территории Швеции, оба эти типа выпускались одновременно, примерно в 1046-1053 годах. По тем же сведениям из шведских источников, другие типы, переприписанные Страсбургу (Dbg. 715, 716, 1603, 1604), датируются 1053-1060 годами, и эти монеты являются анонимными епископскими выпусками периода правления Hezilo/Hermann (1048-1065)

707.
Dbg.707

Страсбург. Dbg.715

709.
Dbg.709

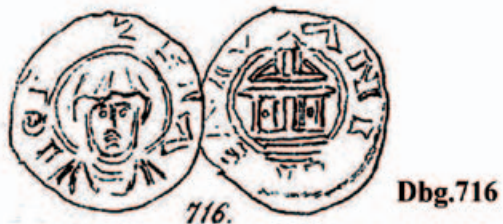

Страсбург. Dbg.715

715.
Dbg.715

Dbg.716

Страсбург. Dbg.716

Страсбург. Dbg.707,709 вариант

Страсбург. Dbg.707,709 вариант

Страсбург. Dbg.707,709 вариант

Некоторые ранее неопределенные типы.

Dbg.1777 Бремен.

Монеты этого типа встречаются достаточно часто и насчитывают немалое количество разновидностей.

Вслед за Данненбергом их считали неопределенными подражаниями монет трирского архиепископа Эберхарда или Поппо (например, Dbg. 471). Некоторые общие черты, несомненно, прослеживаются. На трирских монетах на оборотной стороне имя Святого Петра (SPETRVS) и рука, держащая ключи, которые оригинальным образом представляют подобие монограммы ETR.

Трир. Dbg. 471

На Dbg. 1777 есть нечто подобное, образующее монограмму из букв E T R. В настоящее время эта монограмма, и надпись в целом, расшифрована как имя Adalbert. И тогда монетным сеньором рассматривается епископ Адальберт (1043-1072 или 1050-1060).

Согласно региональным данным о находках, Илиш и Джонсон относят этот тип к Бремену. Вюллер относит к Бардовику.

На данный момент мнение большинства специалистов склоняется в пользу Бремена.

Dbg.1777

Бремен. Dbg.1777 вариант

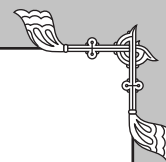
Бремен. Dbg.1777 вариант

Бремен. Dbg.1777 вариант

Трир. Dbg.471

Dbg. 1310, 1310a. Гиттельде.

В центральном круге весьма схематичное лицо анфас, с широкими губами. Вокруг лица есть еще одна или две дополнительные окружности. Предположительно, это Св. Маврикий, который мог изображаться в виде мавра и иметь характерные черты. Дополнительные окружности символизируют, очевидно, нимб. Св. Маврикий по некоторым данным, был покровителем города Гиттельде. На другой стороне монеты крест. Два из его углов занимает епископский посох. Два других — неопределенные символы. Надписи по кругу нечитаемые. Современные авторы считают эту монету выпуском Гиттельде и датируют, согласно археологическим данным, примерно 50-ми годами 11 века.

Рисунок оборотной стороны очень близок к рисунку некоторых вариантов пфеннигов Отгона и Адельгейды типов Hz V и VI. Вероятно, проследив штемпельные связи, можно было бы установить принадлежность соответствующих вариантов ОАП также к Гиттельде.

Ульм Dbg. —

Тип монеты, не включенный в каталог Данненберга. На одной стороне в центральном круге схематичное здание. На другой стороне в центральном круге крест. В одном из его углов точка. Круговые надписи не читаются. Ранее это считалось неопределенным подражанием монетам Констанца по той причине, что у тех тоже имелось похожее изображение церкви как бы с полукругом на крыше.

В настоящее время этот тип принято относить к королевской чеканке города Ульм (Ulm), в Швабии.

Ульм. Dbg.-- вариант**Ульм. Dbg.-- вариант**

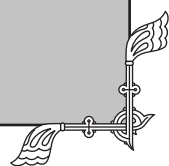
В заключение хотелось бы напомнить еще о некоторых проблемах, связанных с определением денариев по каталогу Данненберга.

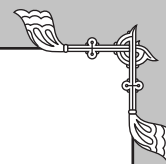
Во-первых, следует помнить о существовании двух монетных номиналов. Это, собственно, денарий (пфенниг), и обол, равный половине пфеннига. Большинство типов выпускалось только в одном номинале, но некоторые типы монет известны в двух вариантах, отличающихся по весу, но имеющих почти идентичный внешний вид. У Данненберга часто эти варианты идут под совершенно разными номерами.

Вторая проблема может вызвать взаимное непонимание у людей, пользующимися разными изданиями каталога. По мере переиздания своего труда, в книгу добавлялись все новые и новые монеты. Если нумерация основной части каталога едина, то среди дополнений в разных изданиях нумерация не всегда одинаковая. Обычно ссылаются на последнюю версию, вышедшую в 1905 году и не так давно переизданную репринтом и в CD-версии. Но существуют CD-версии и других изданий, с другой нумерацией в некоторых разделах. Об этом также следует знать.

Автор выражает искреннюю благодарность О. В. Тростьянскому за помощь материалами и советами, оказанную при написании этой статьи.

Находки новых литейных форм периода поздней бронзы на Украине

Юрий Зеленин
(Украина)

Предметы, связанные с древним бронзолитейным производством очень многочисленны и всегда имеют очень большое значение для понимания той далекой эпохи. Именно поэтому так важно знать о наибольшем количестве таких находок. Недавно были обнаружены два подобных предмета.

Литейная форма из района с. Беленькое

В 2008 году на берегу Каховского водохранилища, в 3 км от с. Беленькое (Запорожская обл., Украина) местным жителем была обнаружена крупная литейная форма, трапецевидная, вырезанная в мыльном камне с примерными размерами сторон 258x85 мм, 227x80 мм, 258x83 мм. Это одна из створок формы интересная тем, что на двух ее гранях вырезаны формы под совершенно разные виды оружия — под копейный наконечник

и кинжал, (фото 1,2,3). На обеих частях формы четко видны следы воздействия высоких температур, где камень приобрел чуть буроватый цвет, что говорит об активном ее использовании. Оба негатива предметов (копейного наконечника и кинжала) можно отнести к периоду поздней бронзы [1]. Рассмотрим их более детально.

Негатив копейного наконечника, (фото 1), располагается на стороне формы с размерами граней 227x80 мм и представляет собой остролистные лопасти с короткой конусовидной втулкой, которая прослеживается по всей длине наконечника. Общие размеры всего наконечника 160x60 мм, длина лопастей 135 мм, ширина втулки в самой толстой части 36 мм. На расстоянии 5 мм от окончания лопастей к втулке с двух сторон примыкает два канала, (левый 5 мм, правый 4 мм), (фото 4). На острие формы четко видны две зарубки в камне, которые остались, скорее всего, при нанесении размет-

Фото 1.

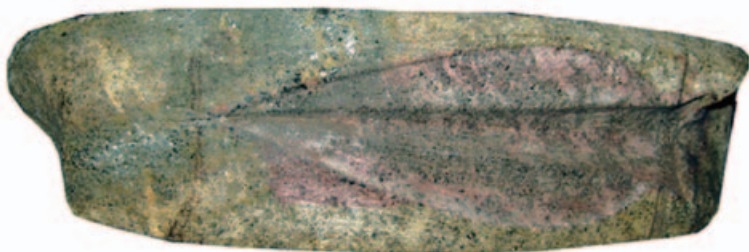

Фото 2.

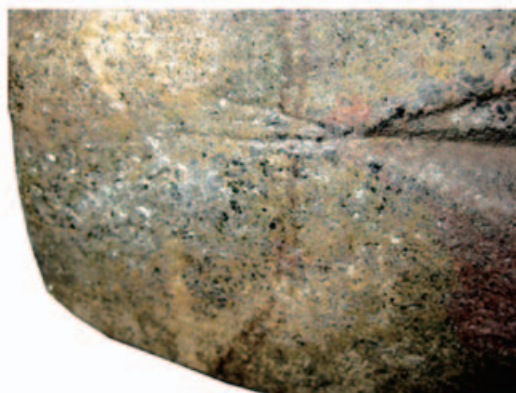
Фото 3.

Фото 4.

Фото 5.

ки на камень мастером, (фото 5). Со стороны втулки сделано воронкообразное углубление, которое служило для удобства заливания металла в форму и снижению его потерь в производстве предметов. Находки наконечников копий такого типа в Украине характерны для раннесрубного времени (1900-1600 вв. до н. э.) и, более поздним временем (1300-1200 вв. до н. э.) датируются находки из клада Одайли-Подари в Румынии (на основании этого Клочко В. И. считает данные наконечники не местной традицией). [1,2]

Теперь рассмотрим вторую сторону формы с негативом кинжала, (фото 2). Кинжал вырезан на стороне формы с размерами 258x85 мм. Лезвие кинжала (205 мм) листообразное, широкое (66 мм в самой широкой части), по краю лезвия в форме сделаны небольшие валики, это говорит о том, что после отливки края лезвия слегка отковывались, что увеличивало плоскость лезвия и сообщало дополнительную прочность всему изделию (за счет создания дополнительной нервюры по краю лезвия и уплотнения самого металла). Нервюра идет по центру всего клинка с постепенным уменьшением своей глубины, (9 мм около упора, 4 мм на острие). Вся форма кинжала говорит о том, что в основном он должен был наносить режуще-рубящие удары, а не колющие, что роднит его с мечами того же периода, с которыми он сходен своей формой. Упор на кинжале (общая длина 59 мм, толщина у лезвия 6 мм, на концах 4 мм), выполнен в виде двух спиралей завернутых в сторону лезвия (во внутренней стенке правой спирали есть небольшой скол формы), (фото 6). В самых удаленных от рукояти частях сделаны небольшие углубления, что увеличивало толщину упора в этом месте, сообщая ему большую надежность при парировании оружия противника этой частью оружия, кроме того, такая особенность упора повышала защиту руки воина, т. к. закрывала большую площадь. Рукоять кинжала выполнена в виде овального черена (19 мм), с незначительным расширением в верхней части (22 мм), где он является литейной воронкой.

Третья сторона формы (фото 3), гладкая 258x83 мм, без каких-либо следов. Интересен тот факт, что в местах пересечения плоскостей формы сняты углы, что, скорее всего, служило, для улучшения сбора формы, (фото 7).

Попробуем себе представить процесс производства предметов с использованием данной формы, (рис. 1). Вероятнее всего на несохранившейся части формы были негативные изображения предметов аналогичные тем, которые мы видим на нашей форме. Т. к. «замков» на форме нет, скорее всего, совмещение форм происходило по внешним контурам формы, (фото 8). Для этого формы идеально подгонялись по внешнему краю в процессе изготовления. Наибольшую технологическую сложность представляло собой изготовление копейного наконечника, поэтому постараемся представить процесс отливки его более подробно. Стержень для формирования втулки мог изготавливаться из глины. Для этого в собранную форму, во втулку, забивалась сырая глина и подсушивалась. Далее получившаяся глиняная пробка вынималась и окончательно высушивалась. Получение окончательного стержня для формирования втулки достигалось обтачиванием глиняной пробки до необходимых размеров. Это очень важный процесс, т. к. если сделать стержень слишком толстым, можно получить тонкие стенки втулки у наконечника копья

(это грозит поломкой втулки в процессе использования), а если стержень будет тонким — слишком узкую полость для древка (может привести к поломке древка). Следует особо отметить, что верхняя часть пробки не изменялась, это необходимо было для того, что бы при сборе формы стержень четко становился на место без перекосов. После окончательного формирования

Фото 6.

Фото 7.

Рис. 1. Реконструкция процесса литья

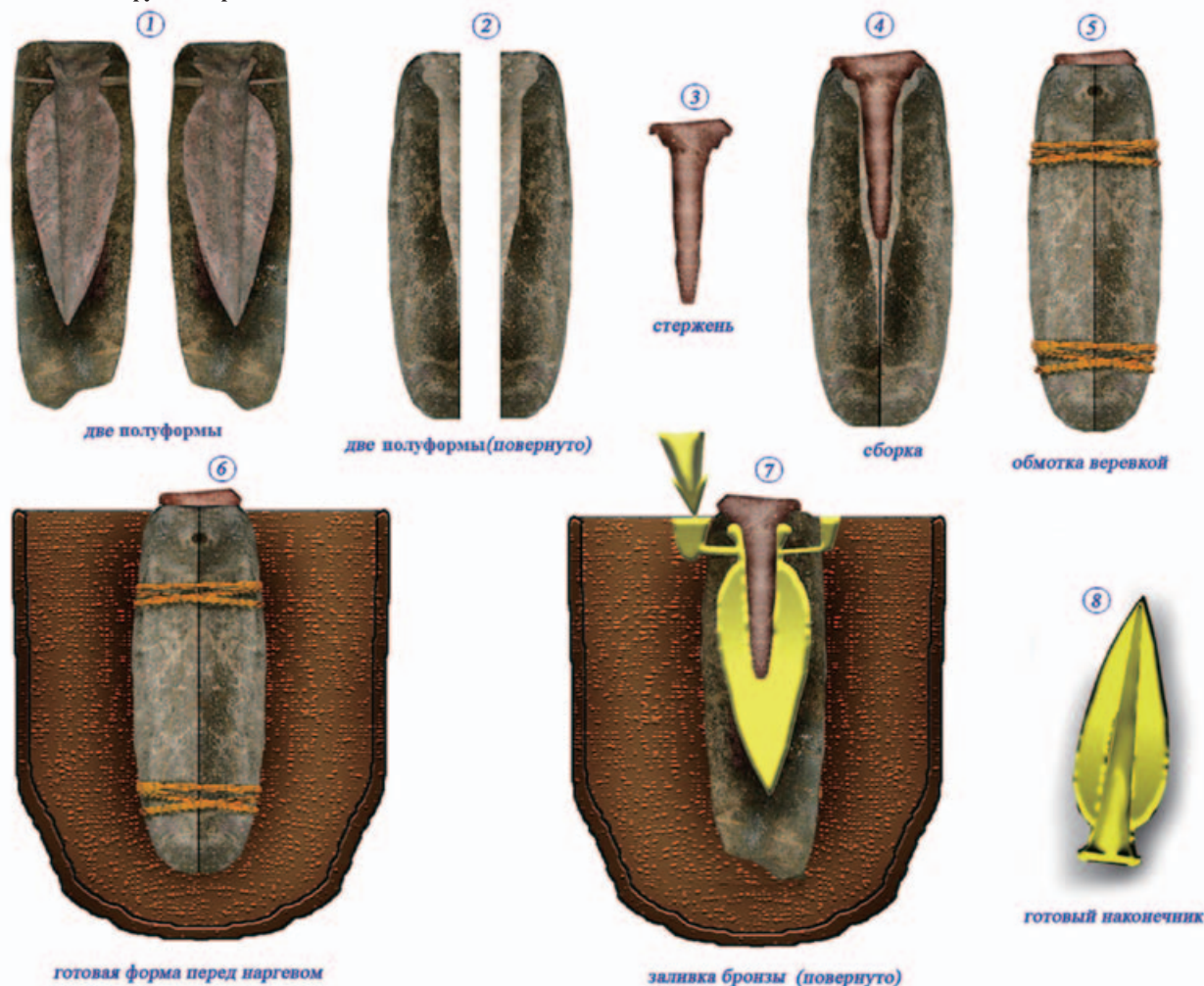

Фото 8.

стержня форма собиралась, т.е. совмещались все части полуформ, вставлялся глиняный стержень, отверстия выводных каналов закрывались деревянными пробками, которые должны были препятствовать попаданию посторонних предметов в форму. Для окончательной фиксации всех деталей производилось обматывание веревками или кожаными ремешками (в процессе дальнейшего производства фиксирующий материал сгорал).

После сборки формы наступал окончательный этап отливки предметов. Для этой цели в специальный широкогорлый горшок устанавливалась собранная форма. Все свободное пространство между стенками горшка и формой плотно послойно утрамбовывается влажной смесью песка и глины, (глины не более 5%). Далее аккуратно удаляется песок в виде воронки для заливки металла и формируется выпор около выхода каналов (через выпоры извлекаются пробки, тем самым, высвобождая канал). После этого горшок

с формой помещается в костер, где прогревается при температуре 400-6000С. При данном процессе выгорали все органические примеси, включая обмотку формы, а также испарялась влага. Далее в воронку заливается металл. Воздух из формы выходит через выпор по каналам и по местам смыкания формы (песочная смесь в горшке позволяет это). По мере заполнения в выпо-

ре появляется металл, что сигнализирует об окончании процесса заливки. Форме дают возможность остыть. При застывании бронзы происходит подпитка металлом из воронки. Усадка в этом случае образуется в воронке, а не на изделии. После остывания форма разбирается. С готового изделия удаляются литники (остатки выпоров и воронки), глиняный стержень либо выковы-

Рис. 2. Красномаяцкий тип меча

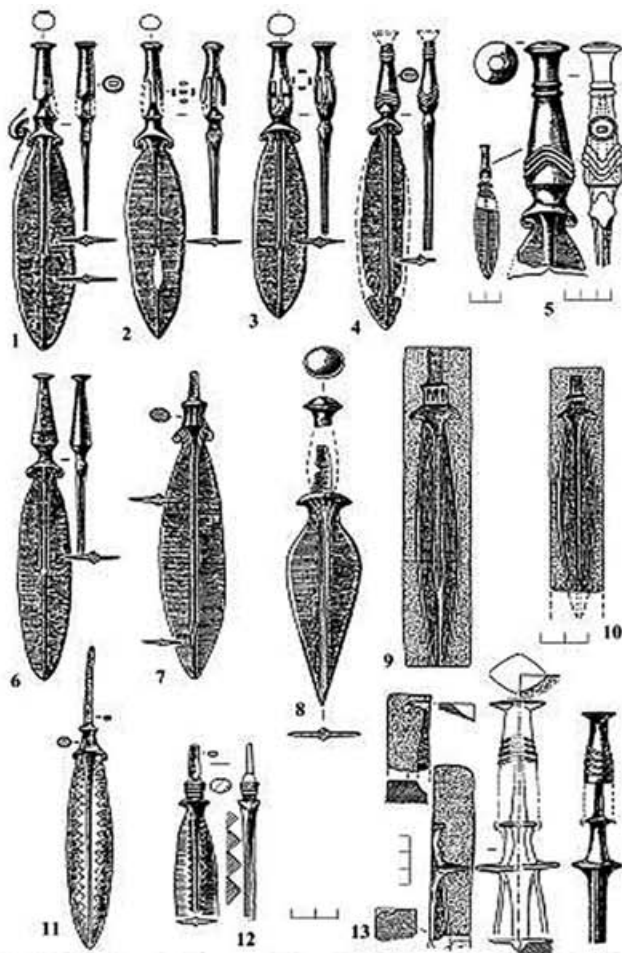

Рис. 3. Сосновомазинский тип меча

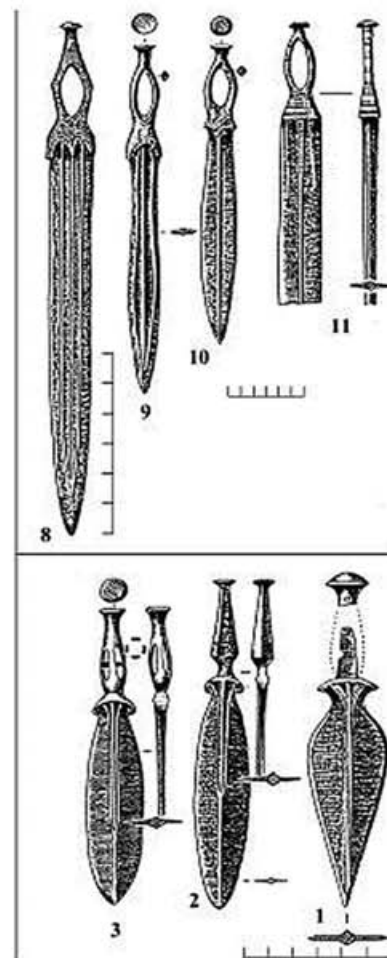

Рис. 4. Реконструкция наконечника

Рис. 3. Реконструкция кинжала

Фото 9.

Фото 10.

Фото 11.

Фото 12.

ривался, либо размачивался водой и удалялся. Лезвие по периметру отковывается, для получения наклепа и затачивается. Производство кинжала выглядело точно так же, но без технологических стадий изготовления глиняного стержня и выпоров. Заливка производилась со стороны черена. Вероятнее всего изготовление обоих предметов происходило параллельно, что значительно повышало производительность труда.

Для датировки данной формы самым показательным для нас может являться именно кинжал, т.к. он имеет весьма характерную форму. При анализе материалов подобных находок сразу сталкиваемся с тем,

что кинжалов подобного типа на территории Украины не найдено. Такого типа известны только мечи, (размеры 350-450 мм) [1], но и тут не все так просто. Нет ничего необычного в том, что кинжал дублирует форму меча, такие тенденции мы прослеживаем и в более поздние времена. Особенность в том, что данный кинжал сочетает в себе типы двух мечей — красноякского (тип Н-48/50 по Черных Е. М.) [2,3,4] (Саботиновская культура 16-13 вв. до н. э.) и сосновомазинского (Черногоровская культура 12-8 вв. до н. э.). [1,5] Оба типа Клочко В. И. [1] относит к варианту «б». Красноякский тип, (рис. 2), представляет собой

короткое и широкое листообразное лезвие с черешком (форма черешка может быть различной — четырехугольные заостренные стержни, сплюснутые стержни, плоские пластины), на который насаживался деревянный «посредник», к которому, в свою очередь, крепились бронзовые навершие. Нервюры на мечах данного типа очень разнообразны как по форме (простые, круглые, ромбовидные), так и по количеству, (от одной до трех). Упор отливался в форме в виде длинных «усов», которые затем ковкой закручивались в спираль (форму с такими усами описывает Черных Е. Н. [2] в находках мастерской культуры Кослоджень Побит Камик в Болгарии). Сосновомазинский тип меча, (рис. 3), вариант «б» также представлен коротким листообразным лезвием с одной-тремя нервюрами, упор в виде спирали отливался сразу, также, как и рукоять в виде «рамки» с грибовидным навершием, с лезвием в одной форме. Следовательно, в мечах сосновомазинского типа мы видим упрощенную технологию производства мечей краснояцкого типа, что может рассматриваться как типологически более поздний вариант.

Мы видим, на примере рассматриваемой формы, переходный образец вооружения от краснояцкого типа к сосново-мазинскому. Если от первого типа, на данной форме, еще осталось черешковое крепление рукояти, то от второго присутствует спиралевидный упор, отливаемый сразу вместе с лезвием. Следовательно, опираясь на все вышесказанное можно предположить, что данная форма была изготовлена и использовалась в период 13–12 вв. до н. э.

Возвращаясь ко второй части формы, с наконечником копья, мы можем с большей уверенностью сказать, что версия того, что такие формы наконечников были привозными на территории Северного Причерноморья в период 1300–1200 вв. до н. э. [1], не подтверждается, т. к. данная находка показывает, что такие изделия изготавливались именно местными мастерами и были продолжением традиций, заложенных еще в раннесрубное время. На рисунках 4 и 5 можно видеть реконструкцию рассматриваемых изделий.

Литейная форма из района с. Вышетарасовка

Еще одна находка части литейной формы была сделана в районе села Вышетарасовка, (Днепропетровская обл., Украина), также на берегу Каховского водохранилища. В обоих случаях находки связаны с ежегодными сбросами воды водохранилища и размыванием берегов. Интересно то, что в районе с. Вышетарасовка, по словам Ларисы Чуриловой, (заведующая отделом археологии Днепропетровского исторического музея им. Д. Яворницкого) было открыто полностью разрушенное поселение бронзового периода, где обнаружены лишь несколько предметов. [6]

Данная находка представляет собой мыльный камень трапециевидной формы с максимальными размерами 89х65х60 мм. Обломок формы имеет множественные следы обработки на всех гранях и последующий слом с утратой части, таким образом, размеры проще давать на каждой грани формы отдельно.

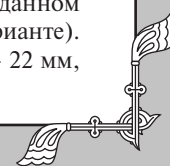
Грань А (фото 9). Размеры данной грани 89х50х73х20 мм. На этой грани сохранилась единственно целая форма, на которой можно видеть негатив на-

конечника стрелы, так называемого «плошника». Он представляет собой углубление листообразной формы с расширением в нижней трети без упора с черенком, который является также литейным отверстием. Общая длина наконечника 57 мм, размеры пера — 40х14 мм, размеры черенка сказать сложно, т. к. часть его срезалась в виде литника. Примерно посередине пера с обеих сторон в стенках формы сделаны два небольших канала в виде насечек, которые служили, вероятнее всего, для выхода газов при заливке в форму металла. По центру пера наконечника сделано углубление цилиндрической формы, (диаметр 4 мм, глубина 14 мм), назначение которого неясно. В нижней части формы на уровне острия наконечника с левой стороны сделаны насечки, которые переходят на соседнюю грань Б. Скорее всего, они служили для фиксации второй части формы (к тому же нечто подобное просматривается и с противоположной стороны грани, но из-за утрат, этого точно сказать нельзя), чтобы в процессе работы не нарушалась симметрия изделия. Исходя из общих габаритов и назначения изделия, можно предположить, что вторая часть формы представляла собой гладкую пластину, размером немного больше самого наконечника, (об этом говорят небольшие размеры отводящих каналов). Скорее всего, после отливки наконечник слегка отковывали, придавая ему необходимую форму и остроту.

Грань Б (фото 10). Размеры данной грани колеблются в пределах 89х44х75х65 мм. На этой грани мы четко можем видеть остатки негатива кельта с одним ухом (утрачена часть лезвия). Негатив имеет четко выраженную цилиндрическую форму с сужением к острию. Диаметр верхней части формы 25 мм, нижней (сохранившейся) части 16 мм. Ухо располагается с левой стороны и верхней своей частью является продолжением основания кельта. Диаметр отверстия, в которое вставлялся стержень, формирующий втулку, и заливался металл — 21 мм. У основания кельта, (на расстоянии 6 мм) по центру, как и в случае наконечника, имеется цилиндрическое отверстие диаметром 4 мм и глубиной 5 мм, (назначение его так же не понятно). Аналогичное отверстие, (диаметр 6 мм, глубина 12 мм), располагается чуть ниже уха кельта (5 мм), и немного нарушает целостность стенки кельта. Вдоль стенки кельта слева на расстоянии 7 мм идет канавка глубиной 8 мм и шириной 6 мм. Левая стенка канавки сохранилась частично, только первые 20 мм. Функциональное значение данной канавки не ясно. Справа от кельта также прослеживается небольшая канавка, но она неровная и не глубокая. Создается впечатление, что форма кельта повредилась в процессе изготовления и, поэтому, вторая канавка незакончена.

Грань В (фото 11). Данная грань размерами 75х40х60х55 мм несет на себе остатки кончика лезвия — ножа, кинжала, наконечника копья или меча. Длина сохранившейся части 60 мм, ширина 22 мм, глубина выработки 6 мм. Одна стенка формы утрачена по той же причине что и часть канавки на грани Б, т. к. они имеют общую стенку.

Грань Г (фото 12). Размеры этой последней грани 55х55х73х55 мм. Как и на предыдущей грани, на ней негативное изображение колющего предмета (в данном случае лезвие более узкое, чем в предыдущем варианте). Длина сохранившейся части 58 мм, ширина — 22 мм,

глубина — 3 мм. С двух сторон на краях формы прослеживаются следы выработки, которые располагаются на той же высоте, что и указанные насечки на грани А. Следы выработки заходят на грани А и В. Это является дополнительным подтверждением, что данные места являлись местом стяжки формы, т. к. никаких «замков» на данной форме не наблюдается.

Проанализировать данную форму практически не удастся, т. к. в ней находится слишком много непонятных сочетаний. Создается впечатление, что она использовалась очень длительный промежуток времени и в связи с постепенными повреждениями одной из граней, производилась обработка другой с последующим ее использованием. Например, если продолжить воображаемую линию предметов негативы которых изображены на гранях В и Г, то видно, что данные предметы должны пересечься в процессе изготовления формы. Подобная ситуация прослеживается в случае предметов отлившихся по граням Б и В. Следовательно, такая форма просто не могла существовать и негативные изображения резались постепенно по мере необходимости. Скорее всего, первым был сделан предмет на грани В, затем выйдя из строя по какой-либо причине, была сделана форма на грани Г, следующей была форма кельта на грани Б, но из-за тонкости перешейка между гранями Б и Г, произошел слом формы, что и привело к окончательному изготовлению формы наконечника на грани А. Но это только одна из версий. Еще одна версия, что после поломки первой формы, данный камень использовался как учебный, отсюда множественные выработки и непонятные отверстия на всех гранях формы. Отсутствие следов воздействия высокой температуры также говорит о второй версии использования данной формы.

Обобщая все полученные данные по этой форме, можно предположить, что она была изготовлена в период поздней бронзы и относится, скорее всего, к Сабатиновской культуре. [1]

В завершение еще раз хочется указать на необходимость более детального и всестороннего изучения проблемы бронзолитейного дела для более точного определения взаимодействия различных культур периода развитой бронзы.

Автор выражает огромную благодарность людям, помогавшим в создании данной работы: Оборину Ю. В., Кищенко В. В., Дербилову А. А., Трошину А. Н.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Клочко В. И.* «Озброєння та військова справа давнього населення України».
2. *Черных Е. Н.* «Горное дело и металлургия в древней Болгарии».
3. *Черняков И. Т.* «Красномяцкий клад литейщика».
4. *Самар В. А., Шевчук С. П.* «Кинжал красномяцкого типа с востока Запорожской области».
5. *Мерперт Н. Я.* «О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы»

ИСТОЧНИКИ:

http://www.new-most.info/news/culture_and_science/9072.htm

Новые формы для отливки наконечников стрел скифского типа, найденные на территории Украины в 2009г.

Юрий Зеленин
(Украина)

В 2009 году недалеко от Бельского городища местными жителями был случайно обнаружен клад литейщика скифского периода. Были найдены одна полная бронзовая трехсоставная литейная форма под один наконечник стрелы, одна часть еще одной подобной формы и три запирательных стержня под литейные формы стрел.

Наибольший интерес, естественно, представляет трехсоставная форма, (фото 1,2,3). Черненко в своей работе [1] указывает, что на территории Скифии еще ни разу не было находок полной литейной формы. Практически полностью идентичная форма была найдена под селом Букрин, но она, к сожалению, хоть и сходна с новой найденной формой, но представлена лишь одной частью формы и запирательным стержнем. [1] Находка из-под Бельска состоит из трех однотипных частей, каждая из которых представляет собой в разрезе 1/3 часть круга. Внешне вся форма в сборе выглядит как цилиндр с небольшим сужением в верхней трети и к обоим краям. Внутренняя часть каждой детали несет на себе негатив половинки двух лопастей наконечника, таким образом, при отливке получался трехлопастный наконечник. Длина каждой детали формы 62 мм, ши-

Фото 1.

Рис. 1. Процесс отливки скифами наконечников стрел.
Рисунок Дербилова А.А., 2009г.

Фото 2.

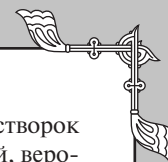

Фото 3.

рина в самой широкой части 15 мм, в узкой — 12 мм. Негатив наконечника по Мелюковой [2] относится к III хронологической группе (вторая половина 5 в. — начало 4 в. до н. э.) тип 4, вариант 3 и являлся трехлопастным пирамидальным наконечником с выступающей втулкой и шипами. Названные временные рамки полностью совпадают со временем бытования Бельского городища (6 в до н. э. — 1 в. н. э.). Такой тип наконечников получает наибольшее распространение именно в этот период существования скифского этноса. Длина отливки наконечника, после удаления литника, примерно равнялась 48 мм, при ширине наконечника в районе окончания шипов — 8 мм. Общие размеры готового наконечника сказать сложно, т. к. нам не известно на каком расстоянии обрезалась втулка, удалялся литник и как сильно обтачивались лопасти. Втулка проходила в наконечнике на глубину 15 мм (от начала лопастей) и имела форму конуса. В начале формы диаметр втулки 5 мм, в месте

Фото 4 и 5.

выхода лопастей — 4 мм. Для лучшей фиксации створок формы и снижения выхода бракованных изделий, вероятнее всего, производили обмотку формы после сборки проволокой, что отражается в общей форме изделия в виде бутылки, также и отсутствие «замков» на форме. Для предотвращения избыточного вытекания металла форму, видимо, устанавливали в песке или грунте, и затем заливали металл. [1] Единственное существенное отличие данной формы от аналогичной из Букрина — отсутствие отверстия для фиксации стержня запорного отверстия.

Вторая находка представляет собой одну часть точно такой же формы как описанная выше, (фото 4,5), но немного большего размера (длина 75 мм, ширина в широкой части 16 мм, в узкой — 12 мм). Негатив наконечника относится к тому же типу, что и описанный в предыдущей форме. Длина отливки без литника около 48 мм, ширина наконечника между шипами 8 мм, втулка коническая и имеет длину от начала лопастей 18 мм (диаметр ее в начале формы 6 мм, в месте выхода лопастей — 33 мм). Кардинальное отличие данной створки в том, что по центру втулки, на расстоянии 5 мм от начала формы в ней прослеживается сквозное цилиндрическое отверстие, (фото 6,7), (диаметр внутренней части 4 мм, внешней 3 мм). Скорее всего, данная деталь служила частью «замка» для фиксации формы при помощи запирающего стержня и центрирования втулки, как и указывает Черненко Е. В. [1] Еще одной особенностью формы может служить наличие черного

Фото 6 и 7.

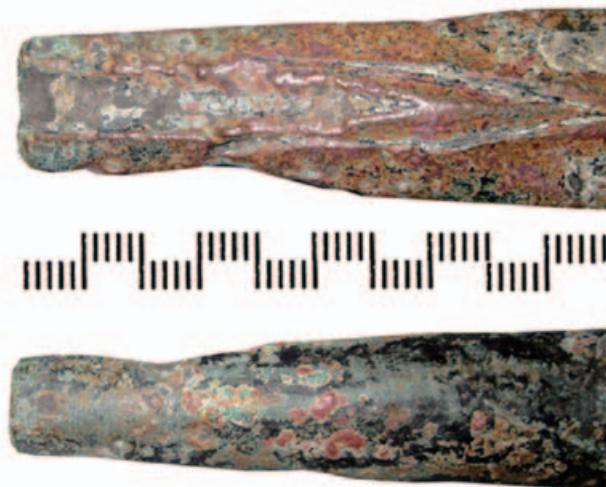

Фото 8.

плотного налета на противоположном конце формы, (фото 8). Этот налет может служить доказательством версии того, что скифы могли отливать бронзовые изделия в бронзовых формах.

Фото 9.

Фото 10.

Фото 11.

Недавно специалисты из Польши по экспериментальной археологии провели подобные исследования, им удалось отлить таким способом бронзовые кельты и наконечники стрел лужицкой культуры. Для проведения этого эксперимента были изготовлены точные копии соответствующих форм. Перед заливкой металла формы покрывались животным жиром, который далее выжигался над огнем, образуя на форме черный защитный слой в виде плотной копоти, (фото 9). В процессе выжигания форма разогревалась (что немаловажно, для дальнейшего производственного процесса). Далее форму собирали и в нее заливали металл. После непродолжительного промежутка времени, форма охлаждалась в воде, готовое изделие извлекалось из формы и шло на дальнейшую обработку (фото 10,11). Таким образом, можно предположить, что остаточный налет на рассматриваемой форме, как раз и есть защитным антипригарным слоем, позволяющим успешно отливать бронзовые наконечники стрел в бронзовой форме.

Но вернемся к находкам. Следующее на что следует указать, это находка трех запирательных стержней, которые служили для фиксации литейных форм в собранном виде. Все они имеют одинаковую структуру в виде стрежня с тремя выступами в средней части. Две из них совершенно одинакового размера и, скорее всего, они отлиты в одной форме. Данные предметы очень схожи по конструкции с описанными Черненко Е. В. запирательными стержнями формы из с. Букрина.

Большой стержень, (фото 12,13,14,15), длиной 71 мм и диаметром в верхней части 7 мм. По центру стержня располагаются три выступа, которые четко делят в поперечном разрезе стержень на три равные части с углом в 120 градусов. Все выступы цилиндрической формы со скругленными вершинами. Высота выступов 4 мм, а диаметр — 3 мм. Один из выступов немного смещен вверх относительно остальных двух на 1 мм (скорее всего, это служило для ориентации стержня относительно составных частей формы, чтобы все элементы четко становились на свои места, и не было путаницы при сборке). Сразу за выступами стержень, который до них представлял собой цилиндр, переходит в конус. В центральной части стержень слегка согнут. Также, в нижней и средней (выше выступов на 4-5 мм) частях, отмечаются остатки металла, который прошел в щели формы при отливке стержня. Расположение этих проливов указывает на то, что форма для производства была трехчастной и собиралась, скорее всего, по принципу, описанному для форм выше. Таким образом, можно сделать вывод, что данный стержень был изначально отлит с браком и не использовался по назначению.

Два других стержня меньшего размера (как уже указывалось, они одинаковые), их длина и диаметр 47 мм и 5 мм, соответственно, (первый — фото 16,17,18,19; второй — 20,21,22,23).

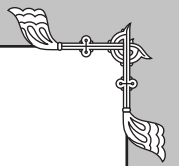
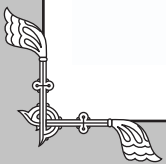

Фото 12, 13, 14, 15.

Фото 16, 17, 18, 19.

Фото 20, 21, 22, 23.

В верхней своей части, стержень выглядит в виде цилиндра (25 мм), затем выделяется небольшой уступ, который является переходом между цилиндром и конусом (диаметр верхней части конуса 6 мм). После уступа стержень сделан в виде конуса на протяжении 18 мм и последние 4 мм происходит резкое сужение конуса (в месте сужения диаметр уменьшается с 4 мм до 2 мм). Выступы на стержне располагаются немного ниже, чем у первого стержня, на расстоянии 30 мм от начала. Все остальные размеры полностью соответствуют предыдущим. На стержнях также видны следы от формы, в которой их отливали. Один из стержней слегка изогнут.

Если сравнить часть формы №2, описанной выше, с найденными стержнями, то можно достаточно уверенно сказать, что выступы на стержнях вполне могут играть роль «замков» в форме при совмещении их с отверстиями в стенке формы подобному изображенному на фото 6,7. Они вполне соответствуют и своими размерами, и расположением.

Процесс отливки наконечников в подобных формах достаточно полно описал Черненко Е. В. [1] Он представлял собой следующее: сборка формы, фиксация ее, заливка металла, охлаждение, извлечение заготовки наконечника, отделение наконечника и дальнейшая обработка его. На первом этапе на все рабочие детали формы наносился специальный слой (скорее всего смесь животного жира и сажи), как уже было описано выше, для предотвращения взаимодействия стенок формы и заливаемого металла. Далее форма собиралась. Три части формы собирались, и вставлялся запирающий стержень. Основное, что необходимо было учитывать, это полное совпадение всех деталей формы. После сборки, для лучшей фиксации форму обматывали, скорее всего, проволокой, т. к. перед заливкой металла ее необходимо было прогреть. Металл заливался через воронку, которая постепенно переходила в острие наконечника. Таким образом, достигалось максимально полное распреде-

ние металла в форме, что приводило к значительному снижению производства бракованных изделий, т. к. при других способах заливки в форме образовывались бы воздушные пузыри. После заливки металла, ему давали немного остыть, после чего форму помещали в воду и разъединяли части. Далее от наконечника отделяли литники и производили его дальнейшую доводку. Стержень было удобно вынимать из отливки, благодаря наличию утолщенной части и 3-х выступов.

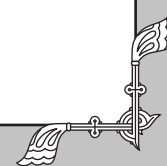
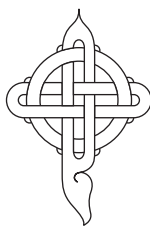
Обобщая все найденное, можно сделать несколько выводов:

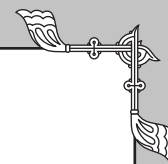
1. Найденные предметы относятся к скифскому периоду 5-4 вв. до н. э.
2. Скорее всего, все найденные предметы готовились в переплавку, т. к. часть из них уже была заводом браком в производстве, а часть, скорее всего, выработалась в процессе эксплуатации.
3. Найденные стержни вполне подходят для фиксации найденной створки формы, что лишний раз подтверждает теорию производства наконечников стрел данного типа.
4. Наличие черного налета на одной из форм является косвенным подтверждением современных экспериментальных работ по археологии польских историков.
5. Наличие составных металлических форм говорит о высокой степени развития технологии литья мастерами-литейщиками тех времен.

Автор выражает огромную благодарность людям, помогавшим в создании данной работы: Оборину Ю. В., Кищенко В. В., Дербилкову А. А., Трошину А. Н.

ЛИТЕРАТУРА:

6. Черненко Е. В. «Скифские лучники».
7. Мелюкова А. И. «Вооружение скифов»

Влияние скандинавских традиций на ювелирное дело Древней Руси на примере привесок-амулетов

Василий Коршун
(Россия)

Целями данной статьи являются рассмотрение стилей и техник работ скандинавских ювелиров в X-XI вв., периоде наибольшего присутствия варягов на Руси, их влияние на ювелирное русских мастеров и отражение орнаментов в более простых произведениях на примерах привесок-амулетов. В качестве ранних аналогов взяты находки из Бирки (Швеция), Гнездова и Владимирских курганов; остальной материал сформирован на интернет-публикациях портала «Домон-гол» [1] и книги В.Е. Коршуна [5]. Концентрация на Бирке не случайна: именно здесь начинались знаменитые пути из варяг в греки и из варяг в персы, а, стало быть, влияние ювелиров этого города на мастеров Древней Руси было особенно велико.

Одним из наиболее ранних, просуществовавших до конца X в. стилей, характерных для Скандинавии, был стиль перегородчатой зерни. [3, стр. 131]. В нем фон или внутренний объем очертанных штампованной филигранью или проволокой изображений заполнялся нерегулярной по размеру зернью. Наиболее яркими представителями стиля перегородчатой зерни среди монетовидных привесок являются выполненные из серебра экземпляры с изображением птиц с распростертыми крыльями. Они обнаружены в древнейших слоях Новгорода, в Гнездовском кладе (рис. 01), в Черниговской и Владимирских (рис. 02) курганах [7, стр. 37]. Известны они и в Ле-нинградской, Ярославской, Смоленской, Брянской областях в древностях X-XI вв. [9, стр. 106]. Технология, с применением которой были произведены данные привески, позволяет с достаточной долей вероятности считать их скандинавским импортом [3, стр. 133-134]. Определенные параллели с ранними серебряными экземплярами имеют привески из более дешевых металлов: из оловянистой бронзы из Курской области (рис. 03) и оловянисто-свинцового сплава из Киевской (рис. 04).

Другим достаточно древним стилем является завитковый стиль. Для него характерны S-образные, валютообразные и парные спиралевидные элементы орнамента из штампованной филигранни с малым применением регулярной зерни [3, стр. 136]. Монетовидные привески в этом стиле были найдены в могильнике Бирки: погребения № 983 (рис. 05) и № 943 (рис. 06). Очень близки к ним находки из Гнездова (рис. 07) и Владимирских курганов (рис. 08), выполненные также с примени-

ем штампованной филигранни и крупной зерни. Скорее всего они были произведены в Скандинавии, может быть, в той же Бирке, так как на лицо совпадение типажа, технологии и стилистики.

Оригинальная монетовидная серебряная привеска была найдена в Черниговской области (рис. 09). Центральную часть ее заполняет композиция из четырех соединенных скобами валютообразных завитков из штампованной филигранни. Концы завитков украшены шариками зерни. По краю подвески проходит бордюр из двух штампованных филигранных нитей по краям и проволоки посередине. Бордюр разделяют тесненные личина и пять обрамленных штампованной филигранью полусфер, составляющих правильный шестиугольник. Еще одна аналогичная полусфера расположена в центре композиции. Оглавие утрачено и впоследствии заменено серебряной лентой, присоединенной при помощи клепки. По тем же причинам, что указаны выше, данный артефакт можно отнести к производству скандинавских ювелиров.

Интересными представляются и две найденные в Калужской (рис. 10, а) и Тульской (рис. 10, б) областях биллоновые привески, являющиеся отлитыми по оттиснутой модели копиями с одного филигранно-зерненого оригинала. Последний представлял собой, видимо, филигранную композицию из трех валют в центре и восьми вокруг, разделенных друг от друга кольцом. В центре каждого завитка валют находился шарик зерни. Обрамляющий композицию бордюр аналогичен вышеописанному. Серебряная привеска с таким же орнаментом, но бордюром из двух проволок (?) и S-образным завитком на оглавии найдена в Киевской области (рис. 11). К сожалению, состояние памятника таково, что трудно определенно сказать оригинал это или копия. Ряд серебряных привесок со скандинавскими «корнями» были найдены в ожерельях курганов Смоленской области, (рис. 12) [6, цветная вклейка].

Среди имеющих скандинавские аналоги привесок, отлитых из медных сплавов, привески, подобные киевской, наиболее популярны. Они были найдены в Калужской, Новгородской, Брянской, Московской и Тульской областях (рис. 13, а-д). Привеска с узором из четырех валют происходит из Курской области (рис. 14). Завитковый орнамент был выявлен также на находках из Владимирской, Калужской, Ивановской и Ярославской областях (рис. 15, а-г). Подобная по-

8

9

1cm

10

1cm

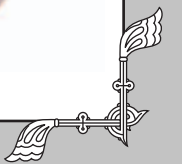

11

1cm

12

20(а, б, в)

пулярность завиткового орнамента на монетовидных привесках среди славян совсем не удивительна: круглая форма отождествлялась с солнцем, которое согласно их космогоническим представлениям было основным источником жизни, да и сам орнамент, напоминавший растительный, был близок славянам-аграриям [2].

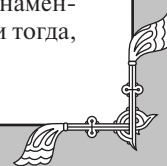
Во второй половине X — первой половине XI вв. в ювелирной технике скандинавов присутствует линейно-геометрический стиль, основой которого является зернь [3, стр. 139]. Крупная скань использовалась лишь для бордюров. Он часто встречается на монетовидных привесках в узоре, состоящем из треугольников, сходящихся к выпуклому центру [8]. Подобные привески изготавливались как в техниках тиснения и зерни (рис. 16) или в подражание ей способом литья по оттиснутой модели (рис. 17, 18). Следует отметить, что для удешевления стоимости продукции сами скандинавы тоже использовали литье. Форма для отливки монетовидных привесок с узором в виде трехчастной композиции, напоминающей изображение «молота Тора» (рис. 19), была найдена в Бирке [7, стр. 37].

Под влиянием скандинавов линейно-геометрический стиль проявился и в ювелирной продукции Древней Руси. Наиболее ярко он проявился на таких, чисто славянских изделиях, как лунницы. Наиболее ранние относятся к древностям Гнездова (рис. 20, а), Черниговских (рис. 20, б) и Владимирских (рис. 20, в), курганов. Они были широко популярны среди славян-

ских племен и «тиражировались» путем литья по оттиснутым моделям. Однако с каждой поздней копией качество продукции становилось все хуже (рис. 21, а), и, возможно, лунницы первой половины 12 в. изготавливались путем литья по восковым моделям: при хорошей сохранности находок (рис. 21, б, в) ни следов зерни, ни тиснения не видно — они заменены треугольниками и линиями.

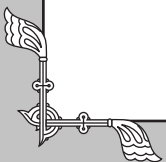
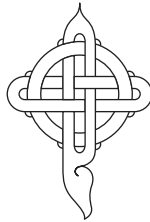
Следует отметить, что для производства ювелирных изделий скандинавами применялась не только филигранно-зерненная техника. Широко использовалась чернь. Из интересующих нас предметов хотелось бы выделить амулет — молот Тора найденный в могильнике Бирки, захоронение 750 (рис. 22). Близкой аналогией ему является найденный в 2009 году на границе Костромской и Владимирской областей серебряный амулет с черневой инкрустацией (рис. 23). Тор был у скандинавов богом грозы и молний, как у славян Перун. Оружие Тора — молот, оружие Перуна — топор. Быть может, молоточки Тора явились предтечами широко популярных среди славян в XI–XII вв. топор-амулетов (рис. 24)?

Подводя итоги, хотелось бы еще раз отметить не только воздействие скандинавских ювелиров на филигранно-зерненное производство Древней Руси, но и широкую популярность среди населения орнаментов их амулетов, которые продолжали бытовать и тогда, когда влияние варягов на Русь уже пропало.

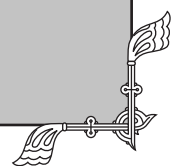
ИСТОЧНИКИ:

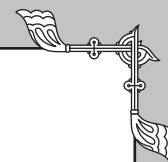
1. Альбомы портала «Домонгол», Металлопластика, Русь и славяне, Привески, <http://domongol.getbb.ru/gallery/album.php?id=7>
2. Голубева Л. А., «Амулеты, Древняя Русь. Быт и культура», Археология СССР. — М., 1997
3. Жилина Н. В., Макарова Т. И., «Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций IX-XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы», М., 2008
4. Коршун В. Е., «Доброе утро, Родная старина» № 1, М., 2008
5. Коршун В. Е., «Родная старина. Обретая утраченное», М., 2008
6. Седов В. В., «Восточные славяне в VI-XIII вв.», Археология СССР, М., 1982
7. Седова М. В. «Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.)», М. 1981.
8. «Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла, Древняя Русь. Быт и культура», Археология СССР. — М., 1997
9. Успенская А. В., «Нагрудные и поясные привески, Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.», М., 1967

РЕСТАВРАЦНА

Основы консервации и реставрации

Михаил Сафронов

специалист по консервации археологических материалов фирмы «Archekon» (Германия)

Понятие «памятник» лежит в основе теории и практики современной научной реставрации/консервации. Этот термин появился не так давно, во второй половине 19-го века и подразумевает под собой дошедшие до нас остатки культурной жизни древних народов. Археологические памятники — вещественные исторические источники, несущие в себе информацию о прошлом человеческого общества. К ним относятся: инструменты, оружие, предметы обихода и искусства, рисунки и надписи, а так же поселения и отдельные жилища, могильники и культовые сооружения, укрепления, дороги и каналы, поля, горные выработки и мастерские.

«Наука древностей по преимуществу имеет дело только с обломками, развалинами и не одними монументальными, вещественными, как ее обыкновенно понимают, а вообще с обломками и развалинами жизни человека, в какой бы форме они ни встречались»¹. Каждый такой обломок является источником культурно-исторической информации. Наличие этой информации вводит рядовой археологический материал в систему ценностей, наряду с произведениями высокого искусства, и дает право на их сохранение.

Современная научная консервация/реставрация является междисциплинарной наукой и основополагается на изучении материалов и технологий создания объекта, изучения причин и видов его разрушений и привнесенных искажений, а так же изучения истории искусства и материальной культуры. На современном этапе развития науки, техники и культуры общая тенденция при работе с памятниками сместилась в сторону консервации. Основная задача консервационных/реставрационных работ — сохранение предмета и его статуса «кристально чистого, незамутненного археологического источника для исторических исследований»².

Что такое консервация и чем она отличается от реставрации?

Консервация (от латинского слова *conservare*) означает оберегать, сохранять. Консервационные меры обеспечивают сохранение материального наличия памятника и предотвращают дальнейшие потери его субстанции. Консервация направлена лишь на сохранение чистой субстанции, не обращая при этом внимания на эстетические улучшения.

К консервации относятся также превентивные меры сохранения. Например, оптимизация климатических условий. А также различные консервационные работы, проводимые непосредственно на объекте. Например, очистка от загрязнений и если необходимо, то и закреп-

ление оригинальной поверхности. Раскрытие оригинальной поверхности памятника проводится по правилам археологических раскопок. Разница состоит лишь в том, что в ходе археологических раскопок частично или полностью, но безвозвратно уничтожается та или иная часть памятника. Целью археологической расчистки является освобождение оригинальной поверхности от загрязнений — инородных напластований. При этом нельзя забывать, что даже загрязнения являются источником информации.

В ходе консервационных работ необходимо, по возможности, использовать традиционные материалы и методы, опробованные десятилетиями и подтвердившие себя в практике. В целом, эти меры должны обеспечивать определенную обратимость (*Reversibilitat*) проводимой работы. Современные материалы и методы нужно применять с особой осторожностью.

Тщательный уход и регулярный контроль над объектом приводит к уменьшению риска больших вмешательств и помогает сохранить наиболее достоверный облик и следы (отпечатки) прошедшего времени на данном объекте.

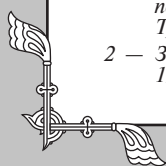
Рестаурация (от латинского *restaurare*) — заново сделать. На первый план реставрация ставит консервацию. Но рамки ее деятельности выходят за пределы чистого сохранения объекта (памятника) и порой навязывают модные понятия и ценности. Цели реставрации, правда, не в создании нового блеска, что непременно приводит к фальсификации, а в сохранении эстетических и исторических ценностей любого памятника, делая при этом соответствующие выводы и заключения. Она основополагается на уважении и передаче исторического фонда следующим поколениям и основывается на оригинальных документах и материалах.

К задачам реставрации относятся реконструкции, замещение отсутствующих частей, которые влияют на эстетический облик и читаемость (понимание) объекта. При этом замещения должны при близком взгляде быть однозначно отличимые и состоять из материалов, которые возможно удалить без последствий.

В последнее время реставрация часто занимается тем, что исправляет ошибки предыдущих поколений реставраторов. К негативным примерам старых времен можно отнести так называемую «Ре-Рестаурацию» или пуристическую реставрацию. Примеры можно найти во всех областях, будь то деревянная скульптура, у которой все слои краски были удалены до самого дерева, или средневековая каменная крепость, где штукатурка с остатками настенных росписей была целиком сбита, чтобы показать всю «красоту» камня. Или те же самые монеты и находки из различных металлов, которые при помощи электролиза или различных химических веществ, были «раздеты» до металла. При всем этом историческая и эстетическая ценность того, что было удалено, не принималось во внимание.

1 — Уваров А.С. «Что должна обнимать программа для преподавания Русской Археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа?», Труды III Археологического съезда. Киев, 1876. Т. 1. С.

2 — Зверев В.В. От поновления к научной реставрации., М., 1999.

Промывка археологического железа

Михаил Сафронов

специалист по консервации археологических материалов фирмы «Archekon» (Германия)

Археологическое железо, в отличие от серебра, меди и ее сплавов, подвержено наибольшему риску последующей коррозии, в результате которой, предмет в течение короткого времени может быть полностью разрушен. Это вызвано тем, что железо не является химически устойчивым материалом и не образует защитную патину. Кроме этого, в результате долгого нахождения железного объекта в почве происходит накопление агрессивных солей в продуктах коррозии и на поверхности металлического ядра. Такие соли, как хлориды ($\text{FeCl}_2 \cdot 4 \text{H}_2\text{O}$ и $\text{FeCl}_2 \cdot 2 \text{H}_2\text{O}$) и $\text{FeSO}_4 \cdot 4 \text{H}_2\text{O}$ являются самыми проблематичными и способствуют дальнейшей коррозии.

Зачастую, пассивные меры консервации (защитные покрытия, пропитка) не обеспечивают дальнейшего сохранения объекта. Для того, чтобы приостановить последующую коррозию и тем самым обеспечить дальнейшую сохранность находки из железа, необходимо удалить из внутренних слоев коррозии находящиеся там соли.

Хлориды присутствуют практически во всех почвах. В особенности в районах близких к морю содержание солей в почве очень высокое. В областях удаленных от моря, хлориды попадают в почву с минеральными удобрениями и продуктами жизнедеятельности человека. Кроме этого, хлориды присутствуют во многих минералах и со временем вымываются водой.

При нахождении объекта из железа в земле, ионы хлора мигрируют из почвы и накапливаются в объекте, образуя растворимые и плохо растворимые соединения. Железо просто притягивает их к себе (электростатическое притяжение) и удерживает до тех пор, пока весь металл не превратится в ржавчину (рис. 1).

Хлориды не вступают в реакции, а являются катализатором (электролитом)¹. Эти соли гигроскопичны и притягивают влагу. Кроме этого, хлориды разрушают пассивирующий слой и тем самым способствуют дальнейшей коррозии.

Хлориды железа ($\text{FeCl}_2 \cdot 4 \text{H}_2\text{O}$ и $\text{FeCl}_2 \cdot 2 \text{H}_2\text{O}$) хорошо растворимы в воде. С повышением температуры растворимость повышается. Так, например, растворимость FeCl_2 при 100°C составляет 92 г/100 г воды. Повышая температуру с 2 до 100°C , растворимость улучшается на 47%. Но, существует одно «но». После того, как находка извлечена из земли, хлорид железа находящийся в продуктах коррозии под действием кислорода и влаги преобразуется в акагенин $\text{FeO}(\text{OH})$ ². Точнее сказать,

Рис. 1. Схематическое изображение разреза корродированного железного объекта

Рис. 2. Разрушение находки в последствии последующей коррозии

хлорид железа встраивается в кристаллическую решетку акагенина и точная формула будет $\text{FeO}(\text{Cl}, \text{OH})$.

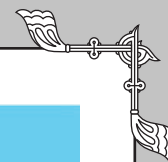
При образовании этого соединения происходит увеличение объема продуктов коррозии, что приводит к появлению трещин, а в дальнейшем и к расслаиванию (рис. 2). Приостановить образование акагенина возможно, если, например, относительная влажность будет меньше 20%.³

Кроме хлоридов, в слоях коррозии присутствуют и другие соли, такие как нитраты, сульфаты и фосфаты. Сульфаты являются наиболее агрессивными и способствуют коррозии.

1 — Watkinson, 1983

2 — Keller, 1969

3 — Turgoose, 1982

Так, например, арматура из железа находящаяся в гипсе очень быстро покрывается налетом ржавчины. Фосфаты и карбонаты оказывают пассивирующее воздействие на железо. Они образуют плохо растворимый слой. Но, если этот слой неоднороден или нарушен, то коррозия будет протекать дальше.

В только что выкопанных находках соли хлорида присутствуют в более-менее свободном состоянии и довольно легко растворимы. Но, со временем они преобразуются в плохо растворимые соединения, и удалить такие хлориды дистиллированной водой становится практически не возможно.⁴ Щелочной р-р повышает растворимость хлоридов находящихся в кристаллической решетке акагенита. К сожалению, процесс растворения таких солей идет довольно медленно.

Удаление хлоридов промывкой в дистиллированной воде

Наиболее распространенным, но не самым эффективным способом удаления хлоридов, является вымывание в дистиллированной воде. При этом происходит выравнивание концентрации хлоридов присутствующих в слоях коррозии и самим раствором.

Для этого необходим сосуд (пластиковая ванна) с герметично закрывающейся крышкой (рис. 3). Предмет должен находиться как можно ближе к поверхности воды, так как тяжелые соли опускаются на дно ванночки. В этих целях нужно установить пластиковую решетку в верхней части емкости. Ванночка должна быть доверху заполнена водой и закрыта крышкой или пленкой (можно взять тонкую и липкую — для продуктов питания). Найдки не должны соприкасаться друг с другом. Расстояние между ними должно быть как минимум 3 см. Объем воды должен быть как минимум в 20 раз больше, чем объем самой находки. В воду «потными» руками не лазить. Это очень важно, в особенности в завершении процесса. Время нахождения предмета в дистиллированной воде зависит от толщины и характера отложений: минимум 3-4 месяца и максимум до полутора года. При этом менять воду (в зависимости от объема) первые два месяца — один раз в неделю, затем — один раз в две недели. Очень важно переворачивать предмет с боку на бок, так как на нижней стороне объекта соли выходят намного быстрее, чем на верхней. Для контроля процесса необходимо периодически определять содержание хлоридов пробой азотнокислым серебром (как это делать, смотрите ниже). Если в жидкости не происходит циркуляция, то пробу нужно брать со дна ванночки. При обнаружении следов хлоридов промывку надо продолжить до полного исчезновения помутнения при контроле пробы.

Кроме индикаторов или азотнокислого серебра для контроля промывки можно применить прибор для измерения электропроводности растворов. Называется солиметр или кондуктометр. Принцип действия основан на прямой зависимости электропроводности воды (силы тока в постоянном электрическом поле, создаваемом электродами прибора) от количества растворенных в воде соединений. Измерения происходит в ppm (1ppm ~ 1 мг/л). В наборе должен присутствовать калибро-

Рис. 3. Промывочная ванна

вочный раствор, так как показания прибора могут изменяться (например: в связи окислением электродов).

К сожалению, этим устройством можно определить только наличие солей в растворе, но нельзя определить, какие именно соли присутствуют. Солиметр помогает лишь проследить увеличение концентрации в растворе (выход солей из находки). Для этого необходимо произвести начальный замер. Далее производим замеры с интервалом в несколько дней или недель. Но обязательно производить замеры в одинаковый промежуток времени. Прибор будет показывать увеличение токопроводимости, а значит и концентрации солей в растворе. Так, например, если показания прибора долгое время перестают возрастать, то необходимо сменить раствор. Если же и после смены раствора не происходит увеличение показателя или же возрастание происходит слишком медленно, то процесс выхода солей остановился, а значит промывку можно завершать.

Если в растворе не происходит циркуляция (находится неподвижно), то измерения нужно производить на дне емкости, так как соли тяжелые и концентрируются вниз.

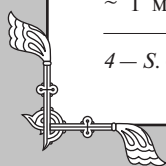
У объектов из железа, для того, чтобы вода глубже проникла в капилляры (в течение первого месяца) можно добавить несколько капель тензида. Тензиды содержатся в мыле и других моющих средствах, например в «Приле». Достаточно развести 5 капель моющего средства на 1 литр воды. После одного месяца процедуры можно использовать простую дистиллированную воду.

Для ускорения процесса вывода солей (метод Органа) необходим подогревающий элемент — например, для аквариума. Кроме этого, можно создать циркуляцию воды при помощи маленькой помпы, что тоже сокращает срок.

У этого способа есть и свои отрицательные качества. Часто предметы продолжают ржаветь. Это связано с тем, что в воде присутствует кислород. Для того, чтобы его удалить, можно добавить немного железных опилок в деминерализованную или дистиллированную воду.

Хочу заметить, что таким способом вымываются лишь хорошо растворимые соли, такие как хлорид железа II. Но, существует одно «но». После того, как на-

4 — S. Greiff und D. Bach, 2000

ходка извлечена из земли, хлорид железа находящийся в продуктах коррозии под действием кислорода и влаги преобразуется в акагениит $\text{FeO}(\text{OH})$ (Keller 1969). Точнее сказать, хлорид железа встраивается в кристаллическую решетку акагениита и точная формула будет $\text{FeO}(\text{Cl}, \text{OH})$. Вымыть хлорид из кристаллической решетки простой водой невозможно.

Чтобы минимизировать такое преобразование необходимо сразу же после извлечения находки поместить ее в пакет с землей (желательно с того же места, откуда была выкопана находка). Хотя влага и сопутствует дальнейшему преобразованию хлорида железа II в акагениит, но нельзя допустить того, чтобы находка высохла. Иначе это приведет к растрескиванию корродированной поверхности. После этого, должно пройти как можно меньше времени между извлечением и началом промывки. В связи с этим необходимо как можно скорее поместить находку в промывочную жидкость. Выход солей у свежескопанного и не высохшего объекта идет значительно лучше.

Выведение солей в щелочной среде

Хорошей альтернативой к обычной промывке является способ, при котором промывка проводится в щелочном растворе. Применение раствора едкого натра не только сокращает время обессоливания, но и позволяет удалить трудно растворимый хлорид, находящийся в кристаллической решетке акагениита. Щелочной раствор проникает лучше в капиллярную систему, так как имеет более высокую подвижность иона OH^- . Гидроксид натрия (NaOH) преобразует хлорид железа III в хлорид железа II. Происходит обмен ионов Cl на OH из кристаллической решетки акагениита. При этом акагениит преобразуется в гетит, увеличению пористости продуктов коррозии и, соответственно, повышению скорости удаления хлоридов.

Для приготовления раствора нужно развести 20 грамм NaOH (с содержанием хлора максимум 0,005%) в дистиллированной воде и довести объем до одного литра. В результате мы будем иметь 2% щелочной раствор с показателем pH 14.

Устройство ванны такое же, как и при промывке солей дистиллированной водой: решетка, ванна полностью заполнена раствором и закрыта крышкой. Находки не должны соприкасаться друг с другом. Расстояние между ними должно быть как минимум 3 см. Объем воды должен быть как минимум в 20 раз больше, чем объем самой находки. В воду руками не лазить. Предмет должен находиться как можно ближе к поверхности воды, так как тяжелые соли опускаются на дно ванночки. Предмет находится в промывочном растворе от 3 до 15 месяцев. Менять воду: вначале процесса раз в неделю, к концу процесса раз в 3 недели. Для лучшего результата раствор можно подогреть до 50-60°C и обеспечить циркуляцию жидкости.

Признаком завершения процесса промывки является почти полное отсутствие хлоридов в промывочном растворе. Процесс можно назвать завершенным, если концентрация хлоридов не превышает 5 ppm, примерно 5 мг $\text{Cl}/1$ литр р-ра (Loerger-Attia und Wöker, 1997). Если в течение нескольких недель не происходит дальнейшего вымывания хлоридов, то рекомендуется остановить

процесс промывки. Чем короче срок промывки, тем меньше риск повреждения археологической находки.

Промывка археологического железа при помощи р-р натрия гидроксида и натрия сульфита

Метод удаления солей (промывка) при помощи р-р натрия гидроксида и натрия сульфита был разработан австралийцами Нортон и Пирсом в 1975 году. Этот способ заключается в промывке археологического железа щелочным раствором. При этом происходит выравнивание концентрации хлоридов присутствующих в слоях коррозии и самим раствором. В связи с этим, необходимо постоянно следить за концентрацией ионов хлора в промывочной жидкости и по мере надобности заменять раствор. Как уже и было сказано выше, раствор приготавливается из гидроксида натрия (NaOH) и сульфита натрия (Na_2SO_3) растворенных в дистиллированной воде.

Гидроксид натрия (NaOH) растворяет хлорид (происходит обмен ионов Cl на OH) из кристаллической решетки акагениита. При этом акагениит преобразуется в гетит.

Сульфит натрия (Na_2SO_3) приостанавливает коррозию (сульфит присоединяет кислород и образует сульфат). При этом оксид железа (II) не переходит в оксид железа (III) и тем самым не засоряются поры и капилляры по которым происходит транспортировка хлоридов.

Для приготовления промывочного раствора нужно растворить в 500 миллилитрах дистиллированной воды 20 г гидроксида натрия (максимум 0,005% Cl) и 63 г сульфита натрия (максимум 0,02% Cl) и довести объем до 1-го литра.⁵ Такой раствор пассивирует металлическое ядро. К тому же, способность проникновения в капилляры у щелочного раствора намного выше, чем у обычной воды.

Для ускорения процесса, раствор должен быть подогрет от 30°C до 60°C в зависимости от состояния объекта. Еще один немаловажный фактор, способствующий диффузии солей — циркуляция раствора.⁶

Важно! Промывочный раствор не должен контактировать с воздухом. Для этого, в сосуд закачивается азот.⁷ Иначе, сульфит преобразуется в сульфат.

На рисунке (рис. 4) изображена приблизительная схема устройства ванны для промывки археологического железа раствором гидроксида натрия и сульфита. В качестве ванны используется сосуд из нержавеющей стали с герметично закрывающейся крышкой. В сосуде находится пластиковое ситечко, в которое помещается находка. Так же, можно использовать ситечки из нержавеющей стали. Находки могут располагаться на нескольких уровнях. В устройстве присутствует система создающая циркуляцию жидкости в емкости. Для этого, в нижней и верхней части емкости, имеются два отверстия (две трубы). Нижняя труба соединена шлангом с помпой. Шланги должны быть устойчивы к воздействию промывочного раствора. В этих целях рекомендуется использовать полиэтиленовые твердые шланги (PE-HD) или шланги из полипропилена

5 — S. Greiff und D. Bach, 2000

6 — North, 1987

7 — Meier und Tegge, 1996

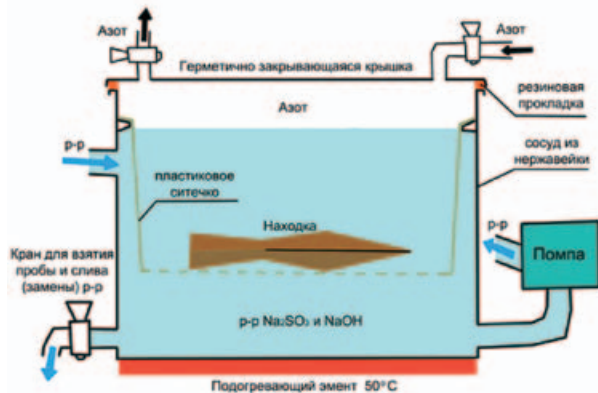
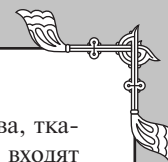

Рис. 4. Схематическое изображение устройства для удаления солей

(РР).⁸ Именно по этой трубе происходит откачка раствора из сосуда. Откаченная жидкость поступает снова в сосуд через верхнее отверстие. Так же, в нижней части ванны находится сливной кран, посредством которого происходит взятие проб или удаление раствора. Под металлической ванной находится подогревающий элемент. Для сохранения определенной температуры промывочного раствора необходимо изолировать металлическую емкость пенопластом или строительной пеной. Между крышкой и ванночкой присутствует резиновая прокладка, обеспечивающая герметичность системы. В самой крышке расположены два отверстия, через которые подается/удаляется азот. В схеме отсутствует термометр, контролирующей температуру промывочного раствора. Для экономии электроэнергии рекомендуется использовать термостат, отключающий подогревательный элемент при достижении нужной температуры.

На первом этапе промывки происходит растворение свободных хлоридов, которые еще не были встроены в кристаллическую решетку акагенина. Уже в первые дни наблюдается увеличение концентрации ионов хлорида в промывочном растворе. По сравнению со свободным хлоридом, вымывание хлоридов заключенных в кристаллическую решетку происходит очень медленно. Если бы не акагенин, то процесс выхода солей из предмета можно завершить в относительно короткое время.

Какие объекты не подлежат сульфитно-щелочной промывке? В первую очередь, предметы, состоящие из нескольких металлов. Так, например, патина находящаяся на бронзовых и медных частях будет разрушена сульфитом. К тому же, может произойти миграция ионов меди на железо, в результате чего железо покроется налетом меди. Можно покрыть медные части силиконом или другим защитным слоем, но, как правило, это покрытие лишь уменьшает потери оригинальной поверхности и не останавливает разрушительный процесс полностью. Для выявления скрытых металлов, можно использовать рентгеновские снимки объекта.

Помимо составных объектов, не рекомендуется применять этот метод к находкам, на которых присут-

ствуют органические материалы из кости, дерева, ткани или кожи. Лишь объекты, в состав которых входят минерализованные органические остатки, можно без каких-либо последствий подвергать воздействию промывочного раствора.⁹

Толстый слой продуктов коррозии увеличивает время промывки. Решение о том, насколько должен быть расчищен объект перед промывкой, зависит полностью от состояния предмета. В том случае, если поверхность не стабильна, то расчищать предмет перед обессоливанием без дополнительного закрепления хрупких участков просто не возможно. Но в этом случае, закрепительный состав препятствует и делает невозможным растворения солей на этом участке. Если же, объект настолько хрупкий, что необходимо обязательно частичное закрепление фрагментов, то рекомендуется производить пунктуальную фиксацию эпоксидной смолой или клеем на базе ММА. При этом, смола не должна проникнуть в поры или трещины. Такие клеи как, цианакрилат (секундный клей), акриловый клей и клеи на базе полиэстера разрушаются в промывочном растворе.

В ходе промывки огромное значение имеет постоянный контроль. Так, например, на протяжении всего процесса в промывочном растворе должен все время присутствовать сульфит. Проверить это можно очень простым способом. Для этого, к небольшому количеству раствора из ванночки добавляется уксусная кислота в таком количестве, чтобы индикатор показывал кислую среду. После этого, в пробу вносится капля раствора перманганата калия. Если фиолетовый цвет не исчезает полностью, то весь сульфит был преобразован в сульфат. Если же капля раствора перманганата калия стала прозрачной, то в растворе еще присутствует сульфит.¹⁰

Признаком завершения процесса промывки является почти полное отсутствие хлоридов в промывочном растворе. Процесс можно назвать завершенным, если концентрация хлоридов не превышает 5 ppm (примерно 5 мг Cl/1 литр р-р).¹¹ Если в течение нескольких недель не происходит дальнейшее вымывание хлоридов, то рекомендуется остановить процесс промывки. Чем короче срок промывки, тем меньше риск повреждения археологической находки.

Для определения количества хлоридов в растворе существует множество способов. Самый простой из них — тест при помощи нитрата серебра (AgNO_3). Для этого капля промывочного раствора помещается на стекло. Под стекло подкладывается черная бумага. Это нужно для того, чтобы образовавшийся в результате реакции светлый осадок хлорида серебра (AgCl) был хорошо заметен на темном фоне. После этого, к пробе добавляется капля нитрата серебра (концентрация: 0,05 N = 0,05 Mol/Liter). При наличии хлорида, в пробе выпадает светлый, практически не растворимый осадок хлорида серебра (рис. 5). Этим методом можно определить наличие хлоридов вплоть до 0,2 мг/литр.

Азотнокислое серебра должен храниться в темном сосуде во избежание восстановления серебра на свету.

9 — Bach, 1999

10 — S. Greiff und D. Bach, 2000

11 — Loeper-Attia und Weker, 1997

8 — Krebs und Avondet, 1999

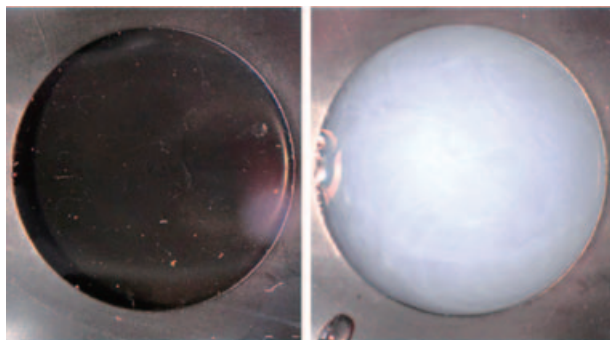

Рис. 5. Помутнение промывочного раствора при добавлении капельки азотнокислого серебра

Бумажные индикаторы, применяемые в лабораториях для определения концентрации хлоридов, использовать для теста нельзя. Это связано с тем, что в промывочном растворе кроме хлоридов, присутствуют и другие вещества. В связи с этим, тест при помощи индикатора будет не точным.

Кроме химических способов, для измерения концентрации хлоридов в растворе, применяются приборы, принцип работы которых основан на измерении электропроводимости раствора.

Электропроводимость каждого раствора тесно связана с ионами. Количество тока, проходящего через раствор, находится в прямой зависимости от числа ионов. Поэтому по электропроводимости раствора можно судить о его концентрации. Прибор для определения концентрации, который можно охарактеризовать как измеритель электропроводимости, действует именно на этой основе. Устройство не позволяет производить какие-либо абсолютные измерения и, следовательно, не может указать количество имеющихся в растворе солей в граммах. Это прибор для относительных, то есть сравнительных измерений концентрации раствора. Это означает, что в каждом случае мы сравниваем электропроводимость исходного раствора с электропроводимостью пробы используемого раствора, чтобы сделать из этого сравнения те или иные выводы. При этом надо учитывать, что в промывочном растворе кроме хлорида находятся и другие ионы (SO_3 , OH , SO_4 , Na ...). В связи с этим, простой прибор не подходит для получения корректного результата. Для поставленной задачи нужно использовать прибор со специальным зондом, реагирующим только на хлориды.

После того, как процесс вымывания хлоридов будет завершен, необходимо сразу же тщательно промыть находку от остатков реактивов. В этих целях используется проточная дистиллированная вода. Для лучшего результата рекомендуется подогреть воду до 50°C . Если состояние предмета позволяет, то можно прокипятить находку. Этот процесс должен быть не длительным, так как предмет в этот момент не защищен от коррозии. Не рекомендуется проводить промывку несколько дней и тем более оставлять предмет в дистиллированной воде на неделю.

После удаления химических остатков нужно незамедлительно просушить предмет. Сушка в сушильном шкафу проводится в течение нескольких дней, при этом температура не должна быть больше 105°C . Температуру нужно подымать очень медленно, иначе, быстро ис-

паряемая влага может привести к разрушению оригинальной поверхности. Сушка без доступа кислорода сказывается намного лучше. Для этого применяется сушильный шкаф с азотом. Сушка при помощи инфракрасной лампы применима лишь к объектам с тонким слоем продуктов коррозии. Для находок с толстым слоем она не дает особо положительных результатов, так как влага остается в глубине объекта. Сушка в вакууме сказывается очень положительно, так как не происходит контакта с кислородом.

После завершения работы можно приступить к закреплению и расчистки объекта. Надо обязательно помнить, что удаления солей из предмета значительно сокращает риск последующей коррозии, но не останавливает ее полностью. Влага из воздуха может возобновить коррозионные процессы и по этому необходимо в завершении консервационных/реставрационных работ нанести защитное покрытие или пропитать находку смолами или воском.

P. S. При работе с химическими реактивами необходимо соблюдать меры предосторожности: использовать специальные резиновые перчатки (см. маркировку) и защитные очки. Перед тем, как вылить промывочный раствор в канализацию, обязательно нейтрализуйте щелочь и удалите сульфат и сульфит из раствора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bach, D. 1999: Zwei römische Hobel& Funktionstechnologische Beobachtung. Trierer Zeitschrift 62, 181-191
2. Greiff S. und Bach D, 2000: Arbeitsblätter, Heft 2. 319-339
3. Krebs, Chr und Avondet, M.-A. 1999: Langzeitverhalten von Termoplasten (München, Wien). In: Greiff S. und Bach D, 2000: Arbeitsblätter, Heft 2. 319-339
4. Loeper-Attia, M.-A. und Weker, W. 1997: Dechloruration d, Objets Archeologiques en Fer par la Methode du Sulfite Alkalin a. In: Greiff S. und Bach D, 2000: Arbeitsblätter, Heft 2. 319-339
5. Meier, M und Tegge, C. 1996: Verpackung in Stickstoffgas-eine neue Methode zur Lagerung von archäologischen Funden. Berichte zu Denkmalpflege in Niedersachsen, Heft 4, 148-151
6. North, N. A. 1987: Conservations of metals. In: C. Pearson: Conservation of marine archaeological objects. London. 207 ff
7. Turgoose, S. 1982: Post-excavation changes in iron antiquities. Stadium in conservation 27. 97-101
8. Watkinson, D. E. 1983: Degree of mineralization: its significance for the stability and treatment of excavated ironwork. Studies in Conservation 28. 85-90

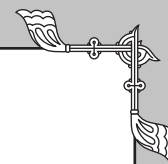
ИСТОЧНИКИ

9. Schutz archäologische Funde aus Metall vor Immissionsbedingter Schädigung, Stuttgart 2000
10. Herold, Karl: Konservierung von archäologischen Bodenfunden, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien 1990

РИСУНКИ И ФОТОГРАФИИ

Рис. 1 и 2 — от автора.

Рис. 5 — AiD 01-2005.

Консервация серебра

Михаил Сафронов

специалист по консервации археологических материалов фирмы «Archekon» (Германия)

Коррозия

Разрушения, вызванные коррозией металла, в технике напрямую связаны с потерей функциональности той или иной части устройства или всей системы. Помимо этого, во многих случаях коррозия приводит к ухудшению эстетических качеств объекта. Если говорить об исторических памятниках, то разрушения, вызванные коррозией, приводят главным образом к потере информации, поскольку важным носителем информации у находки является ее оригинальная поверхность. Для того чтобы выбрать метод расчистки и уменьшить риск потери этой оригинальной поверхности, а также приостановить дальнейшую коррозию находки, необходимо знать и понимать те процессы, которые происходят в металле.

В природе серебро редко встречается в чистом виде. Для получения металла из руды необходимо использовать определенные химические процессы. Будучи благородным металлом, серебро отличается относительно низкой реакционной способностью, но, находясь в неблагоприятных условиях, этот металл всегда стремится принять свою первичную форму: серебро корродирует.

Атмосферная коррозия

Природные серебряные руды часто содержат серу (аргентит, прустит, аргентоярозит); это свидетельствует, что серебро легко вступает с ней в реакцию. Так, на воздухе серебро образует очень тонкую невидимую плен-

ку оксида. Но в связи с тем, что в воздухе, кроме кислорода и азота, почти всегда содержатся соединения серы (влияние индустрии, извержений вулканов и т.д.), светлая поверхность предмета преобразуется в темные (от светло-серого до черного) соединения (фото 1).

В комнатных условиях сульфидная патина образуется достаточно медленно и в какой-то степени пассивирует поверхность металла. Но при высокой влажности этот процесс может развиваться очень быстро и приводить к образованию рыхлой патины, содержащей сульфиды.

Помимо того, что соединения серы находятся в воздухе, они также присутствуют во многих материалах, таких как бумага, картон, ткань, резина. В связи с этим предмет, начищенный до блеска и не покрытый защитным слоем, может со временем потемнеть, соприкасаясь с такими материалами или находясь с ними рядом.

Кроме соединений серы, на сохранность объекта сильно влияет хлор. Он содержится в воздухе, в водопроводной воде, в некоторых полимерных альбомах для монет, а также в человеческом поте.

Практически всегда предметы состоят не из чистого серебра, а из его сплава. Коррозия в этом случае протекает немного по-другому. Компоненты сплава оказывают большое влияние на сохранность предмета. Иногда они продлевают жизнь предмета, а в некоторых случаях могут значительно ее сократить. В сплаве разрушается, как правило, более «слабый» металл. Например, если в сплаве присутствует медь, то она реагирует первой.

Почвенная коррозия

Коррозионные процессы, происходящие в почве, значительно отличаются от атмосферной коррозии. В этом случае огромную роль играют такие факторы, как состав почвы, ее плотность, кислотность, влажность, наличие кислорода и других газов, а также состав сплава и техника изготовления самого объекта.

Существует множество видов коррозии. Описывать их все не имеет смысла, к тому же некоторые процессы еще не совсем понятны для науки. Но мне бы хотелось рассказать о некоторых важных и интересных, на мой взгляд, аспектах этой проблемы.

Электрохимическая коррозия

Наиболее частая форма коррозии — электрохимическая коррозия. При этом, металла разрушается под воздействием возникающих в коррозионной среде локальных (гальванических) элементов. Сам по себе он представляет собой замкнутую гальваническую ячейку. В ней происходит преобразование металла с отрицательным окислительно-восстановительным потенциалом в соль.

Фото 1. Клейма изготовителя на серебряном окладе зеркала начала 20 в. Поверхность металла покрыта темной атмосферной патиной.

При электрохимической коррозии всегда требуется наличие электролита (влага из воздуха, дождевая вода и т. п. плюс соли). Если электроды образуют различные металлы в сплаве, то это будет интеркристаллическая или транскристаллическая коррозия. В том случае, когда два металла соприкасаются друг с другом, то этот вид коррозии называется контактной.

Интеркристаллическая коррозия.

Нередко, вследствие интеркристаллической коррозии, серебро со временем становится хрупким. Многие nevertheless замечали, что поверхность корродированного предмета из серебра состоит как бы из маленьких крупинок, (фото 2).

Фото 2. Полуполтина 18 в. На изъеденной коррозией поверхности монеты видны крупинки металла.

Это кристаллы сплава, образовавшиеся при остывании расплавленной массы. А так как температура плавления у различных компонентов разная, то и кристаллизация компонентов в сплаве происходит на разных стадиях охлаждения. Например, температура плавления серебра +963 С, а меди +1083 С. Упрощенно это можно представить так: при понижении температуры на поверхности каждой крупинки сначала застывает и концентрируется медь, а серебро застывает позже и концентрируется внутри самой крупинки. На самом деле процессы кристаллизации намного сложнее и зависят от множества факторов, но смысл остается тем же. Границы крупинок обогащены менее благородными металлами и примесями. Интеркристаллическая коррозия протекает именно по границам этих крупинок, в результате чего теряется связь между ними. Такая коррозия может заходить очень глубоко, и на первый взгляд она не видна. Порою весь предмет выглядит стабильно, блестит, но на самом деле вся структура металла нарушена, (фото 3).

Крупинки металла связаны друг с другом тонкой невидимой пленкой, состоящей из продуктов коррозии. Опуская такой предмет в какой-либо чистящий раствор, мы значительно нарушаем эту связь кристаллов. В особенности пагубно на межкристаллической связи сказывается раствор аммиака или сода с аммиаком.

Фото 3. Серебряный грош 1868 г. Разрушения, вызванные интеркристаллической коррозией

Часто в сплаве серебра присутствует медь, в результате чего на поверхности находки можно наблюдать зеленые продукты коррозии, (фото 4). Если содержание меди в сплаве очень высоко, то вся поверхность объекта может быть покрыта зеленой коркой. Иногда из-за таких отложений даже не удается сразу определить металл, из которого изготовлен предмет. Сплавы, в особенности старые сплавы, далеко не однородны. Частицы металлов здесь чаще всего плохо перемешаны между собой и располагаются друг напротив друга. Иногда разнородные частицы группируются на различных участках предмета. В результате этого образуется своеобразный «гальванический элемент» и более «слабый» металл начинает разрушаться.

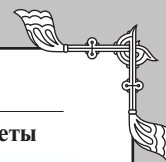
Фото 4. Зеленые продукты коррозии меди на поверхности монеты из серебряного сплава

Транскристаллическая коррозия.

Еще один частый вид разрушений — так называемая транскристаллическая коррозия. Наблюдается она, как правило, у кованных и штампованных объектов (монет, колец, фибул и т. п.), а также у литых предметов, если отливка происходила неравномерно. Коррозия протекает сначала по самым «слабым» местам структуры металла. Так, при штамповке монеты, если материал недостаточно пластичен, происходит сдвиг кристаллов. В том месте, где он произошел, структура металла нарушается. Именно здесь и будет быстрее всего развиваться транскристаллическая коррозия.

В таких случаях можно наблюдать отслаивание металла. Начинается оно с микротрещинки или с ма-

ленького, невидимого невооруженным глазом очага поверхностной коррозии. Когда этот очаг доходит до внутренних границ слоев, коррозия меняет свое направление и начинает протекать по плоскости сдвига. В таких местах наблюдаются сначала вздутия, (фото 5), а затем расслаивание поверхности (фото 6). При расчистке подобных очагов нельзя сильно нажимать на них шабером или тереть их кисточками и щетками. Перед расчисткой такие места желательно закрепить. Еле заметный бугорок с оригинальной поверхностью всегда лучше, чем большой «кратер».

При штамповке или ковке металла образуются невидимые глазом трещины. Что-то подобное можно наблюдать и при плохой отливке. Если расплавленный металл при литье чуть-чуть остыл, хотя и не затвердел, то следующая порция расплавленного сырья уже не может смешаться с начальной. В результате между

Фото 5. Вздутия на поверхности монеты

Фото 6. Расслаивание поверхности монеты

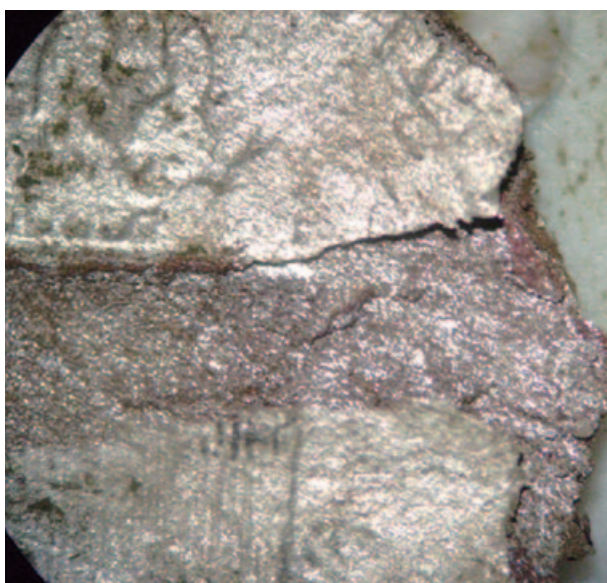

Фото 7. Темные продукты коррозии в трещине монеты

ними образуются границы, тоже своего рода трещины. Образовавшиеся в них темные продукты коррозии хорошо заметны, но, хотя они и портят внешний вид предмета, не старайтесь избавиться от них полностью, так как они могут уходить глубоко внутрь предмета, (фото 7).

Контактная коррозия.

Несколько слов следует сказать о контактной коррозии. Она возникает, если два различных металла соприкасаются друг с другом. Этот процесс хорошо заметен на бронзовых находках, имеющих серебрение. Так, вы-

Фото 8. Пример контактной коррозии

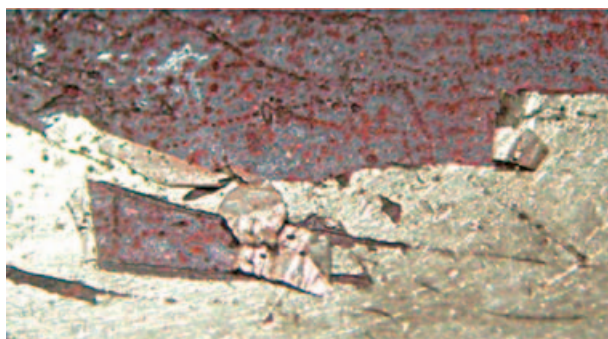
капывая из земли медную ложку или какой-либо другой посеребренный предмет, мы часто видим, что поверхность серебра блестит и не имеет видимых следов коррозии (фото 8).

Но находящаяся под серебром медь или бронза частично корродирована. Продукты коррозии местами приподняли пленку серебра (фото 9) или полностью ее разрушили, (фото 10). Разрушение серебра в этом случае происходит механически и вызвано увеличенным объемом продуктов коррозии меди по сравнению с первоначальным металлом. Часто эти продукты покрывают всю поверхность серебрения и находятся как под ним, так и над ним. К расчистке таких предметов нужно подходить очень осторожно. Погружать такую находку в чистящий раствор не рекомендуется, а ее механическая расчистка без предварительного закрепления связана с риском потери серебрения.

Фото 9. Вздутие слоя серебрения в результате коррозии меди

Фото 10. Отслаивание слоя серебрения в результате коррозии меди

Сульфидная патина

В относительно редких случаях на поверхности предмета из серебра присутствует ровная темная сульфидная патина, (фото 11). Цвет ее варьирует от светло-серого до темного, почти черного. Но, хотя сульфидов в почве обычно более чем достаточно, такая патина образуется редко.

Фото 11. Темная сульфидная патина в результате коррозии меди

Сернистое серебро плохо растворимо в Трилоне-Б и других комплексобразователях, а также в аммиаке. Иногда его ошибочно принимают за роговое серебро или налет, образовавшийся в результате воздействия высокой температуры. Но это не так. Темную ровную сульфидную патину ни в коем случае нельзя удалять: она в точности передает все детали предмета. Если ее удалить, то полностью теряются оригинальная поверхность и ее детали и открывается внутренняя зернистая структура металла, (фото 12).

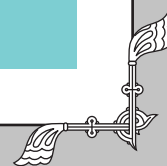
Фото 12. Отслоившаяся сульфидная патина.

Роговое серебро

Роговое серебро часто присутствует на археологических предметах, (фото 13). Водный раствор, содержащий хлориды, при доступе воздуха начинает воздействовать на серебро. В результате образуется хлорид серебра AgCl ,

Фото 13. Роговое серебро

так называемое роговое серебро — мягкое, аморфное вещество от светло-желтого до серо-свинцового цвета. Как правило, оно присутствует в паре с полухлористым серебром (Ag_2Cl), которое немного тверже рогового серебра. Полухлористое серебро обычно залегаёт ближе к поверхности металла, а роговое серебро прикрывает его сверху. Такая коррозия может преобразовать все металлическое ядро, и, если она зашла слишком глубоко, ее ни в коем случае нельзя полностью удалить.

Чрезвычайно редко на предмете встречается лишь один вид коррозии. Как правило, различные виды сочетаются друг с другом, что негативно сказывается на сохранности оригинальной поверхности и металла в целом. Умение различать виды коррозии необходимо не только для правильной оценки состояния металла и выбора наиболее подходящего метода его консервации (расчистки, закрепления), но и для определения начавшихся изменений и их возможной опасности при дальнейшем хранении предметов.

Расчистка

Прежде чем перейти к собственно характеристике методов расчистки, хотелось бы сказать несколько слов об оригинальной поверхности, одной из форм которых является патина. Под оригинальной поверхностью понимается изначальная поверхность (форма) и фактура предмета, не редко прошедшая метаморфозу, деформированная и разрушенная со временем. Полное удаление продуктов коррозии может привести к потере оригинальной поверхности, как важного носителя информации. Кроме того, патина является наилучшим естественным консервантом. «Удалить полностью поверхностные наслоения, которые образовывались веками при взаимодействии металла с внешней средой и которые никакими способами нельзя получить искусственно (речь идет не только о составе продуктов коррозии, но и о характере их распределения на поверхности) — это значит, раз и навсегда уничтожить археологический вид предмета. Надо знать, что охранительный принцип реставрации гораздо более трудный, требующий больших затрат времени, внимания и навыков реставратора, но и более благодарный»¹. Поэтому особенно важно выбрать оптимальные способы расчистки оригинальной поверхности и подобрать инструменты для ее проведения.

Механическая расчистка

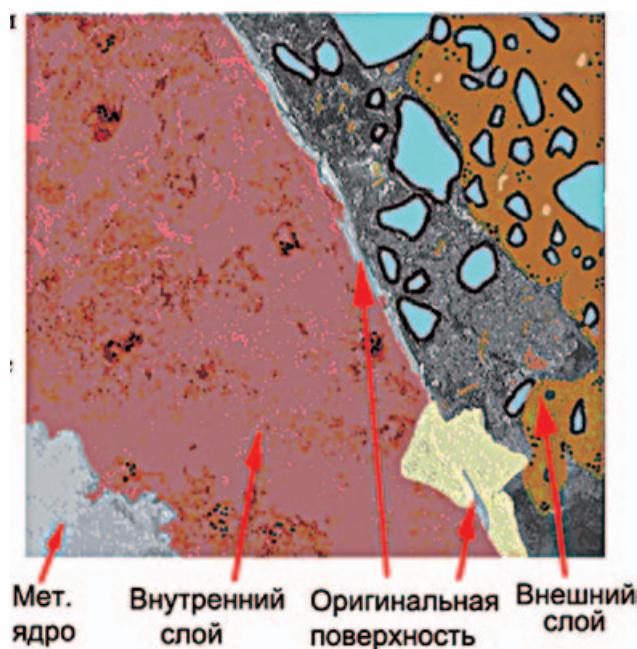
Оригинальная поверхность

Оригинальная поверхность, как правило, отличается цветом от выше — или нижележащих слоев. Именно на этом уровне находятся детали рельефа, гравировки, позолота и т.п. Часто оригинальная поверхность приподнята продуктами коррозии из нижележащих слоев. Вследствие этого на таких участках могут возникнуть трещины. Не редко связь между оригинальной поверхностью и металлическим ядром бывает нарушена. Вызвано это тем, что вода вымывает растворимые соли,

и образуются полости. Другой причиной может послужить то, что нижележащие слои очень мягкие и пористые. Относительно неустойчивые продукты коррозии не успевают образовать компактного твердого слоя. Они растворяются и транспортируются раствором из объекта

Коррозионное образование имеет слоистое строение с четко выраженными границами, (рис. 1). Слои располагаются в определенном порядке, но эта последовательность может быть нарушена. Оригинальная поверхность находится под внешними слоями. Обычно между внешним слоем и оригинальной поверхностью имеется прослойка из мягких продуктов коррозии (разделительный слой) или присутствует фуга. Разделительный слой встречается довольно редко, фуга же присутствует практически везде. Прослойка из мягких продуктов коррозии или фуга позволяют расчистить объект механически.

Рис. 1 Отшлифованный срез. Четко видна граница оригинальной поверхности.

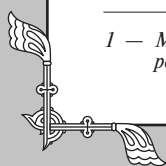

Инструменты и принцип расчистки

При любой расчистке поверхности необходимо использовать увеличительное стекло, а лучше стереомикроскоп. Самые распространенные в России стереомикроскопы — МБС-9 и МБС-10 от фирмы «Ломо»: качественные, надежные и дешевые инструменты. Современные микроскопы снабжены zoom-системой, позволяющей в процессе наблюдений плавно изменять увеличение. Рекомендуемый фактор увеличения при работе над объектом от 10 до 30 раз. Для того, чтобы не повредить находку, надо использовать подкладку. Для этих целей могут послужить резиновая или силиконовая подушечка, подушечка из кожи с песком внутри или просто кусок мягкой ткани или толстой кожи.

Выбор инструментов для механической расчистки зависит от состояния объекта. Нельзя забывать, что серебро и многие продукты его коррозии являются очень

¹ — М. С. Шемаханская: *Реставрация металла, (Методические рекомендации), М., 1989.*

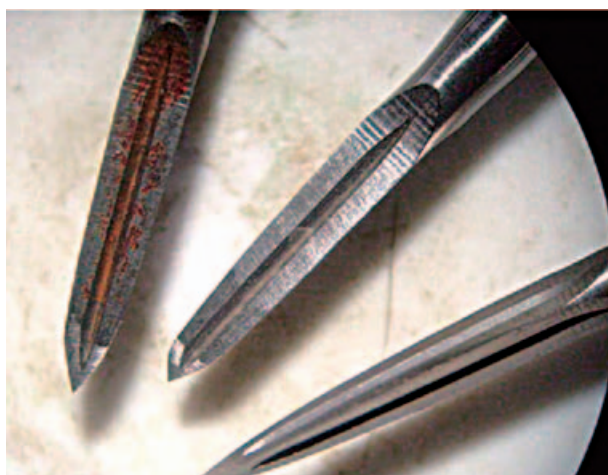

мягким материалом. Следующие инструменты используются для механической расчистки:

- штихель и скальпель;
- щетиновые или пластиковые щеточки (кисточки);
- резиновые валики или конусы с абразивной крошкой;
- деревянные палочки различной твердости;
- ватные палочки.

Хотелось бы обратить особое внимание на трехгранные шаберы (фото 14). Они намного удобнее в обращении и устойчивее чем скальпели, дольше держат заточку и не так быстро изнашиваются. Шаберы можно затачивать практически под любую форму поверхности. При заточке важно добиваться того, чтобы режущая часть (на рисунке 2 отмечено стрелками) была ровной и не имела заусенцев.

Фото 14. Шаберы

Первично шабер затачивается на точильном бруске, смоченном водой, далее следует довести заточку на нулевке и снять град на ремне. Шаберы можно купить готовые и довести до нужной формы, или изготовить самому (например, из трехгранных надфилей или инструментальной стали). Если, на кромке шабера видны следы от заточки, то это говорит о том, что режущая поверхность волнистая. Такие шаберы рекомендуется использовать только для грубой расчистки. Ближе к поверхности работают совершенно гладкими шаберами, чтобы не оставить следов в виде царапин.

Кроме шаберов для расчистки применяются резиновые валики и конусы с алмазной крошкой. Работать такими насадками можно как с бормашиной, так и без

Рис. 2. Режущая часть шабера

Фото 15. Абразивные резиновые насадки

нее. При этом надо учитывать, что простые бормашины дают огромный разброс, а скорость вращения у них плохо регулируется. Существует много разновидностей резиновых валиков, (фото 15). Отличаются они по твердости и по размеру алмазной крошки. При работе по оригинальной поверхности такие насадки сглаживают ее, при этом удаляются исторические следы обработки объекта и выпуклый рельеф. Однако, неверно выбранные насадки легко царапают поверхность или поверхность становится полированной и блестящей. Поэтому резиновые валики нужно использовать очень аккуратно и применять не ко всем объектам.

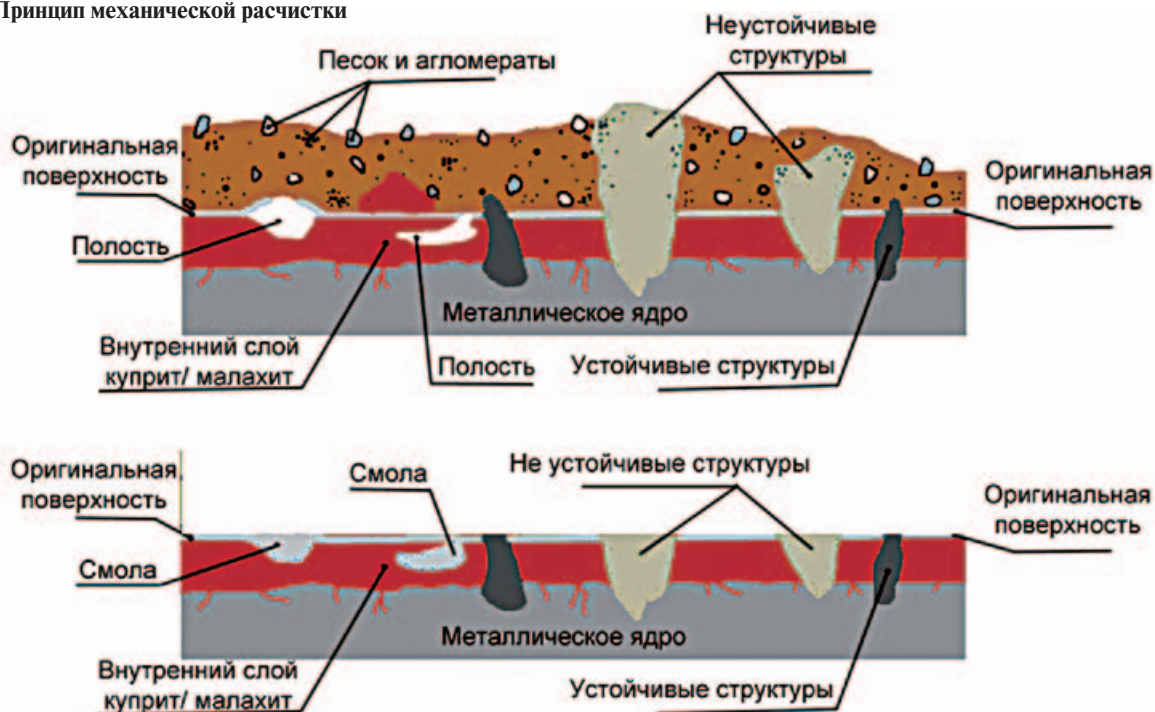
Для снятия твердых и толстых отложений можно применять алмазные и корундовые насадки. При этом корундовые насадки порой плохо отцентрированы и при работе с бормашиной сильно бьют по поверхности находки. Чтобы избежать этого, необходимо выправить их: насадка вставляется в бормашину и выравнивается на точильном бруске.

Принцип, лежащий в основе механической расчистки, прост. Его цель в том, чтобы без утрат расчистить сохранившуюся оригинальную поверхность предмета и выявить все ее детали, находящиеся под слоем из агломератов и продуктов коррозии. На рисунке 3 схематически изображен принцип такой расчистки. Однако, как бы просто это не звучало — процесс расчистки является очень долгим и кропотливым занятием, требующим определенных навыков.

Производить расчистку находки необходимо только в перчатках или напальчниках. В противном случае вы можете занести соли и жир на очищенные участки поверхности, что повредит расчищенный объект. При соприкосновении предмета с кожей пальцев происходит взаимодействие металла с потом. Нередки случаи образования на поверхности объекта коррозионного пятна, воспроизводящего отпечаток пальца. Пот содержит кроме воды (98-99% по массе) молочную кислоту, мочевину, хлорид натрия, что определяет его агрессивность. Кроме этого, не рекомендуется промывать и протирать предмет водопроводной водой, так как в ней содержится множество активных веществ, в том числе и хлор.

Рис. 3 Принцип механической расчистки

Промывка и обессоливание

Типичным разрушительным фактором является периодическое высыхание и намокание нестабильной патины. Чтобы сократить риск отслаивания оригинальной поверхности, необходимо высушивать предмет всего один раз, причем непосредственно перед расчисткой. Сразу же после извлечения находки из грунта надо положить ее в контейнер с мягкой и влажной землей (желательно с того места, откуда происходит находка). Одной из типичных ошибок поисковиков является неправильная промывка находки с целью удаления поверхностных загрязнений. Перед тем, как отмывать находку от земли, убедитесь, что патина стабильна и структура металла не подвержена интеркристаллической коррозии. В противном случае вы рискуете потерять детали оригинальной поверхности. Индичиями, указывающими на нестабильность, являются сколы на краях предмета или деталях рельефа, а также участки обнаженного металла, имеющие матовую зернистую структуру (фото 16).

Фото 16. Обнаженный металл с матовой зернистой структурой

Все находки нужно промывать только в дистиллированной воде. Если поверхность нестабильна, то нельзя

использовать твердые щетки. В этих целях применяются мягкие кисточки.

После первичной промывки необходимо обязательно поместить предмет на несколько дней в дистиллированную воду. Находки с нестабильной патиной не рекомендуется долго держать в воде, так как происходит растворение мягких, не полностью образовавшихся слоев. Этот процесс нужен для удаления накопившихся солей и обязателен для всех объектов, имеющих пористую патину. Предмет помещается на сетку как можно ближе к поверхности воды для того, чтобы тяжелые соли опускались на дно ванночки. Очень важно время от времени переворачивать объект, потому что на нижней стороне соли выходят намного быстрее, чем на верхней. Ванночка должна быть доверху заполнена водой и закрыта крышкой или пленкой, так как дистиллированная вода притягивает газы и микрочастицы, находящиеся в воздухе. Находки не должны соприкасаться друг с другом. Объем воды — как минимум в 20 раз больше, чем объем самой находки. Извлекать и переворачивать находки нужно пинцетом, не касаясь воды руками.

Расчистка

После того, как находка полностью высохнет, можно приступать непосредственно к расчистке. К сожалению, не существует общей линейки в консервации/реставрации любой археологической находки. Каждый объект требует сугубо индивидуального подхода. Вкратце изложу технологию расчистки, типичные проблемы, которые могут возникнуть в ее ходе работы и пути их решения.

Перед началом основной расчистки необходимо произвести пробу на небольшом участке поверхности для определения ее фактуры и характера повреждений. Таким путем можно выбрать наиболее подходящий

метод консервации (расчистки, закрепления). Если оригинальная поверхность стабильна, то при помощи щетинной кисточки, шабера или скальпеля счищается цементированная земля и смешанные с ней рыхлые продукты коррозии. При этом на расчищенной поверхности не должно оставаться следов от воздействия инструмента. В ходе расчистки необходимо постоянно удалять образовавшиеся свободные крупинки песка и продукты коррозии с поверхности. Для этих целей применяется резиновая «груша». Нельзя сразу обрабатывать всю поверхность целиком, так как это приведет к нивелировке деталей поверхности, надо следовать за рельефом, предварительно поняв фактуру поверхности. Это поможет избежать ошибки и не сделать, например, матовую поверхность блестящей. Если коррозия зашла слишком глубоко, не стоит пробовать очистить предмет полностью, это непременно приведет к появлению изъянов. Надо всегда помнить, что мы имеем дело с археологической находкой, и время отложилось на нее свой отпечаток.

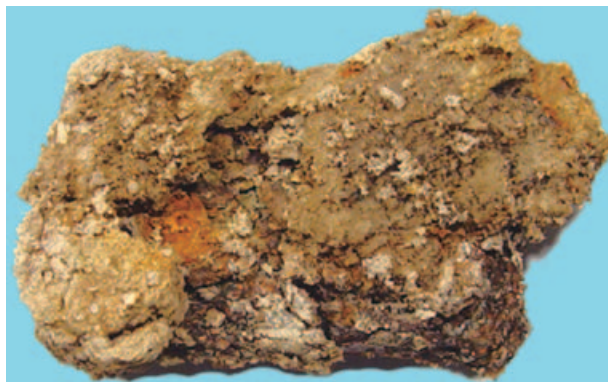
Для экспонатов, покрытых благородной патиной, передающей все детали рельефа, или имеющих оригинальную металлическую поверхность, этого минимального вмешательства оказывается достаточно (фото 17).

Фото 17. Серебряная монета до и после механической расчистки.

При расчистке сильно корродированных объектов, (фото 18), нужно комбинировать различные инструменты. Набор инструментов все тот же: штихели, шаберы, скальпель, бормашина или просто деревянные заостренные палочки и мягкие щеточки (кисточки). Такие находки требуют большего времени и осторожности. При их расчистке, также не следует зачищать

Фото 18. Серебряная с золочением поясная накладка до расчистки/Германия, саксы V-VI вв.

всю поверхность сразу. Миллиметр за миллиметром выравниваем наросты и расчищаем участок за участком, сглаживая при этом неровности.

Работать надо аккуратно, проверяя постоянно поверхность на наличие пустот и фрагильных (хрупких) частей. При выявлении поврежденных участков проводится фиксация закрепляющим раствором.

Закрепление как этап расчистки

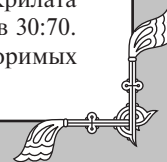
В самой последней стадии разрушения предмет из серебра представляет собой серые сыпучие продукты коррозии; форма предмета сохраняется лишь за счет механического сцепления отдельных частиц, которые цементированы между собой. Если оригинальная поверхность приподнята, на таких участках могут возникнуть трещины, а в дальнейшем и распад на части, (фото 19). Чтобы расчистить такой предмет, необходимо предварительно закрепить находку.

Фото 19. Серебряная с золочением поясная накладка в ходе расчистки. Германия, саксы V-VI вв.

Для временного закрепления фрагильной субстанции используют вещества, которые по истечении нескольких дней полностью испаряются. К таким закрепителям относится циклододекан (его раствор — например в бензине). Он широко применяется консерваторами/реставраторами для закрепления объектов из металлов, бумаги и камня, в особенности находок с пористой и отслаивающейся поверхностью. Применение временных закрепителей уменьшает риск потери оригинальной поверхности при расчистке и минимализирует количество склеенных фрагментов. При этом читаемость объектов, закрепленных таким способом и в дальнейшем расчищенных, повышается. Закрепленные находки можно обрабатывать любыми механическими способами.

Для долговременного закрепления применяют акриловые смолы ПБМА, П (ЕМА/МА), лаки, парафины или твердые воски. Смолы, воски и парафины и лаки применяют как в виде раствора, так и в виде расплавленной массы. Глубина проникновения раствора смолы или лака зависит от его концентрации. Чем больше концентрация, тем больше вязкость и меньше пенетрация. На практике хорошо зарекомендовала себя акриловая смола П (ЕМА/МА). Выпускается под марками Паралоид В72 (Германия) и Acryloid В72 (США). Смола представляет собой сополимер метилакрилата с этилметакрилатом с соотношением мономеров 30:70. Выпускается в виде прозрачных гранул, растворимых

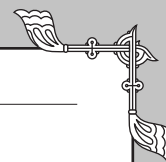

Фото 20. Бронзовая пряжка со следами серебрения до и после расчистки. Германия, XIII в.

в ксилоле и ИПС, применяется в качестве закрепителя и защитных покрытий на изделиях из металла.

Есть несколько способов нанесения закрепляющего материала на объект. Один из них — это полная пропитка экспоната раствором: объект полностью погружается в раствор, до тех пор, пока не перестанут выходить пузырьки воздуха. Но не все находки могут выдержать погружение в жидкость. В таком случае применяем метод направленного нанесения закрепляющего раствора на поврежденные участки. В ходе расчистки сложных объектов приходится неоднократно закреплять поверхность по мере выявления нестабильных участков.

Фото 21. Позолоченная фибула до и после расчистки. Германия, Саксы, V-VI вв.

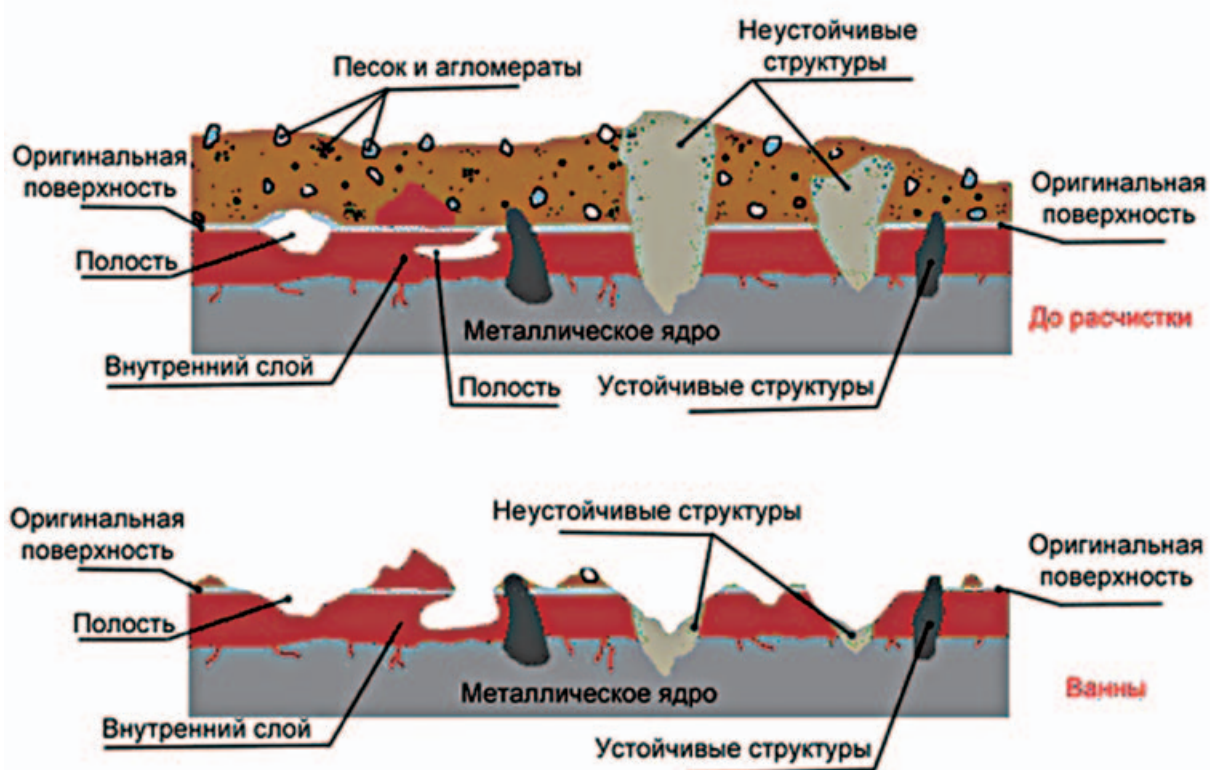

Излишки акриловой смолы легко удаляются ватной палочкой смоченной в ацетоне.

Особую сложность в расчистке представляют объекты, имеющие серебрение или золочение. Этот слой очень тонкий и, как правило, окружен со всех сторон продуктами коррозии, (фото 20), а возможно, пленка серебра или золота утратила связь с самим предметом. В этом случае без предварительного закрепления нельзя расчистить и сохранить оригинальную поверхность.

Работать с такой поверхностью нежно чрезвычайно аккуратно, иначе острой инструмент без каких-либо усилий снимет этот тонкий слой. В некоторых случаях,

Рис. 4. Схематическое изображение действия ванн

при расчистке рекомендуется комбинировать механическую расчистку с химической. Так например, серебряная фибула, (фото 21), имеющая ровное не поврежденное золочения была расчищена с частичным применением влажных тампонов (ватных палочек) смоченных в растворе ЕДТА.

Химическая очистка

Многие продукты коррозии серебра являются хорошо растворимыми веществами. К тому же слои коррозии не однородны и имеют свою капиллярную систему, состоящую из трещин и полостей. Многие капилляры заходят глубоко внутрь под оригинальную поверхность и могут проходить по всему металлическому ядру. В связи с этим, использование очистительных ванн отрицательно сказывается на сохранности объекта в целом. Очистительный р-р проникает глубоко внутрь предмета и тем самым разрушает внутреннюю структуру археологической находки. Кроме этого, р-р комплексообразователя действует в первую очередь на слабые структуры и приводит к образованию раковин и полостей в коррозионных слоях, (рис. 4).

В особенности аммиака пагубно сказывается на интеркристаллической структуре серебра и не редко приводит к изменению цвета продуктов коррозии. После такой очистки поверхность предмета может выгладить стабильно, но на самом деле металлическое ядро становится хрупким.

Удаление продуктов коррозии с применением химических ванн, а так же электрохимическим путем не редко приводит к расчистке экспоната до чистого металла и потере всей оригинальной поверхности. Что бы избежать этого, комплексообразователи применяются только в виде влажных микрокомпрессов или тампонов. Для достижения лучших результатов рекомендуется сочетать химическую расчистку с механической.

В консервации используются слабые комплексообразователи. Такие вещества должны, в первую очередь, образовывать с солями, находящимися в продуктах коррозии, хорошо растворимые вещества. А самое главное — не растворять сам металл. Один из наиболее распространенных комплексообразователей при-

меняемых для удаления продуктов коррозии и трудно растворимых известковых наслоений является Трилон Б (двунариевая соль этилендиаминтетрауксусной кислоты). В Европе не используют Трилон Б, а применяют ее соль — этилен-диаминтетрауксусную кислоту. Сокращенно называется ЕДТА. В продаже — Titriplex, Komplexon, Chelaplex. ЕДТА мало растворима в воде. В отличие от нее растворимость ее соли — трилона Б в 50 раз выше и при 20°С составляет 108 г/л, при 80°С — 236 г/л. С помощью Трилона Б можно растворить практически все нерастворимые в воде продукты коррозии, такие, как оксиды, гидрооксиды, углекислые соли, фосфаты, сульфаты и хлориды.

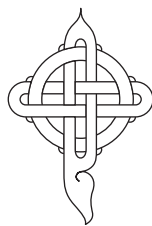
Комплексный образователь должен иметь определенное рН значение, в зависимости от металла для которого он применяется. Так, например, рН 5,5 подходил только для железа или свинца. Для серебра рН 10 сказывается намного лучше. Достичь такого показателя, можно путем добавления раствора буфера. В качестве буфера используется щелочной раствор, например гидроксид натрия (NaOH). Он добавляется в р-р, при этом изменение рН определяется индикатором.

Очистка находок от солей, а так же расчистка оригинальной поверхности от отложений и наслоений продуктов коррозии, является одной из главных консервационных работ, от успешного проведения которых зависит внешний вид предмета, а так же его дальнейшая сохранность. Загрязнения не должны оставаться на предмете под предлогом, что они являются доказательством подлинности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Schutz archaologische Funde aus Metall vor Immissionsbedingter Schädigung», Stuttgart 2000.
2. Herold, Karl: «Konservierung von archäologischen Bodenfunden», Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien 1990.
3. М. С. Шемаханская: «Реставрация металла», (Методические рекомендации), М., 1989.

Фотографии и рисунки автора.

Виртуальная реконструкция артефактов в графическом редакторе Photoshop

Алексей Трошин
(Россия)

Сколько раз, держа в руках обломок древней вещи, мы испытывали горькое сожаление об утрате столь красивого некогда, артефакта. Иногда, это бывают вещи, аналоги которых даже не описаны в литературе, как например, булавка из Брянской области на рисунке справа (реконструирована из фрагмента). Однажды мне пришла в голову простая, по сути, мысль. Что, если попытаться восстановить первоначальный облик объекта в графическом редакторе? Попытка — не пытка, решил я, и начал пробовать себя в виртуальной реконструкции. Впоследствии мною было выведено несколько ниже перечисленных правил, помогающих удачной реконструкции объекта.

Прежде всего, это большой исходный файл, макрофото объекта реконструкции. Затем, нам необходимо знать точную атрибуцию и датировку реконструируемого артефакта, это необходимо для воссоздания максимально корректного исторически и технологически внешнего вида законченного объекта. Далее, необходимо иметь большую библиотеку изображений артефактов и их деталей, обломков, фактур металла и эмалей и т. п. В воссоздании корректного образа артефакта, безусловно, помогает знание данного исторического периода, его основных предметов пластики и технологии их изготовления. В своих реконструкциях я руководствуюсь трудами известных археологов и историков. В некоторых случаях реконструкция довольно точна, в иных приходится заново формировать детали, полагаясь на стилистику исполнения того периода, характерные орнаменты и приемы. Это сродни тому, как по одной кости палеонтологи восстанавливают внешний облик динозавра, руководствуясь не фантазией, а строгими правилами физики, анатомии и физиологии.

Вкратце опишу технологию самого процесса реконструкции. В основном это простые приемы, которыми владеет уверенный пользователь графического редактора: зеркальное отражение, как вертикальное, так и горизонтальное, копирование и вклейка сегментов файла, трансформирование объекта во всех формах (искажение, деформация, масштабирование и т. д.), восстанавливающая кисть, заплатка, затемнение, осветление, размытие. Конечно, важная составляющая процесса, это подгонка цветов и фактур сегментов, эти операции мы выполняем с помощью уровней, кривых, наложений, фильтров, насыщения и т. п.

Булавка раннего
железного века,
реконструированная
из фрагмента

Для наглядности продемонстрирую процесс в картинках.

Фото 0

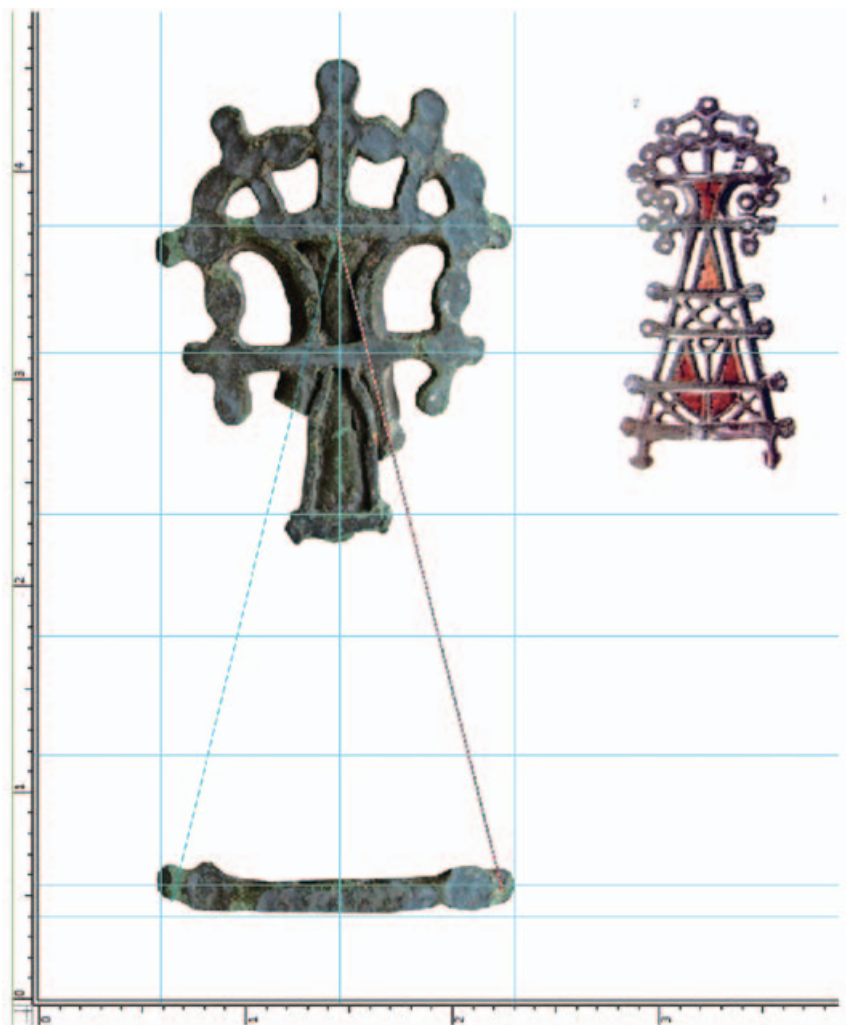
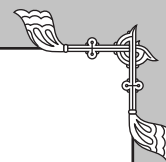
Мы видим исходный файл.
Это фото фрагмента фибулы
III-IVвв, которое мне прислал
коллега из Украины.

Фото 1

Вырезанный и перенесенный на рабочее поле фрагмент,
выровнены уровни и цветовой баланс. Рядом с нашим
фрагментом рисунки целых фибул этого типа из книги
Г. Ф. Корзухиной, именно ими мы будем руководствоваться
в реконструкции, так как фрагмент из этого круга древностей.

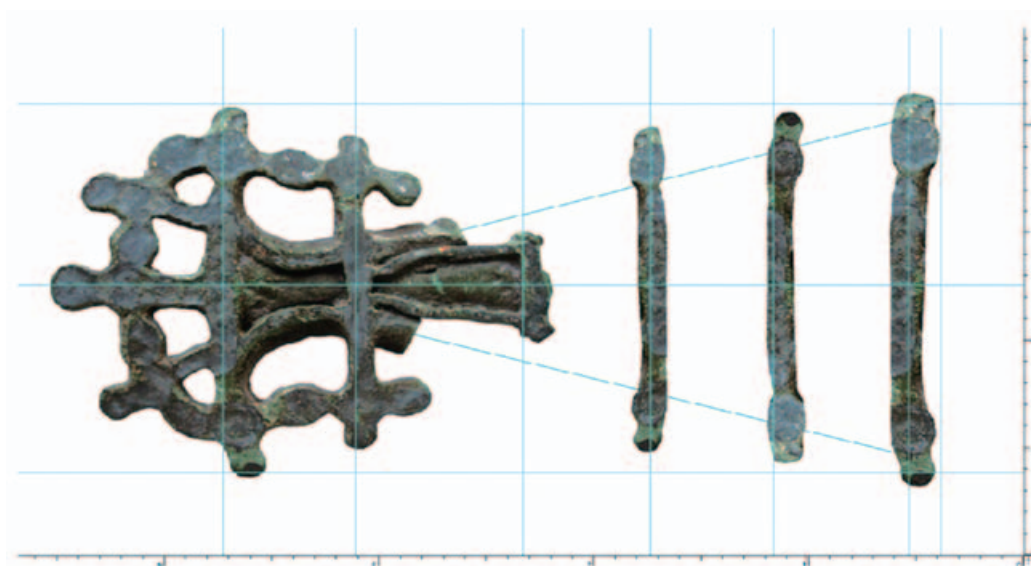

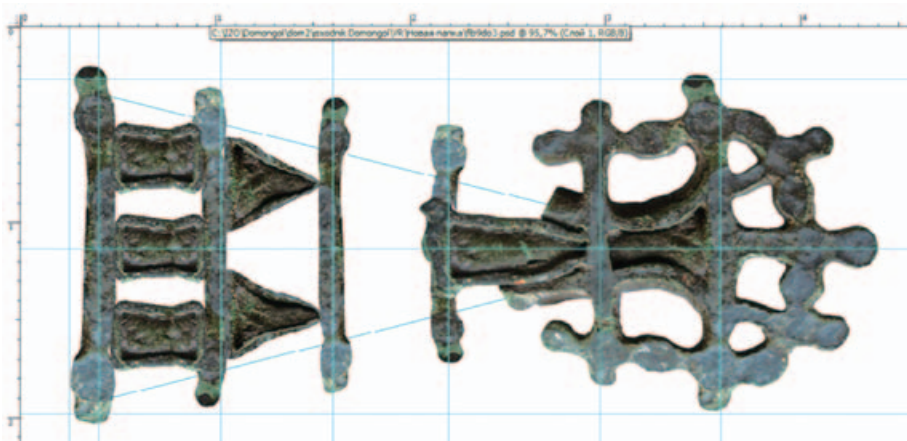
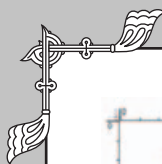
Фото 2

Размечаем осевые линии, подбираем пропорции. Начинаем формирование перекладин фибулы. Исходной заготовкой для перекладин послужил скопированный сегмент обломка.

Фото 3

Продолжаем формирование перекладин, с учетом пропорций фибулы — масштабируем их.

Фото 4

Из центрального треугольного сегмента мы формируем контейнеры под эмаль различной формы. Для этой операции используются функции копирования, отражения, ретуширования и другие.

Фото 5

Здесь мы видим уже сформированную боковую направляющую фибулы, она собрана из небольших участков фрагмента направляющей на обломке фибулы.

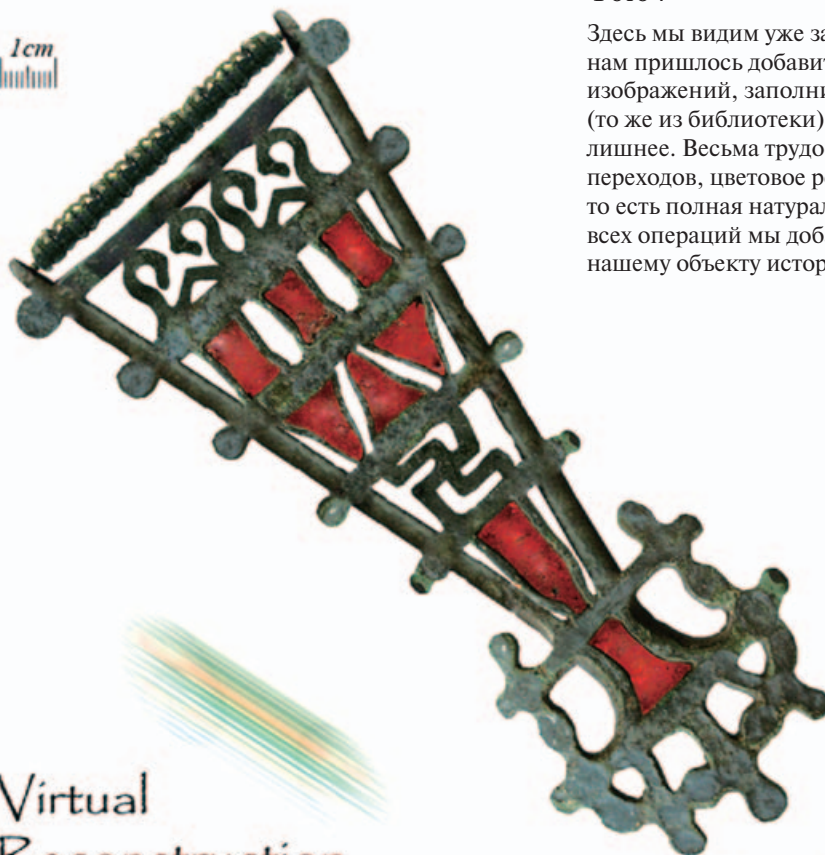
Фото 6

Из направляющих мы собрали контур фибулы. Затем, выбираем из нашей библиотеки изображения подходящие по историческому периоду и культуре, детали оформления, в данном случае это солярный символ и зооморфный элемент декора, и вписываем их в общий контур объекта. Для оформления боковых направляющих используем круглые элементы с верхней части обломка.

1cm

Virtual
Reconstruction

© Домонгол, 2009

Фото 7

Здесь мы видим уже законченный файл. Для этого нам пришлось добавить пружину из библиотеки изображений, заполнить контейнеры эмалью (то же из библиотеки), доработать детали, удалить лишнее. Весьма трудоемкий этап, это удаление швов, переходов, цветовое регулирование и насыщение, то есть полная натурализация изображения. В конце всех операций мы добавляем масштаб, что придает нашему объекту историческую достоверность.

Не секрет, что виртуальная реконструкция древней архитектуры изредка используется в научных кругах, проекты такого масштаба выстраиваются на сложных программных комплексах, они дороги и отнимают много времени. В нашем случае затраты ресурсов и времени на порядок ниже. В заключении, хотелось бы надеяться, что данная технология послужит подспорьем в научных публикациях археологов и историков. Ведь реальная реставрация и реконструкция артефактов требует определенных финансовых затрат и времени, реконструкция же виртуальная, при минимуме материальных и временных затрат позволит использовать в публикациях исторически и технологически достоверные визуальные материалы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Корзухина Г.Ф. «Предметы убора с выемчатыми эмальями V — п. п. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье», М, 1978.

Далее, некоторые реконструированные объекты из материалов форума «ДОМОНГОЛ».

Рис. 1. Реконструкция из фрагмента фибулы из Брянской обл. Киевская культура, IVв.

Рис. 2. Реконструкция эмали на фибуле из Курской обл. Киевская культура, III-IVвв., Диаметр-50мм

Рис. 3. Реконструкция из фрагмента фибулы-бляхи из Курской обл. Кон. IV -сер.Vвв. Диаметр-85мм.

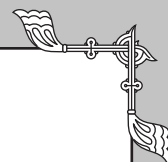

Рис. 4. Реконструкция из фрагмента ажурной фибулы из Украины. Киевская культура, III-IV вв. Длина фрагмента-120мм.

Рис. 5. Реконструкция из фрагмента редкой сьюльгамы с р. Псел. Киевская культура, III-IV вв. Высота фрагмента 58мм. Фото этой сьюльгамы на обложке нашего альманаха.

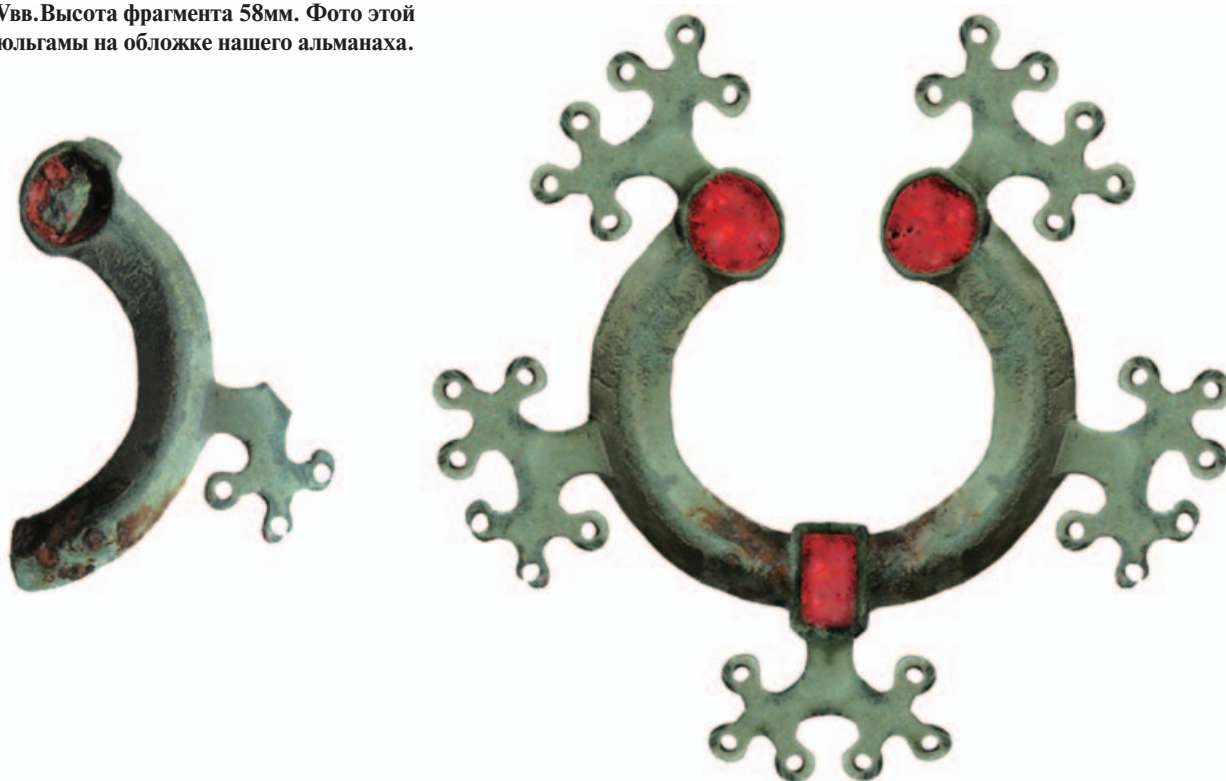

Рис. 6. Реконструкция из фрагмента зеркала типа Чми, гунны, Vв, Орловская обл. Диаметр-30см.

Рис. 7. Реконструкция из фрагмента редкой ажурной лунницы. Киевская культура, III-IVвв.

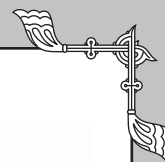

Рис. 8. Реконструкция из фрагмента височного украшения. Гунны, V-VI вв.

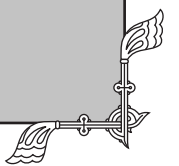

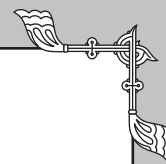
Рис. 9. Реконструкция металлического убора. Киевская культура, III-IV вв.

История вещей

Псковский идол

Юрий Корнеев
(Россия)

Как-то знакомый предложил мне интересную вещь. Двусторонняя бронзовая антропоморфная фигурка с утраченной, в период ее бытования, головой. Найдена она была в г. Пскове, недалеко от древнего псковского кремля. Фигурка меня очень заинтересовала. Сразу мелькнула мысль, что возможно это славянский идол-божок. А то, что фигурка была найдена в пределах древнего славянского города, сводила возможность того, что это какой-то антропоморфный амулет кочевников или шаманская фигурка-онгон, практически к нулю. Кроме того, было какое-то шестое чувство, что удастся определить, какое это божество.

Итак, я отправился в путь — в дебри славянского язычества, еще более запутанные научными его интерпретациями. Надо сказать, что исходных материалов по этому вопросу не так и много дожило до наших дней. Время постаралось, а также новая религия в лице христианства постаралась стереть следы предшествовавших культов.

Большинство известных идолов каменные или деревянные, большого размера. Их ставили на святилищах, (капищах). Самый известный из них — Сбручский Идол. По свидетельствам хронистов X-XI в. в., у западных славян существовали металлические фигурки славянских богов. Некоторые находки позволяют полагать, что такие фигурки существовали и на Руси. На рис. 1 одна из них, найденная в Новгороде, в слое 12 века. Практически все такие фигурки не самостоятельные, а являются навершиями жезлов или рукоятей ножей, датировка таких предметов укладывается в интервал X-XIV в. в. Иногда такие фигурки соотносят с домовыми, (без достаточных на то оснований), а иногда, включают в категорию культовых жезлов.

Правда, даже если не вызывает сомнения то, что это идол, очень трудно определить, что это за божество.

Рис. 1. Божок из Новгорода

В моем же случае, фигурка — просто малая антропоморфная скульптура, не являющаяся навершием. В нижней части имеет небольшой выступ, который, как я предполагаю, мог втыкаться в шель домашнего алтаря. Итак, я уже в самом начале исхожу из предположения, что это идол-божок какого-то божества домашнего алтаря, вероятнее всего, относящийся к западнославянскому культу. Имею право сделать это предположение, так как ни прямых, ни отдаленных аналогов моей фигурке найти не удалось.

Практически все исследователи сходятся в том, что чем больше ликов (голов или сторон), у идола, тем выше его ранг в пантеоне богов. Четырех и трехголовые идола это вершина божественного пантеона. Двухголовые, двусторонние, а также односторонние с изображением «глаза» на груди — также божества высшего порядка, соотносящиеся с близнечными персонажами, либо с представлениями о двоенности или двуединстве. Ну а одноликие и односторонние — это божества низшего порядка, вроде домовых и т. п. Правда не все так однозначно, многие читают на идолах значки (руны, символы), и утверждают, что там как раз и написаны имена богов. Существует масса одноголовых (односторонних) идолов, которые, по результатам прочтений, претендуют на роль Перуна и других предводителей божественного пантеона.

Итак, в моем случае, фигурка двусторонняя, что позволяет утверждать, что это не какой-нибудь домовенок или местечковый божок. Это божество высшего порядка, с признаками двойственности.

Кроме того, это божество женское. Явно видна грудь, при чем небольшая. Интересно, что все исследователи отмечают, что на всех женских славянских фигурах-идолах грудь небольшого размера, можно сказать, чисто символическая.

Также можно утверждать, что это фигурка роженицы. Символы роженицы как в шаманской символике, так и в славянских традиционных вышивках — человеческая фигурка (на вышивках стилизованная), с расставленными, часто характерно согнутыми ногами, из чрева кото-

рой выходит ребенок, изображаемый штрихом или треугольником. На рис. 2 показаны прорисовки наскальных рисунков из Монголии (р. Чулуут) и бронзовой подвески (10-12 вв.), найденной в Тюменской области, а так же фото современной ее реплики, используемой в шаманских ритуалах. Треугольники между ног на моей фигурке явно видны невооруженным глазом. Традиционные узоры славянских вышивок приводить не стану, так как придется долго объяснять их суть, а также потому, что у них существует тоже масса различных трактовок-толкований, а это уже совершенно иная история и этому можно даже посвятить отдельную статью.

Подводя предварительный итог, можно сказать, что мы имеем дело с женским божеством высшего порядка, с признаками двуединства (двойственности), символизирующим рождение. Кто же это? Высший пантеон славянских женских божеств не так велик, так что сразу ясно, что это РОЖАНИЦЫ.

Прежде чем перейти к следующей стадии изысканий, хочу обратить внимание на то, что кисти рук, лежащих на животе фигурки, образуют какой-то символ. Толи круг, толи изображение глаза. Смысл этого знака мне разгадать не удалось. Одно могу сказать, что такая подчеркнутая детализация на столь маленькой фигурке, вряд ли случайна.

Итак, это Рожаницы. Кто же они такие? Тоже много разных версий и разночтений. Чаще всего встречаются совместные упоминания о Роде и Рожаницах. Складывается впечатление, что эти культы должны существовать одновременно и параллельно, если, вообще, это не один культ. Но, все не так просто. Доказано, что у Новгородских словен был распространен культ Ящера и Рожаниц. Раскопки А. В. Арциховского на Перыни показали, что капищу Перуна на Волхове не менее двух столетий предшествовали три святилища — Ящера и Рожаниц.

В вопросе, кто такой Ящер, тоже нет согласия. Некоторые отождествляют его с Волосом (Велесом), другие считают, что Ящер, это Волх (Волхов), сын Волоса.. Но для нас это не суть важно, поэтому просто остановимся на Ящере. По поводу Рожаниц, тоже много мнений. Лично мне больше нравится мнение академика Б. А. Рыбакова. Он считает, что Рожаницы это Лада и ее дочь Леля.

О триаде Лада-Леля-Яша (Ящер), написано много, этот пантеон прослеживается и в фольклоре и упоминается в первоисточниках вплоть до 15 века, особенно у прибалтийских славян и поляков. Вкратце скажу, что Леля, вероятнее всего, невеста Ящера.

Интересно, что именно на основании культа Ящера-Рожаниц, академик В. В. Седов сделал вывод о западнославянских корнях новгородских словен. Как мы помним, хронисты подтверждают бытование металлических фигурок-богов у западных славян.

Подытоживая все вышесказанное, можно смело предположить, что наша антропоморфная фигурка это изображение Рожаниц (Лады и ее дочери Лели), которое стояло на домашнем алтаре семьи новгородских словен, проживавшей в славном городе Пскове в земле Новгородской.

По поводу времени бытования можно предположить следующее. Выше было сказано, что святилища Ящера-Рожаниц существовали как минимум за двести лет до святилища Перуна. А Перун появился в Новгороде в 983 году. Именно тогда воевода Добрыня, дядька

Рис. 2. Прорисовки наскальных рисунков из Монголии (р. Чулуут), и бронзовой подвески (10-12 вв.), найденной в Тюменской области. Справа - современная реплика этой подвески.

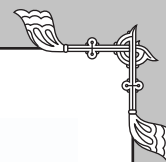
Владимира Святого, брат его матери Малуши, получив в управление земли Новгородские, по примеру племянника установил в Новгороде, на берегу Волхова истукан Перуна. Очевидно в это же время (или чуть позже), такое же капище появилось и в Пскове.

Таким образом, ранней границей бытования наших Рожаниц можно считать конец 8 века.

Следует отметить, что культ Перуна продержался не долго. Летописная дата крещения Пскова — 988 год. Трудно сказать, как проходило установление культа Перуна и каково участие Добрыни в крещении новгородских словен. Однако до нашего времени дошла старинная новгородская поговорка — «Путята крестит мечем, а Добрыня огнем», из которой следует, что с богами словен особо не церемонились. Если даже своего, недавно привезенного Перуна срубили и сбросили в Волхов, то уж изображения чужих богов, я думаю, крушили безо всякой пощады. Возможно, в этот период и была утрачена голова Рожаниц. Хотя возможно они прожили и больше, ведь как говорится, человек предполагает, а боги располагают. Но, думается, что период «конец 8 — конец 10 вв.» — вполне корректная датировка.

Долго думал, как мне хранить Рожаниц. Решил, что миниатюрик из необработанного янтаря будет самым подходящим. Пазик под штырек сделал не по центру, а чуть сбоку. Оставил место — вдруг попадет изображение Ящера. Будет тогда полный алтарь новгородских словен.

И еще одна проблема — не знаю, как называть их. Антропоморфной фигуркой глупо, идолом, как-то коробит. Есть хорошее древнерусское слово «капь», от него, кстати, и капище происходит. Но капь, это для больших изваяний, а у меня маленькое, домашнее. Вот какая вещь редчайшая, что даже слово-название ее затерялось в далеком прошлом, а нового, такого чтоб на душу легло, не придумали еще.

Дырявое копьё

Юрий Корнеев
(Россия)

Наверняка, в коллекциях у многих есть вещи очень красивые, необычные. Настолько необычные, что очень трудно найти информацию по аналогам, датировать предмет, а иногда даже сложно определить к какой культуре он относится. Как же быть? Вещь достойна стать жемчужиной коллекции, а ты не знаешь на какую полочку ее поставить. С какими соседями она будет смотреться естественно, не вызывая чувства смешения времен, эпох и культур? И вот лежит такая вещь в темном, пыльном чулане и ждет своего часа, когда хозяин наконец-то атрибутирует ее. Конечно, можно пойти простой и легкой дорогой. Дать примерную датировку с разбросом в 2-3 века. Или просто выдать размытую датировку типа РЖВ или период ранней бронзы. Чем не атрибуция? Вполне сгодится. Но я предлагаю другой путь. Тем более, что примерная атрибуция и датировка не годится для таких вещей, которым не находятся аналоги, о которых твои знакомые коллекционеры ничего не могут сказать, которые провисели не на одном и не на двух форумах и не получили там ни одной версии. Такие вещи просто обязаны иметь красивую легенду. Примеров тому масса — Святой Грааль, Копьё Судьбы и т.д. и т.п. Или взять, к примеру, крупные драгоценные камни — все они имеют не только свои собственные имена, но и красивейшие легенды, которые уходят далеко-далеко в прошлое. Такие вещи шли через века и эпохи, были свидетелями взлетов и падений цивилизаций. И именно этим, они и интересны. Конечно, в случае с археологическими древностями, большинство вещей, прожив свой короткий век, погрузились на долгие века в спячку и увидели снова белый свет только сейчас. Но они не просто часть или атрибут истории. Они ее творили, они были полноправными участниками всех событий своих эпох. Эти вещи для нас воскрешают историю, а мы должны воскресить их историю. В ходе атрибуции всегда возникают несколько версий, имеются смутные, неподтвержденные подозрения. В конце концов, просто доверьтесь своей интуиции и создайте легенду для вашей любимой вещи. Поройтесь немного в истории, найдите события в которых эта вещь могла участвовать. Уверю вас, с легендой ваша вещь станет для вас гораздо более интересной и желанной. А вы в ходе создания этой самой легенды, наверняка, узнаете очень много нового и интересного из истории. Итак, я открываю свой чулан и достаю свое любимое...

«Дырявое копьё», это его имя на период установления личности. Сам я не большой любитель бронзовых копий, как-то они меня не трогали. Периодически возникала мысль, что надо в коллекции иметь хоть один образец. Но всегда попадались предметы, которые хотелось приобрести больше. Когда я увидел фото этого копья, то сразу понял, что это копьё — именно то, что я ждал все время. Решение было принято мгновенно. Ни капли сомнений. Потом неделя томительного ожидания, легкой душевный трепет от боязни разочароваться при личной встрече. А что, так часто бывает...

И вот, день настал. Оно приехало. Вживую гораздо прекраснее чем на фото. Как говорится, любовь с первого взгляда, вернее, со второго, если считать фото. Соответственно, получил данные по месту находки. Место находки очень подходило к такому копьё. Майкопский район, ст. Новосвободная (ранее Царская), у дольменов на Богатырских полянах. Какие названия! Датировка бывшего владельца — эпоха бронзы, IX-VIII в. в. до н. э. Сопутки не было. Вроде все нормально. Есть предмет, атрибутирован. Можно наслаждаться. Но не хочется, чтобы такая изумительная красота числилась как «копьё с узором эпохи бронзы». Начаты поиски аналогов, опрошены все знакомые.

Рис. 1. Навершия кельтских боевых знамен.

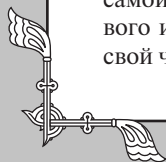

Рис. 2.
Митридат VI Евпатор

Результатов никаких. Кроме того, что в Интернете найдены упоминания о наверхших кельтских боевых штандартов. По стилистике мое копье подходит. Опять же и он осмелился бросить вызов Великому Риму. Но боги завистливы к таким талантам и успехам.

Поэтому в конце жизни, преданный всеми, он был вынужден бежать и скрываться в Колхиде. Где за ним охотились римские отряды, а потом перебрался в Пантикопей, где рассчитывал, собраться с силами и продолжить борьбу. Но планам не суждено было сбыться. Митридат предпочел смерть плену, покончив жизнь самоубийством, бросившись на свой меч, по одной версии. А по другой версии, он попросил зарубить себя своего охранника галата. Вот оно озарение! Галаты — одно из кельтских племен. Личная охрана Митридата из наемников галатов — это единственные, кто не предал великого царя и были с ним до конца, до самого конца. Они слышали последний вздох Митридата.

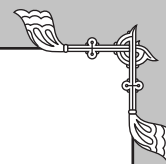
Ну вот, наконец круг замкнулся, мозаика сложилась. Кельтское копье-наверхшие, охранники галаты, Митридат, спасающийся бегством от римских легионеров. Вот и готова легенда для моего копья. Напоследок, все-таки решил выставить копье на форуме «Домонгол». Вдруг кто-то видел подобное. Но, к сожалению, а может и к удаче, никто ничего не сказал. Решение мое по поводу легенды окрепло, и вдруг, в одной из соседних тем на форуме дали ссылку на книгу по кельтам. Скачал ее, начал смотреть и...о, боги! — на 34 странице, в статье про галатов рисунок воина, а в руках у него... Наверное, уже догадались. В руках у него «дырявое копье»!!!

Рис. 3.
Изображение воина-галата

Разве это был не перст судьбы, указывающий на мою правоту? Вот, собственно, и конец истории. Я счастливый обладатель прекрасного копья, которое видело Митридата, возможно, было с ним рядом, когда душа его покидала этот мир. Копья, которое точно знает, что такое преданность и верность долгу. Единственное, что огорчает — то, что я не знаком с Э. Радзинским. Показать бы ему это копье, рассказать про галатов. Представляете, какую бы замечательную книгу он бы мог написать. И как в его эмоциональном исполнении выглядело бы описание последних минут Митридата. Ну да, бог даст, может еще и это сложится. Кто-то скажет, что в моей легенде полно дыр, ну так и в моем копье их хватает. Так что и тут все сходится. А вот, собственно, и оно, мое «дырявое «в прошлом, а теперь Митридатово копье. Не правда ли — оно прекрасно!

История одного меча

Юрий Корнеев

(Россия)

Редко какой мужчина не испытывает волнения и интереса при виде оружия. А холодное оружие, тем более, вызывает уважение, особенно, если оно историческое. Вероятно, такой интерес сидит в мужчинах на генетическом уровне. Вот и я не исключение. Увидев этот меч на аукционе, я понял, что он должен быть моим. Опять же понял где-то на уровне подсознания, так как на тот период весь мой багаж знаний по этому разделу мог уместиться в маленькой барсетке, да и еще место бы осталось. Тогда я не знал ничего, чей он, редкий или нет? Меч завораживал, звал меня. В общем, я выиграл, надо сказать, тяжелую, хорошо хотя бы не кровопролитную битву на аукционе. Ну, мой случай не единственный. История знает много примеров, когда к обладанию тем или иным мечом стремились разные исторические герои, забыв про все остальные радости жизни.

И вот меч прибыл. Бонусом к нему шла бусина. Крупная, круглая, недосверленная бусина из болгарского агата. Вернее даже не бусина, а, я думаю, заготовка шаровидного навершия на этот меч. То, что бусина-навершие из Болгарии, давало возможное направление поисков родины меча, но, повторюсь, тогдашний уровень моих знаний не позволял мне предпринять даже жалкие попытки атрибутировать это сокровище. Поэтому бусина легла на полочку, а меч отправился в «чулан» до выяснения всей подноготной.

Прошло время, накопились знания, и я решил, что время настало. Я принялся за поиски истории моего меча, которые, на мой взгляд, дали неплохой результат. Во всяком случае, меня он устраивает и, поэтому, сейчас я вам расскажу историю этого меча.

Итак, напомним, имеется меч с гардой (перекрестием) и агатовая недоделанная бусина-навершие. Так же у меня имелось сопроводительное письмо, где была приложена карта с точным местом находки этого меча. К сожалению, связанный обещанием, могу только сказать, что это в Абхазии. В письме еще говорилось, что кроме бусины, там же был найден серебряный кубок греческой или римской работы, с изображением лица и выбитой надписью.

Нижнюю временную границу появления такого меча я отношу к середине 8 века. А. В. Комар и О. В. Сухобоков в своей работе о военном деле и вооружении хазарского каганата пишут, что, не смотря на то, что уже с 7 века стали появляться палаши, в середине 8 века опять появились двулезвийные длинные мечи, с перекрестиями как у палашей. Авторы, правда, отмечают, что для хазар это был временный, короткий этап, а потом опять их военное искусство повернулось

Рис. 1. Басилевс Фока

к палашам и их слабо искривленным вариантам — прообразам сабель. Их еще называют «салтовскими саблями». Но это кратковременность — для хазар, а у других племен могло быть иначе? Вполне. К примеру, в «Повести временных лет» говорится о том, что поляне выплачивали хазарам дань мечами. Мечи были популярны у славянских племен, поэтому период их бытования можно смело продлить до 12-13 века. По аналогии с перекрестиями сабель, можно сказать, что перекрестие меча, характерно для 10-12 вв. А схожесть перекрестия меча с перекрестиями салтовских сабель того времени, можно объяснить местным колоритом. Мечи с такой формой перекрестий могли бытовать именно в пограничных районах, на границах славянских земель и Хазарии.

Надо сказать, что хвостовик клинка имеет совсем не характерную форму. Хвостовик не имеет крепежных отверстий, он сделан или под всадной монтаж рукояти, либо под накладной, с последующей обмоткой кожаными ремнями или с применением прижимных колец. По этому поводу могу выдвинуть следующую версию. Этот меч — оружие профессионального воина, который зарабатывал этим мечом на жизнь. Если это был воин с большой буквы, то он, наверняка, заказывал оружие индивидуально под себя. Поэтому, я думаю, отличия от канонов вполне допустимы.

Итак, мы имеем меч 10-12 вв., который принадлежал профессиональному воину, предположительно восточнославянского происхождения.

Здесь, по сюжету, вступает серебряный кубок. Сделал дополнительный запрос прежнему хозяину, и он прислал мне фото надписи на этом кубке. Вот это фото.

Я прочел эту надпись как «Базилевс Фока». Кто-то скажет, что по-гречески Фока пишется «Φωκάς», но так ведь и Базилевс (Βασιλεύς) не совсем правильно написано.

Грамматическим ошибкам может быть масса объяснений.

Главное в том, что Базилевс Фока, а если полностью, то Базилевс Никифор II Фока, действительно существовал. Он относится к Македонской династии, правда сам не императорских кровей. Он потомственный военный, талантливый военачальник. Его должность до воцарения на престол была — главнокомандующий восточных войск Византийской империи. Был очень популярен в армии и народе. На престол вззошел в 963 году, что интересно, без всякого душегубства и кровопролития, и правил до 969 года, когда был зверски убит Иоанном Цимисхием, который занял престол после него. Вот как описывает его смерть Лев Диакон:

«заговорщики ворвались в спальню Никифора, стали бить его и пинать ногами, а один из них нанес сильный удар мечом по голове. Обливавшегося кровью императора подтащили к Иоанну. Тот, схватив несчастного за бороду, безжалостно терзал ее, а остальные били его рукоятками мечей по щекам и выкрошили ему все зубы. Наконец, пресытившись мучениями, Иоанн толкнул

Никифора ногой в грудь, взмахнул мечом и рассек ему надвое череп. После этого отрубили голову, а труп вышвырнули на улицу. Целый день он валялся на снегу под открытым небом. Вечером останки Фоки уложили в наскоро сколоченный ящик, отнесли в храм Святых Апостолов и там похоронили».

Кому интересно, сможет сам найти информацию об этом воине и императоре (рис. 1).

Не каждого византийского императора изобразили бы с оружием в руках. Да это был великий воин, и тем нам и интересен (помимо его имени на кубке). В 960 году войска под его руководством высаживаются на Крите и завоёвывают его. Согласно хронике, в военных действиях принимают участие славянские воины в качестве союзников или наемников. Думается, скорее наемников. Святослав, хоть и был амбициозен, но трудно поверить, что его мог прельстить Крит. Вот уже и складываются — меч, славяне, Фока. Но в 960 году Фока еще не был Базилевсом, и такой надписи на кубке появиться не могло. Но идем, дальше. Даже став Базилевсом, он не перестал быть полководцем. В 968 году война с Болгарией, а предварительно были переговоры со Святославом, который также вторгся в Болгарию (теперь славяне уже точно союзники). Вот теперь цепочка сложилась

полностью. Меч, славяне, Базилевс Фока. И даже Болгария теперь объясняет болгарский агат, из которого сделана бусина-навершие.

Теперь самое время рассказать всю нашу маленькую историю. Возможно, она началась именно с вторжения на Крит (хотя никаких улик на этот счет нет).

Рис. 2. Встреча Святослава с Иоанном Цимисхием

Фото 2. Меч

Фото 1. Надпись на кубке

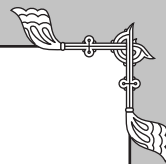

Фото 3. Перекрестье и хвостовик меча

Фото 4. Агатовая бусина-навершие

Какой-то восточнославянский наемник, солдат удачи, принимал участие во вторжении на Крит. Вполне допустимо, он остался, и далее служил под началом Фоки. С ним, а может и в составе войска Святослава, он участвовал в военных действиях в Болгарии, где за доблесть и отвагу, мог быть награжден кубком самого Базилевса Фоки. Великие полководцы уважают и любят хороших солдат. Оттуда, из Болгарии, он прихватил агатовую бусину, чтобы сделать из нее навершие к своему кормильцу-мечу.

Трудно сказать, как в действительности выглядел наш солдат удачи. Возможно, он был похож на Святослава. Вот современная картина, где изображена встреча Святослава с Иоанном Цимисхием, тем самым, который зарубил мечом Фоку.

Сложно сказать, как закончился жизненный путь хозяина меча, но, судя по тому, что навершие он не доделал, до старости он не дожил. Возможно, он погиб, возвращаясь домой после гибели Фоки. Также закончит свой жизненный путь Святослав в 972 году — в схватке с печенегами, возвращаясь домой из очередного похода в Болгарию.

Три судьбы, два Имени и солдат удачи, воевавшие всю жизнь и погибшие от меча. Я думаю, в раю они встретились.

Кстати, последний персонаж, Иоанн Цимисхий не надолго пережил их. В 976 году он был отравлен придворным евнухом. Ну что ж, собаке — собачья смерть.

Скиф на петухе

Юрий Корнеев
(Россия)

Рот еще одна история замысловатого пути атрибуции предмета. Досталась мне по случаю терракотовая фигурка. Прошлый хозяин назвал ее «Скиф на петухе» и, надо сказать, что название очень подходит, хотя понятно, что это никакой не скиф, и к скифам эта терракота отношения не имеет. Путь этой статуэтки был столь долг, что она уже и не помнила, откуда она, где ее нашли. Известно лишь, что из Украины.

Первое дело, как всегда, поиск аналогов. Безрезультатно. Долгое время ничего не получалось и, вдруг, совершенно случайно, след нашелся.

Во фригийской мифологии есть лунный бог — Мен, (Мен по-гречески — месяц). Изображался во фригийском колпаке, едущем на петухе, иногда с молодым месяцем за спиной.

Культ Мена существовал и в Греции и в Риме, где он отождествлялся с Аттисом, имевшим эпитет Менотиран. Там он также изображался в образе юноши или ребенка, верхом на петухе, реже на быке, льве или коне.

Попадание в цель — юноша или ребенок, фригийский колпачек, петух. Итак, известно кто это. Теперь смело можно отнести находку к Причерноморью.

Но чем интересны такие редкие и необычные вещи, это тем, что как будто кто-то свыше подталкивает тебя в нужном направлении. Возможно, это сам Мен повел меня дальше. Говорят же, что старые боги умирают, когда о них забывают. А тут я вдруг вспомнил про него, начал думать — вот он и очнулся из забвения и, в благодарность, повел меня дальше. И вот, совершенно случайно, на сайте новостей курортов Крыма находится заметка «В Керчи найдена древняя терракота». Приведу ее дословно:

«Примерно в I веке до нашей эры неизвестный мастер сделал глиняную терракоту, изобразив челове-

Фото
Керченской
находки

скую фигуру верхом на петухе. Сменились эпохи, и она попала в руки керченского коллекционера.

Нашел терракоту этим летом удачливый керченский ныряльщик буквально у берега. Усыпанная ракушками, античная находка хорошо сохранилась. Ее размеры — 20x20 сантиметров, и в этом необычность, так как терракотовые статуэтки, в основном, были гораздо меньше. Небольшая фигурка, возможно, ребенка, с каким-то предметом в руках, восседает на огромном петухе. Фигура то ли одета в высокий головной убор, то ли держит за спиной полумесяц.

Мастер правдиво изобразил птицу, вырезал ей крыло, постарался придать натуральность оперению. Рельефна терракота только с одной стороны, с другой же — плоская с круглым отверстием сверху, может быть, для крепления на стену. К сожалению, терракота повреждена — у человеческой фигурки отбито лицо.

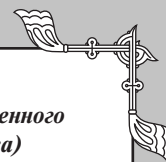
«Это — редкая удача, — порадовался коллекционер. — В нашем керченском музее такой нет, а в Эрмитаже есть с таким же сюжетом, но меньшего размера». Специалист по древностям рассказал нам, что керченская земля фантастически богата на античные сокровища. «Здесь была столица огромной империи, жили аристократы, — рассказывал наш собеседник. — Сюда привозили дорогой мрамор, уникальные вещи; сюда стекались денежные потоки, культурные ценности. А вокруг Пантикапея было расположено множество городов, которые практически еще не изучены». Поэтому до сих пор здесь находят удивительные вещи.»

Хотя фото и маленькое, но контуры фигурки настолько характерны, что спутать невозможно.

У моей фигурки тоже отверстие на задней стороне. Не знаю, какой размер у Эрмитажного экспоната, моя тоже меньше керченской. Высота всего 12,5 см.

Вот так все и разложилось по полочкам. Пришли ответы на все вопросы.

По поводу того, чем служила эта статуэтка, есть следующие соображения:

Греки любили жизнь и любили праздники. В честь богов в Причерноморье устраивались различные празднества, подобные Элевсинским мистериям в Греции. Торжественные процессии, музыканты, мимы. Разыгрывались различные представления-мистерии в честь богов. В этих мистериях участвовали терракотовые марионетки. Вот на фотографиях некоторые из них (экспонаты ГИМа). Они также найдены в Керчи, но датируются III-II в. в. до н. э. Подобные статуэтки мистов были широко распространены в этом регионе вплоть до первых веков нашей эры. Может быть, моя статуэтка участник подобных мистерий. В те далекие времена, люди и боги сосуществовали друг с другом.

Помимо официальных полисных культов существовали и «домашние», особо почитаемые боги. Такое святилище было раскопано в одном из помещений «дома Хрисалиска» на Таманском полуострове. Там нашли несколько десятков терракотовых статуэток. В том числе и курильницу в виде головы быка с полумесяцем и астральным диском на лбу. Вполне возможно, что моя терракота и есть курильница. Статуэтка ставилась (снизу она полая) на чашечку с благовониями, а через отверстие сзади выходили благовонный дым.

А может быть, есть и еще какое-нибудь применение, но это и не особенно важно. Мне эта терракота больше всего нравится как символ той эпохи. Древние создавали антропоморфные божества по своему образу и подобию. Да, боги превосходили людей силой, разумом, были бессмертны, но они оставались не лишеными человеческих слабостей — они могли быть жадными, злыми, мелочными, распутными, могли влюбляться, изменять, ревновать. Такие боги были ближе и понятнее простым людям, такие боги жили рядом с ними.

Фото Мистов из Государственного исторического музея (Москва)

Посмотрите на этого всадника из прошлого и представьте ту далекую жизнь, может более жестокою и непонятною для нас, но по-своему счастливую.

Конечно, надо бы еще уточнить датировку. Буду в Питере, обязательно зайду в Эрмитаж. Посмотрю, как они датируют, а заодно и сравню, чья лучше. Пока же, доверюсь керченскому коллекционеру, и буду считать, что это I век до н. э.

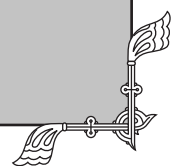
В статье использовались материалы сайта: Kerch.com.ua

Фото статуэтки, описываемой в статье

Частнаа коллекция

Некоторые образцы древней пластики из частных собраний

Фото 1. Топоры-кельты, бронза, литье.

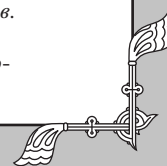
1. Свердловская область, в 5 километрах западнее г. Екатеринбурга, р. Исеть. Кельт сейминско-турбинского типа (середина II тыс. до н. э.), 2. Белгородская область., 3. Новгородская область, в 20 километрах к югу от Новгорода, р. Вережа, 4. Курганская область, район города Каргаполье, р. Исеть, 5. Курганская область, Шадринский район, 6. Курганская область, р. Миасс, район города Каргаполье, 7. Свердловская область, Ирбитский район, река Ирбит, 8. Красноярский край, р. Ангара, 9. Украина, запад Черкасской области, 10. Украина, Винницкая область, р. Южный Буг, 11. Красноярский край

Фото 2. Топоры-кельты (1-6), топор-вкладыш (7), насадной топор (8).

1. Курганская область., 2. Курганская область, Долматовский район, р. Исеть, 3. Курганская область, 15-20 километров севернее г. Кургана, 4. Кельт Кара-Абызской культуры. IV в. до н. э. — III в. н. э., Республика Башкортостан, Гафурийский район, 5,6. Кельты Кулайской культуры. Отличительной особенностью топоров-кельтов данной культуры является шестигранная в сечении втулка, сквозные прорезы и богатая орнаментация поверхности топоров-кельтов. I в. до н. э. — III в. н. э., Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Октябрьский район. 7. Россия, Северное Причерноморье. X век до н. э. (?), 8. Протомаеотский бронзовый литой топор с грибовидным обушком (кон. VIII — н. VII вв. до н. э.). Россия, Северное Причерноморье.

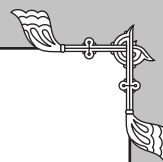

Фото 3. «Птицеголовые» скипетры предскифского времени (конец IX первая половина VII в. до н.э.)

Скипетры 1-2 орнаментированы симметричными солярными розетками на проухе и солярными розетками на грибовидном обушке. Лезвие закруляется в нижней части и напоминает клюв хищной птицы. Россия, Северное Причерноморье.

Фото 4. Ножи.

1. Бронзовый нож, предположительно Федоровской культуры, XIII-XII вв. до н. э., Курганская область, Далматовский район. 2-3. Бронзовый нож, предположительно Срубной культуры, вторая половина II-го — и до начала I-го тыс. до н. э., Курганская область, Куртамышский район., 4. Бронзовый нож Иткульской культуры). VII-III в. до н. э., Курганская область, Далматовский район. 5. Бронзовый нож, предположительно Тагарской культуры (археологическая культура раннего железного века распространенная в Минусинской котловине, районе Красноярска и восточной части Кемеровской области), VII-III в. до н. э., происхождение: Курганская область, Куртамышский район.

Фото 5.

1. Поясная бляха в виде лежащей фигуры волка. Тагарская культура, V в до н. э. Красноярский край, р. Ангара. 2. Пряжка с неподвижным язычком с изображением льва, терзающего голову копытного животного. Сарматы, III-II вв до н. э., Башкортостан. 3. Трапециевидная продеваемая ремнем пряжка с рельефным изображением льва. Византия, X в. Украина. 4. Бляшка с изображением лежащей фигуры волка. Тагарская культура, VI-IV вв до н. э. ХМАО.

Фото 6.

1. Круглая бляха в виде змеи или ящерицы, кусающей свой хвост. Финно-угры. Север Свердловской области. 2-4. Бронзовые личины. Финно-угры, VIII-IX вв. Пермский край.

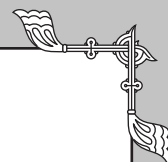

Фото 7.

1. Антропоморфная личина, легкий металл. Финно-угры. ХМАО. 2. Антропоморфная личина, фрагментирована в древности. Финно-угры, VIII-IX вв. ХМАО. 3. Антропоморфная личина. Кулайская культура (?). ХМАО.

Фото 8.

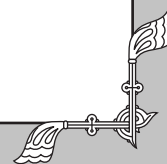
Антропоморфные фигуры. Кулайская культура, V-IV вв до н.э., ХМАО.

Фото 9.

1. Антропоморфное изображение в виде мужской фигуры с кинжалами в руках. Финно-угры, VIII-X вв. ХМАО., 2. Антропоморфный идол в форме филина, предположительно изображение шамана. Оловянистая бронза, литье. Финно-угорцы, X-XII в. н. э., Ханты-Мансийский АО — Югра., 3. Накладка с изображением двух хищных птиц и головы зооморфного существа. Финно-угры, VII-VIII вв. (?). ХМАО., 4. Лопасть Г-образного псаля в виде трехголового существа. Меоты (?), IV в. до н. э. Северное Причерноморье. 5. Подвеска в виде птицы (баклана?). Не атрибутирована. Курганская область.. 6. Зооморфная подвеска (возможно кресало) с изображением оленя. Бронза, литье, полировка. Финно-угорцы, X-XII в. н. э.. Место находки: Ханты-Мансийский АО — Югра, Октябрьский район.

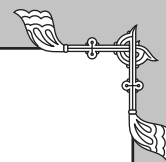

Фото 10.

- 1,2. Антропоморфные фигуры. Кулайская культура, V-IV вв до н.э. ХМАО.
3. Антропоморфная личина. Кулайская культура, V-IV вв до н.э. Красноярский край.

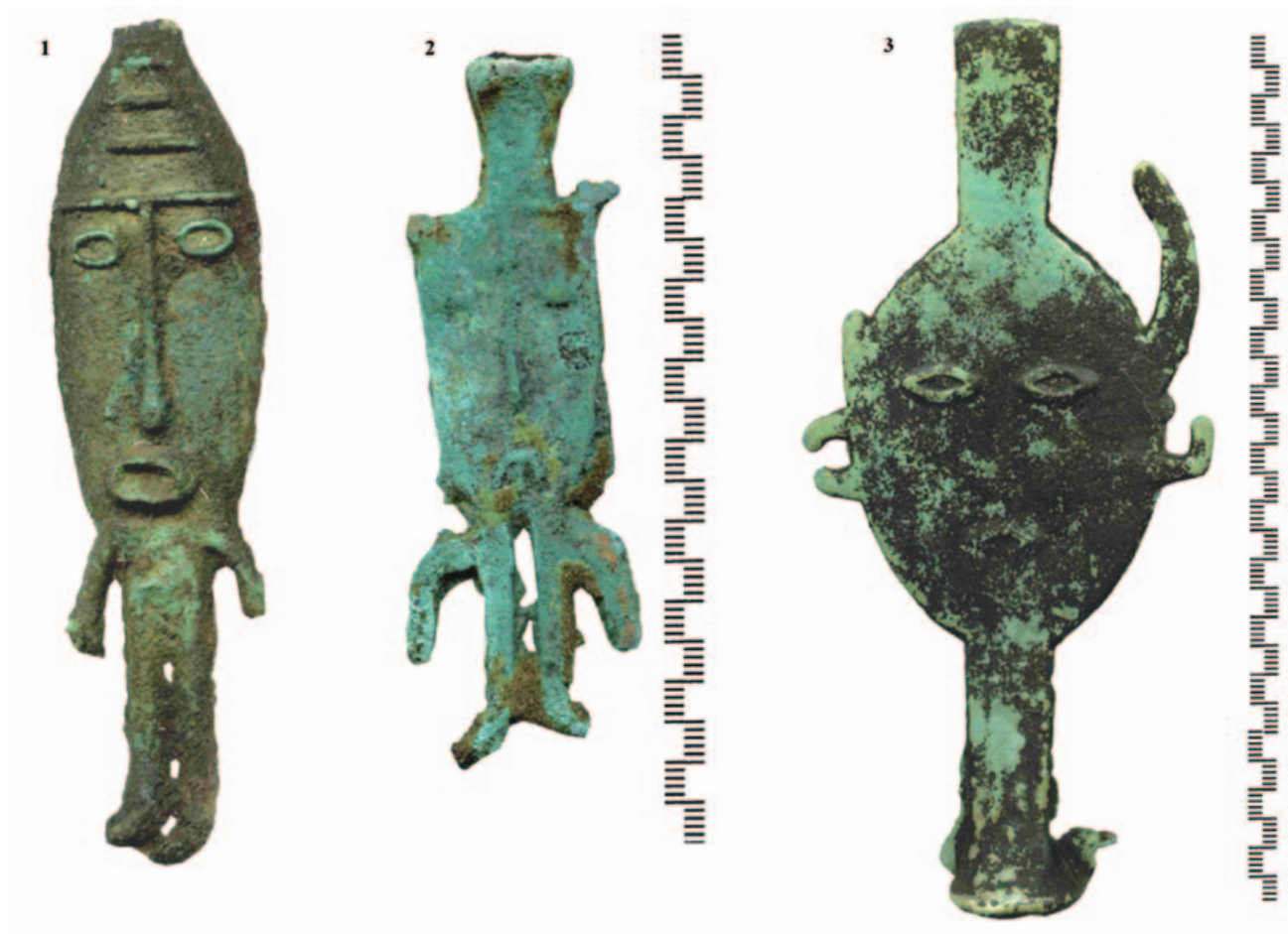

Фото 11 (на следующей странице).

1. Изображение богатыря на коне стоящего на змее (в данном случае изображен «Небесный всадник» — Мир-Сусне-Хум, младший сын Нум-Торума главы пантеона финно-угорских (ханты, манси, самодийцы и пр.) богов. Оловянистая бронза, литье. Финно-угры, X-XIII в. н. э.. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра, Ханты-Мансийский район., 2. Наруч с изображением двух медведей в жертвенной позе. Оловянистая бронза, литье. Финно-угры, V-VII в. н. э. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра, Октябрьский район.
3. Орнитоморфная пронизь с изображением совы (филина). Бронза, литье, полировка. Финно-угры, X-XII в. н. э.. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра, Октябрьский район., 4. Поясная пряжка в зооморфном стиле с изображением медведя в жертвенной позе. Оловянистая бронза, литье. Финно-угры, IX-XII в. н. э. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра, Советский район., 5. Поясная пряжка в зооморфном стиле с изображением медведя, с креплениями для шумящих украшений. Бронза, литье. Финно-угры, IX-XII в. н. э. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра, Советский район.

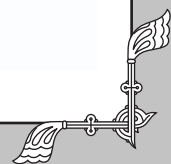

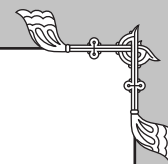

Фото 12.

1. Лунницы «замкнутые», женские украшения «амулеты-обереги». Оловянистая бронза, литье. Финно-угры, XI-XIV в. н. э.. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра., 2. Зооморфная полая подвеска. Бронзовый сплав, литье. Выполнена в виде стилизованного изображения зверя, стоящего на плоском основании, рельефно украшена с двух сторон. Финно-угры, XII-XIV в. н. э.. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра., 3. Бляшки-пуговицы, некоторые с изображением медведя в жертвенной позе. Оловянистая бронза, литье. Финно-угры, XI-XIII в. н. э.. Происхождение: Тюменская область, бассейн реки Тобол., 4. Зооморфная подвеска с изображением коня. Оловянистая бронза, литье. Финно-угры, XI-XIII в. н. э.. Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра, Октябрьский район. 5. Зооморфное культовое украшение. Вероятно, изображены два змея обращенные к другу, на их фоне изображена либо птица либо два полумесяца. Финно-угры, XI-XIII в. н. э., Происхождение: Ханты-Мансийский АО — Югра, Ханты-Мансийский район.

Юридические аспекты создания частных археологических коллекций

Алексей Силиванов
(Россия)

Русловиях нарастающего интереса к истории, с развитием информационных технологий, появлением новых доступных способов поиска коллекционного материала, повсеместно стали создаваться частные собрания и коллекции исторических, в том числе археологических, предметов.

Коллекционирование предполагает приобретение старинных вещей, в результате чего к их обладателю могут привлечь свое внимание органы государственной власти, так или иначе, контролирующей связанную с этим деятельность.

Ввиду неминуемого ужесточения борьбы государства с расхищением культурно-исторического наследия и разграбления археологических памятников, актуальной становится проблема определения степени защищенности коллекционеров предметов археологии в отношениях с государством и защиты их от претензий на коллекции третьих лиц.

Объем смежных с рассматриваемым вопросов настолько велик, что автор вынужден отказаться от рассмотрения в настоящей работе деятельности по самостоятельному целенаправленному полевому поиску объектов археологического наследия, их продажи, правовые аспекты, связанные с выявлением подделок, деятельностью частных музеев, обладанием особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации и ряда других проблем.

Автор ставит своей задачей осветить вопросы законности обладания археологическими предметами, их приобретения и хранения, а также изложить способы защиты коллекций от претензий и посягательств.

1. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ПРЕДМЕТЫ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ. ОГРАНИЧЕНИЯ ЭТОГО ПРАВА

Кто может быть собственником предметов археологии.

Небольшая подборка археологического материала по мере его накопления может перерасти в серьезную коллекцию, имеющую значительную историческую и материальную ценность. Обладание любой ценностью предполагает желание владельца обеспечить ее защищенность и неприкосновенность.

В первую очередь рассмотрим, кто может иметь право собственности на археологические предметы.

Следует отметить, что сам по себе термин «археологические предметы» в законодательстве отсутствует. Закон рассматривает вопросы «археологических раскопок», «археологических находок», «предметов и их фрагментов, полученных в результате археологических раскопок», однако ввиду отсутствия законодательно закрепленных критериев невозможно однозначно определить, относятся ли к археологическим все предметы, обнаруженные в ходе археологических раскопок или обнаруженные иным образом на памятниках археологии, а также отдельные предметы старины, обнаруженные вне каких-либо объектов археологического наследия и, наконец, предметы, место обнаружения которых неизвестно. Термин «предметы, имеющие историко-культурное значение» близок к термину «археологические предметы», однако ему не тождествен. При написании настоящего исследования автор будет придерживаться понимания под археологическими предметами любых движимых объектов культурного воздействия человека, совершенного в прошлом. Хронологически это, вероятно, период истории, прошедший до наступления позднего средневековья.

Гражданский кодекс регулирует отношения по поводу «объектов гражданских прав», к которым относятся, в частности, все предметы материального мира, в том числе археологические коллекции. По общему правилу объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте. Основы законодательства РФ о культуре, регулирующие культурную деятельность в области коллекционирования, устанавливает право каждого человека иметь в собственности, имеющие историко-культурное значение предметы, коллекции и собрания.

Таким образом, каждый, кто законно приобрел археологический предмет, обладает в отношении его правом собственности и имеет право на защиту от посягательств других лиц, в том числе органов государственной власти.

Могут ли коллекции быть памятниками истории и культуры, объектами, представляющими собой историко-культурную ценность или культурными ценностями?

И все же законодатель заложил возможность ограничения свободного обладания отдельными предметами при наличии определенных условий. В Гражданском кодексе

се содержится указание на то, что оборот либо находные отдельные объекты гражданских прав могут быть ограничены.

Значительные ограничения могут быть наложены на владельцев *памятников истории и культуры*. Однако при определении того, какие объекты являются памятниками истории и культуры, законодательство довольно противоречиво.

Почти не действующий, но пока и не отмененный полностью, закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1978 года устанавливает, что предметы старины, коллекции, другие предметы, находящиеся в личной собственности граждан и представляющие значительную историческую, научную или иную культурную ценность, признаются памятниками истории и культуры и подлежат государственному учету в целях наиболее полного выявления памятников и оказания содействия в обеспечении их сохранности.

Более поздний закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 года не рассматривает отдельные предметы коллекций или коллекции в целом в качестве памятников истории и культуры, а однозначно говорит о том, что памятниками могут являться только объекты недвижимого имущества; отдельные предметы могут рассматриваться только в качестве элементов, имеющих отношение к конкретным памятникам.

Можно считать, что более поздний акт, не относя предметы старины к памятникам истории и культуры, ставит точку в этом вопросе, но все не так однозначно. Гражданский кодекс РФ в ст. 233 «Клад» устанавливает правило о том, что в случае обнаружения клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры, они подлежат передаче в государственную собственность. Мы видим, что здесь все же косвенно допускается признание отдельных вещей памятниками.

В переходных положениях к Федеральному закону «Об объектах культурного наследия...» установлено, что правила охраны и использования памятников истории и культуры, установленные «Положением об охране и использовании памятников истории и культуры» 1982 года, сохраняются до вступления в силу специальных актов Правительства РФ. Указанное «Положение...» мало того, что относит к памятникам истории и культуры «старинные предметы», но еще и устанавливает, что продажа, дарение или иное отчуждение памятников истории и культуры допускаются с обязательным предварительным уведомлением государственных органов охраны памятников, а государство при продаже памятников истории и культуры имеет преимущественное право их покупки.

Еще большую неразбериху вносят Глава IV закона «Об объектах культурного наследия...», которая называется «Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и государственный учет объектов, представляющих историко-культурную ценность», и «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

В этих законах как бы вскользь упоминаются еще две интересные категории — «*культурные ценности*» и «*объ-*

екты, представляющие историко-культурную ценность». Первыми могут являться произведения культуры и искусства, уникальные в историко-культурном отношении объекты. В качестве вторых понимаются, в частности, объекты, представляющие собой ценность с точки зрения истории и археологии. При этом по рекомендациям физических и юридических лиц (при этом закон не устанавливает, что таковыми могут являться только собственники предметов!), если в отношении соответствующих предметов вынесено заключение государственной историко-культурной экспертизы, объекты, представляющие историко-культурную ценность, могут быть внесены в некий реестр.

Естественно, что эта норма включена в закон неспроста, и имеет она своей целью ограничить свободный оборот, владение и использование представляющих историко-культурную ценность предметов, а также бесхозяйственное их содержание, что само по себе отторжения не вызывает. *Однако какие-либо критерии отнесения старинных предметов к представляющим историко-культурную ценность отсутствуют — это категория оценочная, проведение экспертиз умозрительно, а подзаконные акты, которые могли бы разъяснить положение закона, не приняты.*

Если же смотреть на предметы археологии с точки зрения Закона РФ от 15 апреля 1993 г. «О вывозе и ввозе культурных ценностей», то возможности для признания их культурными ценностями просто безграничны.

Указанная неопределенность закона при наличии соответствующей политической воли может повлечь применение к коллекционерам различных санкций вплоть до претензий на предметы их коллекций со стороны государства. Если отдельные предметы вряд ли будут признаваться памятниками истории и культуры, то предметами, представляющими историко-культурную ценность, они в перспективе могут признаваться, так как каждая старинная вещь по-своему уникальна и ценна, и принятие решения зависит только от тех, кому принадлежат властные полномочия.

Не исключено, что в настоящее время соответствующие органы, не вмешиваясь в процессы, проводят мониторинг оборота предметов старины, и после того, как из высоких кабинетов дадут нужную команду, коллекционеры могут почувствовать все прелести государственного внимания к своим сокровищам.

Предмет частной коллекции — часть Музейного фонда РФ

Анализ действующего законодательства позволяет сказать, что право собственности на археологические предметы может быть ограничено в том случае, если собственник предмета сам этого пожелает, а предмет отвечает критериям, необходимым для включения его в Музейный фонд РФ. Согласно закону «О Музейном фонде...» музейный предмет — это культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление. Таким образом, даже предмет, который не находится в ведении какого-либо музея, а принадлежит частному владельцу, может подпадать под признаки музейного предмета, так как определяющим при установлении того, является ли предмет

музейным, является исключительно значимость его для общества, а не принадлежность музею.

В случае, если археологический предмет будет включен в Музейный фонд РФ, на его использование налагаются ограничения — это проведение контроля состояния сохранности и условий хранения предмета; при ненадлежащем отношении государство имеет право осуществить выкуп бесхозяйственно содержимых предметов; кроме того, при продаже артефактов государство имеет преимущественное право их покупки. Однако государство может оказывать и поддержку негосударственной части Музейного фонда РФ, в том числе предоставлять государственные реставрационные учреждения для проведения реставрации музейных предметов, обеспечивать передачу музейных предметов на хранение в государственные хранилища.

В остальных случаях право собственности *законно приобретенных* археологических предметов — то есть владение, пользование и распоряжение ими на территории РФ — может осуществляться совершенно свободно.

2. ПРИОБРЕТЕНИЕ КОЛЛЕКЦИОННОГО МАТЕРИАЛА

Приобретение археологических предметов может осуществляться различными способами — они могут быть выкопаны целенаправленно или найдены случайно, получены по наследству, в подарок или куплены у известного или неизвестного покупателю продавца.

Главный критерий, которому должен отвечать любой способ пополнения коллекции — это законность. В археологических кругах распространено мнение о том, что оборот археологических ценностей, а также формирование и хранение их коллекций, в значительной степени являются незаконными, ввиду незаконности первоначального приобретения этих предметов (Д. В. Мазейн «Совершенствование системы правовой охраны археологических памятников»).

Случайные находки

В рамках настоящей работы мы не планируем исследовать вопрос обнаружения археологических предметов в результате целенаправленного поиска, поэтому ограничимся изучением проблемы приобретения прав на предметы, являющимися случайными находками вне памятников истории и культуры.

Предметы старины находят нередко. Иногда это происходит в результате хозяйственной деятельности человека (например, на вспашке), а иногда вследствие воздействия природных сил (на размывах, местах выветривания и т. п.). Вопреки расхожему мнению, если вы найдете где-либо древнюю ценность, это не означает, что по закону придется с ним в любом случае расстаться, дав государству и в лучшем случае получив 25% от ее непонятно как определяемой стоимости.

Законодательство не дает однозначного ответа, имеет ли право находчик на случайно найденный им в земле археологический предмет. Существует целый ряд статей Гражданского кодекса, регулирующих эти отношения, однако применение каждой из них к конкретной ситуации часто бывает спорным.

Так, в законе содержится понятие «*находка*», которой является потерянная вещь. Нашедший ее обязан немедленно уведомить об этом потерявшего ее или собственника вещи, а если таковые ему неизвестны, он обязан заявить о находке в милицию или в орган местного самоуправления. По истечении шести месяцев с момента заявления о находке, если владелец так и не будет установлен, нашедший приобретет право собственности на находку (ст. 227, 228 ГК РФ). Применительно к найденной древности, несомненно, могут быть обстоятельства, при которых старинный артефакт был потерян нашим современником, который заявит на него свои права, однако если предмет был найден в земле, несколько странными выглядят требования закона ждать шесть месяцев появления его давно сгинувшего хозяина.

В отличие от находки обнаружение *клада* предполагает, что эти ценности были специально сокрыты в земле или ином месте, причем собственник их не может быть установлен. Исходя из определения клада (ст. 233 ГК РФ), таковым нельзя считать случайно потерянные вещи — необходимо, чтобы они были спрятаны целенаправленно. Кладовые вещи принадлежат собственнику участка и человеку, обнаружившему их, в равных долях, и только если клад содержит вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры (вопрос о том, могут ли отдельные вещи являться памятниками, мы рассмотрели выше), они подлежат передаче в государственную собственность.

Если же обнаруженный предмет не признать ни кладом ни находкой, то есть все основания считать эту вещь бесхозяйной, то есть такой, которая не имеет собственника, и право собственности на нее может быть приобретено в силу приобретательной давности (ст. ст. 225, 234 ГК РФ).

Итак, первое, что надо знать — найдя старинный предмет, лучше это сделать не на территории памятника истории и культуры. По закону «Об объектах культурного наследия...» древние городища, селища, могильники, в том числе частично или полностью скрытые в земле или под водой, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, могут быть признаны объектами культурного наследия. Естественно, далеко не все памятники на сегодня известны, включены в реестр и паспортизированы, однако закон устанавливает, что объекты археологического наследия считаются выявленными объектами культурного наследия со дня их обнаружения. Закон ничего не говорит о правах находчика на археологические предметы, найденные случайно на неизвестном ранее объекте культурного наследия; нет и нормы о том, что все найденное там принадлежит государству. Практика рассмотрения таких споров также отсутствует. Видимо, все это впереди, но в любом случае не в интересах нашедшего будет зафиксированное органами власти обнаружение и присвоение старинного предмета даже на незарегистрированном памятнике.

Второй существенный вопрос — кто является собственником земельного участка, где была сделана находка. Идеальным было бы, конечно, найти сокровища на собственном участке, однако это дано не каждому. Ошибочным является мнение о том, что земля, на которой не ведется хозяйственная деятельность, ни-

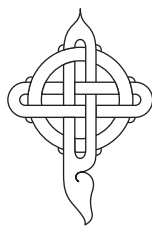

чья, поэтому наши находки принадлежат только нам. Каждый участок имеет собственника. А если он неизвестен, то действует правило, установленное Земельным кодексом — земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований, являются государственной собственностью. Дальше-интереснее. Если признать найденную вещь находкой — действуйте по процедуре, и если в течение шести месяцев какой-нибудь хитрец не заявит свои права на нее, считайте ее своей. А вот если это все же клад, то придется поделить его собственником земли пополам. Хуже того, законом установлено, что при обнаружении клада лицом, производившим раскопки или поиск ценностей без согласия на это собственника земельного участка, клад подлежит передаче собственнику земельного участка или иного имущества, где был обнаружен клад (отмечу, что компенсаций здесь не предусмотрено!). Можно пофантазировать, как может повести себя государство, если на ничейной (государственной!) земле с помощью металлодетектора (проведение раскопок!) был найден клад.

И, наконец, третье — срок владения выкопанным предметом. Если нашедший археологический предмет счастливчик добросовестно, открыто и непрерывно владеет найденным предметом как своим собственным в течение пяти лет, то он приобретает его в собственность в силу приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ). Срок, конечно, немалый, но ради хорошего предмета можно и потерпеть. Этот способ обретения и признания права собственности является наиболее надежным для владельца древностей, если источник появления предмета в коллекции раскрыть затруднительно. Более подробно он будет рассмотрен в разделе «Как доказать свое право на коллекцию».

В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ АЛЬМАНАХА:

- *Продолжение раздела «Приобретение коллекционного материала» — покупка, обмен, дарение, наследство, ввоз из-за границы.*
- *Оборот изделий из драгметаллов.*
- *Как доказать свое право на коллекцию.*

Возможности и перспективы создания единого электронного каталога музейных фондов Российской Федерации

Михаил Макеев
(Россия)

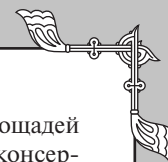
Россия — великое многонациональное государство с богатейшим культурным наследием, накапливаемым многими поколениями наших предков. Ни в одной другой стране мира нет такого количества археологических памятников и следов древних культур. Неоценимо огромный информационный материал, иллюстрирующий жизнь разных народов и державы в целом, до сих пор покоящийся в недрах нашей Родины, а те артефакты, что уже извлечены на свет, находятся в многочисленных фондах музеев, которые в свою очередь, и являются, по сути, официальными хранителями нашей истории.

Первым российским музеем стала основанная Петром I в 1714 г. Петербургская Кунсткамера. С ее созданием произошел качественный прорыв в отношении к древностям, началось их планомерное разыскание, фиксирование, накопление и изучение. Тесное научное взаимодействие Кунсткамеры с Петербургской

Академией наук позволило ей во многом превзойти в своей деятельности аналогичные музеи Европы. Работа ученых по изучению и систематизации музейных коллекций, в свою очередь, стимулировала развитие науки, в частности археологии и этнографии. В научной обработке коллекций принимали участие М. В. Ломоносов, В. Н. Татишев и другие крупнейшие деятели науки. Коллекции музея уже в то время имели уникальное научное значение, которое сохраняется и сегодня.

Формирование первых музеев происходило на фоне развития частного коллекционирования — самостоятельной, но теснейшим образом связанной с музейным миром, областью культурной деятельности. Уже во второй четверти XVIII в. появились крупные частные коллекции, по сути дела, частные музеи кунсткамерного типа. Старейшими считаются собрания Я. В. Брюса и Д. М. Голицына. Они имели универсальный харак-

тер и включали библиотеки, нумизматику, древности, естественнонаучные коллекции. Научное направление в коллекционировании со второй половины XVIII в. прочно связывается с возникающими музейными учреждениями. Сфера коллекционирования становится для музейного дела не только пограничной областью, но и средой функционирования, в которой возникают новые направления собирательства, новые формы работы, новые музеи. Многие известные коллекции пополнили состав музейных собраний или трансформировались в частные музеи.

В настоящее время в России официально числится более двух тысяч музеев. Это в основном государственные и муниципальные музеи системы Министерства культуры РФ, в том числе музеи федерального подчинения. Стоит учесть, что в масштабах страны нет сведений о количестве ведомственных, общественных, ряда муниципальных и частных музеев, можно лишь предположить, что их число также составляет около трех тысяч. Около 90% музеев страны составляют небольшие региональные музеи, расположенные в городах и поселках с населением, не превышающим 100 тысяч человек. Их деятельность ориентирована, прежде всего, на местное население, на решение задач самоидентификации местного сообщества. Они участвуют также в сохранении и реконструкции историко-культурной среды городов, возрождению народных промыслов, поддержке традиций. Наиболее представительной продолжает оставаться группа музеев Министерства культуры РФ. Самую крупную профильную группу составляют исторические музеи (в т.ч. археологические, этнографические, военно-исторические и др.). В музеях России сосредоточено более 80 миллионов единиц хранения, в том числе более 60 миллионов единиц основного фонда, который постоянно растет.

Для решения профессиональных проблем в России создано более 20 ассоциаций музейных работников и других объединений. Активно развивается интеграция российских музеев в мировое музейное пространство. Сегодня многие музеи имеют возможность прямых контактов с зарубежными коллегами, активно обмениваются выставочными проектами, проводят совместные экспедиции, научные конференции и семинары, готовят совместные издания, организуют стажировки, имеют постоянных зарубежных партнеров.

При всем многообразии и большом количественном составе самих музеев, а также при многомиллионном фонде единиц хранения, музейное дело в России испытывает ряд серьезных проблем, требующих незамедлительного решения.

Не будем забывать, что музей это некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, соответственно финансируемое почти полностью собственником, музей не в состоянии самостоятельно обеспечить свои нужды и потребности которых не мало. Одной из основных целей, одновременно и правом и обязанностью музеев, является хранение музейных предметов и музейных коллекций. Неудовлетворительное, а зачастую и просто аварийное состояние помещений большинства музеев, отсутствие надлежащих условий хранения безвозвратно губит имеющиеся в них фонды,

превращая в пыль нашу историю. Нехватка площадей для хранения и специалистов по реставрации и консервации исторического материала, зачастую служит поводом для конфликтов между музеями и археологами. Археологические экспедиции обязаны сдать найденный материал на хранение в музей, а тот просто объективно не может принять данный материал, потому что его негде хранить. И это только основная проблема, имеющая место быть в настоящее время из-за отсутствия должного финансирования.

Хранение фондов является основной целью деятельности музеев, но отнюдь не главной. Изучение музейных предметов и музейных коллекций, их публикация, осуществление просветительской и образовательной деятельности — вот непосредственно те функции музея, посредством которых мы познаем нашу историю, проникаемся величием предков, узнаем культуру и традиции нашей страны, изучаем истоки нашей цивилизации и человечества в целом. Наше неотъемлемое право, на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, прямо прописано в Конституции РФ. В соответствии с положениями Федерального закона от 26.05.96 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда РФ, являются неотъемлемой частью культурного наследия народов РФ, а находящиеся в музеях в РФ, открыты для доступа граждан. Однако, несмотря на наличие прав на доступ к культурным ценностям, на ознакомление со своим культурным наследием, закрепленным в высшем документе государства, мы не имеем возможности, должным образом реализовать свои права. Не для кого не секрет, что в каждом музее выставляется на экспозиции максимум 10-15% имеющегося в фондах исторического материала, остальная часть остается «за кадром». Этому имеется несколько причин: как всегда недостаточность выставочных (экспозиционных) площадей; неудовлетворительное состояние некоторой части фонда нуждающейся в реставрации и консервации и зачастую отсутствие должных квалифицированных специалистов; как правило, невозможность музея самостоятельно определять количественный и качественный состав следующей тематической экспозиции; «негибкость» экспозиционных стендов музея, при которой помещение музея изначально подготовлено под одну основную тему экспозиции и переоборудовать стенды под другую экспозицию, представляется достаточно затруднительным. Что мы имеем в итоге: люди пришли в музей внимательно и подробно ознакомились с экспозицией (как раз с теми 10-15% фондов музея) и все на этом знакомство со своим культурным наследием у них закончилось. Никто не предоставит им доступ в закрытую часть не выставленных фондов, а придя через месяц, квартал, полгода или год в этот же музей, в основном они видят ту же экспозицию, что и в первое свое посещение. В результате у людей теряется стимул и интерес, вновь и вновь посещать тот музей. Одним из выходов из данной ситуации является издание музеем печатных каталогов своих «закрытых» фондов и иных трудов на базе имеющегося исторического материала, но только единицы из общего числа музеев имеют такую финансовую

возможность. Немаловажной проблемой для музеев также является сложность выявления и собирания новых музейных предметов и музейных коллекций. Имея пассивный интерес со стороны населения (из-за выше обозначенных моментов), отсутствие финансирования на приобретение новых экспонатов и возможности интерактивного общения с потенциальными источниками новых поступлений, музеям остается надеяться только на дарственные «неактивные» пожертвования и материал от археологических экспедиций (для хранения которого опять же не всегда имеется свободный объем хранилища).

Резюмируя ряд обозначенных проблемных моментов, хочется отметить, что если главную проблему музеев связанную с хранением фондов и вытекающую из ненадлежащего финансирования, а как следствие отсутствие помещений и площадей, способен решить только собственник соответствующего музея, то остальные проблемы вполне решаемы.

Согласно статье 3 Федерального закона от 26.05.96 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», публикация музеем своих фондов это одна из основных форм деятельности музея, предполагающая все виды представления обществу музейных предметов и музейных коллекций путем воспроизведения в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей. Постановлением Правительства РФ от 12.02.98 № 179, утверждено Положение о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, в соответствии с которым Государственный каталог представляет собой электронную базу данных, содержащую основные сведения о каждом музейном предмете и каждой музейной коллекции, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации. Таким образом, имеются все нормативно-правовые основания для нормального функционирования электронного ресурса представляющего собой, электронную базу данных, содержащую в себе визуальную «графическую», текстовую «сопроводительную — описательную» и иную информацию обо всех предметах и коллекциях включенных в состав Музейного фонда РФ с возможностью доступа к этому электронному ресурсу всех желающих. Должная реализация данного проекта предоставила бы просто сказочные возможности и перспективы для всех заинтересованных лиц и послужила бы реальному воплощению в жизнь права граждан России знать свое культурное наследие.

Обозначим только некоторые перспективы реализации данного проекта (далее — Проект):

1) полностью реализуется основная задача и цель создания музея: «публикация музейных предметов и музейных коллекций и осуществление просветительной и образовательной деятельности». В настоящее время население нашей страны не имеет ни физической, ни финансовой возможности посетить все музеи нашей страны и ознакомиться со всеми фондами музеев, в том числе и с «закрытой» частью этих фондов. При реализации Проекта каждому гражданину, имеющему доступ в Интернет, будет доступен весь объем культурного наследия государства, не выходя из дома. Особенно это важно для граждан, которые в силу возраста или ограниченных возможностей организма во-

обще не могут покидать свой дом на продолжительное время;

2) что бы ознакомиться «в живую» с частью фондов, которые имеются в «местном» музее, люди смогут посредством электронных заявок формировать очередную тематику выставки (экспозиции) в нем, а затем посетить ее лично, с семьей или друзьями. Это позволит не задерживаться одной экспозиции достаточно продолжительное время и повысит реальную посещаемость музеев;

3) печатные публикации в рамках одной культуры или одной темы не будут ограничиваться фондами одного или нескольких музеев, так как будет возможность охватить конкретную культуру или тему с учетом фондов всех музеев. Электронный ресурс может позволить выявить уровень спроса желающих на оформление конкретных тематических каталогов (будет 100% гарантия, что весь тираж будет выкуплен в кратчайшие сроки) и сделать выпуск указанной печатной продукции одной из «доходных» статей музеев;

4) также успешно реализуется еще одна основная задача и цель создания музея: «изучение музейных предметов и музейных коллекций». Имея доступ ко всем фондам, над артефактами будет работать не только какая то одна часть ученых допущенных к ним, а весь заинтересованный ученый состав нашей страны. Появится возможность сравнительного анализа исторического материала и прослеживания взаимосвязей различных археологических культур на различных территориях. У научных сотрудников будет возможность интерактивного общения и обсуждения заинтересовавших их фактов или предметов. Каждый артефакт в электронном каталоге со временем будет обрастать дополнительной информацией и аналогиями. Одним словом, возможностей для изучения при реализации Проекта будет неизмеримо много;

5) не стоит обходить вниманием и еще одну задачу музея «выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций», которая будет намного легче реализуема при внедрении Проекта. Не секрет, что значительная часть исторического материала находится в частных коллекциях. При этом следует отметить, что частное коллекционирование не запрещено действующим законодательством. Исторический материал не относится к предметам, запрещенным к обороту или ограниченного в обороте; ограничен только оборот исторического материала зарегистрированного в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации. Вещи в частных коллекциях зачастую не регистрируются в указанном каталоге и, следовательно, этот сегмент культуры выпадает из сферы изучения учеными и ознакомления широкого круга лиц. Реализация Проекта позволила бы ввести данные вещи в научный оборот без фактического изъятия их у настоящих владельцев и таким образом пополнила бы информационное поле о нашей культуре и историческом наследии (не стоит забывать, что коллекционирование стояло у истоков формирования музейного дела и фактически составило немалую часть его фондов).

Приведены лишь некоторые аспекты безусловной полезности и эффективности Проекта, при этом хотелось бы отметить, что фактическая реализация Проекта не потребовала бы от государства значительных финансовых затрат. Все затраты заключались бы в изго-

товлении необходимого программного обеспечения для самого государства, передаче этого программного обеспечения всем музеям и в сопровождении данного программного обеспечения. Все музеи имеют имущество на своем балансе, полученное от государства «собственника» на праве оперативного управления. Новое программное обеспечение Проекта являющегося тоже имуществом «нематериальным активом», все музеи получили бы его безвозмездно на праве оперативного управления. Реально затраты на реализацию данного Проекта, это капля в море нашего годового бюджета, а цена сегодняшнего отношения к накопленной информации о культурном наследии — фрагментированное видение нашей истории и безвозвратная потеря ее части. Более того, государство получило бы прозрачный учет всего нашего Музейного фонда Российской Федерации, и не возникло бы печальных историй по поводу неизвестных утрат его части по различным причинам.

В настоящий момент, вместо электронной базы данных, содержащую в себе графическую, текстовую и иную информацию обо всех предметах и коллекциях включенных в состав Музейного фонда РФ, Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации содержит в себе: реестр действий (сделок) физических и юридических лиц, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав негосударственной части фонда; информацию о хищениях и утрате музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав фонда, а также фактически инвентаризационную опись о каждом музейном предмете и каждой музейной коллекции, включенных в состав Музейного фонда РФ. Мало того, что каталог в настоящее время даже близко не похож на тот, которым должен быть, ни о каком общем доступе к каталогу и речи не идет. В настоящее время отсутствует единый электронный ресурс, аккумулирующий полную информацию обо всех музейных фондах России, хотя декларативно на бумаге он существует. Многие музеи пытаются самостоятельно предоставить общественности свои фонды на ознакомление посредством Интернет ресурсов, но эти попытки разрознены и не обеспечены должным уровнем электронного обеспечения и сопровождения. Различные разработчики предлагают музеям свои программные продукты, по сути являющиеся удобной средой для размещения в них информации о фондах музея с целью систематизации и контроля за указанными фондами, но даже при небольшой стоимости этих продуктов, многие музеи не могут себе их позволить из-за отсутствия финансовых средств. Даже если допустить, что музеи смогли бы приобрести указанные программные продукты, они будут изготовлены на разных платформах и скорее всего несовместимы.

Таким образом, мы видим выход из ситуации решения многих проблем музейного дела в реализации описанного выше Проекта по созданию единого и полного банка данных музейных фондов, нормативная база для которого уже создана, а минимальная информационная платформа разработана на базе Государственного каталога Музейного фонда РФ. Единственное чего не хватает — волевого решения уполномоченных органов,

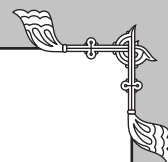
единой инициативы музеев всех уровней и минимума финансирования.

На фоне стремительного развития компьютерных технологий, вовлечения все больших отраслей жизнедеятельности человека во всемирную электронную сеть, все возрастающего желания людей знать свои корни, свою историю, познать культурное наследие своей страны, мы видим не достаточную гибкость государственных институтов. Альтернативой еще несостоявшемуся, но очень желанному электронному каталогу музейных фондов России, в нашей стране служат частные Интернет ресурсы, на которых увлеченные своей историей люди, на голом энтузиазме создают в меру своих сил собственные базы данных различных собраний и коллекций, тем самым, по сути, реализуя задачи музеев по изучению исторического материала, его публикации и осуществлению просветительной и образовательной деятельности. Уникальным примером частного создания Интернет ресурса, является форум «Домонгол». Профилем форума является: аккумуляция (собрание) информации об историческом материале (в обозначенных временных рамках) из всех возможных источников, всестороннее изучение выявленного материала, электронная и бумажная публикация собранного материала в галереях форума и ежегодном альманахе, ознакомление всех заинтересованных лиц с данным материалом, проведение просветительной и образовательной деятельности по предмету надлежащего сохранения (реставрации и консервации) указанного материала, обеспечение и сопровождение интерактивных дискуссий по теме форума с привлечением профессиональных экспертов, выявление культурных взаимосвязей и формирование систем на базе изучаемого материала и т. п. Научная ценность Интернет-ресурса Домонгол, заключается в том, что собранный в галереях форума исторический материал, ранее не попадал в сферу научного изучения (отсутствует в фондах музеев). На указанном ресурсе общаются люди разных профильных профессий, имеющие различный уровень знаний в той или иной исторической теме, именитые профессиональные ученые, коллекционеры, реставраторы, реконструкторы и просто интересующиеся своей историей люди находят общие темы для взаимно полезного общения. Указанный электронный ресурс (Домонгол) является одним из положительных примеров того, каким, в общих чертах, может быть Государственный электронный каталог музейных фондов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела XVIII-XX вв.», М., 1991. Ч. 1-2;
2. «Российская музейная энциклопедия», 2 т. М., 2001;
3. «Музейное дело России», М., 2003.
4. «Конституция РФ»;
5. Федеральный закон от 26.05.96 № 54-ФЗ;
6. Постановление Правительства РФ от от 12.02.98 № 179;
7. Материалы сайта «Управление музеем XXI века» (<http://www.unesco.ru/museum/index.htm>);

Lined writing area with horizontal lines.

